

Н.А. Шкарлат

КРАСНОАРМЕЕЦ АЛЕКСАНДР МАТРОСОВ БИТВА ЗА ПРАВДУ

ВОРОНЕЖ
2026

ББК 63.3(2)622,88
УДК 82-94
Д79

Шкарлат Н.А. Красноармеец Александр Матросов. Битва за правду – М: Изд. «Юстицинформ», 2026.– 372 с.: ил.

ISBN978-5-6052670-4-1

Историческая повесть содержит описание подвига советской пехоты и ее ярчайшего представителя рядового красноармейца Александра Матвеевича Матросова в годы Великой Отечественной войны и является продолжением работы, начатой в 2014 г. Автор раскрывает новые, ранее не освещенные в печати исторические события.

Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей нашего Отечества.

*Моим друзьям, бойцам и командирам
легендарной советской пехоты посвящается*

Дорогой читатель!

Кажется, что о подвиге и жизни Александра Матвеевича Матросова написано все и белых пятен уже нет. Но это совсем не так, как до недавнего времени представляли себе и сам автор, да и многие его сверстники, прочитав в молодые годы книги о герое и посмотрев знаменитый фильм «Рядовой Александр Матросов» режиссера Л.Д. Лукова, снятый по сценарию Г.Д. Мдивани на киностудии «Союздетфильм» в 1947 г.

Впервые о героях нашей Великой страны я задумал написать еще лет пятнадцать назад, когда преподавал военную историю в Военном авиационном инженерном университете г. Воронежа, переименованном потом в Военно-воздушную академию. Военный городок, в котором обучались будущие офицеры ВВС и других видов и родов войск, находится в историческом районе города. Рядом с ним пролегают улицы Чапаева, Матросова, Неделина. На одном из занятий в учебной группе я задал вопрос первокурсникам: «Знаете ли вы, что это за люди и какой подвиг они совершили?» И, к великому моему сожалению, никто не смог ответить на этот вопрос.

Я удивился, но не стал винить бывших школьников в этом невежестве, понимая, что не их это вина. В дальнейшем, наблюдая, с каким интересом большинство из них слушали мои лекции о героических событиях прошлого нашей Родины, я решил, что мой долг – ликвидировать этот пробел в их знаниях, ведь виной всему школьная программа, которая по планам наших заокеанских «партнеров» была направлена на осуществление знаменитого фашистского плана «Ост». Он предполагал, что в случае победы Германии, не только территориально расчленив Советский Союз, физически уничтожить большую часть нашего населения и поработить оставшихся в живых, но и обучать примитивных рабов простому счету до 500, умению расписаться, повиновению немцам как хозяевам жизни. Особое внимание при этом будущие колонизаторы обращали на то, что покоренные народы не должны знать свою историю. Фашистские нелюди считали, что для достижения этих целей все средства хороши. Не зная истории России, уже наши так

называемые доморощенные чиновники сделали все, чтобы этот план воплотить в жизнь в угоду своим заокеанским хозяевам.

Но где же были бабушки и дедушки будущих защитников Родины, «дети войны», да и живы были сами участники той бесчеловечной мясорубки, которые своим потом и кровью не дали осуществиться этому зловещему замыслу кровавых врагов. Неужели только на Украине они ничего не предприняли – и там не замедлил возродиться бендеровский дух среди молодежи. Почему эти заслуженные люди в большинстве своем мало чего рассказывали своим внукам и правнукам о героическом прошлом нашей, в том числе и советской, Родины, а надеялись только на школу.

Пытаясь хоть как-то исправить это положение, я в 2014 г. подготовил и выпустил монографию, в которой постарался вкратце изложить суть подвигов красноармейцев и командиров нашей армии в годы Великой Отечественной войны, хотя надо мной и посмеивались бывшие выпускники академии с учеными степенями, руководившие нашей кафедрой. Но после выпуска первой части своей книги я с удивлением обнаружил, что она заинтересовала не только курсантов, для которых и писалась, но и моих сверстников, людей с огромным жизненным опытом, которые даже в пожилые свои годы не потеряли интерес к событиям истории. Их очень заинтересовала моя работа, и они с нетерпением ждали продолжения. Вскоре свет увидели и другие мои книги.

Ходысько
Евгений Григорьевич

Работая с документами в архивах, я находил новое, интересное, с моей точки зрения, поэтому стал дополнять и уточнять уже написанный материал.

Поводом к написанию этой повести стал звонок моего друга из Смоленска Е.Г. Ходысько. Он заместитель председателя Совета ветеранов 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии (Указ Президента РФ от 30 июня 2018 г. № 384), возрожденной после ельнинских реформ, и по совместительству сотрудник музея прославленной дивизии.

В ее состав в настоящее время входит 254-й гвардейский мотострелковый полк им. Александра Матросова, который также был дважды расформирован (1998 и 2009 гг.). 1 декабря 2020 г. в г. Клинцы Брянской области заместитель командующего 20-й гвардейской общевойсковой армии по военно-политической работе полковник И.А. Солдатов торжественно вручил Боевое знамя нового образца 254 *мсп*.

Евгений Григорьевич, прочитав мой первый рассказ об Александре Матросове, раскритиковал его, так как многие события, описанные в коротком повествовании, с его точки зрения, не соответствовали действительности и официальной версии. Вначале я попытался оправдаться, предоставив ему уникальные документы Великой Отечественной войны, а потом по его просьбе об оказании помощи в восстановлении полкового музея приступил к обзору, анализу уже имеющихся в открытой печати источников и написанию подробной исторической повести о герое. Первая моя книга о герое «Дорога в бессмертие. Александр Матросов» вышла в свет в 2021 г., и благодаря усилиям Е.Г. Ходысько ее смогли прочитать во многих уголках нашей страны, а также командиры и бойцы прославленного 254 *мсп* на линии боевого соприкосновения в зоне СВО.

Прошло более 80 лет после совершенного А.М. Матросовым подвига, его имя давно уже стало легендой, но до сих пор в биографии героя не вызывают острых дискуссий среди исследователей его биографии лишь дата рождения, его нахождение в детских домах и воинских частях, а также место гибели. Вся остальная информация была и остается достаточно противоречивой, а потому требует более пристального рассмотрения.

За эти годы много журналистов, писателей, историков и краеведов в своих статьях и книгах, часто противоречащих друг другу, рассказывали читателям о такой короткой, но яркой жизни нашего героя. И вроде бы все сказано, но оказалось, что до настоящего времени так и не поставлена точка в вопросах: откуда А.М. Матросов родом; кто были его родители (хотя ни у кого не вызывает сомнения, что его отца звали Матвеем, а маму Анной); был ли он уголовником; когда совершил свой подвиг?

Автор придерживается следующей версии, по его мнению, самой правдоподобной.

Что из этого получилось, судить Вам, мой дорогой читатель.

**Герой Советского Союза
красноармеец
Матросов
Александр Матвеевич**
(05.02.1924 — 27.02.1943)

**Стрелок-автоматчик
2-го отдельного стрелкового батальона
91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады
добровольцев-сибиряков
6-го Сталинского добровольческого
стрелкового корпуса сибиряков
(позже 254-й гвардейский стрелковый полк
56-й гвардейской стрелковой дивизии
19-го гвардейского Сталинского сибирского
стрелкового корпуса) Калининского фронта**

Детские годы

В 1870-х гг. помещица В.П. Виноградова недалеко от волостного центра – села Высокий Колок Ставропольского уезда Самарской губернии (Новомалыклинский район Ульяновской области) построила два хуторских поселения. В хутор Зинькинъ Врагъ (Зин-Овраг) возле глубокого оврага, в котором бил родник, переселилось большое семейство мордвин Матросовых (33 человека). Своей земли у них не было, и помещица предоставила им не только жилье, но и 500 десятин собственной земли в аренду. А в хутор своего наследника Рогожина, который находился между селом и хутором Матросовых, переселилось малочисленное семейство Тещиных (7 человек). Для них помещица выделила 249 десятин своей земли в аренду и помогла устроить колодец.

1 августа 1889 г. в семье крестьян Ивана Стефановича и Евдокии Васильевны Матросовых родился сын Матвей, крестными которого стали родная тетя Мария Стефановна (в девичестве Матросова) и ее муж Тещин Федор Васильевич. Мальчик был самым младшим сыном в большой крестьянской семье. Шли годы. Род Матросовых и количество дворов увеличивались. В 1910 г. в хуторском поселке Зинькинъ Врагъ значилось 19 дворов и в них проживало уже 108 человек (мужчин – 63, женщин – 55). Некоторые Матросовы переселились в село Высокий Колок.

Две войны, Первая мировая и Гражданская, принесли много горя в семьи селян. Многие мужчины-кормильцы погибли на фронтах, другие, раненые и больные, возвращались домой. Давно закончилась Гражданская война, и многочисленные родственники уже и не надеялись увидеть живым Матвея Матросова. Но на радость всем братьям, сестрам, племянникам (которые были ненамного младше своего дяди) он в сопровождении санитарки Анны на попутной телеге наконец-то добрался домой. И только тогда родня узнала, что служил и воевал Матвей Иванович с басмачами очень далеко от отчего дома – в Средней Азии, под Ферганой. В бою с врагами трудового народа был тяжело ранен, лечился в военном госпитале г. Ташкент, а после выписки был комиссован из армии и в сопровождении санитарки отправлен домой к родителям в Зин-Овраг.

Из госпиталя его выписали, но раны и болезни были настолько серьезными, что полноценным хозяином в отцовском доме он стать

так и не смог. Передвигался Матвей с трудом на костылях, а чтобы жить в деревне, надо день и ночь работать в поле и по хозяйству. Анна Николаевна была моложе Матвея почти на 10 лет, родных у нее не было, все они или погибли, или умерли от голода, да и оставить больного она не смогла. Так и осталась жить вместе с ним на хуторе Зин-Овраг. Вскоре они расписались в сельсовете, повенчались в сельской церкви и скромно вместе с многочисленными родственниками отметили свое торжество. В редкие дни отдыха, по праздникам, дружной родне Матросовых приятно было смотреть на молодоженов. Анна пела русские душевные песни, голос у нее звенел колокольчиком, а Матвей играл на гармонии. Тот не Матросов, если не умеет играть на гармошке и на балалайке. Жили все очень бедно, но каждый старался помогать друг другу.

Матвей Иванович соорудил деревянные жернова, обил их жесью и начал молоть зерно односельчанам. За свой труд брал несколько горстей муки, и жизнь стала постепенно налаживаться. А тут и Анна порадовалась, что носит под сердцем их ребенка.

Но семейная радость оказалась преждевременной. Матвей перетруился и опять сильно заболел, сказывались раны, и, не дождавшись рождения долгожданного сына, в октябре 1923 г. он умер.

Анна лежала на свежем земляном бугорке и причитала: «Не дождался, не увидел, не понянчил, оставил, на кого нас оставил?!»

Ехать ей было некуда, госпиталь находился далеко, да и родня Матвея стала близкой, так и осталась Анна Николаевна Матросова (девичьей фамилии никто не запомнил) жить на хуторе Зин-Овраг Высококолковской волости Мелекесского (Ставропольского) уезда Самарской губернии.

Через четыре месяца, **5 февраля 1924 г.**, у нее родился сын, которого называли **Александром**.

(20 февраля 1924 г. Высококолковская волость была ликвидирована, а ее села и хутора вошли в состав Ново-Малыклинской волости, которая с 19 января 1943 г. в полном составе стала относиться к Ульяновской области.)

Годы проходили один голоднее другого, не было ни хлеба, ни соли, ни спичек, ни керосина. Помогали зажиточные сельчане. Когда они топили печи, дети из бедных семей брали ведра в руки и бежали к домам, где струился дым из печных труб, а затем с

угольками возвращались домой, чтобы у себя затопить печь.

Саша рос, ему все время хотелось есть, он терпеливо ждал, когда придет с работы мама, которая делила дома хлеб на дольки и давала по кусочку сыну, а сама ложилась спать голодная. Родным языком для Саши был русский, так как Анна Николаевна сама по национальности была русской и дома разговаривала с сыном на своем родном языке, а гуляя с детворой на улице, он постепенно освоил и необходимый для общения мордовский.

Младший Матросов был подвижным ребенком, он всегда старался в меру своих сил помогать маме. Каждый день с ним происходили новые приключения, ему все было надо и все интересно. Анна Николаевна берегла гармонь мужа как память о нем, но как только она уходила на работу, сынок сразу же бежал к гармонии. И хотя из-за нее даже макушки Сашкиной не было видно, он все же ухитрялся с трудом тянуть меха.

А однажды мать послала его принести из колодца полведра воды, но, вытаскивая полное ведро, он не удержался и вместе с ним упал в колодец. Обеспокоенная долгим отсутствием Саши, Анна Николаевна вышла искать сына, но у дома его не нашла. Она – к колодцу, а Саша, ухватившись за цепь, стоял в ведре по пояс в ледяной воде и молчал. Мать быстро вытащила дрожащего помощника и отнесла домой согреться. Она очень боялась, чтобы сынок не заболел, но все обошлось.

Очередной 1929 г. выдался неурожайным. Все, что запасли на зиму с небольшого огорода, съели еще в начале декабря. Анне Николаевне приходилось в лютый холод с пронзительным ветром ходить по домам зажиточных сельчан в поисках работы, а те скромные продукты, которые удавалось заработать, она отдавала Саше. В доме часто было не топлено и поэтому холодно. Она простыла, сильно кашляла, и ее кашель пугал сына. С каждым днем Анна таяла на глазах.

Почти в каждом доме села раздавался плач: умирали дети и старики. Голод и приближающаяся смерть натолкнули Анну Николаевну на мысль: отдать сына в детский дом.

Родная тетя Александра, Мария Ивановна Дьяконова (урожденная Матросова), утирая фартуком слезы, вспоминала, как однажды в конце декабря 1929 г. рано утром к ним в дом пришла Анна с Сашенькой, попросила ее мужа Федора найти повозку и довезти их до

В городе располагалось два детских дома. На улице Энгельса в доме № 37 в 1913 г. был открыт приют для больных детей и сирот. После революции 1917 г. приют был реорганизован в детский дом для детей дошкольного возраста № 26, а в 1924 г. ему присвоили имя В.И. Ленина. Сюда поздно вечером и подъехали розвальни с Анной Николаевной и Сашей.

Мать несла сына на руках и шептала: «Сынок, вот поправлюсь от болезни и заберу тебя домой, и еще – не забудь, что ты Саша Матросов!»

Домой Федор вернулся один, угрюмый и тихий. Мария Ивановна сразу же побежала к Анне. Та тихая и спокойная лежала на кровати, не сняв ни сапог, ни одежды. На ее губах была свежая кровь, как и на тряпке, которую держала в руке. Она только тихо попросила Марию открыть сундук и найти там приготовленный узелок с кофтой и юбкой, которую ей подарил на Пасху Матвей, порадовалась, что успела и что ее сынок теперь будет жить в тепле и сытости.

Сильный кашель прервал ее речь. Потом она затихла. Больше Анна Николаевна с кровати не поднялась, в ее памяти остались навсегда большие, голубые, взрослые глаза Саши, которые будто бы смотрели на нее. Видно только сыном она жила и держалась.

Через девять дней на Рождество, 7 января 1930 г., она умерла от чахотки, которую породил голод. Ее похоронили рядом с мужем...

(В мае 2015 г. на месте, где располагался поселок, был установлен памятный знак, на котором указаны все роды выходцев из Зин-Оврага.)

Когда дверь за мамой захлопнулась, Саша оказался в большой комнате, где было много детей, которые обступили его и стали задавать разные вопросы. Подошла тетя и начала его раздевать. Выпала на пол записка. Прочитав ее, воспитательница подумала: «Не беспризорник, и по чистой одежде видно, что домашний. Вот и еще один детдомовец», – с грустью подумала она и повела Сашу к директору. Мальчику не было и шести лет...

*Мелекесский детский дом № 25 им. Н.К. Крупской
(с 1964. г. Димитровградский краеведческий музей)*

Долго не мог привыкнуть Саша к распорядку детского дома. Как вольно было дома. До прихода мамы с работы Саша жил на природе и в дружбе с ней. А здесь все было по-другому. Он подрос, окреп и осмелел. Ребята сразу дали ему прозвище «матрос» и вскоре признали Сашу как заводилу многих проказ. С каждым годом он все реже вспоминал свой дом, глубокий овраг, злополучный колодец и яблоневый сад за домом.

Осенью 1934 г. Сашу перевели в детский дом № 25 имени Н.К. Крупской. Ему было уже десять лет, а он только пошел в первый класс и сел за школьную парту.

Воспитателем в их группе была Анфиса Владимировна Миникаева, которая относилась к детям с любовью и прощала им разные шалости. Матросов хорошо владел русским языком, без всякого акцента, поэтому ни у кого не возникало даже сомнений в его национальности, ведь в детском доме в основном находились ребята из

Миникаева
Анфиса Владимировна

татарских, мордовских и чувашских сел и деревень и им с трудом давались и знания, и учеба на незнакомом с детства языке. Саша, в отличие от большинства воспитанников, был смышленным, развитым мальчиком-непоседой, к тому же старше всех в группе, поэтому на уроках ему было скучно. Он не мог долго усидеть на одном месте, постоянно крутился и получал замечания от учителя. А в перерывах между занятиями всегда придумывал и организовывал какую-нибудь игру, к примеру, спальня могла стать футбольным полем. Ребятам – радость, а воспитателям...

Здесь Саша начал осваивать игру на балалайке и гитаре, заодно приплясывая под несложные аккорды. Анфиса Владимировна, не считаясь со временем, часто водила своих воспитанников в походы, на речку купаться, устраивала различные праздники. Поэтому ребята ее любили, слушались и не допускали самовольных отлучек. И еще запомнилось Миникаевой, что Матросов, будучи старше многих ребят, заступался за младших, не давал их в обиду и боролся в группе с воровством, ведь в детский дом попадали разные дети.

Тепло вспоминала о Саше и воспитатель старших классов Евгения Николаевна Сатышева. Особенно ей запомнился эпизод, когда Матросов организовал игру в войну и, возглавив команду из детдомовских ребят, повел их в «атаку» на местных городских пацанов. Она считала его боевым, самостоятельным, справедливым парнем, но трудноуправляемым, который к тому же не прощал некоторым сотрудникам детдома чрезмерные нравоучения. Особенно он не любил воспитательницу Деменкову и директора Макара Петровича Сафонова, но боготворил и слушался Анфису Владимировну и Павла Игнатову.

В конце августа 1935 г. в детском доме заканчивался ремонт. Саша с ребятами забрался на крышу и по свежей серебристой краске, на самом верхнем пилоне, сверху вниз написал главными буквами черной краской: МАТРОСОВ, а на другом пилоне красовалась надпись: БАЕВ. (Эту надпись закрасили во время ремонта крыши только в 1970-х гг.)

Факт содеянного директору М.П. Сафонову показался вызывающим («а если бы сорвались и разбились?»). Макар Петрович был строгим человеком, таких шалостей не прощал, но он прекрасно знал, что ребят, которым не было еще 14 лет, привлечь к

ответственности нельзя, так как они считались еще малолетними. Но 8 апреля 1935 г. во всех центральных газетах было опубликовано совместное Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», которое предусматривало применение всех мер наказания (вплоть до смертной казни) за совершение краж, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство или попытку убийства с 12-летнего возраста. Директор детдома решил, что такой вызывающий поступок прощать нельзя, и он стал настойчиво требовать суда над ребятами за кражу черной краски.

Комиссия по делам несовершеннолетних долго не соглашалась с доводами директора, против был и педагогический коллектив детдома, да и официальных изменений в статьи Уголовного кодекса РСФСР еще внесено не было (это случится только 25 ноября 1935 г.). Но директор детдома настаивал на своем. За кражу краски в незначительных размерах (до 15 рублей), да еще в пределах своего детдома, Уголовный кодекс предусматривал дисциплинарное наказание, установленное Народным комиссариатом труда, но директор убежденно доказывал, что это было не в первый раз, да еще и в сговоре. Перепуганные ребята, опутив головы, молча слушали и не оправдывались.

Матросову было 11 лет, а другие мальчишки, участвовавшие в этой шалости, были старше, но Саша считался заводилой и организатором этого проступка. Дети были изолированы в своем же детдоме и не учились в школе. Тогда Комиссия по делам несовершеннолетних приняла решение о переводе их в другой детский дом.

В начале октября 1935 г. в кабинет директора вызвали Женю Карпухина, Леню Лямина, Сашу Матросова, Баева и еще одного «нарушителя». Когда они вошли, Макар Петрович строго объявил, что их переводят в другой детдом, «получше». Ребята заволновались и заупрямились, не собираясь никуда ехать. Их долго уговаривали, но они согласились лишь тогда, когда М.П. Сафонов пообещал вместе с ними отправить любимую воспитательницу Анфису Владимировну Миникаеву. Добираться к новому детдому необходимо было поездом, на котором ребята никогда не ездили...

(Уже став взрослым, Александр Матросов написал любимой воспитательнице Анфисе Владимировне три письма, которые

впоследствии она отдала в городской музей. Любовь Саши к своему первому учителю была взаимной, тем более что он был немного похож на нее, что давало повод ее подругам иногда посмеиваться над ней: «не родня ли». К сожалению, письма не сохранились. По просьбе И.И. Шкадаревича, московского журналиста, и убедительному требованию партийного руководства Ульяновской области эти письма были переданы ему. Он клятвенно обещал их вернуть, но слова своего не сдержал.

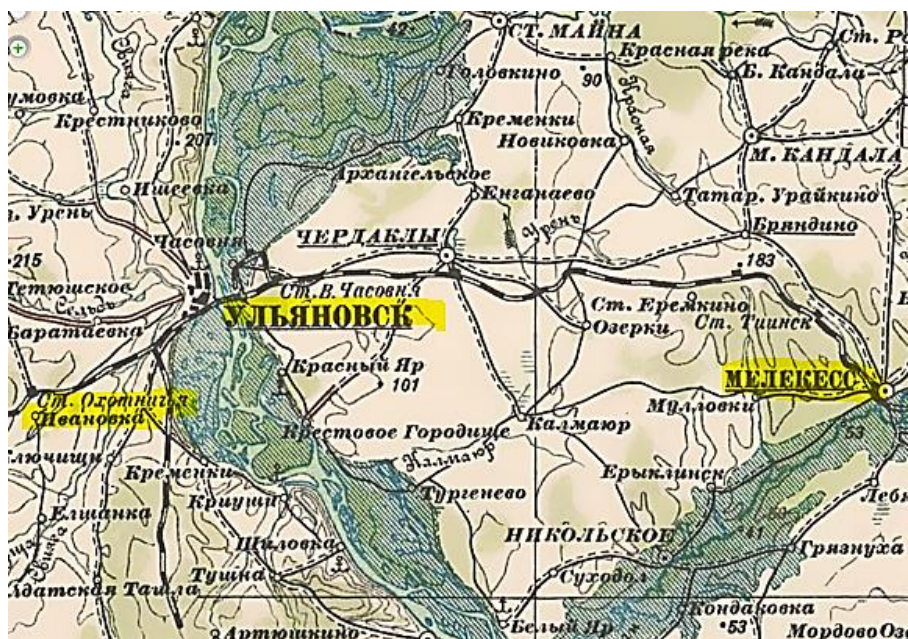
Директор детского дома № 25 им. Н.К. Крупской в Мелекесе (Димитровграде) Макар Петрович Сафонов вскоре по доносу был арестован и осужден. Суд не учел его положительные характеристики, бывшие заслуги, строгость и принципиальность по отношению к сотрудникам и воспитанникам детдома. Дальнейшая судьба его неизвестна.)

В Ивановском детском доме

В 20 км от Ульяновска, в селе Ивановка, в бывшем имении князя Оболенского, в апреле 1919 г. по решению Симбирского губисполкома была открыта детская трудовая воспитательная коммуна для детей-сирот. 7 мая 1933 г. Президиум Ульяновского городского Совета на своем заседании рассмотрел вопрос «Об открытии детского дома им. Красной Армии для детей-сирот красных командиров и реорганизации Ивановской трудкоммуны». Но трудновоспитуемых подростков и малолетних нарушителей в области было много, и Комиссия по делам о несовершеннолетних уже в 1935 г. ходатайствовала о создании в Ивановке детского дома трудового воспитания (это случилось в начале 1936 г.).

Сюда и были направлены пятеро «несостоявшихся уголовников» из Мелекесского детского дома № 25, в том числе и Матросов.

До Ульяновска (около 90 км) на поезде детей сопровождала воспитательница Анфиса Владимировна. Впервые Саша ехал по железной дороге, поэтому расставание с друзьями само собой отошло на второй план. Все новое для пытливого ума было интересно, и будущее его никак не пугало.

Макаренко
Пётр Иосифович

Когда поезд остановился на вокзале в Ульяновске, на перроне их встретили воспитатель Герман Павлович Гаврилов и водитель машины Ивановского детского дома.

Дальше ребята ехали в кузове полуторки, подаренной детдому Н.К. Крупской, с которой в 1934 г. встречался его директор, замечательный педагог и наставник Петр Иосифович Макаренко. Спустя годы, он вспоминал: «Я не могу описать всего, что пережито мною, моими воспитателями и всеми сотрудниками в этом учреждении. Вместе переживали и радости, и горе, и успехи, и неудачи в поисках форм и методов в формировании нового замечательного советского человека. Но я всегда говорил приходившим к нам на работу: **«Сначала надо отогреть душу ребенка, а потом воспитывать и требовать».**

Но, к сожалению, с Матросовым случилось все наоборот. Не успел он переступить порог нового детдома, как с кем-то сильно повздорил, и его избили. Недолго думая, Саша рванул бегом вслед за только что ушедшей на станцию любимой воспитательницей Миникаевой, ища защиты. Пришлось Анфисе Владимировне возвращаться, обратиться к Петру Иосифовичу и поговорить с обидчиками: «Сначала обласкайте его. Он же новенький...»

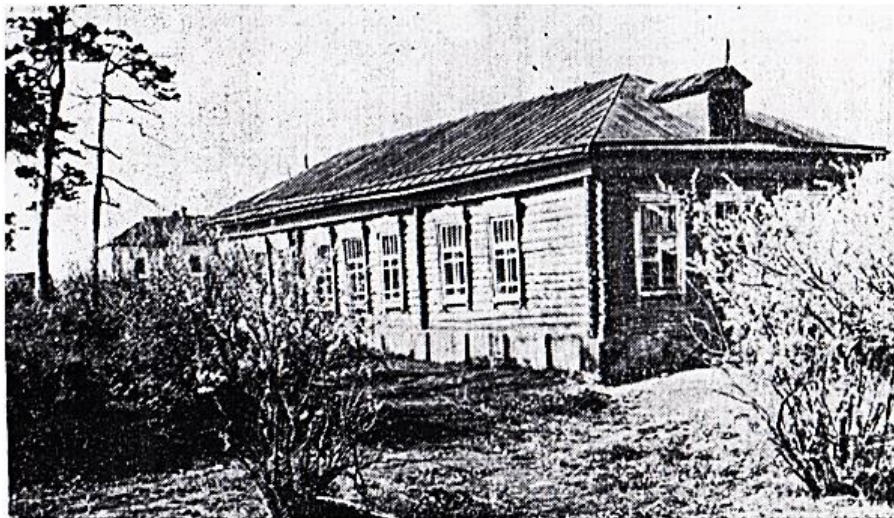
Ивановский детский дом для трудновоспитуемых (с 1936 г. до 1941 г. – детский дом № 12 с особым режимом, что означало привлечение детей к труду) находился в живописном месте. Совсем недалеко проходила железная дорога, и ребята постоянно слышали гудки паровозов на станции Охотничья, что была в 2 км от бывшего имения, и стук колес вагонов проходящих поездов. Детский дом имел 220 га земли, из них более 100 га для выращивания различных овощей, картофеля, зерна, и свое подсобное хозяйство: 10 лошадей, 6 волов, 16 дойных коров, 50 свиней, овец, кур и 40 улей с пчелами. Все это хозяйство в основном обрабатывалось и обслуживалось при непосредственном участии воспитанников.

Прибывших в октябре 1935 г. ребят из Мелекесса распределили по группам, Саша Матросов попал в группу Павла Петровича Резина, в ней было 16 человек, и их отряд носил имя «Чапаев». Наконец-то он смог продолжить учебу во втором классе. Здесь воспитанники не только учились, но и сами вели большое подсобное хозяйство – пахали, сеяли, убирали урожай, работали в саду, на ферме, в мастерских и огороде. Каждый день ребята с раннего утра до отбоя были загружены учебой и работой. Занятия – до 17-00 часов, работа – три часа, самодеятельность и кружки – до позднего вечера. Воспитателями были замечательные люди, поэтому неудивительно, что из Ивановского детского дома вышло немало людей, любящих труд.

Петр Иосифович Макаренко впоследствии вспоминал: «Я хорошо помню Сашу, темноволосого, с голубыми глазами и веселым, открытым лицом парнишку. Он был небольшого роста, но

Резин
Павел Петрович (1947)

Школа, в которой учился Александр Матросов

Федорченко
Петр Петрович

энергичный мальчик. Любил физкультуру. Друзей имел немного, но верных.

Между Сашей и старшим пионервожатым Петром Петровичем Федорченко установились добрые, дружеские отношения. Любые предложения принимались Сашей, а значит и всеми воспитанниками, потому что Сашу уважали.

Он был неугомонным и неугомонным пареньком, исключительно честным, в свободное от учебы время всегда искал полезного дела... Матросов относился к средней возрастной группе, а по своему поведению, по отношению к учебе, по серьезности не уступал старшим ребятам.

Саша был активистом, избирался членом детсовета, и мне всегда с ним приходилось иметь дело... Матросов родителей своих не знал. В разговорах он не раз высказывался о том, как бы ему хотелось узнать, кто его родители, где они теперь...» Очень хотел их найти.

У Матросова было большое пристрастие к голубям, которыми он увлекался вместе со своим другом Федором Хасановым. Бывало, заберутся на крышу амбара с длинным шестом и начнут их гонять.

Голуби взвывают высоко-высоко, тогда Саша посвистит, и они стайкой спускаются прямо ему на плечи, на руки садятся, воркуют. Матросов весь сиял от удовольствия. В детском доме работал поваром Иван Васильевич Курик, бывший кок и участник морского Цусимского сражения. Служил он на флагманском эскадренном броненосце «Князь Суворов», готовил пищу для вице-адмирала Зиновия Петровича Рожественского. Его рассказы захватывали ребят, особенно Сашу. Глаза его горели, казалось, что он был там, вместе с русскими моряками. С этого момента

Хасанов Файзрахман (Федя)
(1939)

он мечтал только о море, хотел стать моряком, любил морскую форму. Как-то раз Саша спросил у своего воспитателя Павла Петровича, где можно купить матросскую бескозырку, и так умоляюще посмотрел на Резина, что тот все понял, купил в Ульяновске за свои деньги и подарил Матросову и бескозырку, и матросский воротник. Радость была беспредельна, и с этого дня Саша никогда не расставался с этим бесценным подарком.

Однажды в конце января 1937 г., когда Матросов вернулся с работы на ферме, кто-то из ребят, приехавших с ним из Мелекесского детского дома № 25, зная, как он хочет встретиться или хотя бы узнать что-нибудь о своих родителях и родне, сказал, что его искал двоюродный брат Василий. Саша тут же быстро собрался и, никого не предупреждая, уехал в Ульяновск искать встречи с ним. (Василий Николаевич Матросов действительно искал своего братишку в конце 1936 г., но в Мелекесе, только его уже там не было, а куда отправили Сашу – никто не знал.)

У Матросова и раньше были самовольные отлучки на один-два дня, но, возвратившись, Александр обязательно приходил к директору Петру Иосифовичу и объяснял причину отлучки, поэтому Макаренко не считал это побегам и никуда не заявлял, чем вызывал недовольство своего заместителя по политической части П.В. Старостина.

Но на этот раз Матросов не вернулся и через три дня. «Значит, что-то случилось», – подумал директор и сообщил о его отсутствии в милицию. Он не знал, что еще 30 января 1937 г. на центральном вокзале Ульяновска, где тот искал своего брата Василия, милиционеры забрали и отправили Сашу в детприемник, из которого только 10 февраля 1937 г. его в сопровождении инспектора привезли обратно в Ивановский детский дом. В те годы много было убегающих из детдомов детей, да и с улицы в детприемник приводили беспризорников. А инспекторов, возвращавших

Саша Матросов (1937)

беглецов, было только два, так что своей очереди Саша дожидался больше десяти дней.

Как-то к детдомовцам приехал Ульяновский цирк. В его труппе был дрессировщик с медведями и собаками. Маленький медвежонок убежал, забрел в пруд и никак не хотел оттуда вылезать. Саша с огромным желанием вызвался помочь дрессировщику выгнать его из пруда и, когда окончилось представление, попросил у него в подарок медвежонка. Артист ответил, что медведь – это хищный зверь и отдать его он не может, а вот одну из цирковых лошадей подарит, она танцует и кланяется. Матросов очень обрадовался.

Через месяц из цирка привезли в детдом лошадь по кличке «Кукла». Теперь Александр каждое утро бегал на конюшню, чтобы угостить ее сахаром или хлебом. А она в знак благодарности, приподняв ногу, кланялась. Это очень нравилось Саше. Впоследствии он ездил на ней верхом и был постоянным кучером директора П.И. Макаренко при поездках в Ульяновск.

Но однажды в одной из поездок в город произошел курьезный случай. Навстречу двуколке двигалась колонна рабочих во главе с оркестром. И когда музыканты заиграли, лошадь вдруг встала как вкопанная посреди дороги, жеманно поклонилась во все стороны и пошла вытанцовывать. Никакие старания директора и молодого кучера Матросова не могли ее остепенить. Движение колонны застопорилось, но пока оркестр не перестал играть, Кукла танцевала. Александр был в восторге.

Каждый день он работал в поле, на ферме, в саду или на пасеке. Но Саша не только сам хорошо все делал, но и требовал этого от своих товарищей. На детском совете, в стенной газете Матросов вместе с другими ребятами высмеивал и осуждал лодырей, нерях, разгильдяев, симулянтов и тунеядцев. И директор, и педагогический коллектив, и актив детдома старались их перевоспитать, научить честно трудиться. Это была настоящая детская трудовая коммуна, и детдомовцы с гордостью называли себя юными коммунарами.

Несколько раз директор детского дома Макаренко пытался создать пионерский отряд, но ничего не получалось. Ребята не хотели и не признавали галстуков. Тогда его молодой помощник физрук Петр Петрович Федорченко, бывший детдомовец, которому доверяли воспитанники, собрал несколько активистов, в их

числе и Матросова, рассказал им о подвигах и хороших делах, совершенных пионерами, и о том, что в других детских домах пионерские отряды давно уже созданы: «А чем мы хуже их?» Это задело самолюбие ребят. Кембель, Матросов, Хасанов, Саулин, Аблуков и несколько других воспитанников записались в пионеры. Затем пошли и другие. Они на всю оставшуюся жизнь запомнили, с каким трудом впервые завязывали пионерские галстуки.

Наконец-то мечта Петра Иосифовича сбылась: в детском доме № 12 был создан первый пионерский отряд.

Это случилось в конце 1937 г. Председателем совета отряда был избран Кембель, а старшим пионервожатым – П.П. Федорченко.

Макаренко много рассказывал своим воспитанникам о жизни и деятельности Н.К. Крупской, о встрече с ней, поэтому пионерскую дружину решили назвать ее именем.

Аблуков Александр (1939)

*Пионерский отряд воспитанников Ивановского детского дома
(в центре А.Матросов)*

Ребята старались не давать никакого повода, но у местных жителей все равно сложилось мнение, что в детдоме живут одни воры, бродяги и босяки. Детдомовские дети очень болезненно реагировали, когда им не доверяли и относились с подозрительностью.

В 1938 г. по решению детсовета в детдоме были сняты замки. Бидоны молока стояли в открытом подвале, в парниках выращивались ранние огурцы, но никто туда самовольно не заходил. А активисты, в их числе был и Матросов, строго следили за порядком.

В это время у одной работницы детдома украли деньги. Саша возмутился и со своими товарищами нашел деньги, а вора ребята сильно побили. С этого момента случаи воровства в детдоме стали редкостью. В большой фруктовый сад детского дома частенько забирались сельские мальчишки, и сторож никак не мог с ними справиться. Тогда Саша Матросов и Миша Саулин вызвались охранять сад и под руководством садовника ухаживать за ним. С той поры в саду был порядок. Работали ребята и на пасеке, а когда качали мед, все надевали сетки и рукавицы, а Матросов только сетку и шутил, что надо закаляться. Но пасечник Андрей Лаврентьевич Сироткин заметил, что пчелы Сашу кусают редко, видно, потому что он не курил, как многие его товарищи.

Матросова интересовало и военное дело. Он хорошо знал все топографические знаки и мог нанести на бумагу местность с любым рельефом, любил играть в военные игры, выполняя роль разведчика, ходить в походы. Он часто по глобусу совершал кругосветные путешествия, а на географической карте находил страны, в которых происходили какие-то события. Саша отлично стрелял из малокалиберной винтовки и с расстояния 50 шагов попадал в пятикопеечную монету. Весной и осенью П.П. Федорченко брал его и Хасанова на охоту.

Любопытство часто руководило его поступками. Однажды после посещения кинотеатра в Ульяновске воспитанники вместе с Петром Иосифовичем отправились на железнодорожную станцию, чтобы вернуться в детдом. Проходя мимо дома Ленина, они обратили внимание, что многие люди снимают головные уборы, сделал это и их директор, но вопросов никто не задал. Матросов не спал всю ночь, а на утро не выдержал и поинтересовался у Макаренко, зачем он это сделал. Успокоился Александр лишь тогда,

когда узнал, что они проходили священное место и люди отдавали великую дань уважения человеку, который создал первое в мире социалистическое государство.

Матросов был настойчив, принципиален, требователен к себе и товарищам. Он любил читать книги о героях, увлекался лыжами, коньками, в своей футбольной команде играл центральным нападающим. В его дежурство в школе или в столовой всегда был порядок. Говорили: «Сегодня дежурит Матрос!» Он всегда был на виду, и никто не запомнил ни одного случая, чтобы Саша грубил старшим, сквернословил, обижал малышей. За это его любили педагоги и весь детский коллектив.

Как-то весной два воспитанника стащили детдомовские вещи и убежали. Матросов ехал с поля и узнал о побеге. Он повернул коня и отправился в погоню. Догнал он воришек в поселке Анненково. Вернул и мальчишек, и одежду.

А однажды группа ребят решила уехать по Волге в Москву. Они составили план, расписание, в саду сделали тайник и собирали продукты на дорогу, но вскоре их обнаружили. Ребята все рассказали и принесли спрятанное. Александр втайне завидовал плану ребят, но на детсовете их «пробрал», делая упор на то, что они решили бежать тайно.

В другой раз ночью Матросова, Кембеля, Семенова и Романова разбудила ночная няня и сказала, что убежали из детдома два новеньких воспитанника Денисов и Фадеев. Ребята быстро оделись и, успокаивая расстроенную пожилую женщину, отправились на поиски. Вернулись они лишь рано утром, ведя недовольно огрызающихся беглецов между собой в середине, как арестантов под стражей, и рассказали, что «сняли» их уже с тамбура поезда.

Трудолюбивый и дисциплинированный Матросов был замечательным парнем, но и у него случались проказы. Однажды летом он с ребятами решил наломать подсолнухов на колхозном поле, но сторож верхом на лошади догнал воришек и стал отчитывать. Саша с друзьями оправдывались, но он повел их к воспитателям. В это время в детдоме был ремонт и воспитанники жили в бывшей церкви. Туда они и завели лошадь вместе с седоком, чем сильно смутили пожилого сторожа, который постарался быстро оттуда уйти, оставив незадачливых воришек без наказания.

Как-то ребята, в их числе и Саша, разрушили склеп князя Оболенского, а потом сделали чучело князя и посадили его на дерево около бывшей церкви, переоборудованной под клуб. По селу разнесся слух: «Знамение!» Многие сельские жители после этого долго боялись ходить в клуб, а ребята посмеивались. В другой раз он с друзьями утащил из улья соты, потом, правда, извинился перед пасечником и стал его помощником.

Матросов много помогал техническим работникам детского дома: поварам на кухне, конюху, няням и прачке. Носил воду из родника, колол дрова, чистил скотный двор, дежурил у малышей, помогал работницам кухни носить обеды в изолятор больным ребятам. Ему доверяли продукты, белье, книги и тетради. Если шли в поход, то продукты были под его ответственностью. Себе ни кусочка сверх нормы не возьмет, но и другим не даст.

В детском доме силами воспитанников готовились и проводились концерты. Саша хорошо играл на гармошке и гитаре, пел, танцевал, лихо отплясывая «яблочко» и гопака вдвоем с Мишей Саулиным, участвовал в физкультурных номерах, был запевалой в хоре. Научился играть в настоящий бильярд и часто хвастался перед друзьями, что обыграл «самого Пал Петровича».

Однажды в выходной день Саша вместе с другими воспитанниками собрался в город на цирковое представление, но выяснилось, что детский дом остался без хлеба. Необходимо было кому-то срочно отвезти на мельницу зерно, выращенное в подсобном хозяйстве. Нужны были добровольцы. Директор детдома ждал, но все нахмурились и молчали. Тогда вперед вышел Матросов: «Раз нужно, значит, нужно. Я поеду».

Но если он заупрямился, то тут никакие угрозы и приказы, никакие окрики его не проймут. Он только упрямее стоял на своем и делал наперекор, поэтому к нему нужен был особый подход, о котором знали и директор, и многие воспитатели. А если приказ или распоряжение отдавались правильно и понятно, то Матросов выполнял их беспрекословно. Упрямство и настойчивость «любимчика Макаренко» сильно раздражали заместителя по политической части П.В. Старостина и его немногих единомышленников, которые считали, что в детдоме с особым режимом отсутствует строгая дисциплина. Много раз они спорили с Петром Иосифовичем на педсоветах

о методах воспитания детей. «Никакого панибратства, никакой дружбы между воспитателем и воспитанниками, тем более никакой дружбы между мальчиком и девочкой», – считал и был убежден в своей правоте Старостин. Прямой, настойчивый и решительный Матросов, готовый постоять за себя и друзей в любой момент, не считаясь с обстановкой и не оглядываясь на последствия, его раздражал.

За отношение к товарищам, за чувство справедливости Александра уважали все воспитанники группы, поэтому ребята избрали его вначале старостой спальни, а потом своим групповодом. Теперь он самостоятельно водил их в баню, выдавал белье, распределял и направлял на работы, следил, чтобы все учили уроки. Летом, если воспитателя не было, то за купанием ребят в пруду следил тоже Матросов. И его слушались.

В 1939 г. Саша увлекся слесарным делом, да так, что его работы вместе с другими были направлены в г. Куйбышев на краевую выставку. Мастер Константин Павлович Сергеев с помощью своих лучших кружковцев Демина, Демидова, Федикина, Матросова, Петрушина и Майслера вначале оборудовал слесарную мастерскую, а потом сделал электростанцию, и весь детский дом был электрифицирован (до этого жили с керосиновыми лампами). Заработал и радиоузел.

В школе детдомовцы учились вместе с сельскими ребятами. Матросов не был отличником, но учился старательно. Вначале у него были затруднения с математикой и русским языком, но постепенно Саша наверстал упущенное и старался не отставать от остальных в учебе. Как-то в их класс привели новую ученицу Катю Лаврову, которая жила на станции Охотничья и была на два года младше Александра. Они подружились. И если перед мальчишками Матросов душу не открывал и не мог терпеть, когда его жалели, то с Катюшей он всегда был намного откровеннее и с тоской в голосе говорил ей, что не помнит совсем своего отца и родных, что мама у него

Лаврова
Екатерина Михайловна (1947)

была русской, а папа мордвин. Поднимал на нее свои голубые глаза и спрашивал: «Значит, я «нацмен»?» И этим ставил Лаврову в затруднительное положение, но потом сам, немного подумав, твердо обещал, что когда вырастит, обязательно их найдет. (В памяти Екатерины Михайловны Лавровой Александр навсегда остался добрым, отзывчивым, подвижным, веселым и шаловливым мальчиком, который никогда не приходил на станцию в грязной измятой одежде, был аккуратен и подтянут, ходил в белой сорочке и носил матросскую бескозырку, а еще очень любил новогодние праздники, с большой любовью делал игрушки на елку и украшал ее.)

Как-то, гуляя с Катей недалеко от станции Охотничья, они подошли к братской могиле погибших в годы Гражданской войны красноармейцев Железной дивизии. Матросов сразу же стал серьезным и, казалось, угрюмым. Он не разрешил даже своей любимой девушке рвать цветы и собирать ягоды вблизи этой братской могилы, а потом каждый раз, находясь поблизости, следил, чтобы никто не топтал траву вокруг могилы, и устраивал настоящий скандал, стыдил тех, кто с этим не соглашался.

Среднего роста, коренастый, темноволосый крепыш Матросов казался нелюдимым, а в действительности был человеком большой души, добродушным, веселым и даже с чувством юмора. Саша рос смелым и решительным мальчиком. По силе и сноровке он мог потягаться и с теми, кто был на несколько лет старше его. Он хорошо плавал и прыгал с вышки в воду. Однажды спас Мишу Саулина, когда тот, купаясь в пруду, рассек бровь, с испугу хлебнул воды и стал тонуть. Все разбежались, а Саша бросился на помощь. Подплыл, крикнул: «Ложись на спину!..» – и вытащил на берег товарища. А однажды, когда в ночном Саша с друзьями пас лошадей, на табун напал волк. Ребята со страху разбежались и бросились в село, звать на помощь старших, а Матросов не растерялся, выхватил из костра горящую ветку, бросился на волка и сумел спасти жеребенка.

Многие в детдоме запомнили, как он трогательно, по-братски нежно относился к малышам. Саша им во всем помогал, заступался, делал им игрушки (кораблики, воздушные змеи, ружья), учил малышей заправлять постель и одеваться. Как-то раз Александр смастерил малышам кораблик с парусами, который назвал броненосцем, и, окруженный целой ватагой ребятишек,

отправился на пруд. Спустил кораблик на воду на длинной катушечной нитке. А с другой стороны пруда собрались сельские ребята и удивлялись, как это он так делает, что лодка его слушается и плывет, куда он захочет. Им издали нитку не было видно. А то, бывало, зимой наделает снежных баб и затеет игры в снежки.

Ежегодно детдом организовывал летние лагеря и выезжал в них всем составом (более 300 человек). Они устраивались в красивых местах на Волге или на Свияге. Вот где было раздолье! Жили в палатках, загорали, купались, удили рыбу, устраивали походы и военные игры...

Это было самое счастливое время в их жизни.

В это время Саша любил помечтать. Ляжет на спину и начинает говорить, как бы он воевал с самураями, как бы плавал по морю, как бы он встретился с матерью и отцом...

Матросову было уже почти 16 лет. Его старших друзей еще летом торжественно проводили во взрослую жизнь, распределив по училищам и предприятиям. Скоро это предстояло и ему. Со своей мечтой стать моряком он не расставался, поэтому в январе 1940 г. самостоятельно уехал в Ульяновск и добрался до речного порта, чтобы узнать, с каких лет берут на пароход матросом. Но здесь его опять задержала милиция, вновь отправила в детприемник и сообщила в детдом о побеге их воспитанника. На следующий день, 20 января 1940 г., за ним приехал директор П.И. Макаренко, выслушал его рассказ и увез обратно. Воспитанники любили Петра Иосифовича и между собой называли «батей».

Но многое в жизни и детдома, и Александра Матросова изменилось уже через месяц. В феврале 1940 г. П.И. Макаренко по Закону о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г. призвали в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Шла Советско-финляндская война (1939 – 1940 гг.).

Это стало неожиданностью не только для Петра Иосифовича, но и для всего коллектива Ивановского детдома. Доверить детей своему заместителю по политической части П.В. Старостину он не мог по многим причинам, и прежде всего из-за того, что боялся, что тот сломает годами выстроенную и выстраданную систему воспитания. Макаренко оставил его «исполняющим обязанности» до прихода нового директора, и Старостин расценил это как унижение. Но Петр

Иосифович и предвидеть не мог, что его заместитель будет мстить за это его любимым воспитанникам, в том числе и Матросову.

Прошло лето, наступил новый учебный год, а нового директора детского дома № 12 так и не назначили. Александр Матросов перешел в седьмой класс. Событие, которое круто изменило всю его жизнь, произошло в сентябре 1940 г.

В этот день пошел первый снежок, но было тепло. Его группа занималась во вторую смену. Матросов молча сел за парту, но вскоре пришел воспитатель П.П. Резин и забрал его с первых уроков. Александр, опустив голову, пошел за ним, не сказав никому ни слова. Когда закончились уроки, друзья собрали его учебники и отнесли в комнату для классных занятий. Но и на ужине Матросова не было, ребята заволновались, дежурный ничего не знал, и только П.П. Федорченко сказал, что Сашу досрочно отчислили из детдома и отправили в г. Куйбышев.

Это стало для всех неожиданностью, а для его друзей страшным потрясением, ведь только начали учиться, и почему не было линейки, почему ребятам не дали с ним проститься? Ведь все прекрасно поняли, что еще накануне о своем отъезде и сам Матросов ничего не знал. Старостин не имел права этого делать, не собрав педсовет, так как Александру оставался еще один год до окончания семилетки и выпуска из детского дома.

Все воспитанники знали, что для каждого наступит такой день, но так, как поступили с Сашей, тихо, по-воровски, не построив весь детский дом, без напутствий и братских прощаний, возмутило воспитанников, и они решили устроить «бузу». Но воспитатели их уговорили, сказав, что Александр сам «захотел жить на гражданке», «хорошо устроился», «учится в фабрично-заводском училище (ФЗУ)», ну а если захочет, то может в любой момент вернуться и его с радостью примут обратно. Все надеялись на нового директора.

Ребята, которые уезжали на трудоустройство, не забывали родной детдом и присылали письма и фотографии, но от Сашки ничего не было.

Но вот однажды в ветреный осенний вечер в дверь комнаты, где жили Сашины друзья Володя Петрушин и Ваня Решетов, постучали. Ребята открыли и на пороге увидели Матросова и Саулина. Они тихо обнялись. Начались расспросы. Сашу интересовало только одно, кто сейчас директор, и, услышав, что «Староста»,

тихо присел на кровать. Рухнула последняя надежда на то, что он сможет остаться в родном детдоме и закончить седьмой класс. (П.В. Старостин руководил детдомом до декабря 1940 г.)

Петрушин видел, что у Александра что-то случилось серьезное. Саша рассказал друзьям, что он не учится в ФЗУ, как убеждали ребят воспитатели, а работает в ремонтной бригаде сборочного цеха в Куйбышевском вагоноремонтном депо (по справке НКВД Баш. АССР, со слов Матросова, работал на заводе №9 г. Куйбышева формовщиком). Жилья не было, ночевать приходилось в сыром, холодном сарае прямо на территории депо, с питанием тоже несладко: столовой поблизости нет, да и денег тоже, приходилось постоянно голодать.

В бригаде с первого дня дружба не заладилась. Слесари работали, не торопясь, играли в карты, матерились, курили, постоянно посылая в адрес детдомовца язвительные подколки, поэтому Александр, отработав смену, уходил в город, только бы не видеть, не слышать и не сорваться на своих новых «воспитателей». И так каждый день.

Однажды, гуляя по Куйбышеву, его окликнул знакомый голос Михаила Саулина, который был старше его и уже больше года проработал на сахарорафинадном заводе. Он рассказал, что уволился и переезжает в город Барыш, в котором живет его товарищ и зовет к себе. Услышав невеселый рассказ Матросова, Миша предложил уехать вместе с ним, и Саша сразу же согласился. Воля, о которой мечтает каждый детдомовец, оказалась совсем не такой, о какой рассказывали старшие ребята.

Не увольняясь, не забирая документов, Матросов тут же сел с Саулиным в поезд и, делясь с другом последним ломтиком хлеба, приехал в свой родной детдом, в Ивановку, надышаться ее необыкновенным воздухом, попрощаться с Катей, поспать хоть одну ночь на кровати, которая грела его лучшие пять лет...

Но ночь прошла тревожно, Саша ворочался на кровати и вздыхал. Не спал и Вова Петрушин. А утром на

Саулин Михаил Григорьевич
(Ленинградский фронт, 1943 г.)

немой вопрос друга Александр махнул рукой, и тот впервые увидел в его глазах слезы. Затем, успокоившись, Матросов поднял глаза и твердо сказал: «Но человеком я все равно буду!»

Матросов поделился с друзьями, что хочет доехать до Саратова, а «потом пойду сдаваться. Будь что будет». Они крепко обнялись и стали прощаться. Все прекрасно понимали, что если бы был «батя», то этой беды бы не случилось. На станции Охотничья он зашел домой к Кате Лавровой. Она видела, что он чем-то очень расстроен, но на ее вопросы Саша ничего не ответил, ведь недалеко стояла ее мама, которая с нескрываемым интересом рассматривала молодого человека, пришедшего к дочери. Он быстро попрощался и вместе с Саулиным сел в первый проходящий поезд. Это была последняя встреча с Катей, больше они не виделись.

В Барыше, простившись с Мишей, Александр взял на последние деньги билет до Саратова и сел в вагон. Матросов уже решил свою дальнейшую судьбу: «Признаюсь, что ушел с завода, может, много не дадут. За что? Ведь хороших людей больше». Он знал о Постановлении ЦИК и Совнаркома СССР от 1935 г. о введении уголовной ответственности за беспризорность, ведь документов у него никаких не было, но тяжелые мысли постоянно отгонял, старался думать о друзьях, о Кате...

(Ульяновских исследователей-краеведов, и прежде всего Н.А. Дубовик, долго мучил вопрос: почему после приезда только на одну ночь в детский дом из г. Куйбышева (Самара) Александр Матросов, не боясь, что его поймают и осудят, целенаправленно поехал именно в Саратов, зачем? Почему не остался вместе с Мишей Саулиным в г. Барыш? Да и добираться обратно до Куйбышева было гораздо ближе, не говоря уже о том, чтобы остаться в Ульяновске.

Дорогой читатель помнит, что самая большая мечта Саши была стать моряком, и он с ней не расставался, поэтому еще в начале года попал в милицию за самовольное оставление детдома, когда приехал в Ульяновский речной порт, чтобы узнать, с каких лет берут на пароход матросом. Скорее всего, уходя после работы в депо, он бродил в Куйбышеве по набережной Волги и на пристани задавал работникам этот один и тот же вопрос. Ему посоветовали обратиться в Управление Средневожского речного пароходства (г. Куйбышев), которое размещалось недалеко в новом прекрасном здании по

ул. Максима Горького, 105. В пароходстве, узнав, что у Матросова незаконченное среднее образование, предложили продолжить учебу в Саратовском речном училище (школе ученичества судомеханической специальности) по специальности слесарь-механизатор. Срок обучения составлял 4 года. Принимались в школу на обучение мальчики с 14 лет с 4-классным образованием. Учащимся предоставлялось общежитие, они получали стипендию, а в период производственного обучения в мастерских и на производстве – полную зарплату за изготовленную продукцию. Выпускники школы в плановом порядке направлялись на работу в Саратовский Затон, на пристани и участки путей Вольска, Куйбышева, Ульяновска, Казани. Прием документов начинался с августа. Это было верхом мечтаний Матросова, но для поступления в эту школу необходимы были справка об окончании шести классов и характеристика из детства. Вот почему Александр так быстро согласился на предложение Саулина поехать в Ивановку, он надеялся получить так необходимые ему документы. Но директором был все тот же Старостин, человек, который не дал Саше закончить 7 классов и отправил его на работу в Куйбышев. Матросов на поклон к нему не пошел...)

Уфимская колония

Вот и Саратов. 14 сентября 1940 г. Александр не спеша дошел до светового столба и встал, доставая из кармана последние копейки. В этот момент он почувствовал руку на своем плече и, обернувшись, увидел милиционера, который потребовал предъявить документы, которых у Матросова не было. Страж порядка сопроводил его до отделения милиции на вокзале, составил протокол задержания, арестовал парня, как не имевшего паспорта. Но таких «гастролеров-карманников» ежедневно на железнодорожном вокзале г. Саратова было довольно много, поэтому вскоре Саше вручили предписание о выезде из города в течение суток и отпустили.

Но Матросов по натуре был упрямым человеком, поэтому, невзирая на строгие указания милиции, отправился на поиски такого заветного речного училища. И опять ему не повезло. В это время согласно указаниям Главного управления трудовых ресурсов при СНК СССР Саратовская школа ученичества судомеханической специальности была преобразована в Саратовское ремесленное училище № 8. Из-за мероприятий по реорганизации прием документов и набор учащихся должны были начаться лишь 10 октября 1940 г. В приемной комиссии ему посоветовали подождать. И Матросов остался ждать без копейки денег, голодный, без документов, с одним предписанием о выезде в кармане.

И однажды, недалеко от железнодорожного вокзала на территории пристанционного рынка, когда Александр в поисках работы, чтобы хоть немного покушать, сошел с трамвая, его задержал тот же милиционер Насыров, который хорошо запомнил «гастролера» с такой запоминающейся фамилией, как Матросов. Он и сопроводил Сашу в ближайшее 1-е отделение милиции Фрунзенского района г. Саратова. В дежурной части сотрудник доложил, что повторно задержал «гастролера» без документов и стал составлять протокол задержания, в котором не забыл упомянуть, что Александра уже задерживали несколько дней назад на вокзале без документов, когда он якобы ехал в Сталинград проездом через Саратов. Это произошло 23 сентября 1940 г. В течение двух суток находясь в камере предварительного заключения, Саша правдиво отвечал следователю на поставленные вопросы, но он не знал, где родился и как попал в детдом. Тогда, недолго думая, в графе «место

рождения» сотрудник милиции, который вел допросы, написал Днепропетровск, даже не подозревая, какую неразбериху он внесет в биографию будущего героя. Для него Матросов был лишь очередным нарушителем закона, который к тому же повторно был задержан за пребывание в городе без документов, а это расценивалось уже как уголовно наказуемое деяние.

Разбираться особо никто не стал, и 25 сентября 1940 г. прокурором Фрунзенского района г. Саратова Буковым было возбуждено уголовное дело и санкционирован арест Матросова. Никакие доводы, оправдания Александра никто не принял во внимание, и уже 8 октября 1940 г. Народный суд 3-го участка Фрунзенского района г. Саратова за нарушение паспортного режима (отсутствие паспорта) осудил А.М. Матросова по части 2-й статьи 192 пункт «а» УК РСФСР и приговорил к максимальному наказанию: двум годам лишения свободы. Судья, не разбираясь в тонкостях дела, признал его виновным в «*повторном* нарушении установленных правил прописки паспортов...» и посчитал исправительно-трудовые работы на срок до одного месяца или штраф до 100 рублей (которых у Александра не было) слишком мягким наказанием. Его не устроили и исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев. Он был уверен в своей правоте.

Из материалов надзорного дела, которые заводились на всех несовершеннолетних правонарушителей, стало известно, что ни во время предварительного следствия, ни на судебном процессе А.М. Матросов виновным себя не признал. Он объяснял и следователю, и прокурору, и судье цель своего присутствия в городе и просил отпустить, чтобы начать обучение в речном училище. Но его не услышали...

А ведь мечта детства стать матросом казалась так близко!

(Только через 27 лет, 21 апреля 1967 г., решением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР был

удовлетворен протест Генеральной прокуратуры и уголовное дело по обвинению А.М. Матросова было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.)

Но и это не все, что смогли сделать для юноши «добрые блюстители правопорядка» Саратова. Больше шести месяцев Александр сидел в следственных изоляторах Саратова и Сызрани, ожидая пересылки в трудовую колонию, вместе с ворами, убийцами и прочими уголовниками. Его били, издевались, старались сломать его упрямый характер. Саша обозлился на всех, стал ругаться матом. Он впервые столкнулся с непониманием, с несправедливостью теперь уже взрослой жизни...

До 1935 г. несовершеннолетние правонарушители содержались в воспитательно-исправительных учреждениях различных типов, которые подчинялись наркоматам просвещения и юстиции, но 31 мая 1935 г. вышло Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». В документе критиковалась работа советских и партийных органов в области ликвидации и предупреждения детской беспризорности, несмотря на выделение государством «огромных средств на содержание детских учреждений». Параллельно ставилась задача по усилению борьбы с хулиганством несовершеннолетних на улицах. Также были усилены меры ответственности родителей и опекунов.

Во исполнение этого постановления 7 июня 1935 г. НКВД СССР издал приказ № 071 «Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в котором говорилось, что борьба с беспризорностью «является важнейшей и повседневной задачей всего чекистского аппарата». В составе наркомата был создан отдел трудовых колоний для несовершеннолетних, на который возлагалась обязанность организации работы детских приемников-распределителей и трудоустройства воспитанников колоний, а на участковых инспекторов и патрульно-постовую службу милиции – изъятие беспризорных с улиц. На основании этого приказа в центре и на местах (республики, края, области) стали создаваться трудовые колонии для несовершеннолетних.

22 июня 1935 г. в г. Уфа была создана и приступила к работе Детская трудовая колония № 2 УНКВД Башкирской АССР. Ее первым начальником был назначен Михаил Семенович Геллерт, перед которым

стояла непростая и ответственная задача по наведению чистоты и порядка на территории и внутри помещений, организации труда и досуга колонистов, но, в первую очередь, создание и строгое соблюдение дисциплины внутри колонии не только осужденными малолетними преступниками, но и постоянным составом учреждения.

В Уфимской колонии имелись резной и гипсово-лепный цеха, а также различные мастерские. Руководство понимало, что без материального и морального поощрения будет трудно решать проблемы роста и качества выпускаемой продукции, поэтому вначале установило табельную форму учета выхода на работу как колонистам, так и сотрудникам. К концу лета 1935 г. производство было налажено, и в начале ноября 1935 г. к 18-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции за хорошее отношение к своим обязанностям и умелую организацию работы руководство колонии сумело премировать инструкторов резного и гипсово-лепного цехов П.Н. Семенова и Т. Гришина (по 250 рублей каждому). Вскоре были организованы мебельный, слесарный и малярный цеха, а для колонистов был установлен 6-часовой рабочий день в три смены.

Детская трудовая колония №2, г. Уфа

Стала работать начальная школа первой ступени, где воспитанники занимались в две смены. Педагогический коллектив насчиты-

вал 11 учителей во главе с директором Н.М. Зиновьевым и заведующей учебной частью Е.Ф. Шангиной. Преподаватели и воспитатели колонии должны были иметь хорошую репутацию и не иметь судимости.

В 1940 г. на основании приказа НКВД СССР № 00655 ДТК № 2 была переименована в Уфимскую трудовую колонию НКВД БАССР для несовершеннолетних. Начальником колонии был назначен ст. лейтенант госбезопасности Константинов, а его заместителем – лейтенант госбезопасности Н.К. Ополев.

По данным на 5 марта 1941 г. в колонии находилось 558 воспитанников, из которых 413 человек обучалось в семилетней школе. Колонисты активно занимались в кружках художественной самодеятельности и спортивных секциях. Так, в духовом оркестре было 38 человек, литературном кружке – 8, драматическом – 10, баянистов – 16, фотокружке – 8, танцевальном – 11, секции бокса – 7, лыжном – 35, хоккейном – 90. Всего культурно-массовой работой было охвачено 227 воспитанников.

Сотрудники колонии и педагогический коллектив проводили разностороннюю работу и прилагали все усилия для того, чтобы колонисты выросли достойными гражданами своей страны. Но колония есть колония, случались побеги и кражи.

Александр Матросов (1940)

Вот сюда 21 апреля 1941 г. был доставлен Саша Матросов. Началась новая жизнь в среде несовершеннолетних заключенных.

Это был уже другой Матросов: обиженный и обозленный на всех, особенно на людей в погонах милиции и НКВД. Он постоянно грубил, огрызался, матерился, играл в карты, участвовал в дележе краденого, проявлял другие различные хулиганские действия по отношению к сотрудникам колонии, старался при любой возможности не

выполнять порученные задания, чем вызывал недовольство начальствующего состава. И здесь Александр был не одинок. Его единомышленники на конец апреля 1941 г. уже готовили групповой побег, который собирались осуществить после убийства из самодельного пистолета часового. К этой группе (около 50 чел.) примкнул и Матросов. Но весна выдалась бурная, реки разлились и затопили водой ближние леса. Побег не состоялся.

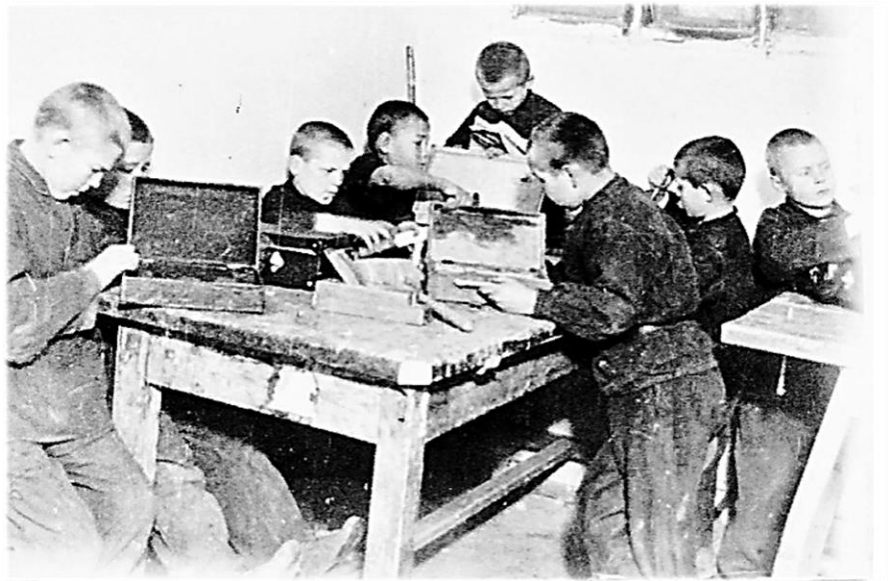
Тогда в мае несовершеннолетние заключенные стали готовить побег другим способом. Одному из ребят они поручили пробраться через туннель парового отопления из кочегарки под пол малярного цеха, а оттуда прорыть подкоп за ограждение зоны. Но в последний момент, когда работа была близка к завершению, заключенного Матвеева, который рыл туннель, задержали на месте преступления. После допросов вскрылась вся система массового побега из колонии, но следствие ограничилось только тем, что осудили одного Матвеева, а остальных к ответственности не привлекли. Группа распалась.

Александра поставили работать учеником слесаря, но он отказывался что-либо делать, подчиняться, матерился на инструктора производственного обучения, за что был посажен в штрафной изолятор на пять суток, но не успокоился и 24 июня 1941 г. украл на производстве 0,5 литра политуры (раствор на основе спирта с добавлением натуральных смол), предназначенной для декоративной обработки мебели. Его поймали и опять посадили в штрафной изолятор на десять суток.

В это время многие отмечали, что если с начальством Матросов не ладил (в среде малолетних заключенных не принято было дружить с «энкавэдэшниками»), то с вольнонаемными он был в хороших отношениях, всегда вежливый и доброжелательный. Однажды Александр увидел плачущую женщину, у которой на производстве пропали инструменты, а это было подсудное дело. Матросов подошел, узнал, в чем дело, и вскоре принес все украденное. Крепкий, спортивный, а главное, справедливый, да еще с характером, он стал пользоваться авторитетом среди малолетних заключенных. Как скажет, так остальные и сделают. В это время руководство колонии обратило внимание на то, что Александр всякое нарушение дисциплины проводил обдуманно, по заранее подготовленному плану и с привлечением к участию других наиболее агрессивных воспитанников.

Так бы и покатилась по наклонной его судьба: тюрьмы да колонии, но на нашу Родину напал коварный и жестокий враг. Началась Великая Отечественная война...

Война наложила свой отпечаток на режим деятельности колонии, производственно-хозяйственную, политико-воспитательную жизнь как сотрудников, так и воспитанников. Рабочий день для колонистов старше 14 лет увеличивался на 2 часа, а старше 16 лет – на 4 часа.

Воспитанники ДТК №2

Часть сотрудников, а также наиболее активные и примерные колонисты хотя и имели бронь, но добились отправки на фронт в действующую армию. И первым среди них был сам начальник колонии ст. лейтенант Константинов. Вскоре его примеру последовали и другие: старший воспитатель Т.Д. Катеренчук, мастер слесарного цеха Виктор Филиппов, а также лучшие друзья Матросова – Миша Химин, Виктор Боков, Василий Трофимов, которые были ненамного старше Александра и свой срок уже отсидели. Как правило, на фронт их провожали все воспитанники колонии, построившись на плацу. Прощаясь с друзьями, Матросов был скуп на слова:

– Ну, брат, ты уж там...этих гадов стукни так, чтобы душа сразу вылетела.

И часто в такие минуты прощания его ясные голубые глаза грустнели:

– Обидно, мне уже тоже пора бы вступить в новую жизнь...

Тревожные сводки с фронта, сообщения по радио и в печати о зверствах фашистов на нашей земле, которые постоянно доводились воспитателями до малолетних заключенных, не оставляли равнодушными и сердца обиженных, озлобленных, оскорбленных воспитанников колонии. Не сразу, а постепенно стало меняться и отношение Матросова к окружающим, к себе и свой обиде. Взрослая несправедливость, мальчишеские переживания становились не такими болезненными по сравнению с всеобщим человеческим горем людей, которых немецкие нелюди убивали, насиловали, калечили не только тела, но и души.

Старший воспитатель Трофим Данилович Катеренчук, сам участник Великой Отечественной войны, впоследствии вспоминал: «Когда враг напал на нашу землю, Саша Матросов не находил себе покоя. Сердце юноши было полно боли и гнева. Как часто говорил он своим товарищам и воспитателям: «Разве мое место здесь! Нет, я должен быть сейчас на фронте, где мои сверстники сражаются с врагом». Свой долг Саша видел в том, чтобы с оружием в руках отстаивать родную землю от наглых захватчиков».

Катеренчук
Трофим Данилович

Еще 1 июля 1941 г. был издан приказ НКВД СССР № 001394, в котором отмечалось, что в трудовых колониях для несовершеннолетних должны находиться подростки в возрасте от 12 до 16 лет, виновные в совершении различных преступлений и осужденные судом. Саше Матросову уже было 17 лет, и, согласно этому приказу, его должны были перевести во взрослую колонию. Но здесь вмешался заместитель начальника колонии по политической части 31-летний Н.К. Ополев. Николай Кузьмич сам был из рабочих и не по рассказам знал, что такое трудовой коллектив. Он уже окончил 7 классов средней школы и высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП(б). На своей ответственной должности Н.К. Ополев сумел показать

себя хорошим организатором и воспитателем несовершеннолетних нарушителей закона. С его мнением считалось и новое руководство. Он знал, за что осужден Матросов, но, к сожалению, ничего изменить не мог, тем более Александр после прибытия в колонию повел себя не совсем адекватно. Но Николай Кузьмич верил в него, был убежден, что вскоре тот станет незаменимым помощником руководства в среде малолетних правонарушителей, и убедил в этом нового начальника колонии Волкова. (Через два года в 1943 г. Н.К. Ополевым сам был назначен начальником этой колонии.)

В сентябре 1941 г. Александр Матросов пошел учиться в выпускной класс семилетней школы, которая работала при колонии. В это время заведующей учебной частью, а по совместительству учительницей русского языка и литературы была Лидия Васильевна Корепанова. Впоследствии она вспоминала: «В 1941 году, в апрельское весеннее утро, когда бодрые звуки горна призывали воспитанников к подъему, всех облетела первая весточка: «Прибыл новичок». Это был коренастый, бойкий мальчик, с пытливыми глазами. На новичке выделялась полосатая, матросская тельняшка. Узнали ребята, что фамилия его Матросов...

За учебу Саша взялся настойчиво и охотно. Особенно он увлекался историей нашей Родины, любил географию. После уроков, оставаясь в классе, он долго просиживал у карты Родины, изучал ее беспредельные богатства, необъятные просторы манили его.

Огромная внутренняя сила Саши чувствовалась во всем. Он никогда не сидел без дела, много читал, участвовал в различных кружках, особенно любил драматический...»

С Лидией Васильевной у него сложились теплые, доверительные отношения, потому что она любила своих учеников, своих мальчишек, лишенных материнской ласки, семейного уюта и тепла, и прекрасно понимала, что в их бедах в большинстве своем виноваты взрослые.

Матросов, как и тысячи его сверстников, стал упорно проситься на фронт, поэтому не раз Лидия Васильевна помогала Саше в написании рапорта с просьбой отправить его воевать с ненавистными фашистами. Она с удовольствием помогала ему, исправляла ошибки, подбирала правильные слова и выражения: «Я буду защищать Родину, не жалея сил, а если потребуются – отдам и жизнь». Но и на

этом упорный юноша не ограничился. Он с мольбой в глазах и в голосе просил воспитательницу передать свои рапорта руководству колонии, потому что прекрасно знал, что в здание администрации воспитанникам вход был строго воспрещен (они могли туда войти только по вызову). И Лидия Васильевна никогда не отказывала ему в этом, потому что знала, как это важно для Александра.

Но всякий раз начальник колонии вызывал Матросова к себе, разъяснял, что фронт без поддержки тыла существовать не может, что так же, как и на фронте, необходим боец, он нужен здесь...

Матросов не успокаивался и, получив очередной отказ, стал писать в Наркомат Обороны. И опять ему помогала Лидия Васильевна. Она не только продиктовала ему текст письма, а затем заставила переписать без помарок, ошибок и исправлений, но и сама, не считаясь со временем и затратами, отправляла его письма почтой по указанному адресу.

Наркому обороны СССР

Дорогой товарищ Нарком!

Пишет Вам простой рабочий из Уфы. Шести лет я лишился родителей. Будь это в капиталистической стране, мне грозила бы голодная смерть. Но у нас, в Советском государстве, позаботились обо мне, обеспечили мне образование и специальность слесаря. За все это я очень благодарен Коммунистической партии и Советской власти. И сейчас, когда наша Родина в опасности, я хочу защищать ее с оружием в руках.

Здесь, в Уфе, я трижды просился на фронт и трижды мне было отказано. А мне 17 лет, я уже взрослый. Я больше принесу пользы на фронте, чем здесь.

Убедительно прошу Вас поддержать мою просьбу – направить на фронт добровольцем, и желательно на Западный фронт, чтобы принять участие в обороне Москвы.

27 сентября 1941 г.

А. Матросов

Желание попасть на фронт было нестерпимо. Последнее письмо Матросов отправил на имя Наркома обороны с просьбой отправить его на защиту Москвы в октябре 1941 г., но ему в очередной раз отказали, так как не было еще 18 лет, да и срок судимости не истек...

До войны колония производила матрасы и полуфабрикаты для мебельного производства, но в июле 1941 г. цеха перешли на

производство фронтowego заказа военной продукции: вначале стали плести маскировочные сети и делать снегоступы, а потом и очень важную для фронта продукцию – ящики для снарядов, мин, бомб, а также футляры для аппаратуры связи. Выпуск такой продукции доверяли не каждому предприятию.

Ежедневно колонисты должны были выпускать 500 пар снегоступов, для ведения боевых действий в условиях зимы по глубокому снегу, и 300 комплектов спецукупорки, которые предназначались для заводов, изготавливающих боеприпасы. К концу 1941 г. основным видом продукции колонии стала пороховая и патронная укупорка, но начиная с 1942 г. заводы, изготавливающие боеприпасы, потребовали более сложную спецукупорку, предназначенную для упаковки различных видов снарядов, мин и авиабомб.

В связи с этим была полностью проведена реорганизация деревообработки с перестановкой всего оборудования по новому технологическому процессу. Выпуск спецукупорки был увеличен в 2,3 раза и составил 6,4 млн комплектов. За эти годы воспитанники колонии, выполняя задание Государственного комитета обороны СССР, внесли свой значительный вклад, приближая Великую Победу над фашистскими оккупантами.

Сырье для фабрики – древесину, если ее не хватало, несовершеннолетние заключенные заготавливали своими силами. Иногда им приходилось ходить на лесосплавные работы к устью реки Уфы (Уфимка) при впадении ее в р. Белая, где скапливалось много плотов. Под холодным, резким ветром ребята вытаскивали из ледяной воды огромные, тяжелые бревна и накатывали их в штабеля на берегу. Это был очень тяжелый труд. Мальчишки уставали, мерзли и стремились быстрее вернуться в колонию, но Матросов был неутомим. Он появлялся в тех группах, где было наиболее трудно, подбадривал и помогал уставшим.

Не считаясь со временем, Александр участвовал также в субботниках по выгрузке леса, часто по бездорожью переносил с группой своих товарищей спецукупорку на перевалочный пункт, на расстояние более 3 км.

За территорией колонии располагалась кузница, и туда по очереди ходили воспитанники. Они помогали кузнецу, работая вместо молотобойцев. Вскоре очередь дошла и до Матросова. Когда

Александр отработал свои три дня, кузнец не захотел его отпускать. Он дошел до партийного комитета колонии с требованием оставить Матросова его помощником, объясняя это тем, что тот «родился кузнецом» и через год-полтора он из него сделает такого мастера, что все будут любоваться.

– У него же играет молоток в руке, он работает удивительно как хорошо и с таким большим понятием! Оставьте его! – убеждал руководство кузнец.

Но Матросов был нужен и в слесарном цехе.

«Правильный пацан» Матросов становился неформальным лидером среди несовершеннолетних заключенных. Вокруг него образовалась сильная группа единомышленников. Но это не всем нравилось. Были и другие лидеры, кто строго соблюдал воровские понятия и законы, отказываясь работать, и их сторонников тоже было немало. Саша и его друзья пытались их переубедить где-то уговором, приводя примеры, а где-то и принуждением. Случались драки и кровавые стычки. Но Александр строго и целеустремленно стоял на своей позиции и этим увлекал, показывая пример исправления другим малолетним нарушителям закона. И с каждым днем сторонников и последователей Матросова становилось все больше и больше, ведь он не только требовал от ребят добросовестно работать и выполнять свою норму, но и постоянно заботился о них, ходатайствуя перед руководством колонии о дополнительном питании, одежде для передовиков, которые стали на путь исправления.

Он, как и в детдоме, не давал в обиду младших, старался им помочь, к нему стали тянуться и подражать. Руководство колонии пристально наблюдало за его поведением, учебой и работой, за тем, как его слушаются остальные, и пришлось к выводу, что он встал на путь исправления. Ополев в очередной раз оказался прав. Николай Кузьмич после войны вспоминал: «В нашем коллективе Саша Матросов всем понравился. Слесарный цех у нас был небольшой.

Ополев
Николай Кузьмич

Ведал им Виктор Филиппов. Это был не только хороший мастер, но и большой души человек. К нему и был приставлен для обучения Саша Матросов. Новичок быстро сдружился с коллективом, упорно изучал слесарное дело. Никогда не отказывался от работы. Делал он все увлеченно и аккуратно, всегда был собран, дорожил временем... Саша Матросов показывал пример в труде, перевыполнял нормы, помогал товарищам. Его любили в коллективе. Когда в Уфу прибыли с фронта раненые бойцы, мы организовали над ними шефство. Матросов вместе с другими товарищами часто посещал фронтовиков, расспрашивал о боевых действиях на фронте. В подарок фронтовикам мы собрали много книг. И в этом деле активистом был Саша...»

Всего за полгода после прибытия в колонию воспитанник Матросов стал неузнаваемым. Межбровные морщинки на лице Александра стали резче, глаза ввалились, но излучали удивительный свет.

О его ответственном отношении и к учебе, и к порученному делу в январе 1958 г. вспоминал старший воспитатель Уфимской трудовой колонии для несовершеннолетних Т.Д. Катеренчук:

«...Русый, голубоглазый, подвижный, с пытливым лицом юноша, обращаясь ко мне, говорил: «Я, Трофим Данилович, сегодня закончил читать еще одну книгу, я сегодня выполнил производственное задание на 250%, мы сегодня в кружке художественной самодеятельности разучили новую песню, новый танец или обыграли кого-то в футбол, волейбол, сегодня меня спрашивали по географии, и я получил отметку «пять»... Этот скромный, правдивый, исполнительный, дисциплинированный юноша был примером для своих товарищей в нашем детском учреждении...

Кроме самодеятельности он также увлекался спортом. Его внешний опрятный вид, умение держать себя невольно внушали уважение. Среди товарищей он пользовался большим авторитетом. Саша Матросов, имеющий влияние в повседневной жизни на товарищей, оказывал мне, как старшему воспитателю, большую помощь в улучшении дисциплины на производстве, повышении успеваемости в школе, наведении образцового санитарного порядка в коллективе. Хочу особо отметить любовь Саши к чтению художественной литературы. В то время в детском учреждении очень часто проводились с воспитанниками литературные вечера худо-

жественного чтения, читательские конференции. Саша Матросов был самым активным организатором подготовки и проведения литературных вечеров, к которым он старательно готовился (в коллективе он был ответственным за «красный уголок» и коллективную библиотеку). Вечера проходили живо и интересно. Все воспитанники принимали активное участие в обсуждении героев произведений. Читали и обсуждали рассказы о героях Гражданской войны, из жизни Чапаева и Щорса, из романа Горького «Мать», Н. Островского «Как закалялась сталь». Чтение производило на ребят большое впечатление, которое они выражали с восторгом. «Как закалялась сталь» была любимой книгой Саши Матросова. К книгам он относился бережно, возвращал их с благодарностью, без единой поправки...»

«Может быть, частичка доброго семени, которое я вместе с другими воспитателями и учителями старался заронить в их сознание, нашла добрую почву в сознании Саши Матросова и из него вышел такой прекрасный сын нашей Родины...» – вспоминал Трофим Данилович.

Об ответственном отношении Матросова и к труду, и к учебе в послевоенное время вспоминала заслуженный учитель РСФСР и БАССР Л.И. Балакирева, в классе которой учился Александр: «...Как сейчас стоит передо мной голубоглазый юноша с уверенным и спокойным, мужественным лицом. Это лицо всегда выделялось из общей массы лиц обучающихся у меня воспитанников. Входя в класс, он всегда вежливо здоровался и сообщал о событиях в корпусе.

Балакирева
Лидия Ильинична

Саша о таких ребятах, которые не хотели работать на фабрике, говорил следующее: «Вот поймите, Лидия Ильинична, за что Власов ест хлеб, день прошел, а он ничего не сделал. Но я добьюсь от него работы, завтра целый день не отойду и буду за ним следить».

И вот звонок... Ребята садятся за парты, получают тетради, интересуются оценками. Саша Матросов был старостой класса, он помогал в организации учащихся к учебе. Особенно большую роль

играл Саша в борьбе за бережное отношение учащихся к учебникам и школьному имуществу. Урок географии – любимый урок Саши.

Вспоминаю, когда вышел неподготовленный ученик Иванов отвечать по географии по теме «Границы СССР». Отвечая, он перепутал все названия государств. На помощь был вызван Саша, он, упрямая Иванова, стал отвечать точно...

К урокам внеклассного чтения Саша был особенно пытливым, он много читал книг о военных походах и сражениях. Помню, я приносила Саше книги из городских библиотек. Большое впечатление произвели на Сашу рассказы о боях на озере Хасан. Он весь загорелся каким-то внутренним огнем, слушая чтение, не проронив ни одного слова, четко вставляя восклицания: «Так им и надо гадам, пусть не лезут на нашу землю!»

К письменным работам Саша относился хорошо, почерк у него был разборчивый, писал грамотно. Если его товарищи вырывали листы из тетрадей, то Саша запрещал делать это, беседовал дружески с каждым, разъяснял. Праздно сидящим я его не помню, разве только однажды, когда он сидел на скамейке, утомленный работой за день, говоря следующее: «Вот еще как много надо сделать, чтобы порядок был в корпусе, а они не понимают (о ребятах), думают, что здесь лодырничать можно».

Саша Матросов был человеком дела. Все, за что брался, доводил до конца и радовался, когда у него дело выходило хорошо. Радостью своего труда он гордился, и гордость его сквозила во всей крепкой, коренастой фигуре. В памяти у меня Саша Матросов остался как хороший, дисциплинированный ученик, который помогал мне в моем скромном учительском труде...

Тепло об Александре Матросове отзывался и воспитатель второго отряда Д. Бендас: «Коренастый, с широкой грудью, могучими плечами и крупными энергичными чертами лица, он производил впечатление молодого богатыря. Но лучше всего у него были глаза, пронизательные, излучающие то душевную теплоту, то веселый задор, то суровую непреклонную решимость.

Все, за что Матросов ни брался, он делал с увлечением, всей душой. Навсегда запечатлелся у меня в памяти Матросов за работой. Это было осенью 1941 г. Я принял второй коллектив, в котором находился Александр Матросов. Обходя участки, где

работали воспитанники, я зашел также в слесарный цех. Матросов с напильником в руках отделявал какую-то деталь, зажатую в тиски. Стремительно и ритмично двигались его руки, взор – устремленный, сосредоточенный. Весь он увлечен до самозабвения.

– Саша! – окликнул я его.

Он не услышал. Я позвал его снова. В это время кто-то из воспитанников дернул его за рукав.

– Извините, я не заметил, – он чуть смущенно улыбнулся, – это я для котельной, они там ждут... – а руки с напильником так и не отнял от обрабатываемой детали, да и позу почти не изменил. Секунда – и его руки зажали, легко, ритмично и весело заходили у детали...

Ребята его любили. Саша не кичился ни физической силой, ни способностями, ни успехом, хоть его превосходство во всем было несомненным. Ребята ему верили, так как все у него выходило убедительно, а слова шли из глубины души...

Увлекал Матросов ребят своим личным примером, любовью к работе, беззаветной преданностью Родине. Как-то раз я получил задание организовать ночную выгрузку сушилки, иначе грозила опасность, что график работы заготовительного цеха, а вслед за ним и всей фабрики, будет сорван. Надо было в два часа поднять бригаду грузчиков. Я поделился всем этим с Матросовым. Он заметил, что я немного обеспокоен. Грузчики ведь работали целый день на пристани, приехали поздно, а мороз был трескучий.

– Ничего, – просияла уверенная улыбка на лице Матросова, – ребята не подкачают...

Ночью в условленное время, когда я зашел в спальню, я увидел такую картину: ребята, работавшие с Матросовым в слесарке, все уже одеты. Кто опоясывается, кто достает валенки. Дежурный стал будить грузчиков, а Матросов подбадривает:

– Давайте, ребята, все вместе – за два-три часа, вот увидите...

Грузчики зашевелились, кто-то с удивлением посмотрел на слесарей, принаряженных грузчиками... Оделись дружно и поработали на славу.

Часа через два я вышел из сушилки. Иду, а мне навстречу заместитель начальника по политчасти т. Ополеву.

– Ну, как там у тебя, Бендас?

– Скоро там уж нечего будет делать...»

5 марта 1942 г. Матросов успешно сдал испытания и стал самостоятельно работать слесарем в механическом цехе, который ремонтировал машины и станки. Ему поручали самые сложные и срочные работы, и он никогда не уходил из мастерской, не выполнив заказа. При всех трудностях военного времени, нехватке хороших инструментов Саша всегда с честью справлялся с заданиями. Его находчивость и смекалка удивляли даже «дядю Сережу» – старого, опытного механика фабрики Сергея Львовича Кудрявцева. Александр по звуку мог определить, какой станок работает нормально, а какой нет, и всегда приходил к ребятам на помощь. Но и в быту к Саше обращались сотни людей. Одни несли примусы, другие – электрические утюги, плитки, патефоны, замки висячие и внутренние... Все просили его исправить поломки, и Саша делал, никому не отказывал. Его работа всегда получала высокую оценку.

На территории колонии вдоль дорожек были вкопаны красиво раскрашенные фанерные щитки ромбовидной формы. На них заносились фамилии лучших производственников с указанием показателей. Фамилия Матросова была написана красной краской. Саша всегда перевыполнял свою норму в 2 - 3 раза.

Александр был авторитетом не только среди ребят, он стал пользоваться уважением среди руководства и воспитателей. 15 марта 1942 г. начальник колонии старший лейтенант госбезопасности Волков и его заместитель по политической части Н.К. Ополевым своим приказом назначили Матросова помощником воспитателя. Такое в жизни колонистов случилось впервые.

В этот же день ребята избрали его председателем центральной конфликтной комиссии колонии, улаживать споры с начальством. С этого момента во время ее заседаний он требовал от нарушителей дисциплины прежде всего признания своей вины.

– Ну, кому ты помогаешь! Ну, подумай сам. Да еще сейчас, в такое суровое время войны!

Он говорил это тихо, но глаза его темнели от возмущения и гнева.

Добившись признания, Матросов доказывал колонисту вред совершенного проступка и делал все, чтобы защитить ребят от строгого наказания. В отношении же тех, кто не признавался честно, он, вопреки «тюремной этике», даже настаивал на наказании нарушителя, и воспитатели считались с его мнением.

Понятно, что такое его поведение нравилось не всем.

Знал Александр практически всех воспитанников хорошо, поэтому иногда, приходя к воспитателям и руководству колонии, ходатайствовал за ребят, которые становились на путь исправления. И к его мнению прислушивались. Кого-то досрочно переводили на «стахановское», улучшенное питание, кому-то раньше срока выдавали вещевое имущество: рубашки, брюки и мн. др. И ребята своего вожака никогда не подводили, потому что он за них поручился перед руководством колонии, хотя до этого творили немало плохих дел.

В апреле 1942 г. из Москвы прибыл новый заключенный Александр Афонин, который перед сном рассказывал ребятам, как фашистские летчики по ночам бомбили столицу и как их уничтожали советские зенитчики. Прослушав рассказ, Матросов, обращаясь к воспитанникам, сказал: «Когда попаду на фронт, то буду без пощады мстить фашистам. Только скорее бы взяли меня в армию».

(Александр Борисович Афонин стал другом и надежным помощником своего тезки. Их кровати стояли рядом. Они вместе работали в механических мастерских, отдыхали и даже выступали в драмкружке. После освобождения он также ушел добровольцем на фронт. В жестоких боях с фашистами не посрамил славы своего знаменитого товарища, но нигде и никому не хватался дружбой с Матросовым. В 1947 г. стал членом (ВКП(б). Его срочная служба в Советской Армии после войны продолжилась до 1950 г. Вернулся в Москву, пошел работать на производство, окончил 10 классов вечерней школы, а в 1960 г. – институт. Женился. Работал инженером, а затем ведущим конструктором на своем заводе, избирался секретарем партийной организации отдела.

Афонин
Александр Борисович

Когда из газеты «Советская Россия» в начале 1970-х гг. А.Б. Афонин узнал, что у их любимой воспитательницы Лидии Васильевны Корепановой случилась беда – она почти полностью лишилась зрения и ей предстояла сложнейшая операция, в случае неудачи которой Лидии

Корепанова
Лидия Васильевна

Васильевне могла помочь лишь пересадка сетчатки глаза от здорового человека, — он, не задумываясь, предложил себя в качестве донора и собирался отдать свой глаз для пересадки любимому учителю, считая, что его друг Сашка поступил бы также. Афонин всю свою жизнь сверял поступки и мысли по Матросову. Но, к счастью, операция прошла успешно. Лидия Васильевна снова стала видеть, но до конца своих дней не переставала радоваться за своих прекрасных, достойных этой жизни воспитанников.)

В колонии существовали различные самодеятельные кружки: драматический, акробатический и др. Саша участвовал во всех. Он любил играть на гитаре и часто на досуге душевно пел русские песни. Не раз его видели воспитанники выступающим на сцене в роли партизана-моряка из пьесы Всеволода Иванова «Партизаны». Его игрой ребята всегда были восхищены...

В школе он настойчиво учился и часами мог слушать учителей. Его прилежание, дисциплина и упорство в учебе ставились в пример отстающим. Новые друзья стали уважительно называть его «Матвейч». Они вспоминали, как он следил за порядком, сам аккуратно заправлял свою койку и учил других.

Спальни, «красный уголок», школа были увешаны рисунками и художественными картинами самих воспитанников. Особенно отмечались картины Космачева. Матросов не умел рисовать, поэтому всегда, с восхищением рассматривая работы колонистов, говорил:

— Черт побери, скитался же человек по белому свету, сам не подозревая, что в нем кроется, а вот открыли ему путь в жизни.

Мало кто из ребят знал, что еще летом 1941 г. Саша завел альбом, в который клеивал снимки наших героев, вырезанные из газет. На первых листах были фотографии Зои Космодемьянской и Виктора Талалихина. И только после знакомства с работами Космачева, когда Матросов уговорил его нарисовать в альбоме портреты героев войны, которые плохо получились на снимках из газет, ребята узнали об этом его увлечении. (Так получилось, что, уходя в армию,

он подарил этот альбом младшим воспитанникам, которые впоследствии на последнюю страницу вклеили портрет Матросова.)

Успешно сдав экзамены, Александр окончил семилетнюю школу. Руководство колонии назначило его бригадиром в механических мастерских. Матросову уже настолько доверяли, что могли назначить старшим машины и без конвоя выпустить за территорию колонии вместе с воспитанниками для выполнения различных работ, будучи абсолютно уверенными, что он не подведет и никто не сбежит, а работы будут выполнены точно и в срок.

Иногда в выходные дни командование разрешало ему и другим воспитанникам – передовикам производства и дисциплины – увольнение в город. Колонистов стали встречать на улицах Уфы и в городском парке на танцах. Местные парни настороженно относились к ним, но в драку не вступали, побаивались. Боялись их и некоторые местные красавицы, разбегаясь при появлении в городском парке кучки одинаково одетых и коротко подстриженных крепких парней, которые постоянно держались вместе, даже во время танцев. Девушки не знали, что ребята были строго проинструктированы руководством колонии и эти увольнения для них были высшей наградой. Хотя вряд ли бы они себя дали в обиду.

Летом в свободное время Саша занимался на спортивных снарядах и всегда стремился выполнять упражнения не хуже других. Но любимым отдыхом и развлечением Матросова были спортивные игры. Ребята только успевали закончить работу на фабрике, а Саша уже затевал игру в волейбол. Играл он ловко, красиво и точно, поэтому его команда чаще всего выигрывала. А когда проигравшая команда требовала провести матч-реванш, то на площадке разгорались такие страсти среди болельщиков, что все забывали о накопившейся за день усталости. Но и тут Матросова не покидала спокойная сосредоточенность, и победа снова доставалась его команде.

В июле 1942 г. из блокадного Ленинграда в Уфу привезли детей из такой же детской колонии. Для встречи все было организовано: и машины, и воспитанники. Но когда подошел поезд, из вагонов никто не вышел. Матросов как старший из ребят не выдержал, вошел в вагон и сразу же выскочил обратно, махая руками. Ребята поняли его и побежали по вагонам. Увиденное повергло их в смятение и шок. На полках тихо лежали до крайней степени худые, изможденные дети, больше

похожие на скелеты, обтянутые кожей, и только их глаза говорили о том, что они еще живые. Передвигаться самостоятельно «блокадники» не могли. Их сопровождали медсестры и милиционеры.

Молодая девушка Лида Курганова, приехавшая с ними, попросила ребят быть поаккуратнее с детьми, чтобы не поломать им слабые косточки. Детей перенесли на машины, а потом в колонии сортировали: кого – в санчасть, а кого – в жилое помещение. Матросов с утра до ночи пропадал у ленинградцев. Заботился, чтобы обед им принесли горячим прямо в комнаты. Ходил на подсобное хозяйство за овощами, приносил лекарства. Предложил колонистам из своих 800 гр. хлеба отдавать «блокадникам» до выздоровления по 200 гр., а также масло и сахар. За эту инициативу начальник колонии назначил Александра помощником воспитателя к ленинградским ребятам.

В это время, по воспоминаниям очевидцев, даже у самых неисправимых малолетних преступников, совершивших тяжкие преступления, не поднималась рука обидеть истощенных «блокадников».

Частые встречи Александра с Кургановой привели к возникновению первой юношеской влюбленности. Это стали замечать не только ребята, близко знавшие Сашу, но и воспитатели, которые обратили внимание на то, что Матросов часто заглядывается на миловидную воспитанницу Лиду, хотя очень старался не дать повода ей это почувствовать. Но девушка сама это поняла. И каково было ее изумление, когда на очередном заседании конфликтной комиссии, на котором рассматривался ее проступок, Александр не защитил ее, а, наоборот, настаивал на самом строгом наказании, потому что она упорствовала, проявив свой характер, и отказалась признать свою вину, рассчитывая на поддержку Матросова. Поражены были его принципиальностью и воспитатели, которые догадывались о их не простых взаимоотношениях. (Спустя несколько месяцев, когда Матросов уже служил в Красной Армии, а Лида после освобождения работала в госпитале, она случайно встретилась в городе с воспитателем второго отряда Д. Бендасом. В беседе с ним Курганова сообщила с нескрываемой радостью, что переписывается с Александром, и, в доказательство, показала бодрое и задушевное письмо Матросова, сообщив при этом, что переписываются они регулярно, хотя одно время ей казалось, что тот смотрит на нее косо, чуть ли не с пренебрежением.)

В это же время в колонию приехал артист цирка акробат

Монахов, который начал готовить программу с ребятами. Воспитанники с нетерпением ждали его выступления, хотя и понимали, что это произойдет не скоро. Но прошло немного времени, ребята собрались на очередной вечер художественной самодеятельности и, когда поднялся занавес, то, к своему удивлению, они увидели на подмостках сцены акробата, а вместе с ним Сашу Матросова. С особым волнением, затаив дыхание, воспитанники следили за своим другом, который проделывал номера, требующие ловкости, скорости и отваги.

А Монахов, повиснув головой вниз и держась ступнями ног за кольца, подбрасывал Матросова, который, перевернувшись в воздухе, ладонями припадал к ладоням акробата, оставаясь на несколько мгновений в вертикальном положении, а потом переворачивался головой вниз, затем Монахов, держа зубами висящего на канате Матросова, вытянувшегося в горизонтальном положении, вращал его с головокружительной быстротой...

Успех Александра на этом вечере превзошел успех выступления самого акробата-профессионала. Все: и воспитанники, и воспитатели – были изумлены, прекрасно зная, что Матросов реально никогда акробатикой не занимался, и не понимали, когда он успел в столь короткий срок освоить и подготовить такие сложные номера. Они были потрясены его смелостью и отвагой...

Александр почти полностью отбыл свой срок заключения и сразу же после освобождения 24 сентября 1942 г. отправился в Кировский райвоенкомат г. Уфы... вместе с Лидией Васильевной Корепановой. Он очень переживал, что его не отправят в действующую армию, и упросил свою любимую воспитательницу поддержать его. И она вновь не смогла ему отказать, хотя Матросову было уже 18 лет и он считался одним из лидеров среди ребят в колонии.

Но перед тем, как отправиться в военкомат, Александр обошел все знакомые места, зашел в мастерскую и передал мастеру свой инструмент, а затем в управлении получил все документы, необходимые бывшему колонисту в мирной жизни. Заместитель начальника колонии по политической части Н.К. Ополев написал по его просьбе служебную характеристику и в момент прощания вручил ее Матросову. Николай Кузьмич прекрасно знал, зачем она была нужна Саше, ведь ни для кого не было секретом, что он сразу же уйдет добровольцем на фронт. Лишь бы поверили, лишь бы взяли...

Лидия Васильевна первая вошла в кабинет «грозного» военкома Малмыгина, который встал ей навстречу, и попросила принять допризывника Матросова. Иван Васильевич усадил Корепанову в кресло и стал расспрашивать. Она, не таясь, рассказала, как Саша год назад несколько раз просил и руководство колонии, и Наркома обороны отправить его на фронт под Москву добровольцем, но ему было отказано из-за несовершеннолетия. Не забыла Лидия Васильевна сказать, что ее воспитанник очень переживает, что его отправят в другое место, а не в действующую армию.

31-летний капитан со шрамом на левой щеке внимательно выслушал Лидию Васильевну и пообещал ей зачислить Матросова новобранцем в первую же команду, следующую на фронт, успокоив воспитательницу, а затем побеседовал и с Александром, который предъявил вместе с документами, подтверждающими его личность, и характеристику, данную ему руководителями колонии. В ней было написано:

Матмыгин
Иван Васильевич

«Матросов Александр Матвеевич, 1924 года рождения, образование семь классов, русский. В Уфимской детской трудовой колонии зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Работал на мебельной фабрике в качестве слесаря стахановскими методами. За хорошую работу на производстве, отличную учебу в школе и поведение Матросов А.М. с 15 марта по 23 сентября 1942 года был в должности помощника воспитателя. Кроме того, был избран председателем центральной конфликтной комиссии. Активная работа в учебно-воспитательной части и личное поведение Матросова окончательно подготовили его к самостоятельной жизни. Товарищ Матросов выдержан, дисциплинирован, умеет правильно строить товарищеские взаимоотношения. Характеристика дана для предъявления в РККА».

Беседуя с военкомом, Саша робко попросил, чтобы его направили воевать на флот, но стать матросом ему было не суждено, да и отправка команды задержалась. Матросов был оставлен при райвоенкомате.

Ночевал на диване в дежурной комнате, много помогал дежурному, уборщице и даже завхозу: приносил почту, отвечал на телефонные звонки, носил воду, мыл полы, кормил лошадей и др. Наконец был получен приказ об отправке призывников на учебный пункт.

Армии требовались грамотные пехотные командиры: младшие офицеры и сержанты, но если последних готовили в полковых школах, то в многочисленные пехотные училища отбирали кандидатов военкоматы. А тут и со средним образованием в объеме семилетки, и спортсмен, и владеет азами военной подготовки, да еще и с отличной характеристикой – готовый кандидат. И не беда, что эта характеристика из колонии для несовершеннолетних заключенных. «Ведь он исправился», – посчитали офицеры на призывном пункте и по ходатайству районного военкома выдали Матросову предписание в Краснохолмское военное пехотное училище. (В Уфе также располагалось пехотное училище, но кандидатов в него было достаточно, да и набор уже закончился.)

В день отъезда, 26 сентября 1942 г., Матросову предоставили время, чтобы он смог проститься с руководством и воспитанниками колонии. Начальство, по случаю проводов Матросова в армию, построило прощальную линейку. Радость, переполнявшая Александра, передавалась всем. Это был для него настоящий большой праздник. Он улыбался и сиял. Выступающие желали ему громить фашистов, остаться в живых, не забывать своих друзей и товарищей. попрощавшись, Матросов в ответ на пожелания сказал: «У меня нет родителей, и я их не помню. Советская Родина стала для меня матерью и отцом. Она воспитала меня, дала возможность учиться, стать полноправным советским гражданином. Нет для меня ничего дороже Родины. Ей отдам все свои силы, а если понадобится, я готов отдать и жизнь. Я буду драться с врагом беспощадно и выполню свой долг. Верьте мне...» И ему искренне верили...

На вокзале его окружили ребята, подошли учителя и воспитатели. Но на этот раз он был скуп на слова. Лишь на прощание сказал: «Теперь для меня начинается новая жизнь...»

Последние крепкие рукопожатия, поцелуи... Его провожала и Лида.

Прозвучала команда «По вагонам!!!», и поезд тронулся, набирая ход...

«Новая жизнь...»

(Краснохолмское военное пехотное училище)

В составе команды сверстников, под руководством офицера – представителя училища, Матросов отправился в путь к месту учебы и службы. Еще на станции в Уфе, когда ребята размещались в вагоне, к Александру подсел парень, с которым он познакомился еще на сборном пункте, когда кандидатов в училище построили на плацу и проводили перекличку. Это был Александр Воробьев, родом из села Михайловка Архангельского сельсовета Гафурийского

Воробьев
Александр Васильевич

района Башкирской АССР. Оба были в приподнятом настроении, так как долго ждали этого момента и давно пытались попасть на фронт. Теперь перед ними раскрывались «удивительные» возможности «изменить историю и разгромить фашистов». И в этом они были абсолютно уверены: «теперь-то уж точно они перегрызут горло ненавистному Гитлеру...» А о чем-то страшном, о смерти не хотелось и думать, поэтому в их компании всегда было весело. И заводилой был все тот же неунывающий Сашка Воробьев, хотя сам это отрицал. Ребята быстро подружились.

Поезд шел на юг в Чкаловскую (Оренбургскую) область. Но чем ближе они приближались к пункту своего назначения, тем сложнее были пересадки и возможность двигаться без длительных и утомляющих остановок. И прежде всего оттого, что их команда, двигаясь по рокаде вдоль только недавно образовавшейся линии фронта, перемещалась практически в том же направлении, куда в это же время стремились фашистские орды – к Сталинграду. Великая битва, которая переломает хребет германскому зверю и его союзникам, уже началась. Советские войска, упорно сопротивляясь, несли огромные потери и, чтобы закрыть бреши, образованные в линии боевого соприкосновения, и отстоять Сталинград, в этом направлении нескончаемым потоком двигались регулярные части резерва Ставки ВГК, снятые с других направлений и вновь сформированные. Для них был открыт

первоочередной проезд и дан зеленый свет на всех станциях и полустанках. К сожалению, в этом направлении железнодорожное сообщение было ограничено еще и тем, что не было построено в достаточном количестве железных дорог. Поэтому поезд с призывниками из Уфы в Краснохолмское военное пехотное училище и другими пассажирами двигался медленно, пропуская литерные эшелоны, часами простаивая на запасных путях железнодорожных станций.

Ребята с нескрываемой завистью провожали взглядами проносящиеся воинские эшелоны с техникой и войсками, ведь те мчались на фронт громить фашистов, а они... Молодость, молодость! Они даже не представляли, что война продлится еще почти три года, сколько еще горя она принесет на нашу многострадальную землю, сколько друзей-товарищей они потеряют в этой войне, сколько прольется крови, пота и слез... Они были уверены, что война закончится без них, если они так медленно едут...

В пути офицер – старший команды – рассказал, что их пехотное училище было сформировано еще зимой 22 февраля 1942 г. на территории центральной усадьбы совхоза в селе Краснохолм в 6 км от р. Урал на берегу озера Песчанка, а месяц назад, 21 августа 1942 г., состоялся первый выпуск молодых офицеров стрелковых войск. В настоящее время ускоренной подготовкой занимался второй набор курсантов. Фронту не хватало младших офицеров, командиры стрелковых взводов и рот в наступлении или контратаке были самым уязвимым звеном, и их потери были, как правило, безвозвратными.

В училище не было фундаментальных корпусов, не хватало необходимой материальной базы, лагерные палатки заменяли спальные помещения. Все учебные занятия, кроме политподготовки, проводились без срывов по 10 часов ежедневно на тактическом поле и на огневом городке, построенными руками самих курсантов и преподавателей. Но главное, что составляло основу успешного обучения личного состава, были люди, крещенные огнем и металлом, прошедшие «академии» боев под Москвой, Ельней и на других полях сражений Великой Отечественной: начальник училища полковник Константин Петрович Рябченко, начальник политического отдела майор Михаил Иванович Новиков, преподаватель тактики майор Илья Сергеевич Киреев, помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев старший лейтенант

Аркадий Агалумович Григорьянц и др. Они учили, воспитывали и закаляли необстрелянных курсантов для будущих боев.

Третий набор шестимесячной подготовки младшего командного состава стрелковых частей стал поступать в сентябре 1942 г.

Команда новобранцев из Уфы прибыла в училище одной из последних. Ребятам помыли в полевой бане и выдали новенькую армейскую форму. Старшие товарищи научили новобранцев, как наматывать портянки, чтобы в кровь не растереть ноги в первые же дни учебы, как правильно подшивать воротничок. Их распределили по взводам и ротам.

Еще в дороге друзья договорились проситься в одно подразделение. Однако тезкам не повезло. В училище их хоть и оставили в одной роте, но в разных взводах, потому что перед распределением всем новобранцам приказали построиться на строевом плацу в одну шеренгу по ранжиру (по росту). Коренастый Матросов был небольшого роста, но, не задумываясь, стал рядом с Воробьевым. Его тут же вывели из строя и отправили на левый фланг, а потом всех новобранцев рассчитали по порядку. Так Матросова зачислили курсантом в 4-й взвод 5-й стрелковой роты, а тезку – во второй. Но это не мешало приятелям, которые, по воспоминаниям самого Александра Воробьева, имели противоположные характеры, встречаться и дружить.

Командиром четвертого курсантского взвода был лейтенант Николай Андреевич Киреев, однофамилец преподавателя по тактике.

5 октября 1942 г. началась учеба по курсу молодого бойца. Прежде всего необходимо было выучить строевой устав и устав внутренней службы, научиться ходить строем и в ногу. Для Александра это было несложно, и в детдомах, и в колонии его научили везде передвигаться в составе группы, да и правильно обращаться к старшим по званию он тоже умел. А вот занятия в поле пока не проводили, Краснохолмскому военному пехотному училищу в полном составе было приказано сменить пункт постоянной дислокации и выдвинуться в район станции Платовка, расположенной на железнодорожной линии Куйбышев – Чкалов (Самара – Оренбург) Покровского (Новосергиевского) района Чкаловской (Оренбургской) области. Курсантам предстояло в пешем порядке совершить 80-км марш за реку Урал.

10 октября 1942 г. подразделения училища в полном составе сосредоточились в новом районе и приступили к оборудованию жилья

и мест для проведения занятий. Первое время курсанты жили в бывших конюшнях, где стены были из плетня, помазанного глиной, а крыши из соломы. Спали тоже на соломе, практически не раздеваясь, потому что было холодно (большие навесы с двух противоположных сторон конюшни плотно не закрывались, и через огромные щели постоянно дул холодный сырой ветер), а когда шел дождь, через крышу протекала вода. Тогда и было принято решение строить землянки. Топоров и пил не хватало. И здесь Матросов, который быстро ориентировался в обстановке и сходил с новыми людьми, проявил находчивость. Каким-то только ему известным способом он раздобыл инструменты, и взвод быстро, одним из первых, выполнил поставленную задачу. Александр сам работал в полную силу и никому не давал сидеть без дела.

И только через неделю, 18 октября 1942 г., начальник училища подписал приказ № 285, который гласил: «Полагать прибывших кандидатов для укомплектования училища и прошедших мандатную комиссию – зачислить курсантами в 5-ю роту, в списки личного состава, и поставить на все виды довольствия по курсантскому пайку с 30 сентября 1942 г.» В этом приказе под номером 85 значился А.М. Матросов.

(В своем письме от 3 октября 1942 г. в г. Уфа ДТК НКВД № 2, в барак № 19, помощнице воспитателя Карнауховой Т.П. («тете Тане») Матросов сообщал, что «прибыли мы в училище 2.Х.42 г.». Значит, военная служба Александра и ребят из Уфы как курсантов началась еще за три дня до их прибытия в училище. Что ж, бывало на войне и такое, хотя в основном большинство военнослужащих, особенно призванных полевыми военкоматами, в списки частей и подразделений зачислялись с опозданием на несколько дней, а то и недель. И хорошо, если за это время они не погибнут в бою или в расположении подразделения от осколка вражеского снаряда.)

Анкета курсанта была крайне лаконичной: «Фамилия, имя, отчество – Матросов Александр Матвеевич. Год рождения – 1924. Национальность – **русский**. Домашний адрес – г. Уфа, детская трудовая колония, общежитие № 19. Когда призван в РККА, каким райвоенкоматом – сентябрь 1942 г., Кировским. Военная специальность – стрелок-автоматчик».

Началась учеба. С первых дней службы у Саши появились

новые друзья: Михаил Бардыбаев, Сергей Копылов, Арений Кажаяев, Александры Матвеев, Орехов и др.

Орехов
Александр Иванович

Учение давалось курсанту Матросову легко. В «Боевом листке» появилась заметка о нем как о лучшем стрелке 4-го взвода 5-й роты, отстрелявшем все три упражнения из винтовки с высокой оценкой. Он стал не только метким стрелком и отличным гранатометчиком, но и умело действовал на тактических занятиях, четко нес караульную службу. Трудности походной и учебно-боевой жизни не пугали Александра. Физическая закалка, воспитанная сильная воля, упорство в достижении поставленной цели во многом помогали юноше преодолевать трудности.

Однажды на одном из первых тактических занятий Матросов вместе с курсантом И.П. Пузырниковым несколько часов находились в засаде. Было холодно, пошел первый снег, который запорошил бойцов, и только тогда, когда дали команду «Отбой!», Иван спросил Сашу:

– Ну как, не замерз?

– Привыкать нужно, война ведь, – ответил Александр.

Пузырников закурил и предложил Матросову, на что тот с улыбкой ответил:

– Я не курю, потому что Чапаев тоже не курил...

(Иван Петрович Пузырников запомнил этот ответ на всю жизнь.)

Серьезный, внимательный, готовый в любую минуту прийти на помощь каждому и добрым словом, и делом, Александр старался во всем помогать своим товарищам. Если кто-то во взводе получал из дома письмо с плохими новостями, он всегда подходил, садился рядом, старался поговорить и успокоить. А в свободное время, которого было немного, Саша играл на гитаре и пел задушевные русские песни, да так, что вскоре стал не только запевалой взвода, но и душой своего небольшого армейского коллектива, а для некоторых – самым лучшим другом.

Помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев старший лейтенант А.А. Григорьянц обратил внимание

на голубоглазого юношу среднего роста, очень подвижного и энергичного, который не только сам с молодецким задором действовал на полевых занятиях и стрельбах, но и увлекал этим своих товарищей. Узнав от курсантов, что Матросов еще и хорошо играет на гитаре, и поет, он решил привлечь его в коллектив художественной самодеятельности училища. Александр согласился. Офицер где-то раздобыл гармошку, и, когда Александр заиграл на ней и негромко запел, вокруг собралось много ребят, одни слушали его, а другие подпевали, вспоминая родных и близких. Некоторые песни брали за душу и, вспоминая что-то свое, родное, на глазах молодых воинов появлялись слезы. Это о многом говорило...

Григорьянц
Аркадий Агалумович

7 ноября 1942 г., в день 25-й годовщины Великого Октября, курсанты третьего набора принимали Военную присягу. Для училища это был знаменательный день. Лагерный городок был украшен плакатами, флагами и алыми транспарантами. Курсанты, одетые в новое обмундирование, были сосредоточенны. Они готовились произнести слова великой клятвы на верность Отчизне и своему народу.

Вместе с другими подразделениями построилась и 5-я рота. Саша стоял в строю, сдерживая волнение. Еще бы! Через несколько минут он станет настоящим воином героической Красной Армии. И когда командир взвода вызвал его из строя, Матросов с винтовкой в руке, чеканя шаг, подошел к небольшому столу, покрытому красной скатертью, и, преодолевая волнение, стал громко читать текст Военной присяги:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Матросов произносил слова громко и четко с полным сознанием того, что свою клятву он выполнит до конца, как подобает советскому солдату. Закончив читать, Александр поставил свою подпись под текстом Военной присяги и стал в строй. С этой минуты для него началась новая, военная жизнь. Он настоящий солдат, защитник своей Родины.

После принятия новобранцами Военной присяги и доклада об этом начальнику училища оркестр исполнил «Интернационал» и подразделения прошли торжественным маршем мимо трибуны, на которой находилось командование училища, представители округа и приглашенные местные партийные руководители...

Матросов одним из первых в роте стал отличником боевой и политической подготовки, о нем часто стали писать в боевых листках и стенной газете. Он выделялся среди остальных курсантов своего взвода старательностью и точным исполнением всего, что требовалось по службе от молодого бойца, инициативно действовал на тактических занятиях, хорошо стрелял, много уделял внимания физической подготовке. Саша почти с первых дней учебы стал лидером в своем курсантском подразделении.

Вскоре на комсомольском собрании разбиралось заявление Матросова о приеме в комсомол. Ребята проголосовали за него единогласно, и вечером 30 ноября 1942 г. в землянке второго батальона старший лейтенант Григорьянц вручил собравшимся молодым воинам комсомольские билеты, которые каллиграфическим

почерком, с любовью, заполнила своей рукой Людмила Викторовна Попова – инструктор политотдела училища.

Саша, выслушав напутственные слова, завернул свой комсомольский билет в непромокаемую клеенку, положил его во внутренний карман гимнастерки и сказал: «Клянусь с честью нести звание комсомольца, учиться и воевать по-комсомольски!»

Вместе с русскими в училище учились татары и украинцы, и даже ребята из южных республик: узбеки и таджики, которые с трудом привыкали к суровому климату оренбургского края с его снежной зимой. На тактических учениях в поле они быстро замерзали.

В это же время в 5-й роте проходили показательные тактические занятия, на которых присутствовали старшие командиры из руководства Южно-Уральского военного округа. Ни мороз, ни сложность занятий не отразились на настроении Александра Матросова, он как будто не уставал и подбадривал ребят.

Но однажды во время этих учений один из курсантов-таджиков заблудился. День выдался морозный и ветреный, а к вечеру стало еще холоднее. Организовали поиски. Искали долго и безрезультатно, да к тому же потеряли и Матросова. Собравшись у небольшой рощи, курсанты стали обсуждать, где теперь искать обоих. Наступали сумерки. Ребята не знали, что делать, но вдруг увидели, как по полю медленно идет на лыжах человек и на своих плечах несет другого. Это был Саша, который нашел полужамерзшего товарища и, оказав ему первую помощь, потащил в часть.

По окончании учений всей 5-й роте была объявлена благодарность от командования училища, а Матросова отметили особо.

Еще 19 ноября 1942 г. Красная Армия перешла в наступление под Сталинградом, и советским фронтам очень необходимы были младшие командиры в стрелковые части, поэтому в начале декабря Краснохолмское военно-пехотное училище произвело второй выпуск офицеров (290 лейтенантов и 97 младших лейтенантов).

3 декабря 1942 г. в очередном письме в Уфу помощнице воспитателя Карнауховой Т.П. Матросов сообщал, что сдает зачеты за первый период обучения «на лейтенантов».

Близкий друг Александр Воробьев вспоминал: «Всего лишь несколько месяцев мы служили вместе с ним во 2-м батальоне. Но и этого было достаточно, чтобы узнать и полюбить нашего Сашку.

Это был человек большой души, серьезный, одинаково ко всем внимательный, готовый в любую минуту помочь каждому и добрым словом, и делом... На войне нужно быть сильным, ловким, выносливым, чтобы победить врага. Зная это, Саша много занимался физической подготовкой. Он и до этого был неплохим спортсменом, но в стенах Краснохолмского военного пехотного училища обратил особое внимание на военно-прикладные виды спорта и, серьезно занимаясь ими, сумел достичь многого. Он хорошо стрелял, а на тактических занятиях действовал так, будто перед ним был настоящий противник... Больше всего любили мы Сашу за его большое сердце. Для друга он готов был сделать все, что мог...»

В воскресные дни, как правило, проводились различные соревнования, а так как спортивного зала под крышей в училище не было, то в основном это были состязания на «свежем воздухе», невзирая на погоду: по кроссу на различные дистанции, марш-броску в составе подразделения или соревнования на лыжах.

В один из воскресных зимних дней проводился очередной спортивный праздник – лыжные гонки на 3 км. Несмотря на сильный мороз и трудные условия, Матросов занял одно из первых мест. А вечером курсанты, собравшись в клубе совхоза, смотрели и слушали своих товарищей, участников художественной самодеятельности училища. Александр и здесь проявил активность, выступая перед ребятами, за что заместитель командира батальона по политической части капитан Федор Максимович Капенкин поставил его в пример.

Молодые курсанты учились военному делу настоящим образом, но иногда и они сталкивались с трудностями, когда выпадала трудная тема. Тогда друзья собирались вместе разобраться, что к чему. Как всегда, весельчак Миша Бардабаев предлагал различные невероятные варианты решения данной тактической задачи, но Матросов подходил к рассмотрению решения каждой темы глубоко и осмысленно. Сообща они вместе разбирались, и это поднимало их авторитет в глазах остальных ребят.

В середине декабря 1942 г. курсанты КВПУ были подняты по тревоге и отправлены на учения на сборный пункт в село Харабали (ныне город) Сталинградской (Астраханской) области. Это село было основано в 1789 г. на высоком левом берегу р. Ашулук (притока Волги) беглыми крестьянами из Воронежской, Курской

и Тамбовской губерний. В 40 км к югу от него находились развалины Сарай-Бату, бывшей столицы Золотой Орды. Вместе со всеми по тревоге выехал и Александр Матросов.

Ни командование училища, ни тем более курсанты не знали, что в это время фашисты предприняли свой контрудар по деблокации окруженной под Сталинградом 6-й немецкой армии Паулюса, и сводное подразделение курсантов Краснохолмского военного пехотного училища было резервом Ставки ВГК на этом направлении. Начальник учебной части батальона – старший лейтенант Александр Наумович Зиновьев скорректировал учебный план, и тактические занятия стали проводиться в полном объеме, только теперь на другой, незнакомой местности, что позволяло будущим командирам лучше оттачивать свое мастерство по управлению подразделением в бою. Одновременно они оборудовали районы обороны, огневые позиции на этом стратегическом оборонительном рубеже, который предусматривался Ставкой ВГК на случай прорыва к Волге фашистской группы армий «Дон» под командованием фельдмаршала Эриха фон Манштейна.

Но стойкость и упорство наших обороняющихся войск не позволили фашистам осуществить свои планы, и руководство училища в конце декабря получило приказ: в полном составе вернуться в пункт постоянной дислокации.

При погрузке на железнодорожной станции Харабалинская воинский эшелон с курсантами долго стоял. Александр увидел привлекательную девушку, шедшую по перрону. Молодость брала свое, и, повернувшись к своим друзьям Саше Воробьеву и Саше Орехову, он предложил познакомиться с ней. Они быстро подошли с трех сторон к девушке, но она не испугалась, ведь сколько за день проходит военных составов и много «женихов» старалось с ней познакомиться. Ребята, веселясь, предложили ей загадать желание, так как она находилась в окружении трех

Грибцова
Клавдия Ивановна

Александров, и узнали, что ее зовут Клава. Матросов попросил еще и ее домашний адрес, чтобы писать друг другу письма. Вскоре прозвучала команда, и, попрощавшись, курсанты уехали. (Клавдия Ивановна Грибцова, а это была она, даже не подозревала, что их мимолетная встреча на перроне на долгие годы войдет в историю великого подвига одного из этих веселых ребят – Александра Матросова.)

Пока курсанты второго батальона училища отрабатывали вопросы боевого слаживания на учениях в селе Харабали, в пункт постоянной дислокации в поселке Платовка прибыло новое молодое пополнение четвертого набора курсантов. Их уже успели переодеть и распределить по подразделениям. И теперь уже на правах «старослужащих» друзья учили «молодежь» азам армейской службы, а новобранцы смотрели на них с завистью, как на опытных и храбрых вояк.

Но доучиться курсантам не пришлось. Наступил Новый 1943 год.

Красная Армия, наступая, несла большие потери в живой силе и технике. Со всех фронтов на южное направление перебрасывались все новые и новые части и соединения. Но оголять фронт на других участках было нельзя, и руководство РККА приняло решение, как в грозный 1941 г. под Москвой, использовать в качестве резервов курсантов пехотных училищ, которые еще не завершили обучение по основной программе, но уже приобрели необходимые навыки действий солдата в бою, для усиления необстрелянных новобранцев.

К этому времени Саша и его друзья стали настоящими бойцами. Матросов окреп физически, закалился нравственно, приобрел качества, необходимые воину и младшему командиру для битвы с сильным и коварным врагом. По своей натуре, по своему характеру он мог бы стать хорошим командиром, душой взвода, роты, но судьба сложилась иначе...

3 января 1943 г. в адрес командования Краснохолмского военного пехотного училища по телеграфу поступило распоряжение командующего войсками Южно-Уральского военного округа генерал-майора М.Т. Попова №1/5017-3414, в котором начальнику училища полковнику К.П. Рябченко было приказано в течение двух недель сформировать и подготовить для отправки на фронт четыре курсантских батальона численностью по 250 человек каждый.

Людей явно не хватало, поэтому был объявлен дополнительный набор курсантов, и из ближайших госпиталей и военкоматов стали

поступать новые бойцы. Их необходимо было в кратчайшие сроки подготовить и включить в состав сводных формирований.

Новобранцы четвертого набора в ускоренном порядке проходили курс молодого бойца и к исходу назначенного срока принимали Военную присягу. К их подготовке привлекли отличников боевой и политической подготовки, в том числе и Александра Матросова. Командование училища планировало, что после окончания полного курса обучения и присвоения офицерских званий, курсантов-отличников оставить на должностях командиров учебных взводов в училище.

Остальным курсантам третьего набора, сдавшим экзамены и зачеты первого периода обучения еще в начале декабря 1942 г., досрочно, приказом начальника училища присвоили звания младших сержантов и включили в состав сводных батальонов.

Только когда объявили приказ о присвоении сержантских званий его друзьям-товарищам, Александр Матросов понял, что в списки подразделений, отправляющихся на фронт, он не попал. Саша тут же обратился к командиру взвода с просьбой отправить его на фронт добровольцем, написал рапорт, который по команде был в течение дня доведен до начальника училища.

На столе у Константина Петровича Рябченко уже лежало много подобных рапортов, и не только курсантов, но и офицеров училища. Да, он и сам не раз просился у командующего на фронт в действующую армию. Но приказ есть приказ, оставить подразделения без офицеров он не мог, тем более что училище продолжало существовать и вскоре должны были прибыть новые команды новобранцев следующего набора. Пришлось поговорить со всеми добровольцами отдельно и отказать в их просьбе. Но Александр был настойчив и непреклонен.

18 января 1943 г. полковник К.П. Рябченко доложил в штаб округа о готовности курсантских батальонов к отправке на фронт, которая была отложена до особого распоряжения. В эти дни продолжалась боевая учеба, особенно с вновь прибывшими бойцами. Младших сержантов старшего курса равномерно распределили по сводным батальонам, назначив командирами отделений и взводов.

Дни ожидания проходили, а распоряжение командования все не поступало. Наконец, в 20-х числах января 1943 г. на имя полковника К.П. Рябченко поступила новая секретная телефонограмма из штаба

Южно-Уральского военного округа, в которой сообщалось, что на основании Директивы заместителя Наркома обороны СССР № м/1 м/03 начальнику Краснохолмского военного пехотного училища приказано: в срок до 30 января 1943 г. направить в распоряжение командующего Калининским фронтом четыре курсантских батальона численностью по 250 чел. каждый. Воинский эшелон со сводными подразделениями сформировать и отправить со станции Платовка Южно-Уральской железной дороги до станции Земцы Московского региона Октябрьской железной дороги.

В короткий срок необходимо было сформировать воинский эшелон, подать заявку на подачу необходимого количества вагонов для размещения личного состава, имущества и пунктов хозяйственного довольствия, уточнить списки личного состава, а также лиц, сопровождающих данный эшелон до станции назначения. Но за прошедшие дни численность маршевых батальонов постоянно сокращалась. Появились больные, обмороженные среди личного состава, а приказ не оставлял места для сомнений – требовалось отправить на фронт ровно 1 000 чел. Только поэтому начальник училища принял решение удовлетворить просьбу большинства курсантов-добровольцев и включить их в состав сводных формирований. Радости Александра Матросова не было предела, вместе с ним радовались и его друзья.

Начальником сформированного воинского эшелона № 2115 приказом начальника Краснохолмского военного пехотного училища № 47 от 29 января 1943 г. был назначен старший лейтенант Коробцов, а его заместителями, в качестве сопровождающих: старший лейтенант Казак и капитан Капенкин.

Несмотря на звание рядового (курсантов-отличников включили в состав маршевых подразделений в последний момент перед отправкой на фронт, поэтому приказ о присвоении им первичных воинских званий не успели подготовить и подписать), Матросова назначили командиром маршевого отделения, а затем и старшим по вагону-теплушке. Это не смутило новобранцев, потому что Александра они уже знали и видели, когда он проводил занятия на курсе молодого бойца. Также командирами отделений и взводов назначили красноармейцев-фронтовиков старших возрастов, которые прибыли в училище из госпиталей после ранений, полученных в боях на фронте.

Не огорчило это и Сашу. Он, наконец-то, ехал на фронт, а вместе с ним его неунывающие друзья – младшие сержанты Михаил Бардыбаев, Александр Воробьев, Валентин Демченко, Михаил Малинкин, Александр Орехов, Сергей Копылов и др.

Сроки формирования сводных батальонов были короткими, поэтому интенданты-тыловики не успели переодеть всех курсантов в однообразную форму одежды. В каждом подразделении были бойцы в шинелях, армейских бушлатах довоенного образца, ватных телогрейках и штанах. В общем, «пестрая компания». Но этот факт никак не повлиял на настроение большинства молодых людей, которые рвались на фронт громить ненавистного врага.

Железнодорожный состав с вагонами-теплушками был подан под погрузку на станцию Платовка утром 29 января 1943 г. Подразделения начали грузить имущество, кухни, продовольствие. Для охраны эшелона назначили караул, подготовили несколько платформ и выставили часовых. Всему личному составу маршевых батальонов выдали денежное довольствие за прошедший месяц, и это тоже поднимало настроение.

В своем последнем приказе № 47 начальник Краснохолмского военного пехотного училища определил:

«На основании Директивы заместителя Наркома обороны СССР № м/1 м/03 полагать убывшими 29 января 1943 г. курсантов в количестве 1 000 человек для прохождения дальнейшей службы в 91-ю стрелковую бригаду ст. Земцы. Исключить из списков личного состава и всех видов довольствия училища с 29 января 1943 г. Числящиеся за ними обмундирование списать с книг учета ОВС и рот...»

В приложении к данному приказу был окончательно утвержден именной список личного состава маршевых батальонов, в который был включен и курсант 2-го отделения 4-го взвода 5-й стрелковой роты Матросов Александр Матвеевич...

15 июля 1943 г. Краснохолмское военное пехотное училище после выпуска молодых офицеров очередного набора было расформировано.

91-я Сталинская отдельная стрелковая бригада добровольцев-сибиряков

В июле 1942 г. пленум Новосибирского обкома партии принял постановление о формировании сибирского добровольческого стрелкового корпуса. Политбюро ЦК ВКП(б) и Нарком обороны И.В. Сталин утвердили решение о формировании Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков.

Уже к 24 августа 1942 г. из добровольцев были в основном сформированы стрелковая дивизия, бригада и управление корпуса. К инициативе новосибирцев подключились и неравнодушные жители Барнаула, Красноярска, Омска, а также сибирских областей и краев, которые сформировали из добровольцев свои стрелковые бригады.

1 сентября 1942 г. приказом войскам Сибирского военного округа (СибВО) № 0074, добровольческим соединениям и частям были присвоены номера и наименования:

- **150-я Сталинская добровольческая стрелковая дивизия сибиряков**, сформированная из жителей Новосибирска и области;
- **74-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада алтайцев-сибиряков**, сформированная из жителей Барнаула и Алтайского края;
- **75-я Сталинская отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков**, сформированная из жителей Омска и области;
- **78-я Сталинская отдельная добровольческая стрелковая бригада красноярцев-сибиряков**, сформированная из жителей Красноярска и края;
- **91-я Сталинская отдельная стрелковая бригада добровольцев-сибиряков**, сформированная на территории окружного учебного центра СибВО Югра-Лагерь из жителей Новосибирской области, Алтайского края, железнодорожного поселка Югра, а также моряков-добровольцев Тихоокеанского флота и досрочно освобожденных, репрессированных в ходе коллективизации 1930-х гг., переселенцев из поселков трудпоселений Сиблага НКВД (будущий ГУЛАГ).

Стрелковый корпус получил наименование: **6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус сибиряков**. Его управление, а также отдельный саперный батальон и отдельный батальон связи были сформированы из воинов-добровольцев г. Сталинск (Новокузнецк) Кемеровской области. Только отдельные подразделения обслуживания и обеспечения были укомплектованы за счет частей СибВО.

Более 60% личного состава корпуса ранее проходило военную службу или подготовку в РККА, в том числе 1461 чел. – участники Великой Отечественной войны, 73 из них уже были награждены орденами и медалями. По социальному и партийному составу: более 75% – из рабочих и колхозников, более 40% – члены ВКП(б) и комсомольцы, что позволило создать первичные партийные и комсомольские организации практически во всех подразделениях.

По своему составу и боевому духу этот сибирский добровольческий корпус можно было сравнить только с дивизиями народного ополчения Москвы, которые остановили фашистов на подступах к столице, и с коммунистическими полками ленинградцев, павших смертью храбрых на легендарном Невском пятачке.

Командиром 91 осбр, еще 25 августа 1942 г. в момент формирования, был назначен начальник Кемеровского военного пехотного училища полковник И.С. Костюк (1892 – 1944).

На момент назначения на должность комбрига Игнатию Степановичу, уроженцу с. Ростоки Кременецкого уезда Волынской губернии, шел уже 50-й год. Возраст не то чтобы старый, но для службы в армии почтенный и в мирное время уже предпенсионный, даже для военнотружущих в звании полковника, которое ему присвоили еще в летом 1938 г., когда он работал в Москве начальником газетного отдела военной цензуры при СНК СССР, а потом – военным цензором редакции газеты «Правда» и заместителем начальника газетного отдела при Уполномоченном

Костюк
Игнатий Степанович

СНК СССР по охране военных тайн в печати. Да, на этих должностях еще долго можно было служить и работать, но началась война. В конце сентября 1941 г. его назначили начальником отдела всеобуча штаба Орловского военного округа (ОрВО), но уже 3 октября «неожиданно» для командования Брянского фронта (генерал-полковник А.И. Еременко) и ОрВО (генерал-лейтенант А.А. Тюрин) передовой немецкий танковый корпус Хайнца Гудериана прорвался

к г. Орел и с ходу, без боя, захватил крупный областной центр. Части гарнизона даже не успели занять заранее подготовленные позиции у юго-западной окраины города. Штаб округа все же успел быстро эвакуироваться в г. Елец, оттуда в Тамбов, а потом в г. Чкалов (Оренбург). 26 ноября 1941 г. ОрВО был ликвидирован, а его офицеры отправлены на формирование Южно-Уральского военного округа.

В Главном управлении кадров РККА вдруг вспомнили, что полковник Костюк – обладатель легендарного послужного списка. Он был призван в ряды еще царской армии в октябре 1912 г. Служил и успешно воевал рядовым с начала Первой мировой войны на Юго-Западном, затем на Румынском фронтах. В июне 1917 г. был переведен в 1-й Сибирский стрелковый полк в г. Ташкент. Во время Октябрьской революции командовал отрядом Красной гвардии, воевал на Восточном фронте, командуя 1-й отдельной стрелковой бригадой. Затем был назначен начальником Ташкентского гарнизона. Громил банды Б.В. Анненкова, А.И. Дутова и отступавшие остатки колчаковской армии. С ноября 1920 г. – помощник начальника оперативного отдела штаба Туркестанского фронта, но в ноябре 1922 г. И.С. Костюк неожиданно был уволен в запас. К этому времени он успел окончить в Москве Высшую школу штабной службы РККА (1920) и два курса Военной академии им. М.В. Фрунзе (1922). Только в марте 1931 г. о нем опять вспомнили и зачислили в резерв РККА. (К этому времени Игнатий Степанович работал начальником специального управления Главного управления целлюлозно-бумажной промышленности СССР.)

В конце декабря 1941 г. начальник Кемеровского военного пехотного училища полковник И.Д. Бурмаков был назначен начальником штаба формируемой в Красноярске стрелковой дивизии и полковник Костюк получил назначение на эту должность...

6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус сибиряков в период с 14 по 19 сентября 1942 г. был передислоцирован и расквартирован в Москве и ее пригородах:

- управление корпуса, 150 *сд*, 91 *осбр*, 107 *осапб* и 88 батальон связи – в районе станции Кузьминки (Кузьминские лагеря) [ныне район Кузьминки Юго-Восточного административного округа Москвы];
- 74 *осбр* – непосредственно в Москве в районе Казанского вокзала;
- 78 *осбр* – в районе станции Очаково (ныне район Очаково-Матве-

евское Западного административного округа Москвы);
– 75 *осбр* – в районе деревни Алабино на юго-западе Москвы по Киевскому шоссе и расположилась на полигоне в 6 км от станции.

В Москве корпус вошел в состав резерва Ставки ВГК, а его соединения продолжали заниматься боевой подготовкой, сколачиванием частей и подразделений, а также заканчивали укомплектование вооружением, боевой техникой, автотранспортом и различным имуществом. Здесь в состав корпуса был включен 83-й гвардейский корпусной артполк (*гкан*), прибывший из г. Коломна Московской области, а 88 *обс*, как не закончивший формирование, был заменен 51 *обс*, который прибыл из Казани 100% укомплектованным и в полном составе.

Командиром корпуса был назначен генерал-майор С.И. Поветкин (1895 – 1965). Степан Иванович – уроженец села Русская Журавка Павловского уезда (Верхнемамонского района) Воронежской губернии (области). Он уже имел опыт ведения боевых действий не только с фашистами, но и на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. За доблесть и храбрость был награжден орденами и медалями (в царской армии имел офицерский чин прапорщика).

Поветкин
Степан Иванович

В предвоенные годы, в связи с репрессиями в РККА, быстро поднялся по служебной лестнице: за четыре года с 1936 г. по 1940 г. от командира батальона до командира 47-го стрелкового корпуса в Западном военном округе в г. Бобруйск, практически не командуя ни полком, ни дивизией. Военное образование получил только на шестимесячных стрелково-тактических курсах «Выстрел», одновременно будучи там же начальником курса (следовательно, никакого - авт.).

С началом войны в обстановке паники и потери управления генерал Поветкин за пять дней так и не смог установить связь с подчиненными дивизиями. Однако, являясь начальником военного гарнизона Бобруйска, 27 июня 1941 г. сумел с офицерами управления корпуса собрать из отдельных разрозненных частей и подразделений, а также из курсантов Бобруйского автотракторного училища сводный отряд

(около 3 000 чел.) и организовать оборону по восточному берегу реки Березина. Беззащитный город остался на западном ее берегу. Не были организованы ни боевое охранение, ни огневые засады, ни передовые позиции, даже старинная крепость была оставлена без боя. По трем мостам, в том числе и железнодорожному, подготовленным к взрыву, сплошным потоком шли беженцы, покидая свой родной Бобруйск.

Поздно вечером в 22-00 час 27 июня 1941 г. без единого выстрела, пройдя перед этим с боями за пять дней более 400 км от крепости Бреста, которая еще продолжала сражаться, в город вошла немецкая передовая боевая группа 3-й танковой дивизии 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы генерал-полковника Хайнца Вильгельма Гудериана в составе одной мотопехотной роты и двух танковых взводов (не более 100 чел.). (Эту группу холеных фашистов при умелом управлении можно было уничтожить за считанные минуты из подготовленных засад на улицах города – авт.). Но генерал Поветкин лишь приказал взорвать мосты через Березину. Весь следующий день сводный отряд вел стрелковый бой с противником, пытавшимся переправиться через реку.

Днем 29 июня 1941 г. к северу от Бобруйска, на виду обороняющихся советских подразделений, один пехотный батальон немцев форсировал реку на надувных лодках и захватил плацдарм. Наши войска начали «отходить» или просто в панике бежали. Какую-то часть оставивших свои позиции красноармейцев удалось остановить, и лично генерал Поветкин вместе со штабом корпуса повел в контратаку эту «неорганизованную толпу», в результате погибло большое количество красноармейцев и старшего комсостава, которого и так не хватало в войсках. Уничтожить противника на плацдарме не удалось, и немцы быстро закрепились, хотя и с большими потерями в личном составе – умели стрелять советские офицеры. В этой атаке 29 июня 1941 г. генерал Поветкин был тяжело ранен, его самолетом корпусной эскадрильи эвакуировали в Москву.

Действия комкора-47 были оценены высоко: он одним из первых был награжден орденом Ленина. А сводный отряд корпуса на следующий день после новой атаки фашистов отступил на новый рубеж по восточному берегу реки Ола в Михалево. Остатки управления корпуса 14 июля 1941 г. были отозваны в распоряжение Ставки ВГК, но только 22 июля сумели выйти из боя. 1 августа корпус был расформирован.

(Несколько тысяч красноармейцев и офицеров, в том числе и 47 ск, сдались в плен фашистам. Их разместили за мощными стенами в старинной Бобруйской крепости. Половина из пленных красноармейцев только несколько дней назад была мобилизована, их успели лишь переодеть в военную форму и (самое страшное) подстричь налысо, но оружие в своих руках они так и не держали. Военнопленных было очень много, и в крепость постоянно приводили новых и новых пленников, которых надо было круглосуточно охранять, да и кормить. Решение, которое приняли фашистские нелюди, нельзя не назвать бесчеловечным. Рано утром, когда основная масса голодных советских военнопленных еще полулежала, полусидела на земле, на стенах крепости появились немецкие огнемётчики и по команде «Feuer!» заживо сожгли всех. Душераздирающий крик стоял такой, что слышно было не только жителям всего оккупированного города, но и за многие километры в белорусских деревнях и селах. Стигла кровь от этого нечеловеческого вопля...

Фашизм – это страшно, и забывать об этом нельзя!)

А генерал-майор С.И. Поветкин после излечения в декабре 1941 г. был назначен на должность заместителя командующего 31-й армии *по тылу*. Он хорошо знал театр предстоящих военных действий, поэтому через год, в ноябре 1942 г., 47-летний генерал, ровесник Жукова и Рокоссовского, имеющий опыт ведения боевых действий с фашистами, стал командиром 6-го **Сталинского добровольческого** стрелкового корпуса сибиряков – элиты РККА. (Видно, в кадрах МО он был одним из лучших – авт.).

С 27 сентября по 1 октября 1942 г. боевая готовность соединений корпуса проверялась Правительственной комиссией с представителями ГУ формирований и ГШ РККА, которая дала положительную оценку подготовке личного состава, особенно по подбору командного и начальствующего состава, но обратило внимание на недостаточную подготовку штабов частей к работе в полевых условиях.

6 ск был полностью укомплектован всеми видами вооружения и техники, получил один комплект боеприпасов и насчитывал более 37,5 тыс. человек в своем боевом составе.

Вечером 1 октября 1942 г. первый эшелон с войсками корпуса был отправлен в район предстоящих действий в составе 22-й армии Калининского фронта. Последний, пятидесятый, эшелон с подразделе-

ниями 78 *осбр* убыл со станции погрузки только 9 октября 1942 г.

В пути следования по войскам корпуса постоянно наносила свои смертельные удары немецкая авиация. На одном из перегонов в 91 *осбр* появились первые потери, в том числе убитых 6 чел., раненых 23 чел. Только из-за постоянного присутствия в небе фашистской авиации распоряжением командующего армией сразу после разгрузки разрозненные подразделения корпуса, не дожидаясь полного прибытия остальных частей, без должного прикрытия с воздуха, с сухим пайком на одни сутки и одним боекомплектom в труднейших условиях бездорожья, по одной единственной дороге, проходящей по лесисто-болотистой местности, имеющей практически на всем протяжении деревянный, пришедший в негодность настил, вынуждены были совершать марш своим ходом в назначенные районы сосредоточения. Ширина проезжей части этой дороги не давала возможности встречному движению, обгону застрявшей техники, что тормозило движение колонн, особенно обозов. Соединения и части корпуса двигались со средней скоростью 5-8 км/ч, а пехота – 2-3 км/ч, и причем только по ночам.

Неравномерность прибытия частей и подразделений на станции выгрузки и отсутствие необходимого количества транспорта вынудили командование корпуса грузить на имеющиеся подводы и машины только боеприпасы и имущество, оставляя на станциях запасы продовольствия. Но на маршруте движения тылом 22-й армии и фронта не были организованы базы, склады и пункты пополнения продовольствием и горючим, вследствие чего уже в первые дни части корпуса стали испытывать недостаток в продуктах питания, фураже для лошадей и в горючем для техники.

Уже на второй день марша продовольствие стало заканчиваться, нависла угроза голода. Кормить личный состав стали один раз в сутки, и то щами из сушеной капусты, сваренной без соли, при неполной норме сухарей, а потом и вовсе перешли на болтушку из ржаной муки, тоже без соли. Хлеб и сухари закончились. Обессиленные красноармейцы еле передвигали ноги, появились отставшие. Лошади, питаясь одним сеном, с трудом тащили свои повозки. Лишь к вечеру четвертого дня марша подвезли сухари и сахар.

В этой ситуации тыл корпуса растерялся, а его командир смог воочию убедиться в работе своего недавнего коллеги, но, к сожалению, своевре-

менно никаких мер не предпринял ни он, ни политработники корпуса.

Только 15 октября 1942 г. последний эшелон прибыл на станцию выгрузки. В силу всех причин полная переброска из Москвы и сосредоточение соединений корпуса в назначенных им районах затянулись до 1 ноября 1942 г., хотя сам марш подразделений от станции разгрузки до района сосредоточения совершался в течение 6-7 суток. Потери во время передвижения по железной дороге составили более 50 чел. (без учета потерь 91 *осбр*), из них большинство дезертиры, самоубийцы, членовредители, раненые и убитые вследствие неосторожного обращения с оружием.

Уже к середине октября в передовых частях корпуса появились больные от истощения, часть которых умерла. Начался падеж конского состава. Положение осложнялось еще и тем, что армейские базы снабжения продовольствием и горючим были на большом удалении (от 55 км до 170 км) от мест расположения частей, а командование и тыл 22-й армии, не учитывая тяжелого положения корпуса, так и не приблизили свои армейские подвижные склады к переднему краю. В лучшем положении оказались батальоны 91 *осбр*, которые сосредоточились в районе деревни Красный Холм, в 13 км северо-западнее г. Белый, рядом со штабом 22-й армии.

Генерал-майор С.И. Поветкин приказал изъять всех лошадей из подразделений, сформировать несколько обозов и направить их на армейские продовольственные базы, а также на строительство новых колонных путей, дорог и рокад. Тыл корпуса обязан был в кратчайшие сроки создать 5-суточный запас продовольствия, фуража, ГСМ и 3 боекомплекта боеприпасов. Но, к сожалению, время было упущено. Случаи падения лошадей от истощения возросли. Почти половина конского состава пала из-за отсутствия кормов.

Части всех соединений корпуса были брошены на ремонт дорог. За исключением подразделений, назначенных командирами для действий в передовых отрядах, штурмовых группах, группах управления и наблюдения. С ними стали проводиться ежедневные занятия на незнакомой местности, в том числе и ночью. Одновременно продолжали совершенствоваться районы расположения частей в инженерном отношении. Авиация противника постоянно наносила свои удары, особенно по району 150 *сд*, в которой было убито 47 чел. и ранено более 100 чел.

К 1 ноября 1942 г. создание и ремонт дорог в основном были закончены. Назначены коменданты дорожных участков с рабочими командами для наблюдения и поддержания в хорошем состоянии дорог. Организована служба регулирования: выставлены посты и патрули. Но на колонных путях и рокадах работы продолжались. В этих целях ежедневно выделялось более 900 чел. личного состава.

Автомобильный транспорт по разбитым дорогам быстро выходил из строя, половина его уже нуждалась в ремонте.

Только через месяц положение с продовольствием понемногу стало исправляться. В это время уже весь автотранспорт корпуса был брошен на перевозку продовольствия, фуража, ГСМ и боеприпасов. Суточный рацион питания бойцов довели до установленных норм. Для сильно истощенных бойцов выделили особые повышенные пайки для скорейшего восстановления сил, а при 150 сд в одном из уцелевших зданий бывшего санатория организовали специальный дом отдыха для слабых и истощенных красноармейцев.

К этому времени уже была организована проводная связь с соседом справа – 238 сд 41-й армии. Стало понятно, что войска корпуса будут действовать на стыке двух армий Калининского фронта.

Восстановив боеспособность, части корпуса приступили к плановой боевой учебе теперь уже в непосредственной близости от переднего края. Были и потери. За месяц нахождения в исходных районах корпус потерял только убитыми более 300 чел.

2 ноября 1942 г. 91 *осбр* сменила район расположения и сосредоточилась в урочище Поповка у хутора Льба и деревни Петрушино, организовала противотанковую оборону и приступила к инженерному оборудованию своего района.

Снега легли рано. Да и морозило уже не по-осеннему. Проходя через сожженные деревни и хутора, воины-сибиряки старались идти в ногу, а роты моряков-тихоокеанцев даже печатали шаг, потому что на них во все глаза, стоя у обочины дороги, смотрели женщины и дети, выбежав из своих землянок и чудом уцелевших банек. Они, утирая слезы радости, смотрели на своих освободителей, как на чудо-богатырей. Им всем без исключения показалось, что все ребята высокие, крепкие, статные, красивые. Все как на подбор. В белых полушубках и белых валенках, которых деревенские жители никогда в жизни не видели. И надо было видеть,

как они шли, как на параде! По четыре человека в ряд, ротными колоннами. И было их столько, что, начав считать, люди сбились со счета, путались. А сибиряки все шли и шли быстрым шагом, не останавливаясь. А за ними крепкие кони тянули пушки.

– Уж теперь-то немцам нас не одолеть, силища какая! Орлы! Войне теперь конец! Сталин сибиряков прислал! Да, такие орлы не могут не победить! Куда там немцам до такой силы! – причитали заплаканные женщины. А им в ответ добровольцы лишь успевали крикнуть: «Не плачьте! Ждите нас с Победой!»

И они верили, свято верили в скорую победу над той «нечистой силой», которая пришла на нашу землю.

Еще долго стояли женщины на околице, провожая взглядом своих защитников, а маленькие, чумазные детки, прижавшись к матерям, все махали и махали вслед уходящим солдатам своими посиневшими от холода ручонками... (Вот вам и ответ очевидцев псевдоисследователям, которые утверждали, что «Сталинская бригада воевала в ватниках» – авт.)

К середине ноября 1942 г. войска корпуса были вполне подготовлены для прорыва обороны противника и ведения наступления. Местность в полосе действий корпуса, противник, его характер действий и укрепления на переднем крае обороны фашистов были достаточно хорошо изучены всем комсоставом, включая командиров рот и взводов. Одновременно с рекогносцировочными группами на линию боевого соприкосновения выходили и снайперские расчеты частей, которые к 15 ноября 1942 г. сумели уничтожить более 130 немцев.

К этому времени 6 ск со всеми средствами усиления вошел в состав 41-й армии и должен был наступать на направлении главного удара Калининского фронта.

Командующий 41-й армией 36-летний генерал-майор Г.Ф. Тарасов (1906 - 1944) родился в Тобольской губернии в селе Мокроусово в семье учительницы церковно-приходской школы, внук польского дворянина-революционера Устина Норбертовича Каминского, сосланного в

Тарасов
Герман Федорович

Сибирь за участие в восстании 1863-1864 гг. В 13 лет он вступил в комсомол, а после окончания школы в 1923 г. учился в Тюменском дорожно-строительном институте, но не окончил (институт был закрыт). Грамотный и начитанный молодой человек пошел работать учителем начальной школы в деревне Полой своего Мокроусовского района.

В 19 лет Герман Федорович был призван в ряды РККА и сразу же отправлен на учебу в 12-ю Ульяновскую дважды Краснознаменную пехотную школу командного состава им. В.И. Ленина, которую окончил с отличием в сентябре 1927 г., и был направлен для прохождения дальнейшей службы в г. Свердловск (Екатеринбург) на должность командира взвода 71-го отдельного дивизиона войск ОГПУ Урала (НКВД, ВВ, Ростгвардия), где со своим взводом обеспечивал охрану важных государственных объектов и конвоировал особо важных преступников. Затем служил в различных подразделениях ОГПУ в городах Нижний Тагил и Магнитогорск. Член ВКП(б) с 1931 г.

С апреля 1934 г. Г.Ф. Тарасов учился в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (2-й факультет ВВ), которую окончил с отличием и дипломом 1-й степени. После завершения учебы был направлен в Пограничные войска НКВД СССР. С августа 1938 г. проходил службу в Управлении пограничных войск Белорусского округа на руководящих должностях. Осенью 1939 г. принимал участие в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию и уже в феврале 1940 г. стал начальником штаба пограничных войск НКВД Читинского (Забайкальского) округа.

Герман Федорович Тарасов, хотя и окончил Военную академию с отличием, изучая тактику своих внутренних и пограничных войск, но не знал, что эта наука существенно отличается от действий общевойсковых подразделений в бою, и тем более слушателям 2-го факультета даже обзорно не давали знания в области оперативного искусства. К тому же он не имел практического опыта командования большими войсковыми соединениями и объединениями. Тем не менее инициативный полковник уже в начале Великой Отечественной войны стал командиром 249-й (с 16 февраля 1942 г. – 16-я гвардейская) стрелковой дивизии, которая участвовала в боях с фашистами на Северо-Западном и Калининском фронтах, освободила города Андреаполь и Торопец. Участник Торопецко-Холмской и Демянской наступательных операций. За отвагу и мужество и дивизия, и ее командир

были награждены орденами Ленина. С 12 апреля 1942 г. - врид командующего оперативной группой войск 39-й армии, а уже в мае 1942 г. генерал-майор Тарасов – командующий 41-й армией...

Замысел советской операции «Марс» (вторая Ржевско-Сычевская наступательная операция) возник еще в конце сентября 1942 г. как продолжение первой Ржевско-Сычевской операции (30 июля - 30 сентября) и состоял в том, чтобы разгромить 9-ю немецкую армию (командующий – генерал-полковник Отто Мориц Вальтер Модель), составлявшую основу группы армий «Центр». Это планировалось достигнуть путем нескольких одновременных ударов по сходящимся направлениям, прорыва обороны противника на тех участках фронта, где до этого не проводились крупные наступательные операции, окружение и разгром 9-й немецкой армии в районе Ржев, Сычевка, Оленино, Белый. В дальнейшем после перегруппировки войск – разгромить гжатско-вяземско-холм-жирковскую группировку противника. С освобождением советскими войсками Вязьмы и выходом на рубеж западнее многострадального города (оборонительный рубеж Резервного фронта в сентябре 1941 г.) к концу января 1943 г. операцию можно было считать завершённой.

Местность в районе предстоящих боевых действий была сильно-пересеченной, лесистой, с густой сетью населенных пунктов, с ограниченным количеством дорог с твердым покрытием, и при этом требовалось форсировать реки Вишенка, Вена и Нача, что сильно затрудняло взаимодействие войск и их всестороннее обеспечение, особенно горючим и боеприпасами. Также по направлению предстоящего наступления часто встречались неширокие, но с крутыми обрывистыми берегами каналы, болота, овраги и балки. По докладам разведки этот район был насыщен большим количеством дотов и дзотов, минных полей и проволочных заграждений противника. Все хутора, деревни и села были подготовлены фашистами к круговой обороне и насыщены огневыми средствами. И хотя плотность немецкой обороны непосредственно на переднем крае составляла 20-40 км на пехотную дивизию, что, по замыслу Ставки ВГК и лично И.В. Сталина, позволяло советским войскам достаточно легко ее преодолеть, небольшие немецкие гарнизоны сел и деревень могли надолго удерживать наступающие советские пехотные подразделения с заранее подготовленных позиций не только на крышах домов и сараев, но и с

дзотов и дотов. Да и категорический приказ Гитлера после разгрома фашистских войск зимой 1941 г.: удерживать Ржевско-Вяземский выступ любой ценой, как «пистолет, направленный на Москву», тоже о многом говорил. Поэтому на протяжении нескольких месяцев оборона врага постоянно совершенствовалась. Фашистами были заранее подготовлены хорошо развитые в инженерном отношении рубежи, глубина эшелонирования которых достигала 80-100 км.

В операции «Марс» (25 ноября – 20 декабря 1942 г.) принимали участие войска двух советских фронтов: Калининского и Западного (командующий – генерал-полковник И.С. Конев). И.В. Сталиным, в последний момент, координация усилий по руководству операцией «Марс» была возложена на своего заместителя – генерала армии Г.К. Жукова, который не участвовал в разработке замысла этой операции, что стало полной неожиданностью для Георгия Константиновича.

Но, к великому сожалению, о подготовке новой наступательной операции в районе Ржевско-Вяземского выступа знал и враг.

По утверждению П.А. Судоплатова, информация об операции была частично раскрыта руководству вермахта в рамках стратегической радиоигры «Монастырь» с целью отвлечения значительных сил от Сталинграда, где в тот же период времени готовилась операция по окружению немецкой 6-й полевой армии генерала Паулюса. Г.К. Жуков об этой радиоигре ничего не знал. Из руководства страны об этом знали только И.В. Сталин и Л.П. Берия.

Это удалось. Наступления Красной Армии под Ржевом немцы

Пуркаев
Максим Алексеевич

ждали еще 15 ноября 1942 г., поэтому пропустили удар на юге. Окружение фашистских войск под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью, потому что Генеральный штаб сухопутных войск вермахта (А. Гитлер) поверил своей разведке.

Одновременно с операцией «Марс» командующий Калининским фронтом генерал-лейтенант М.А. Пуркаев планировал провести краткосрочную наступательную операцию на правом крыле фронта силами 3-й ударной армии (генерал-лейтенант К.Н. Галицкий) с целью: затруднить

фашистам переброску войск по рокаде с севера на юг, перерезать железную дорогу Ленинград – Витебск и освободить советские города Великие Луки и Новосокольники.

Максим Алексеевич Пуркаев (1894 - 1953) воевал еще в Первую мировую командиром взвода в звании прапорщика, а в Гражданскую войну командовал полком в 24-й Самаро-Симбирской Железной стрелковой дивизии. В начале Великой Отечественной войны – начальник штаба Киевского Особого военного округа (Юго-Западного фронта). 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве командовал военным парадом, который принимал Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Торжественное шествие войск и пролет авиации стали демонстрацией военной мощи СССР перед представителями иностранных посольств и миссий, эвакуированными в «запасную столицу» из Москвы. Командовал 3-й ударной армией (3 Уд.А) в Торопецко-Холмской и Демянской операциях.

Генерал-лейтенант М.А. Пуркаев лично и очень тщательно руководил подготовкой Великолукской операции с учетом всех предыдущих ошибок. 3-я ударная была ему дорога, поэтому для поддержки ее действий он привлек не только большое количество артиллерии и все свои резервы, но и авиацию фронта в составе 3-й воздушной армии (генерал-майор авиации М.М. Громов), а это три бомбардировочных, шесть штурмовых и четыре истребительных авиационных дивизий.

Однако прибывший 19 ноября 1942 г. на командный пункт армии представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков, заслушав решение генерала Галицкого, уточнил цель фронтовой наступательной операции: сковывание противника на вспомогательном направлении силами одной 3-й ударной армии (без резервов) и недопущение переброски немецких войск на юг в район Сталинграда. На этом ценные указания Георгия Константиновича завершились. Он в этот день находился в хорошем настроении, потому что привез приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о присвоении звания генерал-полковника командующему фронтом М.А. Пуркаеву, а также сообщил всем об успешном начале операции «Уран». Но, уезжая, он возложил всю ответственность за эту операцию на Максима Алексеевича, которого хорошо знал еще по довоенной службе, и больше не вмешивался в ее подготовку и проведение...

Битва за город Белый

Войска 41-й армии наносили главный удар в полосе Калининского фронта, их подготовка к наступлению к середине ноября 1942 г. была полностью завершена. В ее состав, помимо своих пяти стрелковых дивизий, вошли еще два ударных корпуса: 1-й мехкорпус (генерал-майор М.Д. Соломатин) и 6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус сибиряков, а также 47-я и 48-я мехбригады. Всего 116 тыс. человек и 300 танков. Армия должна была прорвать оборону противника южнее г. Белый, расширить прорыв в восточном и северном направлениях и соединиться с войсками 20-й армии Западного фронта.

В полосе нашего наступления занимали оборону 246-я, 197-я пехотные и 2-я авиаполевая дивизии врага, боевой потенциал и уровень подготовки которых значительно уступали другим соединениям фашистов. Учитывая это, немецкое командование сосредоточило в районе г. Белый сильный резерв – 1-ю танковую дивизию и боевую группу в составе двух мотопехотных батальонов моторизованной дивизии «Великая Германия».

23 ноября 1942 г. 6-й стрелковый корпус силами 150 *сд* провел разведку боем у деревни Дмитровка. На следующий день и в последующую ночь войска корпуса скрытно вышли в исходное положение и заняли свои позиции на переднем крае. 91 *осбр* была оставлена командующим в армейском резерве в готовности к выполнению внезапно возникающих задач и усилению частей первого эшелона армии.

Операция «Марс» началась 25 ноября 1942 г. сразу по трем направлениям. С утра стрелковые соединения 6 ск после трехчасовой артиллерийской подготовки атаковали передний край обороны противника, с ходу прорвали его и устремились в долину р. Вишенка. Но здесь они встретили мощное сопротивление расположенных на ее крутом противоположном берегу опорных пунктов врага, а также подверглись контратакам дивизионных резервов противника.

К исходу первых суток наступления войска корпуса овладели только первой и частично второй траншеями. Немцы оказывали отчаянное сопротивление. Создалась угроза срыва начатого наступления, и, хотя полоса обороны противника полностью еще не была прорвана, генерал-майор Г.Ф. Тарасов приказал ввести в сражение 1-й мехкорпус (224 танка, из них КВ – 10 и Т-34 – 119).

Командир 1-го механизированного корпуса 47-летний генерал-майор танковых войск Михаил Дмитриевич Соломатин (1894 –1986) был яркой личностью. Он служил еще в царской армии в звании унтер-офицера, а затем фельдфебеля, командуя отделением и взводом. Одним из первых 1 января 1918 г. вступил в Красную Гвардию. Был выбран красногвардейцами начальником отряда. Член РКП(б) с 1918 г. Воевал в рядах РККА в Гражданскую войну с июня 1918 г. Несколько раз был ранен. Его дважды исключали из партии в 1920 г. и в 1938 г., а потом восстанавливали. Окончил Харьковскую школу комсостава (1922), Высшую стрелковую школу командного состава РККА («Выстрел») (1927), Высшие академические курсы при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (1930). По ложному доносу более шести месяцев сидел в застенках НКВД в Хабаровске, где его избивали до потери сознания, но потом освободили, даже не извинившись, в связи с недоказанностью и прекращением дела, восстановили в прежней должности командира дивизии. Но арест и допросы с пристрастием не изменили его отношения к службе.

Начало Великой Отечественной войны Михаил Дмитриевич встретил в должности командира 45-й танковой дивизии 24-го мехкорпуса Юго-Западного фронта. За успешные боевые действия дивизии, обеспечившей отход за р. Южный Буг войск 12-й и 6-й армий, комбриг Соломатин был награжден орденом Красного Знамени. Его дивизия успешно оборонялась под г. Каменец-Подольский, г. Винница, г. Усмань и Днепропетровск. Дважды попадала в окружение, выходила к своим с боями, понесла большие потери в личном составе и технике, но знамя не утратила. Участник контрнаступления под Москвой. Был тяжело ранен. После излечения был назначен вначале командиром 8-го танкового корпуса, а в сентябре 1942 г. – командиром 1 *мк.*

Корпус генерала Соломатина вводился в бой через боевые порядки сибиряков, но без 19-й мехбригады, которую командующий 41-й армии уже в ходе развертывания вывел из его состава и передал

Соломатин
Михаил Дмитриевич

в оперативное подчинение генералу Поветкину, части которого должны были также по новому распоряжению командарма прикрывать фланги атакующих механизированных и танковых частей 1 *мк*, то есть одни соединения сибиряков (150 *сд* с 19 *мбр*) разворачивались строго на север в направлении г. Белый, а остальные бригады корпуса сибиряков (кроме 91 *осбр*) поворачивали строго на юг для прикрытия правого фланга участка прорыва.

План молодого 36-летнего командующего 41-й армией генерал-майора Г.Ф. Тарасова был не плох, но, к великому сожалению, не был заранее еще во время почти полуторамесячной подготовки проработан и доведен до командиров атакующих корпусов. Все эти поспешные распоряжения нарушали все замыслы и решения Поветкина и Соломатина, которые они в течение месяца отрабатывали со своим подчиненными на многочисленных рекогносцировках на местности, привлекая всех командиров, вплоть до взводных. Одновременно это нарушало всестороннее обеспечение и управление частями корпусов, особенно централизованное обеспечение наступающих подразделений боеприпасами и топливом. Тылы корпусов и армии вновь оказались не готовы к выполнению внезапно возникающих (по воле командарма) задач.

Генерал Поветкин промолчал, а импульсивный Михаил Дмитриевич Соломатин молчать не стал и высказал командарму, что тот своим распоряжением нарушил план всей операции корпуса.

Тем не менее танкисты 1 *мк* в течение 26 ноября 1942 г. завершили прорыв вражеской обороны, вышли на оперативный простор и приступили к развитию успеха, громя немецкие комендатуры, штабы, пехоту, боевую технику врага, и это в условиях безраздельного господства в воздухе немецкой авиации, даже несмотря на потери от огня нашей зенитной артиллерии. От бессилия и злости, что фашистские летчики безнаказанно уничтожали наши танки, орудия и людей, многие красноармейцы открывали дружный заградительный огонь из своих винтовок. А командир артиллерийского дивизиона капитан А.П. Трифонов даже сбил немецкий самолет прицельным выстрелом из винтовки Мосина, что случалось довольно редко.

К исходу третьего дня наступления глубина вклинения армейской подвижной группы составила более 20 км. Механизированные и танковые бригады 1 *мк* вышли к реке Нача и захватили плацдармы на ее противоположном берегу. При этом главные силы корпуса

действовали в отрыве от остальных войск, имея значительные разрывы в боевых порядках и открытые фланги. Отстала пехота и тылы. Боеприпасы, топливо и продовольствие были на исходе.

Фашисты знали о готовящемся наступлении советских войск, но такого не ожидали. Три танковые и несколько пехотных дивизий, которые готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и срочно переброшены к участку прорыва южнее г. Белый.

В это время для прикрытия левого фланга мехкорпуса со стороны г. Белый командование армии ввело в бой резерв – 91 *осбр*, которая уже 27 ноября 1942 г. получила свое боевое крещение у деревни Симоновка.

Первым в бой с фашистами вступил 4-й батальон капитана Бориса Бокатина, укомплектованный матросами-добровольцами Тихоокеанского флота. Выйдя на рубеж юго-восточнее деревни Симоновка, батальон попал под сильный артиллерийско-минометный обстрел. На советских краснофлотцев перешли в наступление фашистская пехота и танки. Подпустив передовые подразделения врага на близкое расстояние, 45-мм пушки батальона ударили по танкам противника. К этому бою подключились и расчеты ПТР. Отделение сержанта Ужакина подбило три фашистских танка. Пуская клубы черного едкого дыма, горели и остальные грозные машины, но враг, не считаясь с потерями, лез напролом.

Когда до передней цепи фашистов оставалось несколько десятков метров, моряки-добровольцы услышали громкий и властный голос замполита роты Владимира Козлова:

– Полундра-а-а! Пристегнуть штыки!

Сбросив солдатские шинели и каски, моряки-тихоокеанцы надели свои бескозырки, которые всегда хранили на груди у сердца, пристегнули штыки к винтовкам и по команде своего старшего товарища коммуниста Козлова:

– Братцы! Бей фашистских сукиных сынов! В атаку! Вперед! – мощной лавиной с винтовками наперевес обрушились на фашистов из дивизии «Großdeutschland» («Великая Германия»).

Пехота врага на мгновение растерялась. Этого времени хватило краснофлотцам рывком приблизиться к немцам и в штыковой атаке повергнуть «прославленные», хваленые подразделения Гитлера вначале в панику, а потом и в бегство. Фашисты не на словах,

а на своих шкурах почувствовали, кто такие «черная смерть». А моряки-тихоокеанцы, продолжая преследование перепуганных немцев и нанизывая их тела, «как мясо на шампур», на свои длинные четырехгранные игольчатые штыки, выбили фашистов и освободили деревню Симоновка. (Много в истории бригады, а потом гвардейского полка было смертельных атак, но эта запомнилась выжившим на всю оставшуюся жизнь своей страшной жестокостью, потому что на телах врага оставались страшные рваные раны с большим кровотечением. После таких ран выживали немногие, потому что кровь из ран била «фонтаном».)

Дорогой ценой далась атака морских пехотинцев и для 4 *осб*: 73 рядовых, 23 старшины (сержанта) и 6 офицеров погибли в этом первом неравном бою.

Последующие трое суток фашисты, испытывая стойкость, мужество и воинское мастерство наших воинов, предпринимали бешеные атаки на позиции 4-го батальона, но всякий раз с большими потерями отходили назад.

А вот бойцы 78 *осбр*, которые находились во втором эшелоне корпуса и только в ночь на 28 ноября 1942 г. сменили подразделения 75 *осбр* омичей, в первых же боях проявили трусость, неустойчивость и стали без приказа отходить с поля боя. Пришлось командиру корпуса выставить в тылу красноярцев армейский заградотряд, а комбрига подполковника И.М. Сиваконь от должности отстранить. Командиром 78 *осбр* был назначен заместитель командира 150 *сд* подполковник М.И. Кучерявенко, который уже в первые дни наступления проявил себя с лучшей стороны, командуя передовой группой дивизии. (В марте 1943 г. Михаил Иванович Кучерявенко стал командиром 306 *сд* 43-й армии Калининского фронта, которой командовал до конца войны. Дивизия особо отличилась в Белорусской стратегической наступательной операции, а ее командир был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.)

Остальные сибиряки в этих первых кровопролитных боях не струсили, не побежали, не отступили назад. Они в едином порыве, преодолевая страх перед смертью, рвались вперед. Но особо необходимо отметить самоотверженные действия девушек-санструкторов. Так, Евгения Баранова только за один день боев, 28 ноября 1942 г., вынесла с поля боя 39 раненых с их оружием. При выносе последнего

раненого хрупкая девушка была смертельно ранена и погибла. Санструкторы Вера Дородонова за первый день боев вынесла с поля боя 46 раненых, а Верозубова участвовала в десанте на танках, а потом в бою перевязала более 40 раненых и вынесла 22 из них, при этом сама была трижды ранена, но поля боя не оставила. Также самоотверженно действовала и Валентина Шипица.

В этот день, 28 ноября 1942 г., уже в ходе ведения боевых действий, сменилось и руководство 91-й бригады добровольцев-сибиряков.

Еще в середине ноября 1942 г. в распоряжение штаба 41-й армии прибыл выпускник ускоренных курсов Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова полковник Ф.И. Лобанов. На собеседовании у командующего он изъявил желание командовать стрелковой бригадой или полком, но все штатные должности были заняты, поэтому его оставили в штабе армии до особого распоряжения. Здесь он познакомился с комбригом 91-й бригады полковником Костюк и стал частым гостем в его подразделениях, которые располагались недалеко от командного пункта армии и были в резерве командующего.

Игнатий Степанович Костюк (за долгие годы работы военным цензором) обладал энциклопедическими знаниями не только законов, указов и различных приказов Ставки ВГК и НКО, но и боевых уставов и наставлений. Он, пользуясь случаем, почти ежедневно приходил в штаб армии, и многие офицеры оперативного отдела, и не только, часто консультировались у него по различным вопросам. Знал о полковнике с прекрасной памятью и генерал Тарасов. Вначале он с интересом наблюдал, как Игнатий Степанович, задавая вопросы на рекогносцировках и при организации взаимодействия, ставил в неловкое положение своего комкора генерала Поветкина. Потом при личных встречах в штабе армии он часто беседовал с ним, но когда тот стал задавать подобные вопросы ему самому на совещаниях и, особенно, во время подготовки к наступлению, молодого командарма это стало раздражать, хотя вида он старался не подавать. Однако многие сослуживцы, офицеры штаба армии заметили, что командарм стал избегать «старого всезнайки» и уклончиво отвечал на его «неуместные» вопросы. А вопросы эти были существенные: сколько боекомплектов и сутодач будет выделено на всю операцию, как и где будет осуществляться подвоз боеприпасов и продовольствия в ходе ведения боевых действий, кто будет

придан, а кто поддерживать его бригаду, кто и как будет эвакуировать раненых и больных в тыл и многое, многое другое.

Полковник Костюк был намного старше всех своих офицеров, а бойцы его бригады, в большинстве своем, годились ему в сыновья. Да, после службы в училище он относился к солдатам бригады потечески, как к сыновьям, поэтому не собирался слепо посылать их на смерть за победой «любой ценой», а тщательно и осмысленно рассматривал все варианты выполнения боевой задачи. Он, опираясь на свои знания, быстро анализировал создавшуюся обстановку, производил расчеты и старался убедить старших командиров в правильности своего решения. А это часто раздражало вышестоящих начальников. Другое дело волевой «академик», который так и рвется в бой и уже хорошо знаком с бригадой. Вот поэтому командарм-41 генерал Тарасов нашел нужные слова, доводы и причины, убедил командующего фронтом и представителя Ставки ВГК назначить полковника Ф.И. Лобанова командиром 91 *осбр*, а Игнатий Степанович Костюк был переведен на «вышестоящую» должность – начальником отдела боевой подготовки 41-й армии.

Лобанов
Федор Иванович

40-летний полковник Ф.И. Лобанов родился 27 июня 1902 г. в г. Майкоп Краснодарского края и имел яркую биографию. Хорошо сложенный, крепкий юноша, приписав себе два года, уже в 16-летнем возрасте с июля 1918 г. воевал сабельником с белыми в составе 1-го Майкопского, а затем и Таманского полков, а после завершения Гражданской войны громил белоказацкие банды в отряде особого назначения 305 *сп*.

Окончил Новочеркасские пехотные курсы (1921), Объединенную военную школу им. ВЦИК (1923), Высшую пограничную школу ОГПУ (1932). Служил в пограничных войсках: помощником начальника заставы 5-го погранотряда ОГПУ, курсовым командиром, старшим инструктором, старшим помощником начальника отделения штаба погранохраны, начальником штаба погранотряда. Великую Отечест-

венную войну встретил в должности начальника 22-го погранотряда в г. Волочиск Украинской ССР.

С августа 1941 г. майор Ф.И. Лобанов – начальник штаба войск НКВД по охране тыла 6-й и 12-й армий Южного фронта. 25 сентября 1941 г. в районе г. Запорожье был ранен. После госпиталя назначен начальником штаба 23 *осбр*, находившейся на формировании в Харьковском военном округе. В конце декабря 1941 г. бригада прибыла на Волховский фронт и с 7 января 1942 г. в составе 2-й ударной армии участвовала в тяжелых боях Любанской наступательной операции. С февраля 1942 г. – командир 23 *осбр*. 18 марта 1942 г. Федору Ивановичу было присвоено воинское звание – подполковник. С мая по ноябрь 1942 г. – слушатель Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова, по окончании которой ему досрочно присвоили звание полковник (редкий случай даже во время войны – авт.) и направили в распоряжение штаба Калининского фронта, а оттуда в 41-ю армию.

Генерал-майор Г.Ф. Тарасов искренне радовался назначению комбригом полковника Лобанова, хотя по возрасту и был младше своего коллеги по службе в погранвойсках НКВД, но по должности явно превосходил его. А Федор Иванович рвался на фронт и был благодарен командарму за свое назначение в 91-ю бригаду сибиряков. В дальнейшем он приложил максимум усилий, чтобы оправдать это доверие...

Вечером 28 ноября 1942 г. командарм-41 своим приказом вывел из состава 1-го мехкорпуса еще одну бригаду – 219-ю танковую, которая уже форсировала р. Нача далеко в глубине обороны фашистов, и приказал отойти назад, на северо-запад, для совместных действий с 150 *сд* сибиряков в направлении на село Батурино и г. Белый. Левый фланг боевого порядка мехкорпуса оказался открытым. Тем не менее остальные бригады продолжали свое наступление, громя резервы, коммандатуры, различные склады, и углубились в полосу обороны противника на 10-12 км, особенно отличились подразделения 37-й мехбригады, которая действовала практически в отрыве от главных сил, успешно наступая в юго-восточном направлении и оторвавшись от главных сил корпуса еще на 25 км. Уже к 30 ноября 1942 г. эта бригада захватила важный стратегический железнодорожный узел ст. Никитинка, уничтожив два паровоза и до роты охраны. Горючее и боеприпасы наступающим частям 1 *мк* так и не подвезли, пришлось временно переходить к круговой обороне. А победа была так близка...

В это время 150 *сд* и 19 *мбр* неоднократно пытались атаковать и разгромить фашистов в сильно укрепленном районе у села Батурино в направлении на г. Белый. Но подразделения 1-й танковой дивизии врага при поддержке батальонов моторизованной дивизии «Великая Германия» упорно обороняли занимаемые позиции, нанося наступающим советским войскам существенные потери. Успех сопутствовал только 47 *мбр*, которая была введена в бой на правом фланге дивизии. Бригада сходу прорвала оборону врага, форсировала р. Нача, захватила на ее противоположном берегу три населенных пункта, в том числе большое село Шайтровщина, перерезала дорогу Белый – Вязьма и, продолжая наступать, взяла под свой огневой контроль дорогу из Белого на Оленино, завершив окружение группировки врага в городе с востока. Чтобы закрепить этот успех, командарм-41 генерал Тарасов приказал командиру 91 *осбр* сдать свои позиции подразделениям 236 *сд* и ускоренным маршем выдвинуться в район с. Шайтровщина. Одновременно его же приказом 75-я бригада сибиряков выводилась из состава 6 *ск*, выдвигалась на север от города с задачей совместно с частями 134 *сд* атаковать противника навстречу 91 *осбр* с целью полного окружения врага в г. Белом.

В ходе проведения операции «Марс» Ставкой ВГК планировалось достичь успеха путем нескольких ударов по сходящимся направлениям на четырех участках советско-германского фронта. Поэтому одновременно с прорывом вражеской обороны 41-й армией 25 ноября 1942 г. после полуторачасовой артиллерийской подготовки севернее г. Белый перешла в наступление ударная группировка 22-й армии (генерал-лейтенант В.А. Юшкевич) Калининского фронта силами полностью укомплектованного 3-го механизированного корпуса (генерал-майор танковых войск М.Е. Катуков). Но его бригады не смогли преодолеть упорного сопротивления частей немецкой дивизии «Великая Германия». Не помог прорвать оборону врага и маневр силами и средствами с одного фланга участка прорыва на другой и ввод в бой всех имеющихся резервов. Танковые и механизированные бригады, действуя на разобщенных направлениях в лесисто-болотистой местности, не смогли в полной мере использовать свои ударные и маневренные возможности, в короткие сроки прорваться в глубину обороны противника и развить

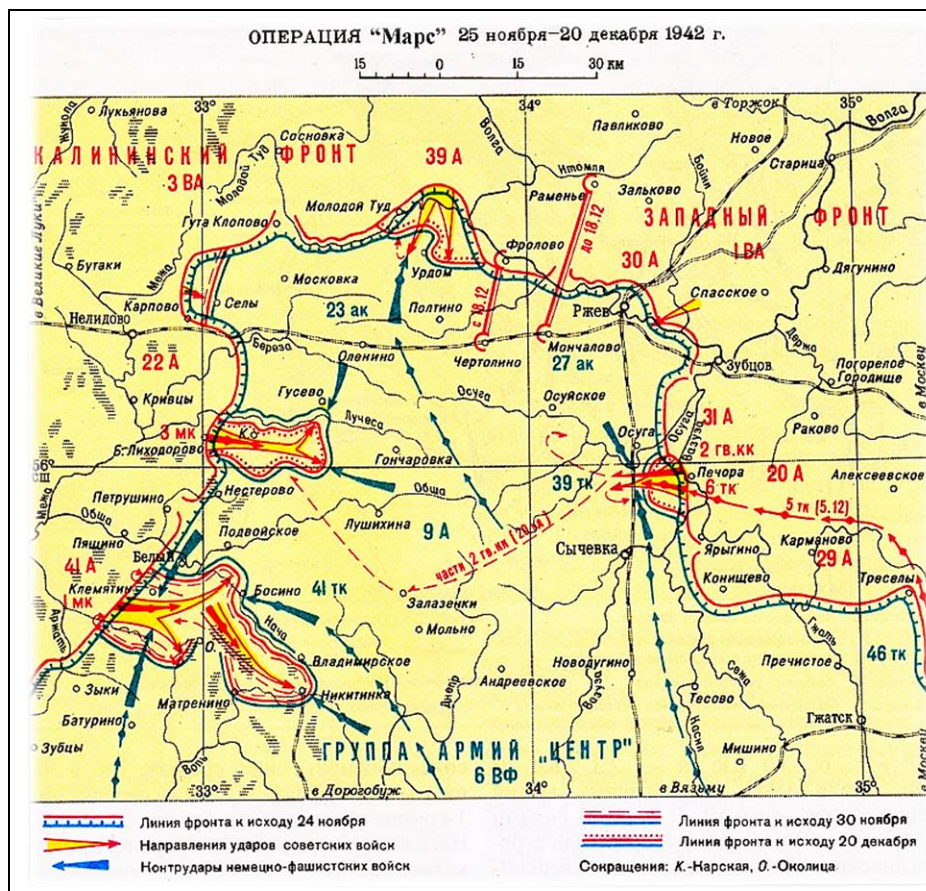
успех. Продвижение было незначительное, передовые советские части даже не перерезали шоссе Оленино – Белый, которое проходило вдоль всей линии обороны фашистов на удалении 12-15 км. К началу декабря 1942 г. соединения 3-го корпуса безвозвратно потеряли 77 из 250 танков, а также, только убитыми, более 1 200 чел. Большое количество боевой техники требовало ремонта и восстановления. Продолжавшиеся вплоть до 12 декабря 1942 г. попытки 22-й армии все-таки выполнить поставленную боевую задачу по окружению с севера группировки врага в г. Белый оказались безрезультативными. Соединения армии перешли к обороне, а 3-й мехкорпус отвели в тыл для восстановления боеспособности.

Севернее Сычевки навстречу войскам Калининского фронта наступали 20-я армия (генерал-майор Н.И. Кирюхин), 6-й танковый корпус и 2-й гвардейский кавалерийский корпус Западного фронта. Но и они не имели успеха. Немцам удалось остановить наступление уже к исходу 28 ноября 1942 г. Только частям 3-й гвардейской и 20-й горнокавалерийским дивизиям удалось прорваться к станции Осуга. Но они попали в окружение и были разгромлены. Остатки двух кавалерийских дивизий под командованием командира 20 *зкд* полковника Павла Трофимовича Курсакова при поддержке 23 танков героически сражались в окружении. (К своим гвардейцы-кавалеристы пробиться не смогли. Уничтожив танки, оставшиеся без топлива, они отошли в лесной массив и перешли к партизанским действиям. Кавалеристы полковника Курсакова нанесли немалый вред тыловым частям немцев, но к своим, в распоряжение 3-го мехкорпуса генерала Катукова, удалось выйти только 6 января 1943 г. и то всего 70 героям-кавалеристам.)

39-я армия (генерал-майор А.И. Зыгин) Калининского фронта и 30-я армия (генерал-майор В.Я. Колпакчи) Западного фронта, которые перешли в наступление на второстепенных направлениях севернее Ржева, также добиться успеха не смогли. (Владимир Яковлевич Колпакчи до 2 августа 1942 г. командовал 62-й армией. В оборонительных боях в большой излучине Дона вблизи г. Калач-на-Дону на дальних подступах к Сталинграду его армия при первом же ударе фашистов оставила выгодные занимаемые рубежи на противоположном берегу реки, понесла большие потери, войска попали в окружение, а штаб армии утратил связь с ними. Генерал Колпакчи

был снят с должности командующего 62-й армией и в ноябре 1942 г. назначен... командующим 30-й армией Западного фронта.)

В сложившейся обстановке к началу декабря 1942 г. только соединения 41-й армии Калининского фронта продолжали тяжелые, кровопролитные наступательные действия, поэтому все свои резервы «пожарный фюрера» генерал-полковник Модель бросил к г. Белый.

К этому времени основные силы 1-го мехкорпуса уже вели упорные оборонительные бои с подошедшими частями 12 *тд* противника, а ее самая боевая 37 *мбр*, взорвав железнодорожный мост, прорывалась из окружения. Автотранспорта для подвоза боеприпасов и горючего, а также для вывоза раненых и больных не хватало, потому что он по приказу командующего армией изымался из

частей и направлялся в район исходных позиций.

Трудности командования 6 *ск* добровольцев-сибиряков в организации управления войсками разбросанными не только на большом фронте, но и по разным направлениям (одни – на север, другие – на юг), а также в их всестороннем обеспечении, вынудили командующего армией генерала Тарасова выделить 150 *сд* и 91 *осбр* в отдельную оперативную группу под общим командованием заместителя командира корпуса с непосредственным подчинением напрямую лично ему. А генералу Поветкину с оставшимися двумя бригадами и переподчиненной 17 *зв.сд* было приказано наступать на юг и совместно с 262 *сд* ликвидировать незначительную Лосьминскую группировку врага.

К 1 декабря 1942 г. в сражение были введены все резервы армии, однако решительного перелома в ходе операции не произошло. Противник, упорно обороняясь в блокированных советскими войсками опорных пунктах, не только привлек к себе и расплыл их силы в широкой полосе, но и, выиграв время, создал условия для нанесения контрудара. Немецким войскам удалось остановить советское наступление. Тактический успех перешел на сторону фашистов.

Только 91 *осбр* продолжила наступать. Ее 2-й батальон, действуя в передовом отряде бригады, переправился через реку Нача, выбил противника из деревень Ермолино и Бондарево, 3-й батальон занял оборону в селе Шайтровщина и сменил отходящие после контратаки фашистов батальоны 47 *мбр*. Главные силы бригады сибиряков заняли оборону по западному берегу р. Нача, прикрывая левый фланг 1 *мк*.

Но уже 3 декабря 1942 г. фашисты перешли в наступление на 3 *осб*. Восточнее г. Белый развернулось суровое, кровопролитное сражение. Непрерывные танковые атаки фашистов при поддержке пехоты не давали сибирякам передышки. Село Шайтровщина, окутанное черным дымом, переходило из рук в руки несколько раз. 3-й батальон вынужден был залечь и перейти к обороне. Оборудовать окопы и траншеи своевременно не удалось, потому что гитлеровцы постоянно бросали в бой свежие силы. Но все атаки немцев были отбиты с большими для них потерями в живой силе и технике. 3 *осб* под командованием старшего лейтенанта Н.Е. Жукова стоял насмерть.

На следующий день две роты фашистов численностью по 50-60 чел. при поддержке 6 танков и автоматчиков на флангах, наступая из района деревни Точирино, блокировали КП командира батальона.

Смелой контратакой кольцо окружения было прорвано. Оставив много трупов солдат и офицеров и четыре подбитых танка, противник был отброшен на исходные позиции. На помощь 3 *осб* подошли роты 2-го батальона бригады.

Горящая Шайтровщина стала немым свидетелем 14 яростных атак пехоты и танков фашистов, отбитых сибиряками. И не было в этих боях отдельных героев, героями были все. Мужество и героизм каждого сливались в дружный боевой хор добровольцев.

Так продолжалось несколько дней. Силы сибиряков были на исходе, заканчивались патроны, выходили из строя орудия и горели наши танки, а контратаки фашистов все продолжались. Одна из них из района Точирино привела к окружению двух рот 2 *осб* во главе с командиром батальона капитаном С.А. Афанасьевым. Из окружения к главным силам бригады смог прорваться один советский танк, экипаж которого сообщил, что силы сибиряков на исходе, заканчиваются боеприпасы, много убитых и раненых. К ним на помощь прорвались бойцы-добровольцы (не менее 30 чел.) во главе с капитаном Михаилом Кантором, доставив необходимые боеприпасы и медикаменты...

Заместитель ВГК и одновременно первый заместитель Наркома обороны СССР И.В. Сталина генерал армии Г.К. Жуков был в гневе. Его самолюбие и авторитет были ущемлены. Один за другим были сняты с должностей и направлены с понижением командующие 20-й и 22-й армиями. Новому руководству было приказано в кратчайшие сроки произвести перегруппировку сил и средств и выполнить поставленную первоначально задачу. Но ударные армии и корпуса Калининского и Западного фронтов к этому времени в предыдущих кровопролитных боях понесли большие потери.

Г.К. Жуков все-таки добился, чтобы Ставка ВГК выделила новые резервы, хотя они были крайне необходимы для развития успеха на южном фланге советско-германского фронта под Сталинградом. В распоряжение 20-й армии, возглавляемой теперь генерал-лейтенантом М.С. Хозиным, был переброшен 5-й танковый корпус (генерал-майор К. А. Семенченко), а 6-й танковый корпус (полковник И.И. Ющук) получил пополнение и восстановил свои боевые возможности.

Возобновление операции «Марс» и новое наступление советских войск планировались на 11 декабря 1942 г.

Но к этому времени обстановка резко изменилась. Коварный враг

не стал ждать, когда советские войска перегруппируются, а сам первым нанес мощный танковый удар там, где меньше всего ожидали...

В начале декабря основные события второй Ржевско-Сычевской наступательной операции разворачивались вокруг г. Белый. Немецкий гарнизон города уже был окружен с трех сторон, отрезан от путей подвоза и баз снабжения. Открытым оставался только один северный фланг, который должны были захватить войска 22-й армии – сосед слева. 41-я армия свою часть ближайшей задачи операции «Марс» выполнила, а соседи нет.

(Сложилась ситуация, подобная современным действиям российских войск группировки «Центр» во время СВО по освобождению малых городов Донецкой республики, когда войска ВСУ окружались с трех сторон и брались под плотный огневой контроль, давая возможность остаткам гарнизонов противника оставить эти населенные пункты, не разрушая их окончательно, или сдаться.) Но фашисты после бегства под Москвой зимой 1941-1942 гг. прекрасно знали строгий приказ Гитлера: без его личного распоряжения не оставлять «ни пяди» захваченной чужой земли и занимаемых позиций, иначе не только они – рядовые и офицеры, невзирая на чины, ранги и боевые заслуги, будут подвергнуты суду военного трибунала, но и члены их семей: взрослые и дети вначале предавались всеобщему позору, травле и презрению, а потом их всех помещали в концентрационные лагеря на территории Германии, как ближайших родственников «трусов и предателей арийской расы». Да и генерал-полковнику Моделю, одному из самых жестоких командующих войсками фашистской Германии, не требовалось никаких дополнительных распоряжений фюрера. Разговор с теми, кто без приказа оставлял занимаемые позиции, был короток – расстрел, как правило, перед строем. Фашисты это хорошо усвоили. После разгрома под Москвой они четко знали, что лучше погибнуть от «этих проклятых русских», чем оставить занимаемые позиции без приказа.

Не добившись активных действий со стороны частей 22-й армии, Георгий Константинович Жуков утвердил решение молодого командующего 41-й армией: своими силами овладеть г. Белый одновременным ударом с трех сторон.

По западным окраинам г. Белый еще до начала операции «Марс» проходила линия боевого соприкосновения советских и фашистских войск, поэтому город за несколько месяцев 1942 г. был

превращен немцами в неприступную крепость, оборонять которую было поручено батальонам элитной моторизованной дивизии «Великая Германия» совместно с 1 *мд*.

6 декабря 1942 г. 75 *осбр* корпуса добровольцев, 93 и 134 *сд* сосредоточились в исходных районах для наступления севернее города. А для атаки с юга и востока на г. Белый изготовились полки и батальоны 150 *сд* и 91 *осбр*. Командовать группировкой советских войск по освобождению города и разгрому Батуринской и Беловской группировок противника командарм приказал комкору-6 генералу Поветкину. Начало наступления было назначено на утро 7 декабря 1942 г.

Оставшиеся бригады корпуса сибиряков (78 и 74 *осбр*), а также 17 *зв.сд* и 262 *сд*, которые оборонялись на южном участке полосы прорыва армии, перешли под командование заместителя командарма генерал-майора Попова с задачей: обеспечить тыловые коммуникации сводной группы генерала Поветкина и 1-го мехкорпуса.

Противник, тем не менее, каждый день подготовки советских войск непрерывно, хотя и безуспешно, контратаковал наши позиции и за день до начала наступления ударом с трех направлений: с востока со стороны деревень Ермолино и Бондарево – силами до батальона пехоты с 15 танками и 4 бронемашинами; с юго-востока из района свх. Шамилово – до двух батальонов немцев с 17 танками и с запада из деревни Точирино – до батальона фашистов с 8 танками – сумел ворваться и к исходу дня выбить батальоны 91 *осбр* из села Шайтровщина, захватив улучшенную дорогу из Белого на Вязьму. Подразделения бригады в ожесточенном бою, уничтожив 6 танков противника и много пехоты, с потерями отошли за р. Нача. Связь и взаимодействие с 47 *мбр* были потеряны, и только ночной контратакой двух батальонов 91-й бригады в район свх. Шамилово удалось вывести из окружения подразделения 47-й механизированной бригады.

К утру 7 декабря 1942 г. боевая задача 91 *осбр* была уточнена. Бригаде предстояло восстановить утраченное положение, перерезать дорогу и вновь освободить село Шайтровщина, перекрыв пути отхода вражеского гарнизона из города в восточном направлении.

Но реальные события перечеркнули все планы командующего армией. Новый удар советских войск вновь завершился неудачей.

Начатое утром после небольшой артиллерийской подготовки наступление 75-й бригады совместно с 134 *сд* с севера и 150 *сд* с юга

на город Белый не дало желаемых результатов. Все наши атаки были отбиты, а задачи не выполнены. Советские части временно перешли к обороне, и притом на неподготовленных тактических рубежах. Это давало возможность противнику самому контратаковать.

Первыми фашисты окружили подразделения *47 мбр* и *91 осбр* на востоке в районе села Шайтровка на противоположном берегу реки Нача, которые по замыслу командарма пытались восстановить утраченное положение, но при содействии подразделений 1-го мехкорпуса сумели прорвать кольцо окружения и соединиться со своими частями.

Основные же последствия для советских войск имели ошибки командарма и его заместителя на южном фланге полосы прорыва, где к активной обороне перешли батальоны *78* и *74 осбр* добровольцев-сибиряков, а также две дивизии 41-й армии (*17 гв.сд* и *262 сд*), которые в течение всего времени активных действий не вели, ни одной поставленной боевой задачи не выполнили, действовали пассивно на своих исходных рубежах, которые они занимали в течение нескольких месяцев еще до начала операции «Марс». В итоге две понесшие потери бригады сибиряков заняли оборону на широком фронте. Между их боевыми порядками и *17 гв.сд* образовались никем не прикрытые бреши шириной до 2,5 км, куда и устремились войска противника, который сумел скрытно сосредоточить на этом участке значительные силы и в короткие сроки подготовить мощный контрудар в направлении на г. Белый для деблокации своей полуокруженной группировки.

Еще за несколько дней до этого войсковая разведка бригад корпуса сибиряков докладывала о том, что на южном фланге полосы наступления армии появились в большом количестве танки и артиллерия противника из состава *19 тд*. Но этим докладам в штабе армии не придали значения и никаких мер по усилению противотанковой обороны южного участка фронта предпринято не было.

В то время, когда советские войска безуспешно пытались ворваться в г. Белый, фашисты нанесли мощный огневой удар по позициям и, особенно, по флангам стрелковых бригад сибиряков на юге. А затем, построив свой боевой порядок в классический «тевтонский» танковый клин, легко прорвали оборону сибиряков-добровольцев в промежутке между *78-й* и *74-й* бригадами, который никем не оборонялся, и устремились в глубь обороны советских войск.

К 14-00 час 7 декабря 1942 г. передовые танковые подразделения фашистов, громя наши тылы и госпитали, уже захватили с. Волыново в 5 км от первоначальной линии боевого соприкосновения. В образованный прорыв устремились моторизованные части врага, расширяя участок прорыва в стороны флангов.

Только к этому времени в штабе 41-й армии осознали всю угрозу произошедшего, потому что отразить этот удар фашистов не было никаких резервов. Срочно была передана шифrogramма в штаб 1-го мехкорпуса, в которой сообщалось, что 50 танков противника в 14-00 час 7 декабря 1942 г. овладели с. Волыново глубоко в тылу корпуса и стремятся прорваться к г. Белый, но их дальнейшее продвижение приостановлено, что, мягко говоря, не соответствовало действительности.

Не встречая никакого сопротивления, фашисты продолжили свой «победный» марш. Уже через час танкисты 19 *тд* немцев перерезали все пути снабжения 1-го мехкорпуса генерала Соломатина и вышли в тыловые районы ударной группы генерала Поветкина, которая наступала в том же направлении, что и фашисты, – строго на север, к городу Белый.

Штаб 6-го стрелкового корпуса оповещен не был и его войска продолжали безуспешные атаки противника, засевшего на подступах к городу, даже не подозревая, что у них творится в тылу. Первыми почувствовали, что происходит что-то не совсем понятное, тыловики 674 *сп* 150 *сд*, в направлении которых пробивались передовые и разведывательные части 19 *тд* немцев на мотоциклах и бронемашинах. Только тогда генералу Поветкину пришлось боевое распоряжение командарма-41: наступление на г. Белый остановить, перейти на этом направлении к обороне, а частью сил из состава ударной группировки корпуса отразить контрудар фашистов с тыла. Но было уже поздно.

Первой была отрезана и окружена 74 *осбр*, но благодаря усилиям генерала Соломатина и своевременному направлению в этот район 48 *мбр* положение было восстановлено. В этот же район для ликвидации прорыва противника по приказу генерала Тарасова срочно перебрасывались 65 *тбр* и 219 *тбр* 1-го мехкорпуса. Их снимали с занимаемых рубежей обороны по р. Нача, что очень неблагоприятно отразилось на всей системе обороны корпуса. Фашисты, обнаружив отход этих бригад, тут же перешли в атаку и потеснили наши части.

В атаку перешли и подразделения врага со стороны г. Белый, но

добровольцы-сибиряки 150 *сд* занимаемые рубежи не оставили и не отошли. Одновременно, расширяя участок прорыва, Вальтер Модель ввел в бой еще одну дивизию – 20 *тд* с задачей: отбросить наши части от большака Смоленск – Белый и прорваться по нему к городу.

События этого дня развивались стремительно. Уже к 20-00 час от командарма пришел новый приказ, из которого стало ясно, что прорвавшегося противника остановить не удалось и он вплотную подошел к боевым порядкам 150 *сд* с тыла. Поэтому 1-му мехкорпусу было приказано к 23-00 час занять новый рубеж обороны в 10 км западнее по рубежу Сыроматная, Сорокино, Тараканово и перейти к круговой обороне. Для этого, тем же приказом, генералу Соломатину переподчинялись 91 и 74 *осбр* 6 *ск* и 48 *мбр* армии, оказавшиеся, как и части корпуса, в окружении.

К исходу дня враг не смог завершить полное окружение наших войск. И прежде всего потому, что наступила ранняя зимняя ночь, а, как известно, немецкие части предпочитали не вести активные боевые действия в ночное время, тем более местность впереди оказалась изрезанной многочисленными оврагами и балками и не позволяла беспрепятственному продвижению танковых колон без разведки обходных путей и дорог. Части 20 *тд* немцев при расширении участка прорыва уже встретили организованное сопротивление наших войск, и прежде всего армейской артиллерии, понесли первые потери, так и не сумев прорваться к большаку Смоленск – Белый.

Временной ночной передышкой сумел воспользоваться командир 1-го мехкорпуса, который организовал круговую оборону перешедших к нему в подчинение частей, а также ночной атакой своих мехбригад отбросил противника за р. Нача на участках обороны 65 и 219 *тбр*, которые заняли новые рубежи.

Этой же ночью командир 150 *сд*, организовав круговую оборону своего 674-го полка, через его боевые порядки сумел вывести из окружения всю артиллерию, медицинские и тыловые части дивизии, а также, уже ближе к утру, боевые подразделения остальных своих полков и 47 *мбр* армии, оставив лишь подразделения прикрытия.

Наступление 41-й армии провалилось.

Непосредственное руководство дальнейшими действиями в полосе наступления 41-й армии Калининского фронта взял на себя представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков,

который уже утром 8 декабря 1942 г. на самолете прибыл в район г. Белый и свой пункт управления разместил непосредственно на переднем крае линии фронта в деревне Плоская.

Еще сутки батальоны 674-го полка сдерживали бешеные атаки фашистов с севера и юга на свои позиции в надежде, что по этому коридору сумеют выйти остальные бригады корпуса сибиряков, а также части 1-го мехкорпуса, но тем, строжайшим распоряжением Г.К. Жукова, было приказано удерживать любой ценой занимаемые позиции и совместно с частями 41-й армии разгромить прорвавшиеся подразделения врага.

Но к этому времени советские войска, потерявшие в предыдущих, не прекращающихся ни на час кровопролитных боях большое количество личного состава и техники, не могли выполнить поставленную задачу без поддержки извне. И прежде всего потому, что Вальтер Модель сосредоточил против них ударную группировку немецких войск в составе 30-го армейского (генерал артиллерии М. Фреттер-Пико) и 41-го танкового корпусов (генерал танковых войск Йозеф Харпе) [4 танковые и 4 пехотные дивизии] при поддержке авиации и артиллерии.

(Гитлер также своим окруженным войскам отдавал категорические приказы не оставлять занимаемых позиций, но сразу же принимал все возможные меры для обеспечения окруженных войск по воздуху не только продовольствием и боеприпасами, но и топливом, эвакуировал раненых и больных и одновременно готовил удар извне по деблокированию своих частей. Но в 1942 г. советским войскам, несмотря на все высочайшие указы и приказы, приходилось рассчитывать только на себя и свои силы. Так было и при трагическом отступлении наших войск в 1941 г., на том же уровне осталось все и в не менее жестоком и кровопролитном 1942 г. Это и трагедия Крымского фронта, и поражение ударной группы войск Юго-Западного фронта при попытке освобождения Харькова, и окружение 2-й ударной армии, да и во всех трех неудачных наступлениях на Ржевско-Вяземском выступе.

Нельзя сказать, что у руководства страной и армией не было желания осуществить все задуманное. Просто в тот момент не было в достаточном количестве средств для осуществления этих замыслов и приказов. Ведь на Германию работала вся Европа, а нам приходилось в жесточайших условиях все производить самим, а помощь союзнич-

ков по ленд-лизу, за которую наше государство расплачивалось перед американцами вплоть до 2006 г., только начала поступать.

Уже прошло более 80 лет после окончания той страшной войны, которая, к сожалению, ничему не научила нашу великую Родину. Тому яркий пример – начало СВО на Украине...)

Комкору Соломатину было приказано удерживать занимаемый, окруженный со всех сторон район, рассчитывая на рассекающий удар войск армии с фронта и соединение с ними. К войскам корпуса стали пробиваться разрозненные подразделения прикрытия отхода своих частей и отдельные танки из 150 *сд*, 47 *мбр* и 104 *тбр*.

В течение следующей недели части корпуса в полном окружении отражали удары немецких танковых и пехотных дивизий, имея ограниченное количество боеприпасов и практически без продовольствия. Над их позициями постоянно зависал немецкий самолет-корректировщик артиллерийского огня «Хеншель Hs-126» – «надоедливый костыль», как его прозвали на фронте. Но советские батальоны не только упорно удерживали обороняемый район от непрекращающихся атак превосходящих сил противника, но и сами неоднократно переходили в контратаки. Попытки частей 41 А извне прорвать кольцо окружения были неудачными, хотя коридор, занятый противником, не превышал 2-3 км.

Мороз крепчал, температура воздуха по ночам понижалась до –20°C. Обогреться не было возможности, помимо большого количества раненых появилось много заболевших и обмороженных бойцов.

Три раза в сутки немцы включали мощные громкоговорители и агитировали: «Товарищи бойцы и командиры! Вы находитесь в окружении. Ваши дни сочтены. Коммунисты и комиссары вас предали. Переходите линию фронта и сдавайтесь в плен. Немецкое командование вам гарантирует...», а далее перечислялись все «блага» немецкого плена. После этого на патефоне крутили одну и ту же пластинку на одной и той же фразе из песни Леонида Утесова «Напрасно старушка ждет сына домой, ей скажут она зарыдает...» А потом «скрипели» шестиствольные немецкие минометы «Ванюша», сея смерть над окруженными советскими бригадами.

12 декабря 1942 г. батальоны 74 *осбр* и 19 *мбр* по приказу генерала Соломатина пытались прорвать кольцо окружения навстречу частям армии, атакующим с фронта, но успеха не имели. А на следующий

день был тяжело ранен комбриг 91 *осбр* полковник Федор Иванович Лобанов, который успел отдать свой последний приказ:

– Всем офицерам штаба, тыла и служб – в боевые порядки пехоты! Держаться! Ни шагу назад!

И они держались.

Павшие в этих страшных боях воины лежали на черном снегу, их тела никто не собирал, никто не хоронил, а распахнутые полушубки были похожи на крылья летящих ангелов, что несли на небо их души. Лежали чьи-то сыновья, чьи-то отцы, чьи-то женихи и чьи-то братья... Небо, как саван, опустилось до самой земли и приняло души убиенных сибиряков.... И только белые свечи израненных берез стояли на этом страшном поминальном поле...

В командование бригадой вступил начальник штаба майор Сыркин Николай Михайлович.

За период боев в окружении в 91-й бригаде сибиряков были разбиты все двадцать 76-мм орудий, закончились боеприпасы у 45-мм оружейных расчетов. В стрелковых ротах не хватало людей и их места заняли артиллеристы, саперы, ездовые, штабные, все, кто еще мог держать в руках оружие.

В этих боях отличились не только рядовые красноармейцы, но и оставшиеся в живых офицеры, показывая образцы мужества и храбрости. Так, начальник первой части (оперативного отделения) штаба

бригады капитан Георгий Ермошкевич с ординарцем-разведчиком Ягафаром Шайхуловым уничтожили фашистский танк Pz.Kpfw.III с экипажем, более 20 гитлеровцев и четыре немецких снайпера.

Храбростью и стойкостью, показывая личный пример, отличился в этих боях и командир дивизиона 76-мм пушек капитан Анатолий Головацкий, умело командуя артиллеристами. Когда был убит наводчик одного из орудий, отважный капитан лично стал к орудию и подбил два вражеских танка. В ходе боя он был ранен, но отказался идти в санроту, продолжая руководить боем. Только после второго

Ермошкевич
Георгий Антонович

ранения командир дивизиона разрешил вынести себя с поля боя. Начальник штаба артиллерии бригады старший лейтенант Павел Цицилин подбил два танка «Т-3» и пал смертью храбрых, командир взвода управления 3-й батареи артдивизиона младший лейтенант Виктор Микишанов подбил два танка противника, а командир орудия сержант Василий Цветков уничтожил 5 танков врага. Всего за восемь дней упорных боев в окружении храбрые артиллеристы подбили 43 танка и подавили 8 артбатарей врага.

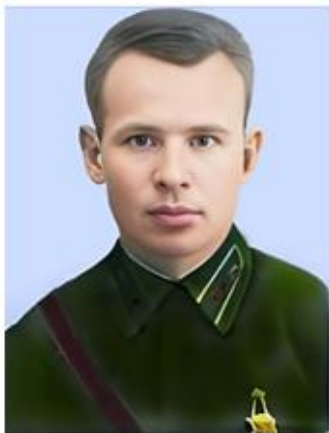
Героически сражались и саперы бригады во главе с сержантом-коммунистом Федосием Панамарчуком, которые отбили 12 атак пехоты и танков противника, имея один ручной пулемет, одно противотанковое ружье и 10 винтовок.

Но тяжелее всего приходилось девушкам-санинструкторам. Одна из них заняла место регулировщика на перекрестке двух лесных дорог. Глубокой морозной ночью 12 декабря 1942 г. там ее встретил старший инструктор политотдела бригады лейтенант Виктор Отделкин, возвращаясь с переднего края. Приглядевшись, он увидел, что у нее нет кисти правой руки. Превозмогая боль и слезы, которые оставляли неровные следы на ее обмороженных, немых девичьих щеках, она обмотанной окровавленной култей указывала раненым бойцам ближайший путь в медсанбат. Ошеломленный офицер спросил, почему она не идет в медсанбат? На что девушка тихо ответила:

– Перевязывать я не могу, а тут я еще принесу пользу. Видите сколько раненых, они плутают по лесу, по сугробам. Я же их направляю в медсанбат. И буду стоять, насколько хватит сил.

Головацкий
Анатолий Александрович

Цицилин
Павел Александрович

Проходившие мимо раненые молодые солдаты, видя ее, забывали о своих страданиях, боли и неловко задавали вопрос, на который не ждали ответа:

– Как же так, сестричка?

К сожалению, растерявшись, офицер так и не узнал, как ее зовут...

Минометчики бригады за 7 суток уничтожили 134 фашиста и подбили два танка. Во время отражения очередной атаки гитлеровцев старшина минометного дивизиона молодой коммунист Иван Саянов остался один на огневой позиции, все остальные минометчики были убиты или ранены. Командир фашистского танка увидел это и направил свою боевую машину прямо на старшину. Он мог его просто раздавить гусеницам или закопать живым в окопе, развернувшись над ним, но решил поиздеваться. Подъехав практически вплотную к Ивану, фашистский офицер остановил свой танк, вылез из люка и, улыбаясь, на ломаном русском языке предложил Саянову сдаться, обещал водку, женщин и хорошее питание. Но старшина не растерялся, не струсил, а, вскинув свой автомат, пристрелил офицера, танк подбил гранатой, а пытавшихся сбежать двух немецких танкистов прошил очередь из автомата.

Когда закончились мины, их вызвался достать старшина батареи Филипп Писарев и ездовой Епанешников. Морозной ночью, тихо пробравшись через линию обороны, сняв часовых, они вынесли с немецкого склада 81-мм мины, которые лишь на один миллиметр были меньше калибром, чем наши, погрузили на две немецкие повозки и успешно доставили их на свои позиции. Фашисты так и не поняли, что произошло в их ближайшем тылу. Эта весть быстро облетела все окруженные подразделения, подняв настроение и боевой дух солдат и офицеров, у которых впервые за эти дни на лицах появилась улыбка и надежда на хороший исход.

Последние трое суток личный состав не получал ничего. Давно был съеден весь хлеб и последние лошади, закончились сухари, но бойцы стояли насмерть в 20-градусный мороз, уничтожая танки и пехоту врага. В частях корпуса оставалось по 5-6 снарядов на орудие и по 10 патронов на винтовку. Горючего практически не было. В окруженном противником районе находилось до 3 000 раненых.

О всех боевых действиях 1-го мехкорпуса, приказах и распоряжениях его командира на протяжении всей операции «Марс» было

хорошо известно не только командующим армии и фронтом, но и Георгию Константиновичу Жукову, так как при штабе корпуса непрерывно находился офицер Генерального штаба (обычная практика), который ежедневно отправлял докладные записки на имя Заместителя ВГК и в Генеральный штаб РККА.

14 декабря 1942 г. на рассвете была получена шифrogramма представителя Ставки ВГК генерала армии Г.К. Жукова: «Бойцам и командирам 1-го мотомехкорпуса и частям 6-го Сталинского стрелкового корпуса добровольцев-сибиряков. Держитесь, помощь будет оказана. Жуков». И сибиряки стояли насмерть.

Но на следующий день командир 1-го мехкорпуса генерал Соломатин доложил командарму-41 и Г.К. Жукову, что в подчиненных частях нет горючего и боеприпасов, обороняться нечем. И Георгий Константинович принял решение и отдал боевой приказ в ночь с 15 на 16 декабря 1942 г. уничтожить всю технику и прорываться к своим, указав направление прорыва на село Цицина.

В 20-00 15 декабря 1942 г. командирам бригад была поставлена боевая задача о прорыве к своим частям. План прорыва сводился к следующему: выход частей начать в 22-00 при поддержке артиллерии, оставшимися шестью танками 65 и 219 *мбр* атаковать с. Цицина с целью отвлечь внимание противника. Пехотой наступать между селами Цицина и Шипарево в направлении на деревню Плоская.

Боевой порядок был построен в три эшелона: в первом – 19 *мбр* и 74 *осбр*, которые прорывали оборону фашистов и были наиболее боеспособны, во втором – 91 *осбр* и 37 *мбр* с управлением корпуса, артиллерией, корпусными частями, в том числе с ранеными, больными и обмороженными, в третьем – 35 и 48 *мбр* для отражения возможных ударов врага с флангов и в арьергарде, последним, прикрывая действия частей с востока, отходил 32-й отдельный бронебатальон.

Ночная атака частей корпуса оказалась для противника неожиданной, тем более что с фронта ее поддерживали полки 150 *сд* и гвардейские минометы. Село Цицина горело, и это служило хорошим ориентиром для выходящих из окружения войск. Раненых 2-го батальона 91 *осбр* погрузили на повозки и две оставшиеся машины. Но вскоре одна из машин, набитая битком ранеными бойцами, была подбита фашистским снарядом. Увидев это, с другой машины сбежал водитель, оставив своих на произвол судьбы. Оставшийся в живых единст-

Солнцева
Елизавета Захаровна

венный командир роты приказал сесть за руль санинструктору Елизавете Солнцевой, но та понятия не имела, как вести машину. «Прикажут, и танк поведешь...» – был строгий ответ офицера. Он показал, как завести двигатель, нажимать на педаль «газа», и она вывела машину, вывезла всех своих раненых из окружения. (За этот бессмертный рейс командование наградило Е.З. Солнцеву медалью «За боевые заслуги».)

К рассвету 16 декабря 1942 г., прорвав кольцо окружения, все бригады вместе с госпиталями, тылами, взорвав оставшиеся без топлива танки и другую боевую технику и выходя отдельными группами, соединились с главными силами 41-й армии у сел Большой и Малый Клемятин. При прорыве был ранен и в дальнейшем эвакуирован в госпиталь командир 74-й бригады полковник И.П. Репин.

На следующий день остатки от подразделений 74-й и 91-й бригад выдвинулись в назначенный район для восстановления боевой готовности, который располагался в урочище Выдра рядом со штабом 6 ск.

Общая численность вышедших из окружения частей составила около 7 500 чел., из них более 3 500 раненых и больных. В 74-й бригаде вышло 447 чел., из них 87 офицеров. С собой они вынесли 223 винтовки, 100 автоматов и 8 ПТР. Положение в 91-й бригаде было еще хуже: вышло из окружения 374 чел., в том числе 132 раненых, и вынесено 150 винтовок и 30 автоматов. И все! А ведь к началу наступления в каждой из этих бригад было по штату около 6 тыс. человек и большое количество различного вооружения. И это за 20 дней...

На других участках фронта наступление наших войск также завершилось неудачей, и прежде всего потому, что боеспособность советских войск была ослаблена предыдущими большими потерями. Даже на Западном фронте, из-за отсутствия внезапности и действий войск на разобщенных направлениях, удары танковых корпусов привели к большим потерям и уже на третий день наступления (к утру 15 декабря 1942 г.) генерал-полковник И.С. Конев приказал свести оставшиеся танки 5 тк и 6 тк в две сводные бригады. Но

уже через пять дней и они остались без боевых машин.

20 декабря 1942 г. Заместитель ВГК генерал армии Г.К. Жуков принял решение прекратить атаки и перейти по всей линии фронта к обороне. Этот день и считается окончанием операции «Марс».

Фашисты еще пытались восстановить первоначальное положение. В течение последующих десяти дней при поддержке артиллерии и авиации они непрерывно атаковали наши части, в том числе и ночью, силами от роты до батальона при поддержке 5-10 танков, используя опыт действий наших войск. Особенно они старались на участке обороны 22-й армии в долине р. Лучесы, но их атаки успеха не имели.

Все бригады 6-го Сталинского корпуса нуждались в пополнении и отдыхе, особенно 74 и 91 осбр, поэтому решением командарма-41 во временное подчинение генералу Поветкину была передана 279 сд, которая не участвовала в предыдущих кровопролитных боях. Сменив бригады корпуса и заняв оборону по переднему краю, подразделения этой дивизии активности не проявляли, а наоборот, 21 декабря 1942 г., как пишется в журнале «История боевых действий 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков»:

«Контратака противника... в направлении Беляево, Плоская. В результате недисциплинированности и расхлябанности командира второго батальона 1005 сн и командира 1005 сн 279 сд противнику почти без боя с малыми потерями удалось занять исключительно важные пункты нашей обороны в д. Плоская (в которой ранее располагался пункт управления генерала армии Г.К. Жукова – авт.) и д. Подьясение.

По решению командира корпуса вводом частей 75 осбр была поставлена задача восстановить утраченное положение. Ценою значительных потерь бойцов 75 осбр удалось вновь овладеть д. Подьясение, но попытки овладеть д. Плоская успеха не имели.

Частями той же дивизии по тем же причинам и по тем же обстоятельствам была оставлена роща «Квадратная», атакуемая незначительными силами противника...»

(По рассказам оставшихся в живых очевидцев, и комбат, и командир полка в момент ночной атаки фашистов были пьяны и не смогли организовать отпор врагу. А оставшиеся без управления бойцы, поддавшись панике, самовольно оставили занимаемые позиции без боя.)

Об этом происшествии незамедлительно доложили Заместителю ВГК генералу армии Г.К. Жукову, который не стал долго разбираться и

своим приказом снял с должностей, с понижением, всех виновных в этом – от комбата до командарма-41 генерала Тарасова. А командиров 2-го батальона и 1005-го полка разжаловал и отдал под суд военного трибунала. Этот приказ немедленно был доведен до всего офицерского состава двух фронтов, в части их касающихся. С этого момента больше ни одной позиции советские войска не отдали врагу.

Атаки фашистов, как и ликвидация советских войск, оказавшихся в окружении в районах прорывов, продолжались до конца декабря 1942 г. За это время противник предпринял 13 атак на передний край обороны сибиряков, которые были отбиты с большими для врага потерями. И только 1 января 1943 г. командующий 9-й немецкой армией генерал-полковник Вальтер Модель приказал своим войскам прекратить наступательные действия.

Последние разрозненные группы советских воинов, в основном из состава подразделений прикрытия, вышли из окружения только в начале января 1943 г. Вот тогда и подвели окончательные, неутешительные итоги операции «Марс».

Завершающая стратегическая наступательная операция советских войск Западного и Калининского фронтов в 1942 г. провалилась. Освобождение небольшой части наших населенных пунктов и районов было очень скромным по сравнению с потерями. В операции «Марс» за 25 дней войска двух советских фронтов потеряли более 215 тыс. человек убитыми и ранеными, а также 1 363 танка и самоходных установки, но не достигли поставленных целей. (Средние потери советских войск за один день боевых действий составили более 8 600 чел. и 54 танка, что значительно превысило потери в Сталинградской наступательной операции (6 466 чел. и 39 танков соответственно). Страшная наука – военная статистика.) Ржевский выступ, обороняемый противником, ликвидирован не был.

Г.К. Жуков в своих мемуарах признал, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на ржевском направлении, поэтому и сосредоточили здесь такое количество элитных войск.

Наши потери среди личного состава подразделений и частей, а также боевой техники были не просто большие, они были огромные. Так, безвозвратные потери 1-го мехкорпуса из 15 200 чел. к

началу операции составили более 8 180 чел.(2 280 убитыми, 5 900 ранеными, из которых в окружении было убито 1 300 чел., ранено около 3 000) и уничтожена почти вся боевая техника, а это 224 танка, 8 установок М-13 «Катюша», 44 – 76-мм и 56 – 45-мм орудий, 18 – 120-мм и 102 – 82-мм миномета.

Потери 6-го Сталинского корпуса добровольцев-сибиряков от первоначального списка в 37 500 бойцов и командиров за время операции составили более 25 400 чел., в том числе: убитыми – 5 400, ранеными – 16 000, пропавшими без вести – 4 000. Потери в стрелковых бригадах были катастрофическими, особенно в вышедших из окружения 91 и 74 *осбр*, до 80-90 % личного состава стрелковых батальонов.

В 91-й бригаде к январю 1943 г. осталось всего 1 111 чел. из более 6 000, а в стрелковых ротах – по **6-8** бойцов.

(Остановись на мгновенье, вдумайся, читатель, – из 178 человек по штату роты, которые были полностью укомплектованы добровольцами, в живых осталось только 6–8 красноармейцев, ни одного офицера и за редким исключением сержант. А в стрелковых батальонах таких рот четыре и батальонов в бригаде тоже четыре – 16 стрелковых рот. А ведь это чьи-то отцы, сыновья, мужья, любимые...

Современные историки пытаются хоть как-то оправдать эти потери тем, что «целый» 30-й армейский корпус врага из состава группы армий «Север» не доехал до Сталинграда, а был направлен Гитлером под мало кому известный, даже в России, небольшой г. Белый. Фашисты вынуждены были разгрузиться на полдороге и вступить в бой на многострадальной земле Смоленщины. Они доказывают, что в стратегическом плане Ставка ВГК и лично Сталин переиграли Гитлера, разгромив его 6 ПА и четыре армии союзников под Сталинградом, положив начало коренному перелому в Великой Отечественной войне и начав изгнание фашистов с советской земли на юге.

Но какой ценой! Ведь советских войск и боевой техники здесь на Ржевско-Вяземском выступе было не меньше, чем под Сталинградом. Да, фашисты тоже понесли большие потери и в технике и людях, но несравнимые с нашими. И нет оправданий за эти жертвы лучших сыновей советского народа ни одному командиру, ни одному командующему, вплоть до Верховного.

Лучшие люди страны – **добровольцы**, которые не по призыву, не по мобилизации, а по зову сердца пошли защищать свою Родину.

Коммунисты, комсомольцы и беспартийные, забыв о всех своих обидах, шли умирать даже не за Советскую власть, а за Россию. Они не сдались в плен, не дезертировали, а сражались с фашистской нечистью до конца. И сейчас они – добровольцы защищают интересы нашего народа в кровавых боях на полях СВО.

Генерал-майор Тарасов быстро реагировал на любые изменения тактической обстановки, а в целях экономии времени часто напрямую отдавал устные боевые распоряжения по телефону или по рации непосредственно командирам наступающих частей и лишь потом доводил свои решения до руководства дивизий и корпусов, чем ставил их часто в затруднительное положение, особенно в обеспечении своих подчиненных частей боеприпасами, топливом и продовольствием, а также нарушал заранее отработанные вопросы организации взаимодействия с артиллерией, саперами, зенитчиками и другими родами войск, обеспечивающих наступление советских батальонов.

Я долго искал объективные причины для оправдания таких действий, но ничего кроме субъективного фактора не нашел в скупых записях журналов боевых действий соединений. И, как автор, прекрасно понимая, «что каждый мнит себя героем, видя бой со стороны», не могу не обратить внимания своих читателей на ряд классических, академических ошибок командарма-41 генерала Тарасова – отличника учебы, так как сам окончил эту прославленную академию и знаю не на словах о ее огромном научном потенциале, хотя и не был круглым отличником, но азы «науки побеждать» все-таки усвоил. И прежде всего это то, что нельзя в ходе боя менять свое решение, каким бы оно, по твоему командирскому мнению, не было хорошим, и дергать подчиненных командиров и войска на выполнение внезапно возникающих задач. Для этого создаются даже не вторые эшелоны, а мощные общевойсковые и танковые резервы. Вальтер Модель ничего нового в эту науку не принес, он только осуществил это на практике. А что мешало нам?

Все различные варианты действия войск согласовываются по целям, месту и времени еще заблаговременно, до начала наступления на многочисленных рекогносцировках и при организации взаимодействия и всестороннего обеспечения на всю глубину поставленной задачи со всеми необходимыми расчетами, с поддерживающей и приданной артиллерией, авиацией, инженерными и химическими (сапе-

ры, огнеметчики и постановщики дымовых завес) войсками, а также с подразделениями технического и тылового обеспечения, в том числе и эвакуация раненых и оказание им первой доврачебной медицинской помощи. Все это отрабатывается еще до команды «В атаку! Вперед!» Это классика любой армии мира. Но, к великому сожалению, наши командармы и командиры в большинстве своем не сумели (не изучали, не смогли) провести в жизнь эти прописные истины для каждого офицера (мото)стрелковых и танковых войск в первые годы Великой Отечественной войны. В этом первая и главная ошибка генерала Тарасова.

Армия – огромная машина, и по одному звонку или щелчку пальцев, даже Верховного Главнокомандующего, ничего решить нельзя. Это приведет, как правило, к невыполнению боевой задачи в лучшем случае, а в худшем – к поражению с большими потерями в личном составе и боевой технике. Что мы наглядно видим и произошло при прорыве обороны фашистов южнее г. Белый. А если все варианты выполнения поставленной боевой задачи были заблаговременно отработаны в полном объеме, а твои подчиненные ее не выполнили, вот тогда и необходимо спросить с них по всей строгости законов военного времени.

Плохо работала глубинная, армейская разведка, проспавшая удар фашистов с юга. Удар наносили «растопыренными пальцами» по разным направлениям, не были заранее отработаны задачи по прикрытию флангов наступающих ударных группировок, не было организовано четкое взаимодействие с партизанами... И это не только в 41-й армии. «Пожарный фюрера» в очередной, третий раз на этом направлении подтвердил, что является лучшим из полководцев фашистской Германии в области обороны.

Мужество и героизм солдат и офицеров на поле боя, даже если они массовые, не приведут к победе, а четкое отлаженное управление и взаимодействие всех родов и видов вооруженных сил, рассчитанное по минутам, а в некоторых случаях, как при атаке (под) за разрывами своих снарядов, то и по секундам – ДА!

Немцы по ходу ведения боевых действий быстро учились, а мы все опирались в лучшем случае на свои довоенные знания, а в худшем – только на опыт Гражданской войны, забывая о том и даже не желая слушать, что это была уже другая, неповторимая по своей кровожадности, жестокости и маневренности война.

Меня лишь удивляет пассивное отношение Г.К. Жукова, величайшего полководца Второй мировой войны, отстоявшего в грозном 1941 г. Москву и Ленинград, не давшего надругаться фашистской нечисти над нашими столицами, не отдавшем на поругание и истребление миллионы советских граждан, в этой ситуации. Оправдывает его только то, что одновременно с операцией «Марс» он еще руководил, хоть и не непосредственно, но ежечасно операцией «Уран» по окружению 6-й полевой армии Паулюса под Сталинградом, которую и разрабатывал. И скорее всего эти шараханья генерала Тарасова были попыткой любой ценой выполнить указания Жукова, поступающие также напрямую, минуя командующего фронтом Пуркаева.

И второй вывод, который я сделал после изучения всех карт и журналов учета боевых действий армии, корпусов и бригад. Ни одна из пяти дивизий, входящих в состав 41-й армии до начала операции «Марс» (в том числе и 17-я гвардейская), не выполнила ни одной из поставленных боевых задач в ходе операции, не освободила ни одного, даже небольшого населенного пункта, хутора или деревни, но, прикрывая фланги атакующих корпусов, при первой же контратаке фашистов оставляла занимаемые позиции, отходила назад в исходное положение, чем оголяла фланги танкистов и сибиряков, которых просто разрывало от боли и гнева (о чем свидетельствуют скупые записи в боевых журналах). Чем в конце концов умело воспользовался враг.

На своих занятиях по общей тактике на старших курсах в военном училище я постоянно напоминал будущим офицерам, командирам цитату «великого корсиканца»: «Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над войском львов, возглавляемым бараном». Ведь впереди у них была целая жизнь. Многие из них давно превзошли своего учителя, руководят большими коллективами, и не только военными. Но, к великому сожалению, эта цитата Наполеона Бонапарта оказалась живучей и во многом характеризует некоторых командармов и командиров современной России. Наша многовековая военная история так ничему и не научила отдельных современных военачальников, руководителей страны и армии. Мы вновь и вновь в который раз «наступаем на те же грабли» ...)

К положительным итогам операции «Марс» можно лишь отнести то, что участвовавшие в ней советские войска привлекли к

себе значительные силы врага, лишили немецкое командование свободы маневра резервами, которые необходимы были ему для усиления своей группировки, наносившей деблокирующий удар на сталинградском направлении в декабре 1942 г.

Фашисты также понесли большие потери в живой силе и боевой технике, так, только один 1-й мехкорпус за 20 дней боев уничтожил более 8 900 солдат и офицеров противника, подбил 184 танка, разгромил более 100 ед. орудий разных калибров, не считая остального вооружения. Да и 91-я бригада в первые дни наступления уничтожила свыше 2 000 фашистов, пленила 220 немецких солдат и офицеров, подбила 47 немецких танков, 9 бронемашин, 30 автомашин, а также захватила большие трофеи: 14 орудий, 37 автомашин, 42 пулемета, около 1 000 винтовок, более 400 тыс. патронов, 8 складов с боеприпасами и продовольствием.

Хваленая элитная моторизованная дивизия «Великая Германия» (генерал-майор Вальтер Хернляйн) в боях под г. Белый понесла такие потери, что командование вынуждено было свести полки в батальоны, а танковый батальон и дивизион штурмовых орудий практически потеряли всю свою бронетехнику. В остальных немецких дивизиях положение было не лучше. Потери у фашистов были такие, что даже к лету 1943 г. они полностью не были восполнены...

Части корпуса сибиряков, находясь в указанных районах, постепенно восстанавливали свою боеспособность. Вскоре в составе маршевых рот стало поступать новое пополнение. В первую очередь, учитывая уровень потерь, их направляли для укомплектования в наиболее боеспособные бригады и полки. Так, уже 17 декабря 1942 г. в состав 150 *сд* прибыло 3 000 красноармейцев и офицеров, а в 78 *осбр* – 1 200 чел. В последнюю очередь пополнение поступало в 74-ю и 91-ю бригады, от которых остались практически только одни названия. Они нуждались не только в полном укомплектовании личным составом и вооружением, но и в планомерной многодневной боевой подготовке. А это не позволял сделать противник, постоянно атакуя передний край обороны корпуса.

Вышедшие из окружения бригады к ведению боевых действий не привлекались (за редким исключением: так, например, 74 *осбр* в январе 1943 г. на несколько дней сменила части первого эшелона корпуса на переднем крае).

Командиры ударных корпусов генералы Поветкин и Соломатин не скупались на награды и своими приказами, в рамках полномочий, наградили многих участников боев за г. Белый, но в основном тех, кто остался жив и вышел из окружения. В числе награжденных были командиры и политработники, танкисты и артиллеристы, зенитчики и разведчики, саперы и химики, связисты и медики, водители и тыловики, и даже писари, никого не забыли генералы. Только рядовых пехотинцев в этих приказах практически не было, а ведь именно на их плечах и жизнях лежала вся тяжесть этой страшной войны, вся ответственность перед Родиной за освобождение наших городов и сел, наших угнетенных, поработченных советских людей, оставшихся не по своей вине в оккупации. Это он – рядовой пехоты не сломался, не струсил, не сдался и, даже погибая, уничтожал ненавистного врага. Это он – рядовой пехоты, дойдет до Берлина и водрузит Красное Знамя Победы над поверженным рейхстагом.

Командир 1 мк Михаил Дмитриевич Соломатин и его комбриги наградили орденом Красная Звезда 133 офицера и красноармейца, а медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» – 425 чел., одновременно подписав представления к награждению орденом Отечественной войны II степени на имя командования армии на 15 старших офицеров.

Начальник штаба 91 *осбр* 44-летний майор Н.М. Сыркин, который в это время исполнял обязанности комбрига, также не остался

Сыркин
Николай Михайлович

в стороне и не забыл о своих легендарных добровольцах. Николай Михайлович родился в селе Бородулиха Семипалатинской (Абайской) области Российской империи (Казахстан), служил в рядах РККА с 1919 г., «звезд с неба» не хватал и не понаслышке знал, что такое пехота, пройдя долгую службу в стрелковых частях от рядового до майора, тогда как многие его сверстники уже давно были генералами и командовали корпусами, армиями и фронтами. Он лично вел остатки своей бригады в бой, прорывая кольцо фашистского

окружения, поэтому, не затягивая, уже 19 декабря 1942 г. подписал приказ № 01 по 91 *осбр*, в котором наградил орденом Красная Звезда 31 чел., медалью «За отвагу» – 25 чел., медалью «За боевые заслуги» – 25 чел., а затем подписал представления к награждению орденом Отечественной войны II степени на 15 офицеров бригады, в основном на комбатов, их заместителей и наиболее отличившихся офицеров штаба, в том числе и на старшего лейтенанта Павла Цицилина посмертно.

Представление к награждению на полковника Федора Ивановича Лобанова, которого самолетом отправили в тыловой госпиталь, подписал лично сам комкор-6 генерал С.И. Поветкин.

Николай Михайлович был уверен, что приказ о его назначении на должность комбрига-91 будет на днях подписан, тем более его в этом убедил сам командир корпуса. Но в штабе 41-й армии решили по-другому.

26 декабря 1942 г. в 91-ю бригаду прибыл новый командир – подполковник А.Я. Урусов. Александру Яковлевичу, уроженцу г. Балашов Саратовской губернии (области), шел 40-й год. Он уже отличился в боях с фашистами в 1941 г. и был награжден орденом Красная Звезда, но последние годы службы, которая началась в 1925 г., занимал высокие штабные должности – старший помощник начальника оперативного отдела штаба 13-й армии. Вместе со своим руководителем подполковником С.П. Ивановым (будущий Герой Советского Союза (1945), генерал армии, профессор) встретил войну в г. Барановичи на ЗКП армии. Затем в боях за Молодечно, Минск и Могилев лично организовывал оборону и возглавлял контратаки, находясь в боевых порядках стрелковых частей. Дважды со штабом армии выходил из окружения. В декабре 1941 г. участвовал в Елецкой наступательной операции. Ранен. После госпиталя находился в резерве, а потом был направлен в распоряжение командующего 41-й армии, но оперативный отдел был укомплектован полностью, поэтому его назначили командиром 91 *осбр*.

Урусов
Александр Яковлевич

Вместе со своим руководителем подполковником С.П. Ивановым (будущий Герой Советского Союза (1945), генерал армии, профессор) встретил войну в г. Барановичи на ЗКП армии. Затем в боях за Молодечно, Минск и Могилев лично организовывал оборону и возглавлял контратаки, находясь в боевых порядках стрелковых частей. Дважды со штабом армии выходил из окружения. В декабре 1941 г. участвовал в Елецкой наступательной операции. Ранен. После госпиталя находился в резерве, а потом был направлен в распоряжение командующего 41-й армии, но оперативный отдел был укомплектован полностью, поэтому его назначили командиром 91 *осбр*.

Подполковника А.Я. Урусова вначале встретили настороженно, но, познакомившись поближе, майор Сыркин обнаружил, что у нового начальника есть чему поучиться, особенно в подготовке и оформлении боевых графических документов, распоряжений и приказов, потому что Александр Яковлевич обладал высокой штабной культурой, не «пыжился», прислушивался к мнению своего начальника штаба. Вскоре между ними сложились добрые отношения. Николай Михайлович познакомил нового командира с офицерами и личным составом бригады, и тот с удивлением заметил, что на груди у многих подчиненных красуются ордена и медали, а у начальника штаба нет ни одной боевой награды. Поэтому 5 января 1943 г. подписал свой первый наградной лист, в котором представил майора Сыркина к награждению орденом Красная Звезда. (К сожалению, приказ о его награждении был подписан командующим Калининским фронтом генерал-полковником М.А. Пуркаевым только 24 марта 1943 г.)

В этом районе 91 *осбр* находилась вплоть до 22 января 1943 г., больше не принимая участия в боевых действиях. В бригаду понемногу поступало пополнение и вооружение. Одновременно с личным составом проводились занятия по боевой подготовке, в том числе и по перевозке железнодорожным транспортом...

А в освобожденные под г. Белый села, деревни и хутора вновь вошел враг. Однажды на рассвете в д. Черныши нагрянули немцы, которые привели не раненых, не пленных, а целый обоз, на котором лежали белые валенки и полушубки, залитые кровью, пробитые пулями, иссеченные осколками снарядов... Финн-переводчик приказал женщинам построиться, а затем разгрузить сани и перестирать все полушубки.

– Стирать чисто! Ваш сибиряк испачкал *Kleidung* (одежду). Кто будет спать, я - пух-пуф! – прокричал фашист и рукой в кожаной перчатке сильно ударил одну из женщин по лицу с такой силой, что та упала, как подкошенная, без памяти.

В теплом помещении замерзшие ржавые ступки на полушубках растаяли и потекли ручейками. Запах крови наполнил воздух. Переводчик, брезгливо зажав нос белоснежным платком, поспешил выйти. Перед уходом еще раз напомнил: «Стирать быстро! Ваш *Soldat* испачкал одежда!» И, глядя на печальные, увядшие от голода и страданий лица, зловеще ухмыльнулся своей страшной шутке.

Тоскливо и безутешно завыл за маленьким оконцем ветер. А в

баньке, согнувшись над белыми полушубками, лили на алую кровь сибиряков свои горькие чистые слезы деревенские бабы. Истерзанным за этот страшный год сердцам вдов, еще не знающих, что они вдовы, матерей, еще не знающих о гибели своих сыновей, невест, еще не знающих, что их женихи сложили головы на полях сражений, предстояло вынести еще и это страшное испытание. Но когда из кармана полушубка выпала детская распашоночка, которую сибиряку дала как оберег его жена, женщины онемели. Лишь одна из них, которая в этом году потеряла своего четырехлетнего сыночка, не выдержала и, упав на полушубки, зарыдала и завывала, да так, как плачут у гроба, провожая самых близких. А с нею заплакали все до одной. Ни одна плакальщица на Руси так не причитала, как причитали эти деревенские бабы. И тогда самая старшая из них достала завернутую в холстину Псалтырь, и зазвучала молитва об упокоении убиенных воинов, и повторяли за ней, роняя слезы на белые полушубки, все женщины деревни. И души погибших бойцов незримо стояли возле белых, залитых кровью полушубков, над которыми при свете лучины, обливаясь слезами, читали заупокойную литию бельские женщины из оккупированной немцами деревни Черныши.

Сибиряки лежали на поле брани до весны. А когда в марте 1943 г. растаял снег, местные жители обнаружили тысячи убитых советских солдат. Темное поле брани было словно покрыто островками снега из-за огромного количества белых полушубков. Всех погибших собрали и похоронили. А в Сибири все еще ждали и надеялись. Похоронки ходили медленно. Лишь через несколько месяцев зашлись в крике и плаче матери сыновей, чьи полушубки лежали на оттаявшей земле под городом Белый, застонали вдовы и невесты ушедших на фронт безусых мальчишек...

Костюк Игнатий Степанович (1892 – 19.09.1944).

Первый командир бригады полковник И.С. Костюк – начальник отдела боевой подготовки 41-й армии, в апреле 1943 г. был переведен на должность начальника курсов младших лейтенантов Степного ВО (с 9 июля – Степного, а с 20 октября – 2-го Украинского фронта). В июле 1944 г. назначен заместителем командира 243-й стрелковой дивизии 57-го стрелкового корпуса 2 УкрФ. 19 сентября 1944 г. на подступах к г. Арад (Румыния) полковник Игнатий Степанович Костюк, передвигаясь в передовых боевых порядках стрелковых рот для

постановки задач батальонам первого эшелона на штурм города, был убит очередью из вражеского пулемета. Похоронен на центральной улице г. Арад (Румыния). Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I-й степени, а также медалями.

Лобанов Федор Иванович (27.06.0902 – ?).

Полковник Ф.И. Лобанов после госпиталя 12 марта 1943 г. прибыл в штаб 41-й армии, но его бригада уже воевала на другом участке фронта, поэтому был назначен на должность командира 78 *осбр* красноярцев-сибиряков, которая еще оставалась в распоряжении командарма-41. После расформирования бригады в мае 1943 г. назначен заместителем командира 31-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии Западного фронта. 12 июня 1943 г., в ходе проведения Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов», дивизия перешла в наступление на г. Карачев Орловской (Брянской) области, который был сильно укреплен фашистами и подготовлен к круговой обороне. Федор Иванович не отсиживался на командном пункте дивизии, а постоянно находился в передовых частях на переднем крае. В одном из боев был снова тяжело ранен и в 20-х числах июля 1943 г. отправлен в госпиталь. Ранение оказалось серьезным, и на лечении в различных госпиталях он находился до февраля 1944 г. На фронт полковник Лобанов больше не попал, а был назначен заместителем начальника Свердловского пехотного училища, но уже в мае 1944 г. его перевели снова в НКВД – начальником 42-го Гадрутского (Дербентского) погранотряда в Дагестан, где он и служил до окончания Великой Отечественной войны. Тяжелые ранения не прошли бесследно, и в феврале 1947 г. полковник Ф.И. Лобанов был уволен в запас и переехал с семьей в родной г. Майкоп. Награжден орденом Ленина (1944), двумя орденами Красного Знамени (1942, 1945), двумя орденами Отечественной войны I-й степени (1943, 1945), орденом Знак Почета (1941), а также медалями. (К сожалению, когда умер и где похоронен заслуженный герой пока не известно, потому что мое обращение весной 2025 г. в Совет ветеранов Адыгеи никаких результатов не дало – все скромно отправили к сведениям в Интернете.)

Тарасов Герман Федорович (29.03.1906 – 19.10.1944).

Генерал-майор Г.Ф. Тарасов после снятия с должности командующего 41-й армией был направлен в г. Свердловск (Екатеринбург),

где ему предстояло завершить формирование, а потом и возглавить Отдельную армию войск НКВД, которая 5 февраля 1943 г. получила новое наименование – 70-я армия (вопреки настойчивым просьбам наркома НКВД Л.П. Берия) и убыла в распоряжение командующего вновь созданного Центрального фронта генерал-полковника К.К. Рокоссовского. В ходе проведения Севско-Орловской наступательной операции (25 февраля – 28 марта 1943 г.) 70-я армия под командованием генерал-майора Г.Ф. Тарасова не выполнила ни одной поставленной боевой задачи, хотя была полностью укомплектована и обеспечена боеприпасами, продовольствием и другим необходимым имуществом. Атаки укрепленных немецких позиций проводились в лоб, без учета рельефа местности и без маневра огнем и подразделениями, при этом советские части понесли значительные потери. Поэтому в конце марта 1943 г. по требованию командующего Центральным фронтом генерал Тарасов с должности был снят. Но «всесильный» нарком НКВД Л.П. Берия «своих» не бросал и сумел «уговорить» заместителя Народного комиссара обороны СССР по кадрам (начальника ГУК НКО) генерал-полковника Ф.И. Голикова и Верховного ГК И.В. Сталина о восстановлении в должности Г.Ф. Тарасова, которого уже 12 апреля 1943 г. направили под Воронеж на должность командующего 24-й армией Степного военного округа. Но не успел Герман Федорович принять дела и должность, как приказом ГКО его армия была преобразована в 4-ю гвардейскую армию, и в ее командование вступил генерал-лейтенант Г.И. Кулик (разжалованный Маршал Советского Союза за самовольное оставление г. Керчь и г. Ростов-на-Дону). Затем генерал Тарасов был заместителем командующего 7-й гвардейской армией (с ноября 1943 г.), через месяц назначен командующим 53-й армией 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии И.С. Конева. В это время 53-я армия в составе войск фронта вела наступление на кировоградском направлении и к 24 декабря 1943 г. вышла на рубеж Красноселье – Знаменка, на котором была остановлена подошедшими резервами противника. Герман Федорович опять не справился и был снова снят с должности, но оставлен заместителем командующего 53-й армией (с 5 января 1944 г.). Вот на этой должности, где не требовались особые качества и инициатива полководца, а только четкое исполнение поставленных боевых задач, он, наконец-то, себя проявил. Его армия, успешно

наступая, громила фашистов в Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишиневской операциях, освободила г. Котовск, форсировала р. Днестр в районе г. Дубоссары и успешно наступала на фокшанском направлении. 31 августа 1944 г. 53-я армия вступила в Бухарест, столицу Румынии, и к концу сентября достигла румыно-венгерской границы северо-западнее и западнее города Арад. В ходе Дебреценской операции армия действовала на направлении главного удара фронта, прорвала оборону противника, продвинувшись до 100 км в глубину, и вышла к р. Тиса в районе г. Польгара. Генерал-майор Г.Ф. Тарасов, находясь в боевых порядках одной из дивизий, 19 октября 1944 г. погиб во время бомбежки на южной окраине венгерского города Кишуйсалаш. Похоронили его в центральном парке г. Котовск (г. Подольск) Одесской области, Украина, вблизи мавзолея Г.И. Котовского, рядом с могилой героя Гражданской войны В.Ф. Самборского. Награжден орденами Ленина (1942), Красного Знамени (1944), Отечественной войны I-й степени (1945), Богдана Хмельницкого I-й степени (1944), дважды орденом Красной Звезды (1941, 1944), орденом Михая Храброго (Румыния), а также медалями. Его именем названы улицы в городах Осташков и Торопец, пгт. Пено Тверской области, а также в селе Мокроусово Курганской области, установлены мемориальные доски и учреждена памятная медаль.

Соломатин Михаил Дмитриевич (5.12.1894 – 22.11.1986).

1-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск М.Д. Соломатина после прорыва из окружения и потери почти всей своей техники, а также более половины боевого состава механизированных и танковых бригад около трех месяцев в боевых действиях участия не принимал, за исключением отдельных частей и подразделений. Корпус находился в резерве армии. В районе расположения его бригады ремонтировали и восстанавливали эвакуированную с полей сражений подбитую и вышедшую из строя по техническим причинам технику. Раненые и больные после излечения в госпиталях старались попасть служить именно в свой родной корпус, потому что были абсолютно уверены в своем командире. Соломатинцы любили своего комкора, были уверены в нем и знали, что просто так, на убой, он никогда их не пошлет в неподготовленную атаку. 7 февраля 1943 г. Михаилу Дмитриевичу присвоили очередное звание генерал-лейтенанта танковых войск, а на следующий день за

мужество и отвагу наградили полководческим орденом Кутузова II-й степени. 10 марта 1943 г. корпус в полном составе перешел в резерв Ставки ВГК и убыл в новый район для пополнения личным составом и получения нового вооружения и боевой техники. После восстановления боевой готовности 1 мк под командованием генерала Соломатина вошел в состав Степного военного округа и продолжал готовиться к летним боям под Курском. Затем летом и осенью 1943 г. успешно наступал в Белгородско-Харьковской и Полтавско-Кременчугской наступательных операциях в составе Степного (2-го Украинского) фронта. В феврале 1944 г. Михаил Дмитриевич Соломатин пошел на повышение. Он был назначен на должность заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками РККА, но о страшных боях под г. Белый и своем корпусе никогда не забывал. Часто выезжал на фронт, выполняя различные поручения командования. Отличился в боях за Белоруссию и на Дальнем Востоке. В октябре 1944 г. ему было присвоено звание генерал-полковника танковых войск.

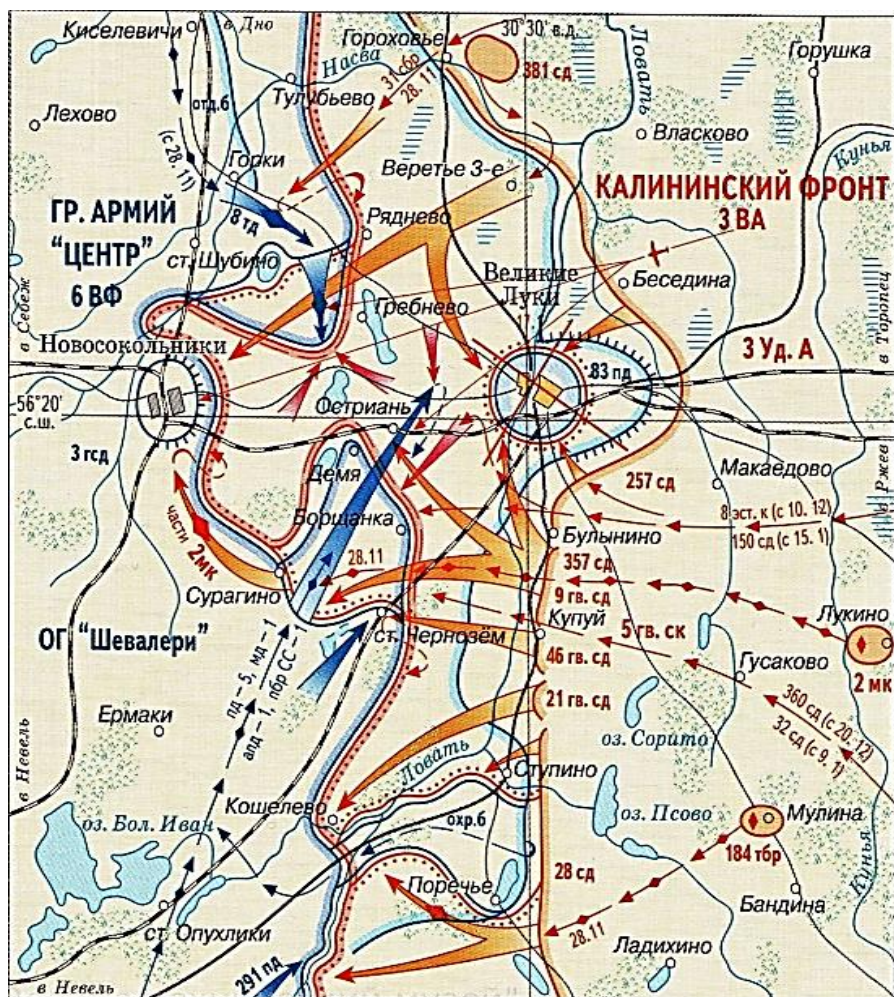
После войны командовал 5-й гвардейской механизированной армией Белорусского военного округа, потом учился на Высших академических курсах при Военной академии им. К.Е. Ворошилова и учил других в должности начальника кафедры оперативно-тактической подготовки Военной академии им. М.В. Фрунзе. В марте 1959 г. по болезни был уволен в запас.

Член президиума правления Всесоюзного общества «Знание». Награжден 11 советскими орденами, а также медалями и орденами иностранных государств.

Умер 22 октября 1986 г. Похоронен в Москве.

Великолукская наступательная операция

Наступательная операция двух советских фронтов «Марс» завершилась неудачей. Но в это же время на правом фланге Калининского фронта силами 3-й ударной армии (генерал-лейтенант К.Н. Галицкий) проводилась фронтовая операция под непосредственным руководством генерал-полковника М.А. Пуркаева, в которой события развивались по другому сценарию.

Великолукская наступательная операция

За день до начала наступления 6-го стрелкового корпуса сибиряков у г. Белый 24 ноября 1942 г. в 11-00 час после 30-минутной артиллерийской подготовки авангарды трех дивизий 5-го гвардейского стрелкового корпуса перешли в атаку южнее г. Великие Луки и, уничтожив боевое охранение фашистов, к исходу дня вышли к главной полосе обороны противника, продвинувшись в глубину на 2-3 км.

На следующий день утром после полуторачасовой артподготовки в наступление перешли главные силы 3-й ударной армии и, громя врага, продвинулись на глубину от 2 до 12 км. При этом наибольшего успеха добилась 381-я стрелковая дивизия, наступающая с севера от города. В течение последующих двух дней войска армии с упорными боями, отбивая ожесточенные контратаки противника, медленно продвигались вперед.

К этому времени армейская разведка установила, что противник подтягивает свежие силы: 8-ю танковую дивизию с севера, 291-ю пехотную и 20-ю моторизованную с юга.

Командующий 3 Уд.А для прикрытия правого фланга 381 *сд* выдвинул 31-ю стрелковую бригаду из своего резерва, а для отражения контратаки фашистов с юга ввел в бой дивизии второго эшелона армии: 28 *сд* нацелил на уничтожение 291-й пехотной дивизии немцев южнее Поречья, а 21-ю гвардейскую дивизию – в готовности отразить удар 20 *мд* фашистов в направлении на Костелево. Принятые меры позволили упредить противника и в течение трех дней успешно отражать его мощный контрудар. А тем временем дивизии первого эшелона армии продолжали свое наступление.

Вечером 28 ноября 1942 г. в районе станции Остриань встретились подразделения 381-й и 9-й гвардейских дивизий, замкнув кольцо окружения вокруг немецкого гарнизона в Великих Луках. Кроме того, часть сил 83-й пехотной дивизии врага была окружена юго-западнее города, в районе деревни Ширипина. На главном же направлении наступления, для овладения важным железнодорожным узлом Новосokolьники, связывающим группы армий «Центр» и «Север», была введена в бой 18-я мехбригада из состава 2-го мехкорпуса. Но фашисты успели занять хорошо подготовленные оборонительные позиции на подступах к городу, и наступление нашей бригады было остановлено. Для ее усиления была переброшена самая боеспособная 381 *сд*. Успешно начав наступление и овладев не-

сколькими населенными пунктами, она обошла город с севера и перерезала железную дорогу Новосокольники – Ленинград, однако дальше продвинуться не смогла. 3 декабря 1942 г. в бой была введена еще одна бригада 2-го мехкорпуса – 34-я, но советские войска, так и не овладев городом и станцией, вынуждены были перейти к обороне.

В это же время противник предпринял контратаку большими силами на правом фланге армии и чуть было не прорвал оборону 31 *сбр*. Для отражения этого удара срочно была выдвинута 26-я стрелковая бригада из резерва фронта. Одновременно части 9 *зв.сд* и 357 *сд* при поддержке 266-й штурмовой авиационной дивизии ликвидировали группировку врага, окруженного под деревней Ширипина, и полностью блокировали Великие Луки, надежно замкнув кольцо окружения вокруг вражеского гарнизона. Советские дивизии стали готовиться к штурму города, в котором оборонялась 83-я пехотная дивизия фашистов с частями усиления. Общая численность окруженного гарнизона составляла 8-9 тыс. человек при 100-120 орудиях и 10-15 танках.

В течение недели на правом фланге армии и в районе Новосокольников продолжались упорные бои, где противник предпринимал неоднократные попытки разгромить советские части, которые, упорно обороняясь, не отошли с занимаемых позиций.

Одновременно штаб армии, на основе достоверных разведывательных сведений, полученных из различных источников, разработал план штурма г. Великие Луки. Он предусматривал нанесение двух согласованных ударов силами стрелковых дивизий с целью рассеяния группировки противника на части и последующего раздельного уничтожения. Вспомогательный удар должна была наносить наиболее укомплектованная, но не имевшая боевого опыта 7 *сд* 8-го эстонского стрелкового корпуса, который прибыл из резерва фронта. Кроме того, штабу армии стало известно, что командир 83-й пехотной дивизии полковник Т. Шерер улетел из города, назначив комендантом гарнизона командира 277-го пехотного полка подполковника барона Эдуарда-Георга фон Засса.

Начало штурма было назначено на 12 декабря 1942 г., однако сплошной туман, исключивший действия авиации, вынудил перенести начало атаки на одни сутки.

Фашисты превратили весь город в неприступную крепость. Все каменные постройки были превращены в мощные узлы

сопротивления, насыщенные артиллерией и минометами. Чердаки высоких зданий были оборудованы под наблюдательные пункты и пулеметные точки. Городская крепость и железнодорожный узел приспособлены к длительной обороне. Основной сплошной рубеж обороны проходил по пригородным поселкам, приспособленным к круговой обороне.

На следующий день в 10-00 час 566 орудий и минометов открыли ураганный огонь по переднему краю обороны противника и, с последним залпом артиллерии, в атаку перешли штурмовые отряды дивизий. Прорвав первую линию обороны, советские войска ворвались в город и, несмотря на яростное сопротивление врага, наступая навстречу друг другу, к исходу дня вышли к р. Ловать, захватили мост и расчленили немецкую группировку на части. Весь следующий день в городе шли упорные уличные бои, в результате которых штурмующие советские батальоны овладели почти всей левобережной частью города, за исключением городской крепости.

15 декабря 1942 г. окруженным фашистам через парламентаров было предложено сдаться, но подполковник Засс, получивший накануне категорический приказ Гитлера, ответил отказом. Он знал, что еще 14 декабря при абсолютном превосходстве в воздухе, создав подавляющий перевес в танках, артиллерии и пехоте, фашисты предприняли новую попытку прорваться к окруженному городу с другого, юго-западного, направления и им удалось не только пробить оборону советских частей, но и захватить деревню Громово. На угрожаемый участок фронта была срочно выдвинута наиболее боеспособная 19-я гвардейская стрелковая дивизия 8-го эстонского корпуса, и вскоре положение было восстановлено, а советские войска продолжили штурм города.

19 декабря 1942 г., перегруппировав свои силы, противник вновь нанес удар, на этот раз во фланг 19 *гв.сд*. Угроза прорыва советской обороны на юго-западе потребовала усилить данный участок, и на следующий день туда была направлена 249-я эстонская дивизия. Но атаки фашистов продолжались с маниакальным упорством. Тогда генерал-полковник М.А. Пуркаев из резерва фронта выделил 360-ю стрелковую дивизию и 100 *осбр*, которые с марша были введены в бой на юго-западном направлении. Это позволило советским войскам успешно отразить все атаки врага, следовавшие вплоть до 25 декабря 1942 г.

Огромные потери, понесенные фашистами в ходе контрудара на Великие Луки, заставили немецкое командование 3-й танковой армии (генерал-полковник Ганс Георг Рейнгардт) взять оперативную паузу для подтягивания свежих сил и подготовки нового удара.

Когда попытки противника пробиться в город извне заметно ослабли, а затем и вовсе прекратились, командование 3 Уд.А получило возможность перегруппировать силы и возобновить активный штурм Великих Лук. Для этого дополнительно были привлечены 249-я эстонская стрелковая дивизия и 47-я мехбригада из состава 41-й армии.

Днем 25 декабря 1942 г. после артиллерийской подготовки пехота при поддержке танков перешла в атаку. Гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление, но после трех дней упорных боев наши штурмовые части вышли к центру города. Крупные силы немецкой авиации подвергали наступающих бомбардировке, им противодействовали советские истребители. В воздухе разыгрались настоящие воздушные сражения. В отдельные часы в небе над городом находилось до 300 советских и немецких самолетов.

Город горел. Из-за черного, едкого дыма не было видно солнца. Отдельные очаги пожаров сливались в огромное яркое зарево. Бесконечное число воронок от авиабомб и снарядов, разбитые в щепы здания, дзоты и блиндажи. Гитлеровцы транспортными самолетами, невзирая на потери от огня нашей зенитной артиллерии, с завидным упорством сбрасывали и днем, и ночью своим окруженным частям хорошо уложенные тюки с боеприпасами и продовольствием. Немецкая бомбардировочная авиация постоянно кружила над городом, совершая массированные налеты на наши части. Но советские штурмовые отряды двигались вперед, сжимая кольцо окружения.

Пять суток непрерывных, ожесточенных атак. Если днем было жарко, то ночью приходилось еще жарче от пламени близких пожаров и частых контратак врага. В немногих каменных уцелевших зданиях перед очередной атакой располагались усталые с красными от бессонницы глазами бойцы. Некоторые на ходу засыпали, так и не успев доесть остывающий в котелках суп-пюре из концентратов и галет. А рядом в штабе штурмующего батальона офицеры вспоминали интересные эпизоды и весело шутили. Один из командиров рассказал, как красноармеец Губерник, подбравшись совсем близко, схватил за раскаленный ствол немецкий пулемет и

рывком выдернул его из амбразуры фашистского дзота. Другой вспомнил о старшем лейтенанте Злобине, у которого во время боя заклинило башню танка. Тогда отчаянный танкист стал целиться, поворачивая из стороны в сторону всю громаду танка, и сумел поразить пять дзотов и пять пулеметных расчетов. С особенной теплотой пехотинцы отзывались об артиллеристах, которые бесстрашно и метко били прямой наводкой по врагу.

В новогоднюю ночь весь город, за исключением железнодорожного узла и крепости, уже находился в руках советских войск и советское командование по радио вновь обратилось к обороняющимся с предложением о капитуляции. Но ответа не последовало, и штурм последних очагов обороны фашистов был продолжен.

К 4 января 1943 г. советские войска овладели зданием вокзала и прилегающими постройками, но дальнейшее продвижение было остановлено, потому что немецкие войска возобновили наступление извне на Великие Луки силами трех дивизий и к вечеру следующего дня им удалось потеснить части 360 *сд* и занять деревню Борщанка. Сюда же для усиления удара командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге решил перебросить еще одну – 331-ю пехотную дивизию с задачей: не позднее 10 января 1943 г. прорваться в город и деблокировать окруженных. Численное превосходство противника и реальная угроза прорыва вынудили командование 3 Уд.А развернуть на 180° фронтом на юго-запад 357 *сд*, а 47 *мбр* вывести в свой резерв к северо-западу от города.

К 7 января 1943 г. частям 8 *тд* и 93 *пд* фашистов удалось продвигаться в направлении Великих Лук только на 1-2 км. Дальнейшее продвижение противника на этом участке было остановлено. Но фон Клюге, подгоняемый Гитлером, не успокаивался и ввел в бой на юго-западе еще одну дивизию – 708 *пд*, усилив и без того мощную группировку из пяти своих пехотных и механизированных дивизий.

Не считаясь с потерями, гитлеровцы медленно продвигались вперед. 9 января 1943 г. ожесточенные бои развернулись в 4-5 км от города в районе деревень Донесьево и Белодедово. Тогда генерал-полковник М.А. Пуркаев передал армии из своего резерва еще одну 32 *сд* и приказал ей занять оборону в 4 км от города.

До 14 января 1943 г. противник продолжал свое наступление с двух направлений. Ему удалось приблизиться к Великим Лукам

на расстояние 3,5 км, однако дальше фашисты были остановлены. Ценой огромных потерь врагу удалось пробить в нашей обороне клин длиной 10 км и шириной 3 км. В сложившейся обстановке необходимо было ударить под основание клина, блокировав наступающие немецкие части. Однако решить эту задачу имеющимися силами не было возможности, поэтому командующий фронтом решил направить в этот район наиболее подготовленную и уже имевшую опыт ведения боевых действий с фашистами 150-ю Сталинскую добровольческую стрелковую дивизию сибиряков (полковник Н.О. Гузь) из состава 6-го корпуса, которая еще неделю назад была сменена на переднем крае обороны под г. Белый, и, погрузившись на станциях Жарковский и Кошени, уже к 10 января 1943 г. прибыла в назначенный район, вошла в оперативное подчинение 3-й ударной армии и начала подготовку к наступлению.

Сибирякам-добровольцам была поставлена задача ударить в центр фашистского клина и перерезать его.

Одновременно с ударом 150 *сд* командарм-3 приказал своим частям в городе приступить к ликвидации остатков немецкого гарнизона и крепости. Общее руководство штурмом возглавил заместитель командира 357 *сд* полковник М.Ф. Букштынович. Создав мощные штурмовые отряды, советские войска перешли в атаку и разгромили немцев в районе железнодорожного узла, а на следующий день, после нанесения артиллерийского и авиационного ударов, ворвались в крепость и завязали бой внутри нее.

В 15-30 час 16 января 1943 г. штурмовой отряд 249-й эстонской дивизии в составе 30 чел. под командованием майора Э. Лемминга ворвался в один из подвалов крепости, где находился штаб обороны фашистов и захватил в плен 52 немецких солдата и офицера, включая и самого начальника немецкого гарнизона подполковника барона Э. фон Засса. После этого остатки окруженных в крепости фашистских подразделений стали массово сдаваться в плен. 17 января 1943 г. стал днем полного освобождения г. Великие Луки.

Одновременно со штурмом в городе перешли в наступление полки прославленной 150 *сд* и, преодолевая упорное сопротивление врага, медленно пошли вперед, срезая основание фашистского клина. Генерал-фельдмаршал фон Клюге, почувствовав угрозу окружения ударной группировки, приказал отвести свои войска.

К 21 января 1943 г. фронт на этом участке стабилизировался.

Несмотря на то что советским частям не удалось освободить г. Новосокольники, общая цель операции была достигнута. Своими активными действиями войска 3-й Ударной армии сковали до 10 дивизий противника, не допустив их использования на других направлениях, чем выполнили строгие указания представителя Ставки ВГК генерала армии Г.К. Жукова, а заодно и освободили старинный русский город Великие Луки.

Бои за освобождение Великих Лук были настолько ожесточенными, что город прозвали «Малым Сталинградом», а операция по его освобождению вошла в военную историю как Великолукская наступательная.

(А я напомним внимательному читателю, что начиналась эта операция советских войск как вспомогательная, с наступления четырех стрелковых дивизий первого эшелона армии, затем были введены вторые эшелоны – еще две дивизии, а в ходе ведения операции командарм и командующий фронтом ввели в бой для решения внезапно возникающих задач свои наиболее подготовленные резервы в составе 12 стрелковых, механизированных дивизий и бригад, которые поддерживали три танковые бригады, а также несколько танковых и артиллерийских частей армейского и фронтового подчинения. Никто никого не дергал, не мешал. Все решали свои поставленные командованием задачи. И при этом советские соединения и части имели минимальные потери в личном составе и боевой технике. Вот это и есть классика ведения общевойскового боя с сильным, прекрасно вооруженным, подготовленным, коварным врагом, которой прекрасно владел сын плотника-отходника, мордвин по национальности, уроженец села Налитово Симбирской губернии (с 1924 г. – Ульяновской), советский военачальник, полководец Великой Отечественной войны, генерал армии Максим Алексеевич Пуркаев.

Вечная ему память!)

Новое пополнение

22 января 1943 г. 74 и 91 *осбр* сибиряков были выведены из состава 6 *ск* в резерв фронта и в походных колоннах пешим порядком убыли на доукомплектование в новые районы. Причем до этого дня сводные подразделения 74 *осбр* еще занимали оборону на переднем крае южнее г. Белый и только в ночь перед маршем их сменили подразделения 19 *мбр* 1 *мк*. Как только начало темнеть, ровно в 17-30 час нестройные колонны бригад прошли свои исходные пункты и начали движение. Этой ночью поднялся буран. Снег заносил дороги, слепил глаза, пробирался за ворот, но люди шли сквозь пургу, невзирая на усталость.

Ночными маршами, после небольшого дневного отдыха, бригады добровольцев-сибиряков пятью колоннами двигались от фронта в тыл, выслав вперед свои рекогносцировочные группы во главе с заместителями комбригов для организации дневок и расположения частей в районах отдыха, а также для подготовки этих районов к противотанковой и противовоздушной обороне.

Только к исходу 24 января 1943 г. 91-я бригада сибиряков, пройдя по бездорожью ночами более 70 км, прибыла к месту сосредоточения и стала располагаться недалеко от деревень Никулинка, Михалево, Шабровка, Романово, севернее от крупной железнодорожной станции Земцы. Остатки 2-го батальона начали оборудовать землянки в лесу в 1 км юго-восточнее д. Никулинка. Рядом расположились минометчики и артиллеристы. 74 *осбр* прибыла в свой район южнее г. Западная Двина только к 26 января 1943 г. На станциях располагались крупные армейские и фронтовые склады вооружения, ГСМ, вещевого имущества и продовольствия. Были и стационарные бани, которых так давно не видели бойцы-добровольцы.

Баня, банька, банечка... Не зря она носит женское имя. Праздник души и тела, особенно для пехоты, которая на лютном морозе после бесконечных кровопролитных атак и ада боев в окружении наконец-то могла погреться, сменить свое пропахшее потом, порохом, гарью, кровью белье с появившимися вшами.

Эти первые дни подальше от фронта, после голода и холода в окружении, да еще и после баньки, да в свежем белье, теплом зимнем обмундировании, да с полноценным, а то и сверх нормы, горячим трехразовым питанием, даже без 100 гр. «наркомовских», стали для

оставшихся в живых добровольцев-сибиряков настоящим раем на земле. Тот, кто не служил в многострадальной пехоте, не мерз в окопе, не лежал часами на морозе, зарывшись в снег, не долбил пехотной лопаткой окаменевшую землю, чтобы создать себе хоть какое-нибудь укрытие от пуль и осколков, не спал на ходу в походном строю на марше, не ощущал во время атаки или на марш-броске как по твоей спине бежит струйками пот, достигая сапог, не ползал под свистом пуль, набивая песком или снегом голенища своих сапог, а потом бежал в атаку, не имея возможности даже на секунду остановиться, не перевязывал веревкой или проволокой свои развалившиеся через месяц сапоги, не хоронил своих боевых друзей-товарищей, от которых порой оставались лишь отдельные части тела, тот никогда не поймет, что такое для солдата банька и свежее нательное белье со своим неповторимым запахом, запахом женских, материнских рук и тепла. Кто никогда не испытывал этого блаженства, тот никогда не поймет, что такое пехота – «царица полей», тот не любит жизнь, как любит ее пехота...

Многие офицеры и рядовые бойцы бригады сибиряков почти каждый день не могли отказать себе в этом удовольствии, хоть мыло выдавали всего один раз, и то маленький кусочек...

(Великий партизанский вождь Сидор Артемьевич Ковпак, прошедший в пехоте через все тяготы и лишения на фронтах Первой мировой войны, хорошо это знал. Вот поэтому в своем партизанском лагере он первым делом приказал построить баньку, а потом все остальные укрытия, землянки и блиндажи.)

Остальные бригады 6-го стрелкового корпуса (75 и 78) и части корпусного подчинения остались на прежних позициях в районе г. Белый, где занимали и прочно обороняли свои рубежи, усовершенствовали инженерное оборудование огневых позиций, продолжая вести активные разведывательные действия группами по 6-20 человек. Потери корпуса в эти дни были незначительными.

Через несколько дней в 74-ю и 91-ю бригады сибиряков стало поступать новое пополнение и вооружение.

Подавляющее большинство новобранцев было 1924 г. рождения. Эти 18-летние пацаны в боях не участвовали, все для них было ново. Их надо было помыть, переодеть, научить ходить строем, умело действовать на тактических занятиях, стрелять, атаковать, отрывать

окопы, бороться с танками и многое, многое другое. Поэтому к их обучению стали привлекать не только офицеров и сержантов, но и всех побывавших в боях красноармейцев. Командование бригады прилагало немалые усилия, чтобы побыстрее подготовить их к предстоящим кровопролитным боям. Одновременно с новобранцами в бригады стали поступать и офицеры, выпускники пехотных училищ, которых сразу же определяли в стрелковые батальоны на должности командиров взводов и рот и, без всяких раскачиваний и вхождений в должность, включали в жесткий процесс боевой учебы. Молодые командиры были, как правило, ровесниками новобранцев, а иногда и младше, но, несмотря на возраст и отсутствие опыта, быстро подключались к проведению занятий с пополнением.

Почти все командиры рот в 91-й бригаде были вновь назначенными на свои должности, а большинство командиров взводов не имело фронтового опыта ведения боевых действий с фашистами.

А в это время железнодорожный состав с батальонами Краснохолмского военного пехотного училища двигался на север, объезжая Москву с востока. На одной из станций, после проверки личного состава, к Саше подошел незнакомый солдат с другого воинского эшелона, стоящего рядом, и спросил:

– Привет, брат, я тоже Матросов. А ты откуда родом?

Саша ответил, что он детдомовский и запомнил только то, что

Матросов
Дмитрий Алексеевич

был пруд, большой овраг и его маленькая деревня называлась каким-то оврагом. Они познакомились. Парня звали Дмитрием, он был родом из села Высокий Колок Новомалыклинского района Куйбышевской области. Прощаясь, Александр пообещал после войны обязательно его найти и приехать в гости к однофамильцу, тем более что в их селе Матросовых проживало много. (Дмитрий Алексеевич Матросов, двоюродный брат Александра, до конца своей жизни не мог забыть о той встрече по пути на фронт. Вернувшись после войны домой, он рассказал о случившемся родственникам. Ни у

кого не возникло даже сомнения, что это был Саша, которого перед своей смертью тетя Анна отвезла в детский дом.)

На дворе была зима, а при движении эшелона становилось еще холодней, поэтому буржуйки в вагонах топили постоянно, а на станциях и полустанках старались как можно больше загрузить воды и дров. Ведь не известно было, сколько по времени будет двигаться состав до следующей остановки и будут ли там в достаточном количестве дрова.

Прямая железнодорожная ветка из Москвы до Великих Лук, на которой располагалась станция Земцы, была дважды перерезана немецкими войсками, оборонявшимися в Ржевско-Вяземском выступе, у старинного города Зубов и крупной станции Нелидово Калининской (Тверской) области. Поэтому воинский эшелон с курсантами Краснохолмского военного пехотного училища двигался в обход через Калинин (Тверь) и только в Лихославле свернул строго на запад к освобожденным несколько дней назад Великим Лукам. Теперь их путь пролегал по советской территории, которая лишь год назад была освобождена нашими войсками в ходе битвы под Москвой. Состав двигался медленно. Везде были видны сожженные фашистами деревни и села, разрушенные станции и пристанционные постройки. Молодые воины притихли, с любопытством и с редкими комментариями рассматривая из своих теплушек следы бывших боев. Прошли старинные русские города Торжок и Торопец.

На одной из железнодорожных станций воинский эшелон № 2115 остановился, старший вагона красноармеец Матросов вышел на перрон и тут же вернулся:

– Ребята, здесь можно купить горячие лепешки!

Бойцы сразу же собрали ему денег, кто сколько мог, и Саша быстро побежал к прилавку. На все деньги он купил целую горку лепешек и, когда уже собрался возвращаться в свой вагон, его окружили худые, чумазые, изнуренные мальчишки. Поговорив с ними, Саша все лепешки отдал им, а возвратившись в вагон, с волнением рассказал ребятам, что эти дети уже три дня ничего не ели, потому что фашисты сожгли их поселок и поубивали много взрослых, поэтому он отдал голодным мальчишкам все купленные на их деньги лепешки. А потом немного виновато добавил:

– Ребята, мы же с вами состоим на котловом довольствии, а они голодные...

Состав двигался от разъезда к разъезду. Еще не везде были хорошо восстановлены железнодорожные пути и различные сооружения, особенно мосты, которые были временными. «Краснохолмцам» повезло. За все время пути их состав ни разу не был атакован немецкой авиацией, что случалось довольно редко, а вот следы бомбежек и разрушений железнодорожного полотна бойцы видели часто.

На сортировочной станции в Великих Луках, на которую воинский эшелон с курсантами прибыл ночью, пахло гарью, еще тлели обломки и развалины пристанционных построек после недавних ожесточенных боев, не горел ни один пристанционный фонарь. После маневров паровоз вдруг потянул состав с новобранцами... обратно на восток. Это немного удивило, одни расстроились, другие начали подшучивать и придумывать разные версии, но вскоре оказалось, что они вовсе не едут обратно, а свернули на другой путь, и уже на следующий день 5 февраля 1943 г. воинский эшелон с пополнением в составе четырех курсантских батальонов, в котором был и Александр Матросов, прибыл на станцию Земцы, находящуюся в 20 км от г. Западная Двина Калининской (Тверской) области.

Александр Матросову в этот день исполнилось 19 лет. Друзья еще утром не забыли поздравить его с днем рождения, пожелать успехов, долгожданной победы над ненавистным врагом и много наград.

Начальник эшелона старший лейтенант Коробцов и капитан Капенкин поставили задачу старшим по вагонам выгрузить все имущество, навести порядок и построить личный состав на перроне.

Дежурный офицер доложил командиру бригады подполковнику А.Я. Урусову о прибытии эшелона с большим количеством сержантского и рядового состава из Краснохолмского военного пехотного училища. И тот отдал распоряжение начальнику штаба бригады майору Н.М. Сыркину отправить офицеров штаба и представителей от батальонов на станцию Земцы. Ответственным по приему молодого пополнения был назначен старший помощник начальника штаба бригады по строевой части капитан Павлов, а от 2-го батальона начальник штаба старший лейтенант Г.С. Артюхов и вновь назначенный командир роты лейтенант Г.С. Гульчак. Вместе с ними прибыли на станцию и офицеры-политработники.

Когда офицеры бригады вышли на перрон, то увидели, что вдоль вагонов, двигаясь то вперед, то назад, быстро ходил какой-то военнотружующий в телогрейке без знаков отличия и отдавал распоряжения. Его слушались не только рядовые, но и сержанты. Григорий Сергеевич Артюхов посчитал, что это один из командиров курсантов, и подозвал его. Но когда тот, приблизившись к офицерам бригады, перешел на четкий строевой шаг, а остановившись на строго установленной уставом дистанции, лихо приложил правую руку к головному убору и молодежовато представился:

— Рядовой Матросов! — все присутствующие офицеры, не сдерживая своих эмоций, рассмеялись.

Вот так произошло их первое знакомство.

Начальник эшелона и офицеры училища после разгрузки вагонов и сдачи их начальнику станции построили личный состав сводных батальонов на перроне и доложили представителям штаба 91-й отдельной стрелковой бригады о прибытии курсантов Краснохолмского военного пехотного училища в их распоряжение.

Капитан В.Ф. Павлов и начальник 4-й части штаба бригады старший лейтенант С.Б. Шлыков пересчитали бойцов, имущество и составили Акт передачи, в котором указали, что приняли от представителей училища 993 курсанта и различное имущество. (Семь человек по различным причинам до станции назначения не доехали, в основном это были больные, оставленные на промежуточных остановках под расписку военным комендантам, но были и те, которые по различным причинам отстали или дезертировали во время движения эшелона. Сведения о

Артюхов
Григорий Сергеевич

Павлов
Василий Федорович

таких красноармейцах были переданы представителями училища военной контрразведке и органам НКВД по маршруту движения.)

Подполковник А.Я. Урусов долго не подписывал Акт передачи офицерам училища из-за отсутствия семи человек и некоторого имущества, ссылаясь на занятость. При этом успел доложить, вплоть до командующего фронтом, о недостатках при приеме курсантов из Краснохолмского военного пехотного училища и только после личного распоряжения генерал-полковника М.А. Пуркаева 14 февраля 1943 г. Акт передачи личного состава и имущества был им подписан, а сопровождавшие курсантов офицеры училища, отметив свои командировочные удостоверения, ушли обратно.

Уже в первый свой день пребывания в войсках друзья-«краснохолмцы» узнали, что будут служить и воевать в прославленной 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригаде добровольцев-сибиряков, которую после изнурительных и жестоких боев за г. Белый вывели в резерв Калининского фронта для пополнения личным составом, техникой, вооружением и восстановления боеспособности.

Ноздрачев
Иван Григорьевич

Но ребятам страшно не терпелось сразу в бой, ведь они считали себя подготовленными бойцами, готовыми в любую минуту броситься на врага и уничтожить его. Заметив неподалеку стоящего молодого офицера, они обратились к нему с вопросом: «Как нам попасть в роту, чтобы больше убить немецких фашистов?» Помощник начальника политотдела 91 *осбр* по работе среди комсомольцев капитан И.Г. Ноздрачев улыбнулся и сказал, что бить врага можно, находясь в любом подразделении, нужны лишь умение и смелость, и пообещал похлопотать, тем более что все ребята были комсомольцами.

То ли случайно, то ли благодаря заботам капитана Ноздрачева в этот же день все друзья-товарищи, «краснохолмцы» 5-й роты, были зачислены в списки 2-го батальона 91-й бригады: Матросов, Бардыбаев, Воробьев, Орехов, Малинкин, Шиняев, Писарев и Копылов – в роту автоматчиков, Демченко и Гуржий – в артбатарею, Малолетков – в минометную роту, а Токарев и остальные – в стрелковые роты.

Тыловики Калининского фронта прекрасно знали, что И.В. Сталин буквально свирепел, когда ему докладывали о том, что командиры безразлично относятся к своим бойцам. Однажды, услышав, что на их фронт поставили некачественное обмундирование и существуют проблемы с поставками продовольствия, вождь воскликнул: «Стыдитесь! Дворяне Суворов и Кутузов больше заботились о своих солдатах, чем вы – красные командиры, коммунисты!» А тут добровольческая, да еще Сталинская бригада.

Поэтому сразу после распределения и расположения в землянках новичков повели в баню, выдали новое зимнее белье и обмундирование, валенки, трехпалые перчатки, а автоматчикам, как элите пехоты, еще и новенькие полушубки, которые недавно прибыли на фронтовой склад из Монголии. Вездесущий Александр Матросов все несколько раз перемерил и подобрал нужного размера, чтобы ничего не мешало в движении и при стрельбе, а также сумел уговорить заведующего вещевым складом и получил для себя и своих друзей еще и теплые шерстяные свитера. И хотя на плечах еще не было погон, которые вместе с новым обмундированием были введены Приказом НКО СССР № 25 от 15 января 1943 г., друзья-автоматчики выглядели как настоящие офицеры. Это поднимало им настроение, ведь они очень выгодно отличались от остальных бывших курсантов из Краснохолмского военного пехотного училища и этим гордились, а Матросов при встрече с товарищами из других рот постоянно повторял, что «попал туда, куда хотел».

Рота автоматчиков была боевая. Личный состав в предыдущих боях уже успел показать врагу силу своего содружества, ведь среди них были представители многих национальностей.

Молодым бойцам и младшим командирам представили взводных, которые лишь недавно окончили такие же пехотные училища и по распределению прибыли в бригаду. Это – лейтенанты Г.М. Канделинский, М.П. Лукьянов и младший лейтенант Л.С. Королев.

Младших сержантов назначили на

Канделинский
Георгий Михайлович

Королев
Леонид Семенович

командные должности: Сергея Копылова – помощником командира взвода, Александров Воробьева и Орехова, Михайлов Бардыбаева и Малинкина – командирами отделений, Володю Шиняева – ординарцем командира роты, лишь только добровольцы Коля Писарев и Саша Матросов остались на рядовых должностях.

Александр порадовался за своих друзей, а те стали настойчиво требовать от командования справедливости по отношению к своим товарищам, которые наравне с ними учились в училище и успешно сдали экзамены за первый период обучения еще в декабре 1942 г.

Особенно своими просьбами они стали напрягать политработников не только батальона, но и бригады в своих обращениях, доказывая, что Матросов лучший из них и вполне справится с обязанностями помощника командира взвода, так как был отличником боевой и политической подготовки. Да и самих офицеров после встречи с ним на перроне станции Земцы интересовал вопрос: «Кто же такой красноармеец Матросов?» Вскоре многие из них узнали от его товарищей всю историю Александра: как он стремился попасть на фронт и почему не присвоено звание, и еще больше прониклись к нему уважением. Дело дошло до комбрига и его начальника штаба.

По своему статусу подполковник А.Я. Урусов имел полное право присвоить своим приказом воинское звание сержанта красноармейцу Матросову и назначить его на соответствующую должность, но у командования бригады в это время были другие, более ответственные задачи по подготовке батальонов к предстоящему наступлению, поэтому, посоветовавшись с майором Н.М. Сыркиным, осторожный Александр Яковлевич решил не торопиться и объяснил политработникам, что те знают красноармейца очень мало.

– Пусть покажет себя в первом бою, тогда и решим, – объявил свое решение комбриг.

Молодой, коренастый, темно-русый, голубоглазый, невысокого роста, очень энергичный, общительный, честный, инициативный

комсомолец Матросов быстро вошел в доверие к заместителю командира 2-го батальона по политической части капитану В.Н. Климовскому. Этот парень с открытым лицом внушал доверие, с ним всегда было хорошо, понятно и надежно, поэтому, чтобы снять напряжение в среде командного состава батальона, Василий Николаевич назначил Александра своим нештатным ординарцем, не исключая из списков роты автоматчиков.

Молодые бойцы рвались в бой, воевать с оружием в руках, а тут опять тыл, винтовок и автоматов еще не выдали, словно из училища не выезжали, поэтому политработники батальона и бригады организовали встречи с бывалыми воинами – участниками боев, провели интересные беседы, и это понравилось молодому пополнению.

Пока личный состав дооборудовал землянки и устраивался в них, командование составило план боевой учебы с молодыми солдатами. К 10 февраля 1943 г. все подразделения бригады в основном полностью были укомплектованы личным составом и вооружением. Вновь прибывшие офицеры были расставлены по штатным должностям и приступили к исполнению своих обязанностей. Необходимые приказы по штатному расписанию были подписаны, и, абсолютно новая, 91-я Сталинская отдельная стрелковая бригада добровольцев-сибиряков, в которой добровольцев из Сибири остались единицы, и то только в артиллерийских дивизионах и батареях, а также в подразделениях тылового обеспечения, приступила к плановой учебе.

12 февраля 1943 г. 91 *осбр* получила приказ на подготовку к совершению марша в пешем порядке в сторону фронта.

Время на фронте дорого, на учете каждая минута. Заниматься приходилось по 10-12 часов в сутки, а иногда и больше. Вся жизнь батальонов протекала, как на войне, только не было вражеских обстрелов. Занятия обычно проводились в ночное время, учились вести бой в лесу и в населенных пунктах. Матросову такая учеба была по душе, он стал понимать, что все не так просто, как казалось

Климовский
Василий Николаевич

вначале, везде требовалась смекалка. Пришлось по-новому учиться воевать у «старичков», которые уже не раз побывали в боях и фашистов умели бить. И не беда, что кухонь с прибытием нового пополнения не хватало и приходилось часто довольствоваться сухим пайком, настроение у новобранцев было боевое.

Гвардии старшина Петр Георгиевич Фомин вспоминал: «Матросов занимался старательно, активно действовал на учениях, а в свободные минуты, по примеру бывалых солдат, изучал трофейное оружие, заявляя, что в бою это «вот как пригодится».

В бригаде был воссоздан свой коллектив художественной самодеятельности, который стал выступать перед бойцами. Вскоре политработники обратили внимание и на рядового Матросова, который частенько в минуты отдыха в своей роте пел под гитару душевные русские песни, а его лихие, задорные пляски всегда восхищали бойцов. Но особенно он любил петь под гармошку, музыка и слова лились по заснеженным просторам с какой-то затаенной, берущей за душу грустью. А потом вдруг «Смело мы в бой пойдём», друзья подхватывали, и неслась по лесу очередная лихая солдатская песня... Веселым, жизнерадостным, душевным и искренним – таким запомнился новым друзьям-однополчанам Саша Матросов.

Но не только солдаты полюбили Матросова, своей подтянутой, исполнительностью, рвением к учебе и службе Саша обратил на себя внимание командиров и политработников.

Татарников
Тимофей Андреевич

Секретарь партийного бюро батальона капитан Тихон Иванович Коренской вспоминал: «Вскоре Матросова избрали группкомсоргом и назначили агитатором во взвод автоматчиков лейтенанта (младшего лейтенанта – авт.) Королева. Теперь он ежедневно проводил беседы с бойцами, читал им сводки Совинформбюро, газеты, а иногда и художественную литературу».

А комсорг 2-го батальона лейтенант Т.А. Татарников рассказывал: «Внешне он ничем не отличался от других бойцов. Но когда Матросов стал агитатором, я часто

замечал, что в задушевных беседах с бойцами, комсомольцами он всегда приводил слова из книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Особенно любил повторять слова: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе и никуда иначе!» Это читалось Матросовым ярко, с интонацией, с большим внутренним энтузиазмом... Павка Корчагин был его любимым героем...»

Александр быстро освоился, знал всех отличившихся в боях за г. Белый бывалых солдат: Василия Чернова, Ивана Самойлова, Петра Фомина, бывшего новосибирского учителя Петра Косторова, Аню Вакулину, Полину Смирнову и многих других, считал их настоящими героями и всегда с интересом слушал рассказы «ветеранов». Он ими гордился, учился мужеству и воинскому мастерству, да и они, когда узнали, что Матросов доброволец, стали по-другому относиться к Саше, считая его по праву своим.

Начальник политотдела бригады майор М.В. Ильяшенко впоследствии вспоминал: «После сражения с фашистами под г. Белым нашу бригаду вывели в резерв для пополнения людьми и вооружением. Расположились мы на станции Земцы и после короткого отдыха приступили к боевой учебе. Вскоре к нам прибыло новое пополнение из Краснохолмского военно-пехотного училища. В числе прибывших курсантов был и Александр Матросов – невысокий, коренастый парень в чуть сдвинутой набок ушанке. Взгляд открытый, веселое, жизнерадостное лицо. Чувствовалось: такой в бою не сробеет, в беде не оставит товарища... Мне довелось познакомиться с Матросовым, видеть его на занятиях, беседовать с командиром второго стрелкового батальона капитаном Афанасьевым и его заместителем по политической части капитаном Климовским о новичках. Первое впечатление о Матросове не обмануло меня. Он оказался любознательным, смелым, инициативным солдатом. В боевой подготовке, на учениях, на марше Матросов для многих служил примером».

Но учиться долго не пришлось. Время учебы в лесах у станции Земцы быстро подошло к концу. 91-я отдельная стрелковая бригада получила приказ на совершение марша в пешем порядке в сторону фронта. Такой же приказ был отдан и 74 *осбр*.

На фронт

Немецко-фашистские войска на юге советско-германского фронта несли огромные потери и отступали. Стараясь избежать очередного крупного окружения, Гитлер приказал своим войскам оставить предгорья Кавказа, Ставропольский и Краснодарский края. Наши армии перешли к преследованию врага и освобождению городов и сел. Одновременно на севере в районе многострадавшего Ленинграда войска двух советских фронтов при поддержке Балтийского флота провели наступательную операцию «Искра» и 18 января 1943 г. прорвали блокадное кольцо между южным побережьем Ладожского озера и поселком Мга. Сухопутная связь города с «большой землей» была восстановлена.

Находясь в эйфории побед под Сталинградом и будучи абсолютно уверенным, что врагу нанесен сокрушительный разгром, от которого фашистская Германия уже оправиться не сможет, И.В. Сталин приказал ГШ РККА разработать и осуществить план разгрома немецких войск на севере советско-германского фронта. Вскоре на стол Верховному был представлен вариант действий трех советских фронтов, который предусматривал окружение и полный разгром немецкой группы армий «Север», освобождение Ленинградской области и создание условий для успешного наступления в Прибалтику.

Иосифу Виссарионовичу план понравился, он приказал его доработать и представить на утверждение. Идея проведения такой стратегической наступательной операции принадлежала командующему Северо-Западным фронтом маршалу С.К. Тимошенко и получила кодовое название «Полярная Звезда». Поэтому СЗФ и специально созданной 30 января 1943 г. «Особой группе генерал-полковника М. С. Хозина» отводилась основная роль в предстоящей операции, а войскам Ленинградского и Волховского фронтов – вспомогательная. На маршала Г.К. Жукова, назначенного представителем Ставки ВГК, была вновь возложена координация действий войск трех фронтов и «Особой группы». Кроме того, в штаб Северо-Западного фронта в начале февраля 1943 г. прибыли проявившие себя в Сталинградской битве с лучшей стороны маршал артиллерии Н.Н. Воронов и генерал-полковник авиации А.А. Новиков с задачей координировать действия соответственно артиллерии и авиации в предстоящей операции.

Замысел действий трех советских фронтов предусматривал проведение ряда последовательных наступательных операций,

для чего привлекались войска тринадцати советских армий, в том числе 1-я, 2-я ударные и 1-я танковая армии, при поддержке трех воздушных армий, которым противостояла немецкая группа армий «Север» (16-я, 18-я армии и 1-й воздушный флот).

Первыми 10 февраля 1943 г. в наступление перешли войска Ленинградского и Волховского фронтов в направлении на г. Луга с целью заставить командование немецкой группы армий перекинуть на север дополнительные подкрепления, в том числе из района Демянска. Но, несмотря на ряд локальных успехов, советским войскам не удалось достичь поставленных целей.

Северо-Западный фронт должен был перейти в наступление 19 февраля 1943 г., окружить и ликвидировать группировку врага в Демянском выступе, с которого фашисты планировали нанести удар на Москву и совместно с войсками, расположенными в Ржевско-Вяземском выступе, окружить и уничтожить армии Калининского фронта. Но из-за испортившейся погоды войска фронта и Особой группы не успевали сосредоточиться в исходных районах. Начало операции было отложено на несколько дней.

Немецкая разведка предполагала возможность крупного наступления русских в районе Демянска, к тому же основные резервы Германии уже были исчерпаны, а атаки советских войск по всему советско-германскому фронту продолжались. Поэтому еще 29 января 1943 г. А. Гитлер отказался от своей идеи победного марша на Москву и принял решение об эвакуации войск с демянского плацдарма, с целью усилить свои группировки на северном и южном направлениях – операция «Очистка чердака» (*Entrümpelung*). 14 февраля 1943 г. 16-я армия немцев приступила к реализации этого плана.

Советскому командованию стало известно, что противник начал отвод своих войск из демянского выступа, который удерживался фашистами более года. В создавшейся обстановке было принято решение немедленно начать наступление имеющимися в распоряжении силами. На следующий день не завершившие полную подготовку и занятие исходных позиций армии Северо-Западного фронта и «Особой группы» перешли к преследованию врага и к 28 февраля 1943 г. отбросили его за р. Ловать. Но цели, поставленные ВГК перед фронтами, достигнуты не были. Вывод дивизий 2-го армейского корпуса позволил немецкому командованию значительно

уплотнить оборону, что резко изменило обстановку и поставило под сомнение выполнение первоначального плана операции «Полярная звезда». Наступление было остановлено.

После войны маршал артиллерии Н.Н. Воронов вспоминал: «Замысел был великолепный, но план операции был разработан без учета характера местности, весьма неважной дорожной сети, а главное, без учета приближавшейся весенней распутицы... Чем больше я вникал в детали плана, тем более убеждался в справедливости поговорок: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Трудно было выбрать более неудачное направление для использования артиллерии, танков и другой боевой техники, чем то, что намечалось в плане...»

По первоначальному замыслу операции «Полярная Звезда» войска Калининского фронта должны были прикрыть левый фланг ударной группировки Северо-Западного фронта, для чего в кратчайшие сроки необходимо было подготовить и провести ряд армейских операций на вспомогательных направлениях.

Генерал-полковник М.А. Пуркаев доложил в Ставку ВГК, что на данный момент в составе фронта нет достаточно хорошо подготовленных и обеспеченных соединений для проведения этих операций, чем вызвал огромное неудовольствие И.В. Сталина и практически «поставил точку» на своей дальнейшей карьере.

Тем не менее задача была поставлена и ее необходимо было выполнять. 4 февраля 1943 г. командующий Калининским фронтом своим распоряжением вывел из состава 3-й ударной армии в полном составе 2-й гвардейский стрелковый корпус (генерал-майор М.П. Кутузов), который занимал оборону на правом фланге фронта в районе старинного русского города Холм, расположенного на возвышенном берегу слияния рек Ловать и Кунья. Лишь отдельные части этого корпуса принимали участие в освобождении Великих Лук.

(Холм - один из немногих малых городов России, имеющий более чем 500-летнюю историю. Он со всех сторон окружен реками и болотами. Дважды был стерт с лица земли, но возрождался вновь. Город находился в немецкой оккупации с августа 1941 г. Фашисты придавали большое значение этому стратегическому узлу обороны и старались удержать его любой ценой. В начале 1942 г. советское командование и псковские партизаны неоднократно предпринимали попытки

освободить Холм, несколько раз город переходил из рук в руки и был полностью окружен частями Красной Армии. В течение 105 дней фашисты сдерживали натиск наших частей, и 5 мая 1942 г. им удалось прорвать кольцо окружения и соединиться с главными силами. В Германии выпустили почетный знак, так называемый «CHOLM 1942» («Щит за Холм»). Им было награждено 5 481 военнослужащих фашистской Германии, входивших в состав подразделений немецкой 281-й дивизии СС генерал-майора Теодора Шерера, оборонявшихся в городе.

В этих тяжелых, кровопролитных боях принимал непосредственное участие и 2-й гвардейский стрелковый корпус под командованием полковника Александра Ильича Лизюкова (1 января – апрель 1942).

Но бои за Холм не прекращались все лето и осень 1942 г. Город был практически полностью разрушен. Немцы в течение длительного времени сумели превратить и город, и окрестности в мощный район обороны, окруженный сплошными минными полями и долговременными огневыми сооружениями, которые перекрывали все доступные направления действий советских войск.)

Одновременно боевое распоряжение получил и штаб 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков, управление которого с подчиненными корпусными частями выводилось из состава 41-й армии и выдвигалось на новое направление в район севернее 60 км от Великих Лук на берег р. Сережа. КП корпуса должен был расположиться в районе деревни Мокшино.

По убедительной просьбе командующего 41-й армией – не оголять фронт у г. Белый – наиболее подготовленные, укомплектованные, полностью обеспеченные и имеющие опыт ведения боевых действий с фашистами 75-я и 78-я бригады добровольцев-сибиряков остались в распоряжении командарма-41. А в состав 6 ск из резерва фронта вновь вошли 74-я и 91-я стрелковые бригады, которые только завершали комплектование. Скромные просьбы генерал-майора С.И. Поветкина вернуть все свои бригады-добровольцев в состав корпуса не увенчались успехом.

Командирам корпусов было приказано в кратчайшие сроки представить командующему фронтом свои соображения по подготовке к проведению самостоятельных наступательных

операций по прорыву обороны фашистов, разгрому холмской группировки врага и овладению городами Холм и Локня.

Управление, штаб и корпусные части 6 ск практически по бездорожью начали движение. К 6 февраля 1943 г. генерал-майор С.И. Поветкин доложил о прибытии штаба корпуса в указанный район, представил командующему фронтом свое решение на наступление, предлагая подготовку войск завершить в течение 10-15 дней.

Генерал-полковник М.А. Пуркаев объединил стрелковые корпуса в одну оперативную группу под командованием своего заместителя генерал-лейтенанта М.Н. Герасимова.

Михаил Никанорович Герасимов (1894– 1962) родился в Москве

Герасимов
Михаил Никанорович

в семье рабочего. Окончил начальное городское и коммерческое училища. В январе 1915 г. был призван в армию. Служил канониром в Новогеоргиевской крепостной артиллерии, затем учился в 3-й Московской школе прапорщиков, после окончания которой был направлен на службу в 199-й пехотный запасной батальон в Иваново-Вознесенск. В апреле 1916 г. произведен в подпоручики. Командовал пешими разведчиками в 4-м Неманском пограничном пехотном полку, а затем 9-й сотней. С января 1917 г. – командир роты 708-го пехот-

ного Россиенского полка. С октября 1917 г. – командир 1-й роты, а с января 1918 г. – командир 1-го батальона 80-го пехотного Кабардинского полка. Демобилизован в феврале 1918 г. в звании поручика.

В Красной Армии с сентября 1918 г. Командовал ротой Иваново-Вознесенского запасного батальона. Участник Гражданской войны на Западном фронте. Командовал ротой, батальоном, полком, бригадой. Воевал под Петроградом, Псковом, Брест-Литовском и Варшавой против войск генерала Н.Н. Юденича и поляков. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

В 1922 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии РККА. В межвоенный период служил в Белорусском военном округе командиром 33-й стрелковой дивизии, а затем в

центральном аппарате Генерального штаба РККА на различных должностях в инспекции пехоты и в Управлении боевой подготовки РККА.

С июля 1940 г.— командир 19-го стрелкового корпуса в Ленинградском военном округе. В этой же должности встретил Великую Отечественную войну. Корпус в составе 23-й армии Северного фронта оборонял государственную границу СССР с Финляндией. С 6 августа 1941 г.— командующий 23-й армией. Под командованием М.Н. Герасимова войска армии в тяжелой обстановке отражали наступление финских войск на Ленинград с севера, под ударами сил противника отошли и заняли оборону на ранее оборудованном рубеже Карельского укрепрайона. 8 сентября 1941 г. командующий войсками Ленинградского фронта К.Е. Ворошилов снял генерала Герасимова с должности командарма и отдал под суд военного трибунала за отход 23-й армии с занимаемых позиций без приказа на линию старой государственной границы. Ворошилов обвинил Михаила Никаноровича во всех грехах и требовал расстрела, но 14 сентября 1941 г. его самого И.В. Сталин отстранил от должности командующего фронтом, сменив Г.К. Жуковым. Это обстоятельство и спасло генерала Герасимова, но следствие продолжалось долго. Только к июню 1942 г. военная прокуратура в его действиях не нашла криминала, и Михаил Никанорович был назначен руководителем группы контроля за формированием маршевых пополнений в военных округах. Но уже в сентябре 1942 г. он принял дела и должность заместителя командующего войсками Калининского фронта.

Предстоящая операция оперативной группы Калининского фронта (которая не вошла ни в один учебник по военной истории, ни в одну военную энциклопедию, и только по воле журналистов и историков была названа Холм-Локнянской наступательной —авт.) должна была начаться **20 февраля 1943 г.** и проходить в два этапа в течение 10-12 дней. При этом на первом этапе два стрелковых корпуса практически без поддержки танков, артиллерии, авиации должны были, наступая с боями по бездорожью в лесисто-болотистой местности, в период весенней распутицы, в полосе более 70 км, уже на третий день захватить н.п. Локню и г. Холм (который советские войска до этого в течение лета и осени 1942 г. освободить так и не смогли — авт.). А затем, развивая успех, нанести удар против южного фланга немецкой группы

армий «Север». (Да, да, дорогой читатель, – это не опечатка. Ни много, ни мало. Задача, с которой не справился целый Северо-Западный фронт, ставилась двум малочисленным стрелковым корпусам...)

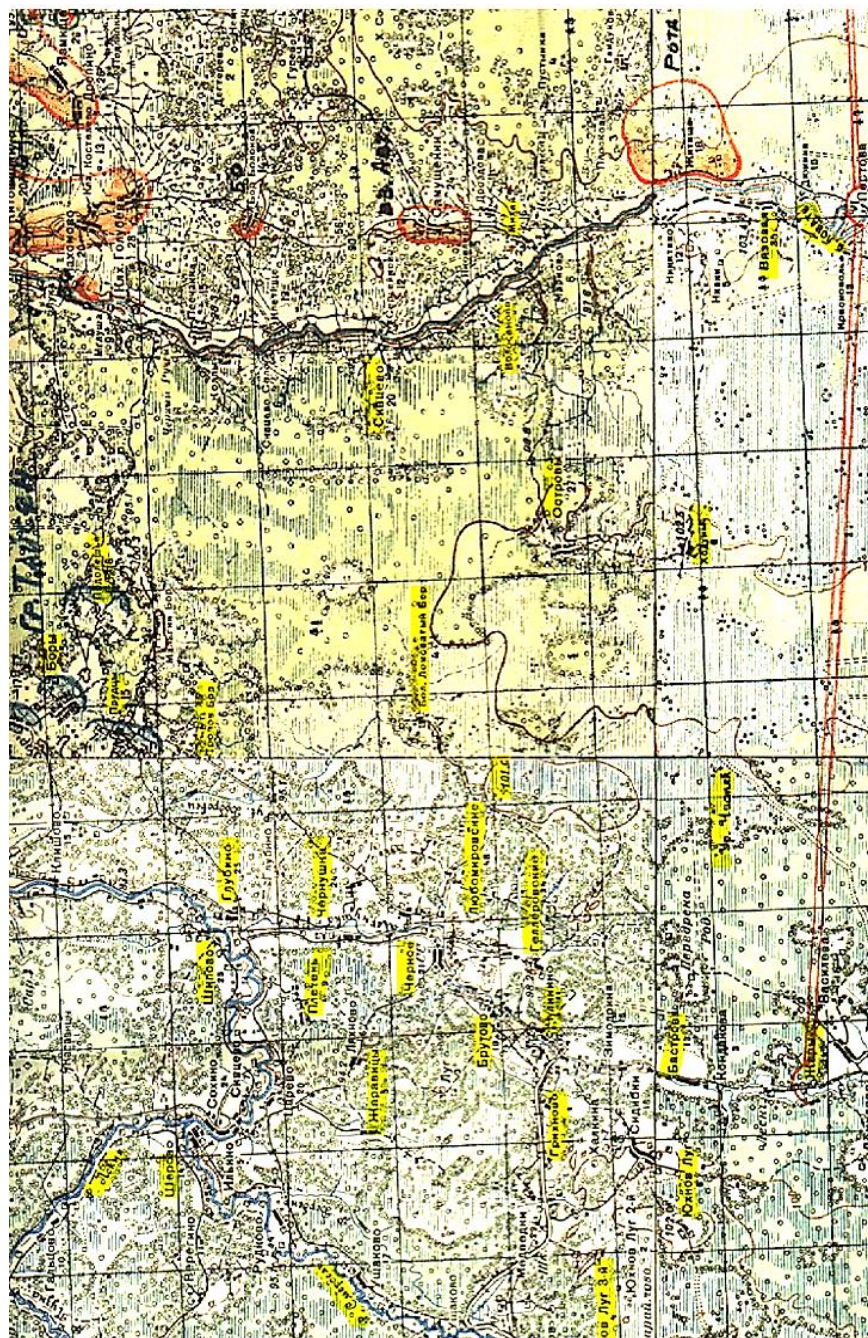
6-му Сталинскому добровольческому корпусу сибиряков в уменьшенном практически на треть составе, да еще с многочисленным необстрелянным молодым пополнением, предстояло после прорыва обороны фашистов наступать в направлении на Локню, освободить поселок и станцию, перерезав немцам железнодорожное сообщение. А это более 40 км по лесисто-болотистой местности, по бездорожью.

Боевая задача была нереальная не только с учетом соотношения сил и средств на направлении наступления, но и по размаху, и глубине превышала параметры Великолукской наступательной операции более чем в два раза. Не сопутствовали ее выполнению также и заболоченная местность, и рано наступающая весна. Днем снег под лучами солнца таял, и талые воды делали непроходимыми даже те редкие грунтовые дороги, которые и так не сопутствовали решительному наступлению пехоты, танков и артиллерии, не говоря уже о жестком противодействии противника. И это прекрасно понимал генерал-полковник М.А. Пуркаев. Надеяться можно было только на чудо, но в чудеса он не верил, поэтому и решил сохранить наиболее подготовленные бригады сибиряков для решения последующих боевых задач. Но это быстро поняли в Ставке ВГК.

Приказ есть приказ, его никто не отменял, поэтому 8 февраля 1943 г. корпусу сибиряков переподчинялись: из состава 3-й Ударной армии – 44-я отдельная лыжная бригада, один из батальонов которой уже сменил подразделения лыжного батальона 257 *сд* в районе Жары – Семяги – Гороватка на левом фланге полосы предстоящего наступления; а из 2 *зв.ск* – 54 *сбр*, которая в составе гвардейского корпуса еще зимой 1941-1942 гг. в ходе победоносного наступления советских войск Калининского фронта в битве за Москву на широком фронте (более 40 км) 25 января 1942 г. вышла к р. Ловать и перешла к обороне. Уже в течение года эта бригада занимала очаговую оборону в полосе предстоящего наступления 6 *ск*. При этом ее основные силы (три стрелковых батальона) оборонялись только на одном центральном направлении и прикрывали полосу всего в 5-6 км фронта. 1-й батальон бригады действовал самостоятельно в отрыве от главных сил, занимая оборону севернее, на левом фланге 2 *зв.ск*, и тоже,

в нарушение всех мыслимых и немыслимых положений боевого устава, на фронте более 10 км. На южном фланге в полосе предстоящих действий главных сил корпуса сибиряков по восточному берегу р. Ловать на расстоянии 14 км занимали районы две штрафные роты дивизий 2 *гв.ск* под охраной роты автоматчиков НКВД. В промежутках между опорными пунктами командир 54-й бригады полковник Н.М. Уральский периодически высылал для охраны и обороны порученного участка... патрулирование в составе стрелкового взвода. К тому же 44 *олбр* и 54 *сбр* в предыдущих боях понесли большие потери и рассчитывать на их усиление просто не приходилось.

Уже зная из распоряжения командующего фронтом, в какой полосе местности будет наступать корпус, генерал Поветкин, его начальник штаба и начальник разведки с удивлением обнаружили, что ни штаб 2-го гвардейского корпуса, ни командование 54-й стрелковой бригады, которая в течение года обороняла этот рубеж, не обладают достаточно свежими разведывательными данными о противнике и местности на этом направлении. Эти военные начальники лишь предполагали, что в полосе предстоящего наступления 6 *ск* севернее деревни Жары обороняется 2-й батальон 270 *пп* немцев, а на рубеже Дощеры – Прудцы – 1-й батальон этого же полка фашистов, а где проходит линия обороны противника, места расположения артиллерии, огневых точек, резервов, пункты управления, маршруты для осуществления маневра силами и средствами, – не имели даже понятия и на своих отчетных картах лишь приблизительно рисовали позиции немцев на переднем крае, для убедительности обозвав обороняющееся подразделение фашистов «группой Тайсена». Да и из штаба фронта командование корпуса сибиряков имело лишь отрывочные сведения, полученные от партизан и подпольщиков, о том, что в глубине обороны фашистов крупную железнодорожную станцию Насва обороняют два батальона полка СС, в деревне Чирки расположен 505-й саперный батальон врага, вдоль линии железной дороги в каждом крупном селе располагаются немецкие гарнизоны численностью до 100 чел. и полицейские батальоны, а вдоль дороги Локня – Холм – мелкие гарнизоны жандармерии и полицейские управления от 100 до 200 чел. В самой Локне под охраной фашистов расположен лагерь военнопленных, в котором содержалось более 4 600 советских солдат и офицеров. И все!

Фрагмент Отчетной карты боевых порядков частей и соединений 2 зс.ск по состоянию на 8 февраля 1943 г.

Одно утешало генерала Поветкина, что в состав корпуса возвращалась своя 150 *сд* добровольцев-сибиряков, которая 15 февраля 1943 г. сдала оборонительные позиции у Великих Лук частям 3-й ударной армии и готовилась к выдвижению в назначенные исходные районы. Особые надежды комкор-6 возлагал на 175-ю разведроту дивизии, потому что своих разведывательных подразделений управление корпуса не имело. К этому времени штаб корпуса переместился ближе к фронту на берег р. Малая Смата и расположился в лесу севернее деревни Овчинниково.

Одновременно 16 февраля 1943 г. в 18-00 часов передовые подразделения 74-й и 91-й стрелковых бригад прошли свои исходные пункты и начали движение на северо-запад. В новом районе Ермищенки, Савино, Харцево 91 *осбр* должна была сосредоточиться к 18 февраля 1943 г. и без подготовки, практически с марша, перейти в наступление.

Расчет на успех действий двух стрелковых корпусов фронта был сделан на скрытность выдвижения, своевременность занятия исходных районов и внезапность первого удара.

17–18 февраля 1943 г. комиссией фронта была проведена проверка готовности войск оперативной группы к наступлению, которая показала, что в условиях наступившей распутицы, сказавшейся отрицательно на подвозе вооружения, боеприпасов, продовольствия и необходимого имущества, сроки начала операции необходимо было перенести на четыре дня, т. е. на 24 февраля 1943 г. И командующий Калининским фронтом генерал-полковник Максим Алексеевич Пуркаев такое решение принял. К этому времени уже даже в Ставке ВГК осознали, что операция «Полярная звезда» не может быть осуществлена в полном объеме, поэтому И.В. Сталин не стал отменять решение Пуркаева и утвердил его.

Прорывать оборону врага генерал Поветкин решил на двух направлениях, для чего создавались две ударные группировки. Основную задачу корпуса должны были выполнять 150 *сд* и 91 *осбр*, наступающие на главном направлении, поэтому большая часть артиллерии корпуса поддерживала эти соединения. Их левый фланг прикрывала 44 *олбр*. Приданная 81-я танковая бригада из состава 2 *зв.ск* в первый день боя поддерживала наступление 54 *сбр*, а затем переходила в резерв корпуса. 74 *осбр* должна была наступать на второстепенном направлении, прикрывая фланг ударной группы своего корпуса справа.

Но противник не дремал. Он быстро учился, и ошибки при прорыве обороны севернее г. Великие Луки частями 381 *сд*, которые наступали

по бездорожью и сплошным болотам, враг быстро исправил. В кратчайшие сроки вся местность перед передним краем немецкой обороны была заминирована, установлено сплошное проволочное заграждение, а в лесах созданы непреодолимые завалы. На открытой местности фашисты оборудовали огромное количество дзотов и дотов с таким расчетом, чтобы секторы их обстрела многократно перекрывали опасные участки местности перед передним краем их обороны и в глубине.

Деревни Чернушка, Глубино, Плетень, Черное были захвачены фашистами еще в конце июля 1941 г., и в ходе зимнего наступления советских войск 1941-1942 гг. их не освободили. Линия фронта остановилась всего в нескольких километрах.

В полосе предстоящего наступления стрелкового корпуса сибиряков на большом фронте оборонялись подразделения немецкой 93-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Отто Тимана. Эта дивизия была сформирована в сентябре 1939 г. в районе военных лагерей г. Ютербог (Jüterbog), на территории хорошо известного советским воинам ГСВГ, как Ютербогский полигон. В ее состав вошли 270, 271, 272 *nn* и 193 *an*, оснащенные чешской боевой техникой. Дивизия принимала активное участие в боевых действиях во Франции, а затем в составе 2-го армейского корпуса 16-й армии немецкой группы армий «Север» наступала в Прибалтике, с боями дошла до Ленинграда, воевала в районе Ораниенбаума. В апреле 1942 г. была переброшена на южный фланг группы, где участвовала в разгроме 2-й ударной армии Волховского фронта, а затем в деблокации окруженной группировки немецких войск под Демянском и Холмом. В августе 1942 г. 271-му пехотному полку (полковник Генинг) за «выдающиеся результаты во время боев во Франции и Советском Союзе» было присвоено почетное звание «Фельдхеррnhалле» («*Feldherrnhalle*») [«Зал баварских полководцев»], печально известного с осени 1923 г. места в баварской столице г. Мюнхен, где нацисты во главе с Гитлером за десять лет до прихода к власти в Германии устроили свой пивной путч. Такого почета удостоились лишь несколько боевых частей вермахта.

С осени 1941 г. в районе поселка Локня стали активно действовать и наносить существенный урон тыловым частям фашистов советские партизанские отряды. Поэтому сюда для охраны тыла действующей немецкой армии, а также мостов, дорог, лагерей военнопленных и для борьбы с партизанами срочно была переброшена печально

известная 281-я дивизия СС (охранная) под командованием генерала Теодора Шерера в составе 707 *пн*, 865, 868 и 869 отдельных батальонов. Часть из этих батальонов попала в окружение под г. Холм. Возрастной состав солдат этой дивизии составлял 37–45 лет. Участвуя в операциях против советских партизан, подразделения этих батальонов отличались особой жестокостью по отношению к местному населению оккупированных районов. Массовые расстрелы мирных жителей и военнопленных стали нормой службы эссовцев, но иногда их привлекали и к ведению боевых действий на переднем крае для прикрытия отхода или маневра своих боевых частей.

Севернее, в районе Демянска, действовала против советских войск и псковских партизан 285-я охранная дивизия, но ее 113-й полк входил в состав группы генерала Тимана. Он оперативно подчинялся и воевал в составе 93-й пехотной дивизии.

Одновременно на этом участке фронта командир 93 *пд* привлек для борьбы с партизанами и советскими регулярными воинскими частями немецкую 218-ю ягдкоманду («охотничий отряд») [гауптман Претцел] 218-й пехотной дивизии, которая оборонялась в г. Холм. В своем составе эта команда насчитывала более 200 чел. и состояла из четырех взводов и отдельных разведгрупп (по 15–20 чел.), которые часто переодевались в советскую военную форму и применяли советские самозарядные винтовки СВТ-40 и автоматы ППШ. На вооружении этой ягдкоманды кроме индивидуального стрелкового оружия – пистолетов-пулеметов МР 40 и винтовок Маузера М 98, также были 24 ручных пулемета, 4 станковых пулемета, 6 реактивных минометов, 2 пушки калибра 37 мм и 2 миномета. Ее разведгруппы использовали партизанскую тактику для борьбы с самими партизанами. Они скрыто выслеживали партизанский отряд и неожиданно нападали с близкого расстояния, но в открытый бой с нашими превосходящими силами не вступали. На их счету уже были смерти сотен тысяч советских патриотов и мирных жителей. Им помогали сформированные из предателей – местных жителей полицейские батальоны и своя жандармерия.

Кроме этих немецких частей и полицейских батальонов в районе Холм – Локня активно действовал оперативный карательный отряд СС и полиции специального назначения зондеркоманда 1 Б из состава айнзатцгруппы А (оберфюрер СС Гумберт Ахамер-Пифрадер), которая в сентябре 1942 г. размещалась в пос. Локня, но, в связи с

донесениями своей разведки о предстоящем наступлении Северо-Западного фронта, в конце осени 1942 г. была переименована в айнзатцкоманду 2 А и ее штаб был переведен на север в г. Порхов. Начальник команды – доктор юриспруденции штандартенфюрер СС Мартин Рудольф Ланге, который в молодые годы был активным штурмовиком СА и до войны служил в отделениях гестапо в Галле и Берлине.

Айнзатцкоманда 2 А вела контрразведывательную работу, разведку и проводила карательные операции. Совместно с предателями ее сотрудники проводили массовые облавы и проверки местного населения оккупированных районов. «Неблагонадежные лица», с точки зрения оккупантов, арестовывались и направлялись в специальные лагеря или в лагеря для военнопленных, а преданные местными жителями коммунисты, комсомольцы, представители советского актива и еврейские семьи расстреливались. Только за три месяца оккупации в 1941 г. карателями айнзатцгруппы А было расстреляно 135 тыс. советских мирных граждан. Группа развернула активную агентурную контрразведывательную работу и принимала участие в операциях против партизан. Кроме того, все ее команды готовили и забрасывали в наш тыл свою агентуру с целью получения данных о положении в прифронтовой полосе, передвижении советских войск, их нумерации и составе. Также агенты должны были вербовать местных жителей и готовить конспиративные квартиры. Добытые разведсведения руководство айнзатцкоманды 2 А немедленно докладывало командованию 93-й пехотной дивизии и 2-го армейского корпуса.

В составе этой команды действовали и воевали на стороне фашистов: рота латышских предателей и казачья сотня, полностью состоявшие из бывших советских граждан. Эти подонки с усердием служили своим новым хозяевам и в начале февраля 1943 г. приняли активное участие в проведении карательной антипартизанской операции «Зимнее волшебство» во всех районах Псковщины.

(Вот с этими фашистскими нелюдьми и предстояло сражаться 18-19-летним пацанам из Краснохолмского военного пехотного училища.)

До осени 1942 г. в районе д. Чернушка регулярных немецких войск и оборонительных сооружений не было, ближайший опорный пункт фашистов находился в д. Плеть, а на берегу р. Локня у д. Глубино располагалась артиллерийская батарея.

Но уже 28 октября 1942 г. командир 2-го немецкого армейского кор-

пуса генерал пехоты Вальтер граф фон Брокдорф-Алефельдт своим приказом № 211/42 определил новые полосы обороны и требования к оборонительным сооружениям на зимний период. И ровно через месяц, проверив ход подготовки к обороне, он издал новый приказ № 654/42, в котором, невзирая на «хорошую подготовку личного состава», строго потребовал от подчиненных командиров, вплоть до роты, обратить внимание на то, что ввиду морозов и снегопада строительство оборонительных сооружений на открытых участках местности было прекращено и явно противоречило его приказу об устройстве опорных пунктов и позиций, а именно: *дзоты (деревоземляная огневая точка или долговременная замаскированная огневая точка – полевое оборонительное фортификационное сооружение, построенное из бревен, досок и грунта –авт.) строились слишком большого размера и не защищали от огня артиллерии и танков противника; дзоты должны быть построены на одном уровне с окружающей местностью, а не возвышаться над ней, так как их хорошо видно со стороны противника; они вырыты недостаточно глубоко для стрельбы, соответствующей высоте снежного покрова; дзоты должны быть окружены ледяной стенкой толщиной в два метра, потому что снег, превращенный в лед, является хорошим строительным материалом «для укреплений в холодное время и имеет большую твердость»; укрепления, построенные из льда толщиной в 50 см, представляют собой хорошее укрытие от огня пехотных орудий; амбразуры необходимо сделать более широкими для лучшего обстрела; перед дзотами установить колья, окрашенные в белый или черный цвета, служащие границей сектора обстрела, для лучшей ориентировки пулеметчиков; перед дзотами должны быть установлены проволочные заграждения соответствующей высоты в форме заборов; все сооружения замаскировать «под окраску местности и растительности».*

Немецкий генерал обратил внимание, что его предыдущий приказ младшими командирами не выполняется, поэтому к ним следует принять самые строгие меры наказания, а все недочеты устранить немедленно.

(Я как автор не зря выделил жирным шрифтом один из пунктов немецкого приказа по сооружению дзотов на уровне земли, потому что в «лихие» 1990-2000-х гг. нашлось немало «уважаемых экспертов», которые утверждали, что советский воин не мог совершить свой подвиг самопожертвования ради спасения жизни своих товарищей, закрыв амбразуру фашистского дзота своим телом, потому

что... эта амбразура находилась слишком высоко над уровнем земли. Они приводили свои расчеты, ссылаясь на схемы устройства и оборудования фашистских оборонительных сооружений, приводили примеры, ссылаясь на мнение некоторых участников Великой Отечественной войны, которые видели эти дзоты только на картинках и тихо игнорировали даже те немногие фотографии фашистских дзотов во фронтовых газетах. Но все это было сделано лишь с одной целью: породить сомнения в душах и сердцах молодых граждан России о самом подвиге рядового красноармейца, приписывая его советской пропаганде. К великому сожалению, им это отчасти сделать удалось и теперь их последователи «с пеной у рта» пытаются доказать всем несогласным «свою правду», приводя в доказательство бредни явных провокаторов, современных предателей истории России, которые за деньги «наших заокеанских и западноевропейских партнеров» сделали все для очернения подвига и искажения исторической правды о победе советского народа в той страшной Великой войне.)

Но и на этом генерал Вальтер Брокдорф-Алефельдт не успокоился, и 1 января 1943 г. войска 93 *nd* подверглись новой проверке, в результате которой командир 2-го армейского корпуса напомнил подчиненным, что система укрепленных точек – это лишь временная мера, поэтому нужно стремиться к непрерывной линии обороны, даже если она слабо занята подразделениями. Также все опорные пункты должны быть подготовлены к круговой обороне, а проволочное заграждение установлено со всех сторон...

Немцы к предстоящим действиям готовились основательно. Они ожидали удара советских войск с фронта, а партизан с тыла. И этому были существенные доказательства и не только при ведении оборонительных действий в районе г. Холм, но и в районе деревни Чернушка, который практически весь 1942 г. оставался местом активных действий наших партизан. Карательные меры фашистов не смогли остановить справедливую борьбу советского народа против немецких оккупантов. И очень часто действия партизан поддерживались со стороны фронта советскими регулярными войсками.

Так, еще 20 сентября 1942 г. части 8-й танковой дивизии вермахта, которая после ожесточенных боев под г. Холм была выведена в резерв на доукомплектование и восстановление своей боевой готовности в район деревни Глубино, подверглись атаке советских партизанских

бригад, в составе которых были истребительные отряды НКВД. Партизаны наступали с юга, со стороны деревни Брутово. Фашистам пришлось отражать неожиданную атаку, при этом, находясь в тылу, боевые подразделения вермахта понесли потери в живой силе и технике.

По немецким сведениям, полученным из открытых источников архива США, в тылу врага в районе Геллеровских хуторов в конце 1942 г. действовал партизанский отряд, названный фашистами «8-я бригада Дорошенко». А всего, по данным немцев, в районе Локни действовало восемь партизанских отрядов: «4-я бригада Попенкова, 5-я бригада Ромакова, 6-я бригада Тимофеева, 8-я бригада Дорошенко, 2-я бригада Максименко, 3-я бригада Павлова, 7-я бригада Большакова, бригада Гаврилова». Отряды Попенкова, Ромакова и Павлова действовали в 30 км южнее Локни. Бригада Тимофеева громила фашистов в 25 км севернее поселка. Бригада Максименко контролировала железнодорожную линию Новоскольников – Дно. Южнее города Холм действовали еще четыре партизанских отряда численностью 300-400 чел. Это была большая сила, немцы об этом знали, боялись, поэтому и принимали все меры, чтобы обезопасить свои тылы.

В условиях отсутствия на этом направлении сплошного фронта со стороны советской армии немецкие разведывательные части и диверсионные группы в течение длительного времени действовали в нашем тылу безнаказанно и атак со стороны наших боевых частей явно не ожидали, потому что знали, что их там нет. На этом участке фашистов долгое время беспокоили только партизаны. Да и наши считали, что противника в районе деревни Чернушка нет. Однако в конце декабря 1942 г. командование 2 *гв.ск* все же приказало полковнику Уральскому выслать разведку в составе стрелкового взвода и уточнить положение противника на этом направлении. 29 декабря 1942 г. разведгруппа 54 *сбр* вышла в район Геллеровских хуторов, ее тут же обнаружили фашисты, но уничтожать и захватывать не стали. На следующий день в этот же район был направлен стрелковый взвод, но немцы уже подготовили засаду и разгромили его, захватив пленных, от которых узнали, что разведку проводил 1-й взвод пулеметной роты 3 *сб* 54-й стрелковой бригады с четырьмя станковыми и одним ручным пулеметами. Это насторожило фашистов, поэтому для предупреждения будущих атак из деревни Чулинино они выдвинули

охранные подразделения вперед и усилили восточную часть Геллеровских хуторов свежими силами.

Одновременно фашисты предположили, что советские войска могут перейти в наступление южнее хуторов в направлении деревень Бастрова и Жары, потому что здесь также активизировались действия советской разведки и партизан отряда Ромакова, который по донесениям «добровольных помощников» фашистов из местного населения располагался в лесах и болотах юго-западнее деревни Чурилино, а в районе хутора 3-й Юхнов Луг находилась база этого партизанского отряда. И фашисты в своих расчетах не ошиблись.

В первых числах января 1943 г. лыжный батальон 257 *сд*, которая в это время громила врага, окруженного в г. Великие Луки, совместно с партизанами внезапно атаковал подразделения 2-го батальона 270-го полка немцев, разгромил его охранение и выбил фашистов из Геллеровских хуторов. Враг отступил к Любомировским хуторам и высоте 95,1. Советские воины и партизаны отряда Ромакова освободили деревни Бастрова, Юхнов Луг, Жары, Замошье, Машнева и др.

Фашисты срочно выдвинули к д. Юхнов Луг 1-ю роту 193-го мотоциклетного батальона, а разведгруппы 218-й ягдкоманды в район д. Острова, для отражения возможного удара советских войск с этого направления во фланг 2/270 *пп*. Вместе с немцами действовали: рота латышей и полицейский батальон из местных предателей.

5 января 1943 г. фашисты выбили наши подразделения из Гиллеровских хуторов и деревень Бастрова, Юхнов Луг. Противник довольно точно наносил свои артиллерийские удары из д. Черное по советским войскам, которые даже не подозревали, что немецкий наблюдатель-корректировщик огня находился вместе с ними на чердаке одного из уцелевших домов.

Но деревни Жары и Замошье стойко обороняли советские воины. Одновременно 9 января 1943 г. подразделения 54 *сбр* зашли в д. Ходуны, которая находилась в полосе обеспечения фашистов в направлении на д. Черное. Но и каратели не бездействовали. «Батальон быстрого реагирования Фришкнехта» атаковал базу партизан отряда Ромакова и полностью ее уничтожил, при этом захватил и повесил на деревьях шестерых партизан.

Командир 93-й пехотной дивизии не стал приказывать любой ценой захватить д. Жары и Замошье, а распорядился только, чтобы

командир 1-го батальона 270 *пп* сам принял решение на атаку, если «есть благоприятные возможности захватить Жары без значительных потерь». Этим же приказом генерал Отто Тиман перенес основные усилия своего полка «для охраны и обороны района Чурилино – Черное – Геллеровские», а это означало, что вся артиллерия и подвижные подразделения 270 *пп* были нацелены на удержание этого участка обороны немцев. Также он определил, что передний край обороны должен проходить по дороге Черное – отм. 95,1 – Прудцы в 1 км восточнее д. Чернушка, который уже 15 января 1943 г. был занят подразделениями 218-й ягдкоманды.

Одновременно своим распоряжением № 1440/42 командир 93 *пд* приказал передислоцировать штаб 270 *пп* в деревню Шерово, в 5 км северо-западнее д. Чернушка, развернуть свои противотанковые орудия на основных участках линии обороны и провести учения по слаживанию действий между обороняющимися подразделениями.

К середине января 1943 г., практически завершив инженерное обустройство и маскировку своих опорных пунктов на переднем крае, фашисты приступили к плановой подготовке системы огня, особенно на участках возможного наступления советских войск. На южном фланге своей обороны таким участком в первую очередь стал район деревень Прудцы, Чернушка, Черное и отм. 95,1, а также возможные маршруты движения наших войск в полосе обеспечения от Любимовских и Геллеровских хуторов к этим районам и южнее. Враг обоснованно предполагал, что советские части не будут наступать через огромное болото Большой Ломоватый Бор, которое местами не замерзало даже лютой зимой и располагалось между реками Ловать и Локня (южнее р. Чернушка), то есть в полосе прикрытия, а это 8-10 км по прямой. И поэтому считал, что удар советских войск возможен только с юго-востока по нескольким грунтовым дорогам и тропам.

Также немцы уточнили позиции своих батарей с таким расчетом, чтобы их огонь мог с максимальной эффективностью поддерживать свои войска на переднем крае, при бое в полосе обеспечения на всю глубину построения боевых порядков наступающих советских частей. Для этой цели они выдвинули вперед и обеспечили на длительное время всем необходимым, особенно средствами связи, артиллерийских наблюдателей.

(Как мы видим, дорогой читатель, немецкое командование уже в

январе 1943 г. определило место возможного прорыва советских войск на южном фланге своей 93-й пехотной дивизии, этот участок был пристрелян немецкой артиллерией и выделен в качестве приоритетной цели. И я абсолютно уверен, что без предательства в вышестоящем штабе этого произойти не могло, так как ни командование оперативной группы, ни командиры стрелковых корпусов еще не знали о предстоящем наступлении, направлениях и участках прорыва.)

Одновременно немецкие саперы подготовили маршруты движения вдоль всей полосы обороны и укрепили деревянные мосты для беспрепятственного прохода по ним танков. А подразделения разведки, в том числе 218-я ягдкоманда и айнзатцкоманда 2 А, приняли все меры для исключения попадания информации о подготовке оборонительных рубежей в руки противника. Для этих целей 1-я рота мотоциклетного батальона 93 *нд* передислоцировалась в д. Грихново.

(Все это нам, потомкам, стало известно только спустя десятилетия из открытых американцами еще в начале столетия немецких архивов, а также благодаря упорному труду исследователей Багаутдиновых из Уфы. За их кропотливый труд от меня, как автора, огромная благодарность, потому что расшифровка этих документов позволила приоткрыть завесу тайны о действиях противника в изучаемом нами районе Псковской области и закрыла многие белые пятна, связанные с событиями конца февраля 1943 г. Современным историкам и исследователям подвига Александра Матросова можно было бы многое почерпнуть и из документов того периода войны, составленных партизанскими разведчиками, но, к сожалению, они до сих пор пылятся в архивах НКВД (КГБ, ФСБ) и доступа к ним нет. И, хотя прошло уже более 80 лет после окончания Великой Отечественной войны, гриф секретности с них не снят.)

Разведка противника работала слаженно и четко, поэтому командование фашистов знало из их донесений о советских частях все: нумерацию, районы расположения и обороны, маршруты патрулирования, порядок взаимодействия с партизанами. Их осведомители в нашем тылу быстро сообщали о всех передвижениях, изменениях в составе и задачах советских частей во всей прифронтовой полосе. А командиры рот и взводов постоянно напоминали своим подчиненным о бдительности. Они уже не считали русских пораженцами, а доводили до рядовых, что противник знает все бреши в их обороне, поэтому будет

обходить опорные пункты и атаковать с любой стороны, особенно ночью, поэтому на угрожаемые направления фашисты постоянно высылали усиленные отряды своих разведчиков. Солдаты, которые не воевали в России прошлой зимой, должны были изучить все положения «Карманного справочника на зимнюю войну». Все командиры немецких частей требовали от подчиненных беречь свое личное оружие и обмундирование, даже если ранен, и ни при каких обстоятельствах не оставлять занимаемых позиций. Личное оружие солдат размещалось не в теплом укрытии, а в прихожей – на морозе, и каждый рядовой обязан был иметь ручные гранаты в достаточном количестве.

Младшие командиры следили и за гигиеной подчиненных. Требовали, чтобы все солдаты ежедневно мылись и брились, а каждые 10 дней посещали баню и дезинфицировали от вшей все свои помещения, одеяла и предметы одежды, оставляя их на морозе на несколько часов, напоминая, что при -20°C погибают яйца вшей.

Немецкие офицеры, инструктируя свои дозорные команды, требовали, чтобы те не передвигались по одним и тем же маршрутам, шли осторожно, потому что свободные сегодня дороги завтра могут быть заняты русскими. И приводили пример дозорной группы 1-й роты 271-го элитного пехотного полка, которая 31 декабря 1942 г. была атакована «неизвестными» на обычной тропе патрулирования и ни один из 13 чел. не вернулся, а 9 из них были найдены убитыми.

Фашисты обратили внимание, что начиная с 20 января 1943 г. советская разведка активизировала свои действия на этом направлении, и, хотя наступление русских явно не готовилось, все же по результатам радиоразведки командованию 93 *nd* стало известно, что этот район довольно часто стало посещать высокое начальство Калининского фронта, а патрульные дозоры – вступать в перестрелку с советскими разведгруппами и целыми отрядами в составе 150-200 чел., которые пытались преодолеть болото Большой Ломоватый Бор в направлении одноименного хутора. Да и в первые дни февраля 1943 г. передний край обороны противника внезапно подвергся обстрелу огнем советской артиллерии и минометов. Разведгруппы айнзатцкоманды 2 А и 218-й ягдкоманды фашистов стали довольно часто обнаруживать в своем глубоком тылу следы, оставленные советскими разведотрядами численностью около 20-30 чел., пропажу курьерской почты, отдельных солдат и офицеров вермахта.

10 февраля 1943 г. генерал Отто Тиман произвел перегруппировку своих сил на переднем крае, усилив ее состав 113-м охранным полком 285-й дивизии СС. Своим приказом он провел разгранлинию между полками вдоль р. Локня от д. Ляхово до д. Черное таким образом, что в зону ответственности 113-го полка СС на его правом фланге обороны попала д. Чернушка. Передовые позиции фашистов по рубежу Дощеры – Прудцы – Тропов Бор, которые занимала 218-я ягдкоманда и все ее подразделения, перешли в подчинение командира полка эсэсовцев. Командный пункт 113-го полка расположился в н.п. Осипово Село. Справа и в самой д. Черное перешел к обороне 2-й батальон 270 *nn* 93 *nd*. Дивизионный резерв – 1-й батальон 270 *nn*, после сдачи своих позиций подразделениями эсэсовцев, расположился в д. Сосново севернее оз. Дулово. Плотность обороны фашистов сразу увеличилась в разы.

Генерал Тиман приказал эсэсовцам в срочном порядке перед передним краем своей полосы обороны создать различные деревянные препятствия и завалы шириной до 100 м, а затем довести их до 200 м, а также построить дополнительные укрепления от атак партизан с тыла и проникновения советской разведки. Для этого командиру 113-го полка СС придавался саперный батальон дивизии.

Немецкий генерал торопил свои инженерно-саперные части и требовал к **20 февраля 1943 г.** (откуда такое совпадение? – авт.) завершить все работы по расширению оборонительных укреплений в зоне ответственности 113-го полка СС и 2-го батальона 270 *nn*, а также расчистку леса в тылу своих войск, монтаж деревянных дорог и строительство мостов в д. Брутово через р. Чернушка и д. Шерово через р. Локня. Для этих целей он приказал использовать все местное население.

Столкновения советской и немецкой разведок стали практически ежедневными, что нарушало планы командования 218-й ягдкоманды и айнзатцкоманды 2 А, которые уже давно привыкли к безнаказанности своих действий у нас в тылу. Теперь короткие перестрелки разведгрупп были не только в районе болота Большой Ломоватый Бор, но и юго-западнее хутора Тропов Бор, недалеко от позиций подразделений 218-я ягдкоманды. А однажды советские разведчики вышли прямо к центру участка обороны 113-го полка СС у д. Заход, где завязали стрелковый бой с эсэсовцами, которые только приступили к совершенствованию своих оборонительных позиций. В течение сле-

дующих дней немецкие егеря обнаружили следы пребывания советской разведгруппы уже на правом фланге 93 *пд*.

В этот период успех сопутствовал то немецкой стороне, то советским разведчикам. Одновременно с действиями разведки подразделения 54 *сбр* 16 февраля 1943 г. выбили фашистов из деревень Ремжино, Ситкино, Подберезье и превратили их в свои укрепленные пункты...

А далеко от линии фронта передовые роты 91-й стрелковой бригады в походных колоннах прошли исходный пункт и начали движение на северо-запад от станции Земцы. В новом районе, двигаясь скрытно и только по ночам, подразделения должны были сосредоточиться к 18 февраля 1943 г., преодолев расстояние около 120 км.

Быстрота решала успех всей боевой операции. Бойцы и командиры сами неудержимо рвались вперед. Вначале батальоны 91-й бригады пошли на север от станции, быстро прошли деревню Соболевка и в селе Арбузово повернули на запад, к фронту. Далее маршрут движения пролегал по знаменитому Торопецкому тракту. Пройдя еще 12 км, в лесу за деревней Бибирево сделали первый привал. Параллельным маршрутом двинулась в сторону фронта и 74-я бригада Сталинского корпуса.

Многие молодые солдаты впервые шли пешком на большое расстояние, да еще строем, поэтому у них уже в начале марша портянки в валенках сбились вперед к пальцам, на пятках и ступнях быстро появились мозоли, которые лопались, причиняя невыносимую боль при ходьбе. Особенно страдали те новобранцы, которым достались валенки больше или меньше по размеру. А ведь они шли в полной боевой выкладке: с оружием, боеприпасами и вещевыми мешками, набитыми продовольствием и прочим походным солдатским имуществом. На первом же привале работы у санинструкторов и санитаров сильно прибавилось, хотя до линии фронта было еще далеко.

Постоянно дул сильный, встречный, холодный ветер и, казалось, старался сбить с ног, хлопья мокрого снега слепили глаза, заматывая дорогу. А у Матросова, кроме оружия и вещевого мешка, на плечах еще и гармонь, но товарищи между собой договорились нести ее по очереди, чтобы хоть немного облегчить Саше ношу.

Ближе к полночи подошли к р. Западная Двина, которая, извиваясь, текла на север. Паром у деревни Железово бездействовал. Посоветовавшись, командование бригады не стало рисковать и преодолевать неширокую реку по льду, потому что была велика возможность утопить

машины и телеги с боеприпасами, продовольствием, да и артиллерию. Решили сделать небольшой крюк по правому берегу и у деревни Ямище преодолели Западную Двину по старому полуразрушенному деревянному мосту. Затем батальоны, обойдя с юга болото и озеро Большое Мошно, подошли к селу Грядцы, где сделали еще один привал.

Позже заместитель командира 2 сб по политической части капитан В.Н. Климовский вспоминал: «На марше к фронту он (Александр Матросов – авт.) был вынослив. Во время привалов, выполняя приказания, быстро обходил подразделения, интересовался, все ли в порядке, нет ли бойцов с потертыми ногами, кому надо оказать помощь. Саша сразу же докладывал мне обо всем, что узнавал. Он был исполнительным, находчивым и внимательным ко всем. И за это его любили...»

Уже под утро растянувшиеся, нестройные колонны пехоты стали втягиваться в район дневного отдыха, который рекогносцировочная группа определила южнее г. Торопец.

Ночью, проходя по маршруту через разрушенные, сожженные, черные от горя деревни и села, молодые бойцы видели вдоль дороги много свежих могил женщин, детей и стариков, слезы и беспредельное горе, которое очень трудно вмещалось в человеческое сознание.

Парторг 2-го батальона 91-й отдельной стрелковой бригады капитан Т.И. Коренской впоследствии вспоминал:

«Однажды на марше батальон проходил через одну из деревень, дотла сожженную фашистами. Навстречу нам вышли оставшиеся в живых старики, женщины и дети. У одной из женщин, истощенной до предела, на руках была девочка лет одиннадцати - тринадцати, которая уже не могла стоять на ногах.

– Смотрите, что с нами сделали ироды, – сказала женщина. — Они спалили нашу деревню, многих расстреляли, угнали в рабство. А мы умираем с голоду...»

Матросов сначала снял шапку, а затем поднял полы полушубка и подошел к бойцам. Те сразу поняли его, стали бросать, кто что мог из своего неприкосновенного запаса: плитки концентратов, сухари, сахар. Через несколько минут полы его полушубка были полны продуктов, и Саша молча отдал их жителям деревни.

Пока в районе отдыха командиры проверяли и размещали свой личный состав, старшины позаботились о приготовлении горячей пищи. Но ближайший колодец был почему-то забит сверху досками,

а проходивший мимо старик ответил, что в этот колодец фашисты сбрасывали убитых детей и подростков из ближайших сел, которых заподозрили в связях с партизанами, а одну из деревень полностью сожгли, согнав всех людей в старый амбар. Деревни Лохово, Артюхово и Луговая, в которых разместился 2-й батальон, находились недалеко друг от друга на восточном берегу р. Торопа, поэтому эта весть быстро облетела все подразделения. Бойцы и командиры, не сговариваясь, сняв свои шапки, стали подходить к этому святому месту, чтобы поклониться невинным жертвам этой страшной войны.

Теперь они могли не из рассказов политработников, а сами воочию убедиться, какой «новый порядок» принесли фашисты на нашу землю. Все виденное ими на пути к передовой не могло не задеть их сердца. С каждым новым километром по растерзанной русской земле, с каждой новой встречей с измученными советскими людьми они становились все молчаливее. От гнева и ненависти сжимались кулаки не только у бывалых солдат, но и у новобранцев. И не нужны были никакие беседы, рассказы очевидцев, собрания для поднятия морального духа. Даже никогда не унывающий Саша Воробьев и тот шел, тихо склонив голову, нахмурившись и ссутулившись. И, как ни странно, немного успокаивало лишь то, что по пути следования встретились и немецкие кладбища с вкопанными под «линейку», стройными рядами, как на параде, березовыми крестами.

Еще стояла зима, но днем морозы сменяла предвесенняя февральская оттепель и подтаивало. Солдатские валенки промокали, и ночью, когда крепчали морозы, они промерзали и при движении стучали, как деревянные колотушки, а ноги мерзли.

Следующей ночью прошли полуразрушенный г. Торопец, который уже проезжали двумя неделями раньше в составе курсантского воинского эшелона, и стали двигаться на северо-запад. Прошли села Цветки, Нишевицы, Стрелицы, Шейно, Денисово. Через 3-4 часа движения устраивались привалы, но уставшим бойцам они казались редкими и непродолжительными.

Чем ближе к фронту, тем трудней становилась дорога. Все чаще застревали машины и повозки, тяжелела ноша на плечах бойцов. Пешие колонны растягивались, не успевая до рассвета занять районы привалов, их замечала воздушная разведка

противника, и пикирующие бомбардировщики врага пытались наносить точечные удары по нашим колоннам. Появились убитые и раненные, особенно в 74-й бригаде.

В новом районе: Ермищенки, Савино, Харцево 91 *осбр* сосредоточилась только к утру 18 февраля 1943 г. Этой же ночью движение вдоль фронта начала и 150-я стрелковая дивизия, которая, пройдя более 20 км на северо-восток от Великих Лук, сосредоточилась между реками Куня и Ловать в районе Готрово, Унино и Горушка.

Командир взвода автоматчиков младший лейтенант Королев, проверяя личный состав и его размещение в уцелевших избах, вошел в один покинутый хозяевами дом. Его уставшие автоматчики после тяжелого перехода, бросив на грязный пол какие-то тряпки и солому, подложив под головы свои вещевые мешки, лежали, прижавшись друг к другу, и некоторые уже спали. Русская печь развалилась, и в избе было холодно и неудобно. Леонид Семенович посоветовал поправить печь и разжечь огонь, тогда будет тепло. Началось шевеление. Первым поднялся Саша Матросов и стал поторапливать своих товарищей, а потом взялся за кирпичи. Энергия Александра расшевелила всех. Кто-то стал ему помогать, кто-то пошел во двор за дровами. Вскоре печь была поправлена, растоплена, и в ней весело затрещал огонь. Тепло стало проникать во все щели и углы, а автоматчики, сняв свои полушубки, теперь смогли хорошо отдохнуть и обогреться.

Каким бы тяжелым не казался ночной марш, но после отдыха настроение у бойцов и командиров было приподнятое. Матросов даже сыграл на гармошке для поднятия духа сослуживцев, а потом написал письмо в Уфу, в свою колонию, заместителю начальника по политической части Николаю Кузьмичу Ополеву, которого сильно уважал:

«Дорогой товарищ Ополев. Пишу Вам из района, где недавно были гитлеровцы. Вы и представить себе не можете, что натворили на русской земле эти гады... Я видел колодец, в котором эти изверги утопили 16 детей в возрасте до 12 лет... Я видел обгорелый склад, где немцы заживо сожгли 265 женщин, стариков и детей...

Отступая, гитлеровцы жгли все, что могло гореть, взрывали все, что поддавалось разрушению. Я читал в одной листовке приказ немецкого генерала, который разрешал своим солдатам уничтожать все советское, в том числе исторические памятники. На приказе была

пометка: «Одобрено Гитлером». Вот если бы удалось добраться до Берлина и поймать Гитлера, я бы ему отомстил за все это...»

Но радость долгожданного отдыха оказалась преждевременной. Движение в сторону фронта продолжалось.

Подполковник Урусов получил очередное распоряжение генерала Поветкина выдвинуться в новый район. Командир 6-го стрелкового корпуса приказал всем соединениям и частям, в том числе и 91 *осбр*, занять исходные районы для наступления в 9-12 км от переднего края обороны противника к утру 21 февраля 1943 г.

Одновременно комкор-6 приказал командирам 54-й бригады полковнику Н.М. Уральскому и 44 *олбр* подполковнику П.К. Прохно усилить проведение разведки переднего края обороны противника. Но все действия советских разведчиков не дали никакого результата. Они постоянно попадали в устроенные немцами засады и несли потери. Так, 18 февраля 1943 г. фашисты устроили засаду в тылу 44-й бригады на дороге Гороватка – Жары, убили двух красноармейцев, а одного взяли в плен, а в своем тылу у д. Юхово обнаружили наших разведчиков и вступили с ними в стрелковый бой. На следующий день фашисты обнаружили разведгруппу 54 *сбр* при попытке перейти р. Локня у хутора Леготь: одного красноармейца убили, а шестерых взяли в плен. 20 февраля 1943 г. в этом же районе у хутора Погорелки произошел бой нашего разведотряда с фашистами, в котором было убито еще 15 советских бойцов. Обо всем этом немцы скрупулезно и педантично записывали в свои журналы боевых действий, оформляя отчетные документы и не упуская ничего: все изменения в боевой обстановке, происшествия за день, даже в самом низшем звене, и другие вопросы.

Вражеская воздушная разведка действовала также успешно. Уже к 19 февраля 1943 г. фашисты обнаружили: оживленное движение наших войск от Великих Лук на север, а также из тыла к фронту, и не только пехоты, но и артиллерии, автомашин, повозок; ускоренную прокладку дополнительных колонных путей, рокад, а по ночам большое количество разведенных костров в определенных районах...

20 февраля 1943 г. с наступлением темноты 91-я бригада начала движение к фронту. Вначале шли на запад, а после привала свернули на юг. Усталость валила с ног, солдаты засыпали на ходу, поэтому командиры отдали распоряжение следить друг за другом при

движении колонны. Маршрут пролегал вдоль берега р. Сережа, а затем сворачивал через болота на запад к р. Кунья, поэтому колонна бригады разделилась: стрелковые роты пошли по лесной дороге через болото, а техника, артиллерия и обозы обогнули этот участок севернее через деревню Красная Гряда по подготовленному ранее маршруту. Рота автоматчиков шла впереди колонны 2-го батальона и первой с большим трудом прокладывала путь.

Матросов не отставал и, чтобы как-то справиться с усталостью, вслух стал мечтать, как он после войны поедет к знакомому однофамильцу, с которым встретился на железнодорожной станции. Идущий рядом Миша Бардабаев вдруг спросил: «Саша, а где ты родился?» Вопрос был неожиданным, но на него нужно было отвечать. Александр знал, что товарищи по оружию ему доверяют, поэтому, недолго думая, соврал, что родился в Кирове. Ведь он призывался Кировским райвоенкоматом г. Уфы, а ответить, что он не знает места своего рождения или что его призвали из колонии НКВД, было почему-то стыдно (так появилась еще одна версия места его рождения – авт.). Но этот неожиданный вопрос вдруг придал сил Матросову, он стал помогать своим товарищам поднести то автомат, то вещевой мешок. С каждым пройдет рядом, скажет бодрое слово, пошутит - и, глядишь, у бойца поднялось настроение и на лице улыбка. Потом оказалось, что в своей роте он был не один такой, поэтому у автоматчиков 2-го батальона не было отстающих.

Этот 20 км переход оказался самым тяжелым, потому что пришлось двигаться по проселочным дорогам между болотами и р. Кунья, иногда по колено в снегу, проваливаясь по пояс в засыпанные придорожные канавы и ямы. Большой привал организовали в районе Новая, Середка, Паршино. Ранее здесь долгое время размещалась 44-я лыжная бригада, которая по-хозяйски оборудовала свои блиндажи, поэтому можно было немного согреться и отдохнуть.

Но привал быстро закончился, и стрелковые батальоны, преодолев реки Кунья и Лубянка, продолжили свой ночной марш вдоль восточного берега р. Большая Смата. Этот последний 18-км марш для уставших бойцов и командиров 91 *осбр* оказался самым непродолжительным и сравнительно легким, потому что подразделения двигались по заранее подготовленному инженерными частями корпуса колонному пути вдоль фронта.

Рано утром 21 февраля 1943 г. 91 *осбр* сосредоточилась в населенных пунктах Смата, Пустошка, Дуганова и расположилась в уже оборудованном районе, который только день назад оставила 150-я стрелковая дивизия. И только спустя время многие заметили, что во время этого марша не было дезертиров, никто не отстал, не заболел, не обморозился и 2-й батальон ни разу на пути не обнаружила и не бомбила фашистская авиация. Дооборудование укрытий и блиндажей заняло немного времени, и уставшие бойцы, почистив оружие и выставив охранение, отдыхали, а командиры на рекогносцировке уточняли боевые задачи предстоящего наступления.

К этому времени и остальные соединения 6-го стрелкового корпуса также заняли свои исходные районы. Первыми на свое направление еще за сутки до остальных, утром 20 февраля 1943 г., вышли полки и батальоны 150-й стрелковой дивизии сибиряков, самой подготовленной из всего состава корпуса. Рассредоточившись вдоль берега реки Малая Смата в районе деревень Шилова, Сосноватка, Малая Григорово, Сермягино, ее подразделения сразу же приступили к оборудованию своих районов и подготовке к наступлению. Командир дивизии полковник Гузь Николай Олимпиаевич был страшно недоволен отсутствием сведений о противнике в полосе предстоящего наступления его дивизии, поэтому в первую очередь поставил боевую задачу своим разведчикам – 175-й разведроты, а саперам – подготовить пути выдвижения к рубежу перехода в атаку. Но времени явно не хватало.

74-я стрелковая бригада также заняла свой исходный район для наступления, потеснив батальон автоматчиков 54 *осбр* и ее штаб в районе деревень Иванцево, Овчинниково, Городище, Кулово. К сожалению, по пути следования многие подразделения этой бригады растянулись и входили в свои районы уже в светлое время, а последнее только к обеду, демаскируя их для разведывательной авиации врага. Колонны 74 *осбр* не только обнаружили, но и снова бомбили фашистские самолеты. В подразделениях были убитые и раненые.

Еще 18 февраля 1943 г. в состав корпуса сибиряков приказом командующего фронтом была передана 46 *сбр* из 3-й Ударной армии, которая так же, как и 150 *сд*, сдала свои оборонительные позиции под Великими Луками и ускоренным маршем двигалась на север по той же рокаде, что и 91 *осбр*, только навстречу. Ночью 21 февра-

ля 1943 г. ее батальоны заняли исходный район по маршруту движения в районе деревень Большая и Малая Сосонье. С отставшими на марше подразделениями этой бригады столкнулись передовые батальоны 91-й бригады, когда продолжили свое движение после привала.

44 *олбр* к этому времени уже в полном составе перешла к обороне на левом фланге корпуса, имея основную задачу: не допустить удара противника во фланг наступающим соединениям 6-го Сталинского корпуса.

После непродолжительного отдыха все подразделения 91-й бригады приступили к подготовке путей движения к линии фронта на своих направлениях и только к ночи вернулись в свой район.

Комсорг 2-го батальона старший лейтенант Т.А. Татарников вместе с комсоргом роты автоматчиков младшим сержантом Карамом Валитовым провели собрание, на котором приняли в ряды комсомольцев новых членов и нацелили остальных на выполнение поставленных командованием боевых задач. Выступал и Матросов, который пообещал товарищам выполнить боевой приказ и драться с фашистами «пока мои руки держат оружие, пока бьется мое сердце...»

Поздно ночью при мерцающем свете копилки Александр писал письмо любимой девушке Лиде Кургановой в Уфу:

«Дорогая Лида!

Только что кончилось комсомольское собрание. Почистил автомат, покушал. Комбат говорит: «Отдыхайте лучше, завтра бой». Я не могу уснуть. В окопном блиндаже нас шесть человек, седьмой на посту. Пятеро уже спят, а я сижу возле печурки при свете гасилки и пишу это письмо. Завтра, как встанем, передам его связному.

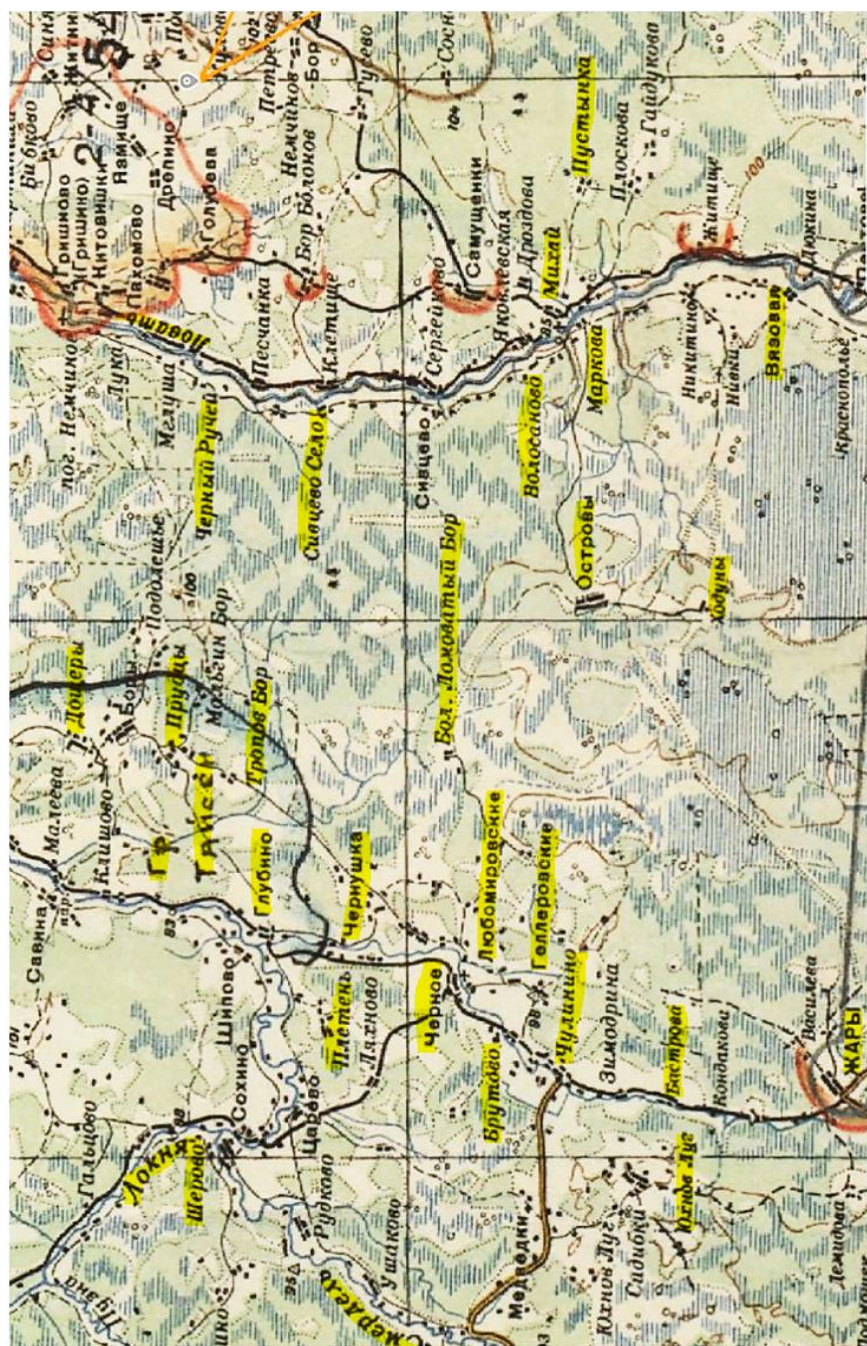
Интересно знать, что-то ты поделываешь сейчас? У нас на фронте как стемнеет немного, так и ночь. А у вас в тылу – электрический свет. Поди, ложитесь спать часов в двенадцать?

Я часто вспоминаю тебя, Лида, много думаю о тебе. Вот и сейчас хочется поговорить с тобой обо всем, что чувствую, что переживаю...

Сегодня комбат рассказал случай, как погиб один генерал, погиб, стоя лицом на запад.

Я люблю жизнь, хочу жить, но фронт такая штука, что вот живешь, живешь – и вдруг пули или осколок ставят точку в конце твоей жизни. Но если мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть так, как этот наш генерал: в бою и лицом на запад. Твой Сашок».

Он так и не уснул...

Фрагмент Отчетной карты Калининского фронта с 13 по 20.02.1943 г.

Наступление началось

Решение командира 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков нанести свой главный удар по противнику на левом фланге силами усиленной 150-й стрелковой дивизии и двух бригад 91 *осбр* и 44 *олбр*, а вспомогательный – тремя стрелковыми бригадами 74, 46, и 54, имея в резерве 81-ю танковую бригаду, командующий фронтом утвердил и поручил своему заместителю – командующему оперативной группой генерал-лейтенанту М.Н. Герасимову обеспечить четкое взаимодействие между двумя стрелковыми корпусами и приданными частями армейского и фронтового подчинения, особенно с артиллерией, для проведения огневой подготовки атаки и поддержки наступающих войск, а также с инженерно-саперными частями фронта для прокладки колонных путей, мостов и переправ через многочисленные реки, каналы и болота.

Наступление предстояло нелегкое, в его успех хотелось верить, но генерал-полковник М.А. Пуркаев не забыл и о тыловом обеспечении оперативной группы фронта, особенно о медицинском, переместив поближе к переднему краю свои госпитали и ветеринарные пункты.

К утру 22 февраля 1943 г. уже ни для кого не было секретом, что предстоит наступать в направлении важного узла железных и шоссейных дорог н.п. Локня, через который шло снабжение Холмской группировки войск противника, и разгромить противостоящие части 93 *пд* немцев.

Еще ночью, после небольшого отдыха передовой отряд 91-й бригады – 3-й отдельный стрелковый батальон, занял рубеж по восточному берегу реки Ловать на рубеже Волосаново, Вязовая. Передовой командный пункт бригады во главе с заместителем комбрига майором Прокопием Прохоровичем Тарабаевым расположился непосредственно в боевых порядках батальона в деревне Михай, даже не подозревая, что в ней длительное время размещался штаб партизанских отрядов Локнянского района (но об этом прекрасно были осведомлены фашисты –авт.).

Одновременно в направлении деревни Острова и хутора Ходуны от 91 *осбр* были высланы два разведотряда на лыжах в составе стрелковых рот, усиленных автоматчиками и саперами, для разведки противника и местности, а также для разминирования маршрутов движения главных сил. И вот здесь командование бригады ожидало первое разочарование, потому что от р. Ловать в сторону противника сапе-

рами 54-й бригады были заблаговременно проделаны только два маршрута, и то всего на глубину 2 км, а до полностью сожженного хутора было более 6 км и вела одна-единственная лесная дорога, утопавшая в снегу, да к тому же с установленными фашистами завалами и минными полями. Но хуже всего пришлось второму разведотряду, который преодолел более 4 км по бездорожью по пояс в снегу и по болоту. От потерь в этот день спасло только то, что эти населенные пункты были давно оставлены противником, находились в нейтральной полосе, а фашисты вели только наблюдение. Для передвижения по созданным проходам танков и тяжелой корпусной артиллерии не могло быть и речи, а до переднего края обороны фашистов было еще довольно далеко, так как их полоса обеспечения в направлении действий 91 *осбр* и 150 *сд* составляла 12-15 км и в основном по болотам.

К 7-00 час 22 февраля 1943 г. передовые отряды остальных частей корпуса также заняли свои рубежи предстоящего наступления на переднем крае: стрелковый батальон 46 *сбр* сменил обороняющиеся подразделения 2/54 *осбр* в полосе клх. Подберезье, Володино, клх. Гришиново; 1 *сб* 74 *осбр* – 4/54 *осбр* в полосе (иск) клх. Гришиново, по восточному берегу р. Ловать до клх. Голубева; а два батальона 150 *сд* заняли, как и 3/91 *осбр*, оборону на неподготовленном рубеже: хутор Черный Ручей, Самушенки – и также выслали вперед свои разведотряды через болото Большой Ломоватый Бор в направлении одноименного хутора и Тропов Бора. Главные силы 54-й бригады были выведены в резерв корпуса.

Наступление началось. Его планировали на 4-00 часа 23 февраля 1943 г., в день 25-й годовщины РККА. К этому времени вся подготовка была завершена, а бригады и полки вышли на рубежи развертывания. Но к указанному времени по различным причинам в свои районы не прибыли приданные и входящие в оперативное подчинение 6-му стрелковому корпусу на время проведения операции артиллерийские полки, которые сосредоточились в своих районах только к исходу дня, тылы не успели подвезти боеприпасы, а саперы не подготовили маршруты выдвижения. Передовым стрелковым батальонам приходилось двигаться по бездорожью, прокладывая свои колонные пути, нести на руках всю материальную часть, боеприпасы и тащить артиллерию на самодельных салазках. Это вызывало огромные затраты времени и сил личного состава.

Командир Сталинского корпуса по согласованию с командующим Калининским фронтом генерал-полковником М.А. Пуркаевым перенес наступление своих частей на сутки, предоставив бригадам и полкам время для улучшения дорог и переправ, проверки материальной обеспеченности, постройки саней, полозьев, волокуш, лыж для перевозки артиллерии, минометов и пулеметов в условиях бездорожья. Личному составу были предоставлены еще сутки для отдыха и подготовки к наступлению, а тыловым подразделениям – время для подвоза имущества и боеприпасов до установленных норм. Но отдохнуть не пришлось. Все стрелковые подразделения были направлены в помощь артиллеристам и саперам для прокладки колонных путей к рубежу перехода в наступление на р. Ловать. Расчет советского командования на скрытность выдвижения, своевременность занятия исходных районов и внезапность первого удара не оправдался.

К этому времени разведотряды 91-й бригады доложили, что фашистов в деревне Острова и на хуторе Ходуны нет, проходы в минных полях противника проделаны, и они начали выдвижение и разведку в направлении хутора Большой Ломоватый Бор и высоты 101,0. А вот разведчикам 150 *сд* повезло меньше. Уже на полпути к назначенному для разведки рубежу при подходе к деревне Подолешье они натолкнулись на проволочное заграждение и фашистов, которые обстреляли их из замаскированных дзотов. Пришлось отходить и обойти этот район, но и у д. Дошеры, и у хутора Мальгин Бор их опять обнаружили и открыли огонь. Появились первые убитые и раненые. Ни одна советская разведгруппа в этот день так и не определила, где же главная полоса обороны противника. Поэтому генерал Поветкин в своем очередном приказе лишь обозначил очередные рубежи, на которые должны были выйти главные силы бригад и полков в случае успешного продвижения передовых отрядов.

Фашисты же быстро определили, в каком направлении выдвигались разведотряды русских, и поняли, что в своих расчетах о предстоящем крупном наступлении советских войск не ошиблись. Тем более, что его воздушная и наземная разведки обнаружили несколько недавно созданных ледовых переправ через р. Ловать в районе д. Михай (91 *осбр*), южнее д. Ремжино (74 *осбр*) – усиленное передвижение войск, лесной лагерь и разгрузку саней, а в районе сел

Большое и Малое Сосонье – мощный гул советских танковых двигателей (81 *тбр*). В это же время немецкая разведгруппа 218-й ягд-команды захватила пленных из 54-й бригады, которые во время допроса рассказали, что «из района Белый через Торопец были переброшены 91-я, 75-я и 150-я стрелковые бригады, подчиненные 6-му корпусу, который, в свою очередь, должен подчиняться 41-й армии. 24 февраля 1943 г. они должны перейти в атаку». (Я, как автор, военный человек, так и не нашел ответа на свой вопрос: «Откуда такие «познания» у рядовых пехотинцев советской 54-й бригады?»)

Все части фашистов немедленно были приведены в боевую готовность, резервы и танки заняли свои исходные районы, а артиллерия подготовила боеприпасы и уточнила данные для стрельбы по назначенным заранее целям.

В районе деревни Чернушка заняла свои дзоты и огневые позиции 11-я рота (в составе двух взводов) 3-го батальона 113-го полка СС, на вооружении которой помимо штатного оружия были и единые пулеметы МГ-34 (MG 34). Командиром батальона был майор Теодор Ванке. Командиром 11-й роты – гауптман Роберт Стратман (*Stratmann*). Командиром первого взвода – старший лейтенант Макс Доринг (*Doring*), а второго взвода – лейтенант Макс Рабл (*Rabl*).

Фашисты уже были готовы к отражению атак на всем фронте, но в назначенный срок выдвижение советских войск и переход их в наступление не состоялись. А наше командование успокаивало лишь то, что противник в эти дни активных действий не проявлял.

Рано утром 24 февраля 1943 г. передовые батальоны и главные силы корпуса начали движение к указанным рубежам.

91 *осбр* своевременно заняла исходный район для наступления на правом берегу р. Ловать. Ее передовой отряд – 3-й отдельный стрелковый батальон, в походном порядке первым переправился через р. Ловать и по проделанным разведотрядами маршрутам перешел в наступление. Не имея связи с наступающими стрелковыми батальонами, поддерживающая бригада артиллерийская группа дальнего действия по своему плану в 11-30 час произвела мощный огневой налет по району деревни Черное, удаленному от передовых подразделений 3 *осб* более чем на 10 км. Разведанных целей не было заблаговременно выявлено, поэтому били по площадям (так,

на всякий случай, на авось...). Фашисты потерь не понесли, но еще раз убедились в серьезности намерений советских войск на этом направлении и стали подтягивать свои резервы из глубины.

Первыми в 13-00 час у деревень Боры и Прудцы были обстреляны артиллерией, минометами и пулеметами разведотряды 150 *сд*, но ответить им было нечем, так как своя артиллерия, увязая в снегу, далеко отстала и занять огневые позиции не могла. Пришлось выделять от авангардов по стрелковой роте для расчистки колонных путей. Появились первые потери среди личного состава от подрыва на немецких минах.

В 16-00 час разведотряды 91 *осбр* доложили, что встретили «упорное сопротивление» боевого охранения противника со стороны хутора Большой Ломоватый Бор и ведут огневой стрелковый бой.

В это время передовой отряд бригады только вошел в населенные пункты Острова и Ходуны, а основные силы начали переправу через р. Ловать. Одновременно двинулись вперед и остальные части корпуса сибиряков. Советская авиация из-за погоды бездействовала, но это не помешало фашистским летчикам наносить свои смертельные удары, особенно по выдвигающимся подразделениям 150 *сд* и 74 *осбр*

В 17-00 час передовой отряд 856 *сп* 150 *сд* атаковал опорные пункты врага в н.п. Боры и Прудцы, которые обороняли подразделения 218-й ягдкоманды фашистов. Уничтожив в бою один дзот, орудие и три пулемета, советские бойцы освободили эти деревни. Рядом с комбатом, руководившем боем, находился и командир полка полковник Е.В. Самойлович, который получил ранение в ногу. Распоряжением командира дивизии полковника Н.О. Гузь в командование 856 *сп* вступил начальник штаба полка майор Сорокин.

Движение основных сил по бездорожью шло медленно. Началось все с переправы через р. Ловать. Артиллерию и обоз переправляли на лямках и руках, так как в местах преодоления реки «оказались» крутые, обрывистые берега, поэтому артиллеристы с трудом при помощи пехоты тащили на плечах свои пушки и боеприпасы. Это вызывало дополнительные затраты сил, времени и личного состава пехотных подразделений. А дальше вся лесисто-болотистая местность, включая редкие проселочные дороги, была сплошь заминирована и заграждена завалами протяженностью каждый в 1 200 м – 1 300 м.

Саперы разведотрядов просто физически не могли проделать большое количество проходов и колонных путей. В этот день только на участке наступления 150 *сд* было извлечено свыше 1 000 противотанковых и противопехотных мин. Все это сильно затрудняло подвоз боеприпасов и продовольствия, вызывало постоянное отставание артиллерии и отражалось на маневре пехоты. Приходилось наступать, передвигаясь от рубежа к рубежу, колоннами. Отсутствие дорог, глубокий снег, буреломы замедлили движение советских войск вперед. Разведка и передовой отряд 74 *осбр* с трудом пробивали себе дорогу через болото и далеко отстали от своих соседей справа и слева, да так, что ответственный за связь с ними командир 150 *сд* вынужден был отправить своего офицера штаба на поиски 74-й бригады.

Только к исходу дня передовой отряд 91 *осбр* подошел к хутору Большой Ломоватый Бор и стал обходить его с юга. Разведгруппа 218-й ягдкоманды, которая здесь вела бой, быстро обнаружила подошедшие стрелковые роты 3-го батальона, но вступать в бой с намного превосходящими силами русских не стремилась. Поэтому, оставив небольшой заслон из снайперов и наиболее подготовленных егерей, быстро отошла к деревне Чернушка. А когда уже в сумерках в атаку на хутор поднимал своих бойцов прошедший ад боев под г. Белый командир батальона старший лейтенант Н.Е. Жуков, то прицельным выстрелом фашиста он был убит. Николай Ефимович стал первым офицером 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков, павшим смертью храбрых 24 февраля 1943 г. на подступах к хутору Большой Ломоватый Бор Локнянского района. Молодые новобранцы впервые посмотрели смерти в глаза и ощутили неприятное, липкое чувство страха, которое наполняло все тело и сознание.

В этот день почти все передовые батальоны 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков вошли в соприкосновение с противником и вышли на рубеж: н.п. Погорелки, Савино, Заход, Дощеры, Боры, Прудцы, Тропов Бор, Большой Ломоватый Бор, но задача, поставленная командиром корпуса, выйти на берега рек Локня и Чернушка выполнена не была.

К исходу 24 февраля 1943 г. передовой отряд 91 *осбр* после потери командира дальнейшее наступление ночью приостановил и на рубеж деревень Черное и Брутово, расположенных на берегу

р. Чернушка, не вышел. Артиллерия и обозы отстали и находились еще на полпути в деревне Острова. Удалось лишь совместно с разведотрядами бригады нанести поражение небольшому подразделению фашистов, овладеть хутором Большой Ломоватый Бор и высотой 101,0. Только к этому времени командир 91-й бригады подполковник Урусов, находясь на своем командном пункте за р. Ловать, уже доложил в штаб корпуса, что его передовой батальон овладел не только хутором Большой Ломоватый Бор, но и Любомировскими и Геллеровскими хуторами и, «наступая на деревни Черное, Брутово, Чурилино, задержан огнем противника». Но, мягко говоря, это не соответствовало действительности. Поэтому комбриг-91 срочно уточнил боевую задачу начальнику штаба 3-го батальона, который принял командование на себя: любой ценой к утру овладеть этими хуторами и выйти к реке Чернушка...

Передовые батальоны 150 *сд* также завязали бой с подразделениями 218-й ягдкоманды фашистов. Авангарды 74-й бригады, с трудом преодолевая болото, к боевым позициям немцев так и не подошли, и только два батальона 46 *сбр* своевременно вышли к переднему краю обороны противника, но были остановлены плотным ружейно-пулеметным огнем подразделений 113-го полка СС. От больших потерь в первый день наступления спасло то, что в своей полосе прикрытия между речками Ловать и Чернушка противник выставил лишь небольшие заслоны и боевое охранение.

Поздно вечером в штаб немецкой 93-й пехотной дивизии поступило радиосообщение от командования 218-й ягдкоманды, основные силы которой оборонялись в полосе обеспечения 113-го полка СС, о результатах боев и что, по сведениям захваченных советских пленных, на их оборонительном рубеже Прудцы, Тропов Бор наступает советская стрелковая дивизия (150-я – авт.) численностью более 10 тыс. чел. (заранее оправдывая свой отход с занимаемых позиций – авт.)...

Только в 16-00 час 24 февраля 1943 г. воины 2-го батальона в составе главных сил 91-й бригады перешли по льду р. Ловать и вскоре вступили в густой сосновый лес. Шли тихо весь оставшийся день, и даже ночью, приближаясь к рубежу встречи с противником. Лишь перед самым рассветом батальон получил приказ остановиться на восточной опушке леса в 2,5 км западнее

хутора Большой Ломоватый Бор. Привал оказался очень своевременным и удачным. Кухни отстали, но никому есть не хотелось, многие даже курить не стали: кто где был, там и повалился в снег. А Матросов бегал вдоль колонны, выполняя поручения капитана В.Н. Климовского. Ночью, когда батальон медленно двигался к линии фронта, Саша сказал Василию Николаевичу: «Я иду в первый бой, но мне не страшно».

Не отдыхали только саперы, которые вместе с артиллеристами сумели проложить колонный путь и организовать подвоз боеприпасов и продовольствия...

Командир корпуса генерал Поветкин в своем очередном боевом распоряжении приказал: с наступлением ночи действия передовых отрядов и авангардов не прекращать; к рассвету 25 февраля 1943 г. выполнить ранее поставленную задачу и выйти на рубеж рек Локня и Чернушка, войти в непосредственное соприкосновение с противником и провести разведку его огневой системы и характера обороны, широко используя маневр своих разведгрупп и главных сил авангардов; нанести удары по флангам и тылу врага; колонны главных сил бригад и полков, как в движении, так и в районах сосредоточения, обеспечить надежным боевым охранением, разведкой, выделением дежурных частей и общей готовностью соединений к немедленному действию; артиллерии корпуса в полном составе к 8-00 час 25 февраля 1943 г. быть в готовности поддерживать действия передовых отрядов и авангардов в атаке переднего края обороны противника.

Боевое распоряжение комкора-6 тут же продублировали командиры 150 *сд* и бригад.

Очередная, третья по счету, ночь для 3-го стрелкового батальона 91-й бригады предстояла быть не только бессонной, но и кровопролитной. Измученные, уставшие, с красными от бессонницы глазами разведчики на лыжах медленно двинулись вперед через очередное болото к деревне Черное, а стрелковые роты передового отряда устремились на юго-запад к Любомировским хуторам. Несколько раз обессиленные бойцы 3 *осб* переходили в атаку, но фашисты упорно оборонялись, их артиллерия била прицельно прямой наводкой. Появились убитые и раненые. Лишь к утру удалось выбить врага из этих злополучных хуторов и только тогда обнаружили, что на крыше одного уцелевшего

сарая располагался немецкий наблюдатель-артиллерист, который все это время умело корректировал стрельбу своей батареей. Успех сопровождал только разведотрядам бригады. Под покровом ночи и используя момент отвлечения главных сил врага на бой с передовым отрядом у Любомировских хуторов, они без потерь подошли к переднему краю обороны немцев на стыке двух его полков, преодолели р. Чернушка и углубились в оборону фашистов на 1 км к северо-западу от д. Черное, остановившись и заняв оборону в лесу у дороги Черное – Ляхново. Появление советских солдат у себя в тылу неприятно удивило командира 2-го батальона 270 *шт* фашистов. Он приказал оставить без боя Геллеровские хутора и все усилия своих резервов направил против наших разведотрядов, которые с боем отошли в исходное положение за р. Чернушка. В это время 3-й батальон бригады овладел Геллеровскими хуторами, которые оставил противник, и также вышел к реке Чернушка, где вновь встретил упорное сопротивление врага. Задача, поставленная командиром корпуса, была выполнена, но дальше советских воинов ожидали новые, более кровавые препятствия.

Передовые батальоны 150 *сд* этой ночью также вышли к основному рубежу обороны врага и обеспечили выдвижение и развертывание основных сил. Как и предполагалось, 218-я ягдкоманда при подходе главных сил советской дивизии оставила свои позиции и отошла, чем поставила в очень неприятное положение обороняющихся немцев из 113-го полка СС, которые не ожидали такого быстрого появления русских перед своими позициями.

Но основные события этой ночи разворачивались на правом, второстепенном, фланге корпуса сибиряков в полосе наступления 74 *осбр*, передовой отряд которой, 1-й стрелковый батальон, в течение всего дня 24 февраля 1943 г. с трудом пробивался через болота за своими разведчиками. Уже поздно ночью советские роты внезапно для врага появились перед его фронтом. Это стало для фашистов неожиданностью. Растерянностью, неразберихой и паникой в стане фашистов воспользовался командир передового батальона, и ночной атакой в промежутке между боевыми порядками немецких подразделений наши бойцы сходу ворвались в село Игнатово. Не останавливаясь, передовой отряд и разведчики 74-й бригады продолжили свое наступление и выбили фашистов из деревни Рожново и Осипово Село, откуда в спешке бежал штаб и командир 113-го полка СС полковник Краут. Но

1-й батальон 74 *осбр* на плечах врага наступал дальше по дороге на село Юхово и уже к утру освободил хутор Чертеж, а отряд советских разведчиков на лыжах, пробравшись в тыл врага, внезапным ударом овладел д. Среднее. В ходе ожесточенного боя эсэсовцы потеряли только убитыми более 150 чел., 3 танка, 5 автомашин и склад с боеприпасами. До села Юхово оставалось всего 5 км.

Это была уже катастрофа для фашистов, так как здесь у генерала Тимана резервов не было, а через село Юхово проходила одна-единственная дорога снабжения Холмской группировки врага.

Но, к сожалению, и наше командование не смогло быстро воспользоваться неожиданным успехом. Главные силы бригады еще не подошли и не смогли нарастить силу удара своего авангарда, а находящимся недалеко батальонам 46-й стрелковой бригады так никто – ни командир корпуса, ни командир оперативной группы фронта – не уточнил боевой задачи на изменение направления наступления и развития успеха передового отряда 74 *осбр*.

Потом фашисты объясняли своему командованию, что русские атаковали «с трех направлений большим количеством танков при поддержке артиллерии», но их атаку «с трудом и с большими потерями для врага» удалось отбить. Это был блеф. (Как видит читатель, и фашисты успешно могли приписывать своему противнику, то есть советским войскам, и большие потери, и мощную поддержку огромного количества несуществующих танков и артиллерии, чтобы оправдать свои просчеты в обороне.)

Оторвавшись от главных сил, командир передового отряда 74-й бригады принял решение перейти к обороне на достигнутом рубеже. Время было упущено, и фашисты этим не замедлили воспользоваться. Со всех сторон они начали подтягивать к участку прорыва советских войск все находящиеся в этом районе подразделения. И не беда, что они непосредственно не подчинялись командиру 93 *пд* генерал-лейтенанту Отто Тиману.

В спешке покидая Осипово Село и другие населенные пункты, фашисты и их пособники – местные полицаи, расстреляли всех задержанных по любому подозрению местных жителей и военнопленных прямо в камерах. В одном из немецких блиндажей красноармейцы обнаружили голые тела восьми изнасилованных и убитых русских девушек, которых местные полицаи привели к эсэсовским офицерам

для утех. Но самое страшное советские солдаты увидели, когда вступили в деревню Леготь, в бараках и домах которой обнаружили около 300 трупов детей, женщин и стариков, там же у эсэсовской бани валялись трупы изнасилованных женщин и девушек с отрезанными грудями и разрезанными половыми органами, а в овраге за деревней наши бойцы обнаружили груды сожженных тел пленных красноармейцев. Это повергло в шок всех советских воинов, которые над телами невинных жертв фашистских нелюдей поклялись отомстить врагу за все их зверства, а эсэсовцев в плен не брать.

Рано утром 25 февраля 1943 г. на командный пункт 270 *nn* прибыл командир 93-й пехотной дивизии немцев, который сообщил о прорыве «превосходящих сил противника» через боевые порядки 1-го батальона 113-го полка СС и приказал командиру полка полковнику Лоурику передать свой полк под начало «самого опытного и старейшего» командира 2-го батальона майора Мюллера, а самому срочно выдвинуться в район Осипова Села, взять на себя командование всеми имеющимися немецкими войсками в этом районе и не допустить прорыва советских войск к селу Юхово. К этому времени против 1-го стрелкового батальона 74 *осбр* сражались не только подразделения эсэсовцев, но и находящийся в этом районе на отдыхе и доукомплектовании после ожесточенных боев под Демянском 1-й батальон 89-го гренадерского полка 12 *нд* под командованием полковника фон Веделя, который на грузовиках прибыл в район боевых действий. Фашистам удалось выбить наших разведчиков из д. Среднее, которые отошли на юго-запад, в лес, расположенный между н.п. Среднее, Чертеж и Козлова.

Приказ генерала Тимана был категоричен: всеми имеющимися силами отразить атаку русских до подхода резервных дивизий, освободившихся после выхода из-под Демянска. Одновременно он передавал в подчинение полковнику Лоурику все свои резервы: две роты, велосипедный взвод, часть 193-го мотоциклетного батальона (около 70 чел.) под командованием лейтенанта Рампеля и несколько офицеров из состава 272 *nn* и 271 *nn*, а также батальон 89 *nn*. (Внимательный читатель видит, что у противника на этом направлении 25 февраля 1943 г. больших резервов не было. И это очень волновало командира 93 *нд* генерал-лейтенанта Отто Тимана. Он был страшно зол на нераспорядительность командира 113-го полка СС полковника Краута и его подчиненных.)

К 8-00 час 25 февраля 1943 г. передовые батальоны 6-го стрелкового корпуса были готовы к атаке переднего края обороны противника, но основные силы практически всех соединений не успели занять исходные позиции для наступления и, в очередной раз, подвели артиллеристы и тыловики, которые не смогли вовремя занять свои огневые позиции, подготовить данные для стрельбы и подвезти боеприпасы.

Лишь в 10-00 час после непродолжительной артиллерийской подготовки в наступление перешли полки 8 *гв.сд* 2 *гв.ск* на Холмском направлении. И только в 11-20 час началась огневая подготовка по переднему краю обороны противника перед войсками 6 *ск* на Локнянском направлении, которая продолжалась всего 20 мин (из-за отсутствия необходимого количества боеприпасов). Но даже этим незначительным результатом столь короткого огневого налета наступающие подразделения наших войск не смогли воспользоваться, так как сигнал «В атаку!» поступил лишь в 12-00 час. Фашисты к этому времени уже успели быстро занять свои позиции и подготовились к отражению нашего наступления.

Передовой отряд 91 *осбр*, 3-й батальон, перегруппировавшись с рубежа перехода в атаку: опушка леса между Любомировскими и Геллеровскими хуторами – наступал на д. Бутово. 2-й батальон развернулся севернее 3 *осб* и перешел в атаку на деревню Черное, с захватом которой открывалась прямая дорога на Локню, пытаясь обойти опорный пункт фашистов с фланга. 1-й стрелковый батальон развернулся южнее передового отряда в районе Геллеровских хуторов и наступал на д. Чулинино, прикрывая левый, открытый фланг бригады. Ближайшей задачей основных сил 91 *осбр* 25 февраля 1943 г. был прорыв главной полосы обороны фашистов на р. Чернушка, а к исходу дня стрелковые батальоны без поддержки танков и артиллерии должны были выйти на рубеж н.п. Верегино, Максимиха, Перевоз по фронту более 7 км, освободить более 20 населенных пунктов и углубиться в оборону врага на 16 км. Ни много, ни мало. Вот такую задачу поставил генерал Поветкин перед 91 *осбр*, и это при том, что выполнить ее должны были только два стрелковых батальона (3-й и 2-й) совместно с двумя ротами батальона автоматчиков бригады. Бросить в бой еще и 1-й свой батальон, который находился в резерве и смог быстро выдвинуться на указанное направление по уже проделанным колонным путям, было личное решение

командира бригады подполковника Урусова. 4-й стрелковый и батальон автоматчиков (без двух рот) остались в резерве.

Но немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия и остановили наши войска. Бессмысленные атаки продолжались весь оставшийся день. Как ни пытались командиры поднять свои роты в атаку, но плотный ружейно-пулеметный огонь из дзотов в сочетании с прицельными ударами артиллерии и минометов врага не давал возможности даже поднять головы.

25 февраля 1943 г. стал днем первого, кровавого, боевого «крещения» новобранцев 91 *осбр*, потому что помимо естественных препятствий, какими являлись реки, бездорожье, глубокий снег и буреломы, им пришлось встретиться с хорошо подготовленной системой опорных пунктов противника, усиленных оборудованными и замаскированными в снегу пулеметными дзотами, соединенными с окопами ходами сообщения, установленными проволочными заграждениями в 2–3 ряда и минными полями. Дзоты противника были оборудованы с хорошим обзором и круговым обстрелом, с пристрелянными рубежами, особенно опушки лесов и рощ, лощины и все подступы к опорным пунктам. Они были оснащены помимо станковых пулеметов автоматическими пушками и крупнокалиберными пулеметами. Каждый опорный пункт поддерживался огнем танков, тяжелых минометов и орудий. Все населенные пункты превращены в неприступные крепости: помимо дзотов на крышах домов, в домах, сараях занимали оборону группы автоматчиков и пулеметчиков противника, держащих под наблюдением и обстрелом всю впереди лежащую местность. Огневые точки были установлены даже в подвалах и печах.

Командиры батальонов давно уже поняли, что вышли к переднему краю обороны противника, который упорно обороняли подразделения 2-го батальона 270 *ин* немцев, и что просто так без поддержки артиллерии и авиации прорвать его не удастся, но приказ комбрига был категоричен.

Капитан Афанасьев боевой порядок батальона построил в два эшелона. Для поддержки наступления стрелковых рот каждой придал по взводу автоматчиков из роты бригадного батальона, а свою роту автоматчиков оставил в резерве для развития наступления и решения внезапно возникающих задач. В этот день Александр Матросов, выполняя поручения замполита батальона капитана Кли-

мовского, постоянно находился в передовых стрелковых ротах и был в курсе всех событий, происходящих на переднем крае. Он уже видел убитых красноармейцев и часто помогал перенести в тыл раненых бойцов и командиров. Фашистские снайперы быстро выслеживали советских офицеров и старались их уничтожить первыми.

Подразделения 91 *осбр* понесли первые потери и отошли в исходное положение, так и не выполнив поставленную боевую задачу. Деревни Черное, Брутово и Чулинино освободить не удалось.

Аналогичные боевые задачи были поставлены 150 *сд* и остальным стрелковым бригадам, но никому в этот день прорвать передний край обороны противника не удалось. Активные действия и фашистов, и наших войск проходили только на участке наступления 74 *осбр*, передовой отряд которой наделал так много переполоха в стане врага предыдущей ночью и утром 25 февраля 1943 г.

Командир оперативной группы врага полковник Лоурик в 13-00 час прибыл в район боевых действий, оценил обстановку и возглавил разгром нашего передового отряда и разведчиков 74-й бригады, которые ночью «так неосторожно» освободили пять населенных пунктов и прорвали «неприступную» линию обороны эсэсовского полка. К этому времени уже подтянулась артиллерия советской бригады и наносила свои сокрушительные удары по обороняющимся на неподготовленных позициях фашистам. Им недружным огнем отвечали отдельные орудия артиллерии и установки ПВО немцев (в отсутствие советской авиации – авт.). Освобожденные деревни горели.

Командир 113-го полка СС полковник Краут, укрывшийся со своим штабом на кладбище в деревне Среднее, описал полковнику Лоурик ситуацию на правом фланге своего участка обороны как «неясную, но в основном спокойную». К этому времени основные силы советской бригады уже перешли р. Локня и вышли в район д. Борки, в 1 км восточнее от Осипова Села и д. Рожнова, но часть передовой линии фронта все еще была в руках эсэсовцев. В это время к ним уже прибыло первое подкрепление, которое сразу попало под огонь советских рот и понесло большие потери. Остальные немецкие подразделения, стараниями генерала Тимана, быстро перебрасывались на транспорте со всех неатакованных советскими войсками участков фронта. Затем подошли подразделения 193-го мотоциклетного батальона. Полковник Лоурик приказал лейтенанту Рем-

пелю немедленно усилить оборону 1-й роты 89 *п*п и захватить безымянную высоту, которая преобладала над местностью и имела решающее значение для дальнейшего хода боевых действий.

Вскоре в этот район прибыли 7-я рота 272 *п*п, 2-я батарея 48-го артполка, 12-я батарея 193-го артполка и подразделения 12-го велосипедного батальона. Полковник Лоурик, взяв командование на себя всеми имеющимися подразделениями, немедленно приказал развернуться артиллерийским батареям и нанести огневое поражение наступающим советским батальонам, а пехоте занять оборону по указанным рубежам, при этом возложив на младших командиров всю ответственность, вплоть до расстрела, за оставление занимаемых позиций. Его строгий вид внушал доверие, и паника среди отходящих немецких частей вскоре прекратилась. Все четко и быстро выполняли поставленные боевые задачи.

Уже к вечеру, когда боевая обстановка с прорывом наших частей для фашистов стабилизировалась, подошло очередное пополнение – подразделения 193-го велосипедного батальона и 193-й ветеринарной роты. Командир 93 *п*д отправлял в распоряжение полковника Лоурика все свои немногочисленные резервы и тыловые войска. На южной окраине села Среднее, всего в 500 м от линии боевого соприкосновения, командир оперативной группы организовал свой временный командный пункт, а прибывший из дивизии взвод связистов быстро наладил связь со всеми подчиненными командирами и со штабом 93 *п*д. Уже вечером в распоряжение полковника Лоурика прибыли 7-я и 8-я батареи 193-го артполка, велосипедный взвод и 9-я рота 272-го полка дивизии, которые остались в его резерве. К этому моменту наше наступление было окончательно остановлено и инициатива перешла в руки фашистов.

Разведотряд 74-й бригады был окружен в лесу западнее д. Чертеж. Завязался кровопролитный бой, который продолжался весь день.

В то время как фашисты рапортовали о своей победе, «огромных потерях русских огнем из всех видов оружия на всем протяжении фронта, успешном окружении всех наших прорвавшихся разведотрядов, отражении атак советских войск, большом количестве пленных и трофеев» (даже лыжи посчитали – авт.), командование 6-го Сталинского корпуса подводило неутешительные итоги: имея 4-кратное превосходство над противником по личному составу, орудиям и минометам, поставленная боевая задача ни одним соединением не была выполнена.

В последующем, оправдывая свои неумелые действия, наше командование корпусом докладывало высшему руководству, что «опорный пункт фашистов в районе Осипова Села был опоясан траншеями со стрелковыми и пулеметными гнездами и минометными позициями, а перед траншеями – линии противотанковых и противопехотных минных полей, а в самом Осиповом Селе – до 8 дзотов и на крышах домов, в домах, в сараях – группы автоматчиков и пулеметчиков противника, которые держали под наблюдением и обстрелом всю впереди лежащую местность...»

Основные силы 74 *осбр* только к исходу дня подошли к переднему краю обороны противника, без боя вошли в те деревни и хутора, которые еще предыдущей ночью в панике оставили эсэсовцы и занял 1-й батальон их бригады, и перерезали «большак», идущий вдоль западного берега р. Локня на юг. Это стало единственным успехом целого стрелкового корпуса, потому что батальоны 91-й бригады хоть и вышли в назначенное время и заняли рубежи для наступления, но прорвать оборону врага не смогли, лишь 1-й батальон под командованием лейтенанта А.И. Столярова овладел первой траншеей противника. Главные силы двух передовых полков 150 *сд* так и не вышли в свои районы, а целый день медленно, под ударами фашистской авиации, с трудом пробивались через болото. Бой на прежних рубежах вели только авангарды дивизии. Атака 54 *осбр* успеха не имела, а главные силы 46-й бригады, потеряв ориентировку, вышли в полосу действий 74-й бригады и пытались наступать на своих с тыла – на село Игнатово, которое еще день назад было освобождено воинами-сибиряками. 44 *олбр* и 81 *тбр* так и остались в своих районах, лишь 5 танков Т-34 в этот день сумели пробиться к авангарду 856 *сп* 150 *сд*. И все!

В этот день, 25 февраля 1943 г., ни одна армия Калининского фронта не наступала, но 3-я воздушная в составе тринадцати авиационных дивизий выполнила только 6 самолето-вылетов для поддержки наступления двух советских стрелковых корпусов на Холм-Локнянском направлении, и впервые на отчетной карте № 1 оперативной группы Калининского фронта № 93 появились на этом направлении рубежи обороны фашистов, и то без детализации.

Прорыв вражеской обороны

С наступлением ночи командир бригады подполковник А.Я. Урусов поставил задачу своему резерву 4 *осб* под командованием старшего лейтенанта В.А. Швецова сменить на позициях 2-й батальон.

Сдача участка для наступления проходила формально, батальон капитана С.А. Афанасьева торопился, потому что ему предстоял очередной ночной марш по бездорожью, теперь уже вдоль фронта на север в новый район. (Мне, как автору, досконально изучившему все боевые документы этого периода и советские, и немецкие, в том числе рабочие и отчетные карты, не совсем понятен этот маневр подполковника Урусова, ведь после смены подразделений на переднем крае стрелковые роты капитана Афанасьева вышли из боя в тыл бригады именно в тот район, который занимал перед этим 4-й батальон. Это первое. А второе – такая поспешность в распоряжениях комбрига-91 могла быть только в том случае, когда он потерял связь и взаимодействие с соседом справа, то есть с 150 *сд*, за что нес персональную ответственность.)

К утру 26 февраля 1943 г. капитан Афанасьев со своим батальоном, без средств усиления, должен был выйти к восточной окраине деревни Чернушка, которая располагалась на стыке с соседом справа 674 *сп* 150 *сд* и первоначально не входила в планы командования бригады по ее освобождению, установить с ним связь и совместной атакой, прикрывая левый фланг главных сил соседней дивизии, разгромить противника в укрепленном опорном пункте, освободить деревню, обеспечив дальнейшее успешное наступление бригады.

Комбат знал, что передвижение его рот будет проходить по освобожденной территории под прикрытием своих частей, но все же выслал вперед и на фланги походное охранение в составе автоматчиков, усиленных саперами, но вскоре убедился, что это заметно усложняет движение главных сил батальона, потому что боковые разведдозоры постоянно отставали – им приходилось преодолевать опасные участки местности не только по глубокому снежному покрову, но и по минным полям. Поэтому, чтобы ускорить движение батальона, еще до утра выйти в указанный район и выполнить поставленную боевую задачу, капитан Афанасьев отозвал боковое охранение и все усилия разведчиков и саперов сосредоточил на направлении движения главных сил батальона.

Все повторялось сначала. Глубокий снег, завалы и минные поля противника сильно затрудняли движение подразделений *2 осб.* Лыж практически не было, их все отдали разведчикам. Батальон медленно двигался вперед, по пояс утопая в снегу. Дул встречный ветер и, в довершение всего, большими хлопьями пошел снег, прямо в лицо бойцам и командирам. Стрелковые роты, построившись в длинную колонну, цепочкой двигались к лесу по открытой местности, заросшей небольшим кустарником. Иногда вспышки ракет, выпущенные фашистами, на мгновение освещали все вокруг. Впереди за разведкой двигалась рота автоматчиков, а замыкали колонну минометная батарея и тылы. Казалось, что лес уже был близок, и комбат с нетерпением выдвинулся вперед, чтобы поторопить саперов, но в этот момент со стороны опушки, куда направлялся батальон, раздались прицельные выстрелы и автоматные очереди, которыми тут же были сражены несколько бойцов. С криком и стоном они упали на белый снег, а остальные залегли, но из-за глубокого покрова противника видно не было.

Афанасьев
Степан Алексеевич

Капитан Афанасьев, командир роты автоматчиков старший лейтенант И.С. Донской и несколько солдат были ранены, а часть убиты, в том числе и связист. Радиостанция разбита. Рядовой Матросов видел падающего комбата и бросился к нему. С другой стороны, пригибаясь и увязая в снегу, бежала медсестра Валентина Шипица. Пока она перевязывала командира, Александр и подоспевшие бойцы из автоматов в упор стреляли в сторону, откуда были видны вспышки выстрелов фашистов. В том, что это были именно они, никто не сомневался.

Бой продолжался недолго. Он также мгновенно прекратился, как и начался. Что еще предпримет противник, никто не знал, как дальше продолжать движение – тоже. Вражеская пуля попала в бедро и перебила кость комбату. Степана Алексеевича положили на волокушу, а остальных раненых и погибших офицеров и солдат – на плащ-палатки и потащили обратно в тыл. (Капитана Афанасьева долго доставляли в ближайший фронтальной госпиталь, а затем в Москву. Уже по дороге у него

начался воспалительный процесс – сепсис. От нестерпимой боли он перестал есть. Началось истощение всего организма. 23 марта 1943 г. он умер в московской больнице им. С.П. Боткина. Похоронен на Преображенском кладбище в Москве.)

Подождав некоторое время и прислушиваясь, начальник штаба батальона старший лейтенант Г.С. Артюхов, который взял на себя командование, выслал вперед разведчиков. Они медленно и осторожно стали обходить с флангов опушку леса, откуда фашисты вели огонь. Связи с командованием бригады не было. А снег все шел, не переставая.

Прошло более часа, а может и больше, когда вернулись посланные вперед бойцы и сообщили, что противника нигде нет, он давно покинул место своей засады. Только тогда батальон продолжил свой марш. Многие бойцы уже успели замерзнуть, поэтому с радостью откапывались и продолжили движение вперед. Но, как потом выяснилось, не все.

(Кто обстрелял 2-й батальон и тяжело ранил его командира, до сих пор остается загадкой. Потому что ни в советских, ни в немецких документах не сказано об этом эпизоде боевых действий ничего. Только оставшиеся в живых свидетели сообщали об этом. Но я, как автор, предполагаю, что, передвигаясь вдоль линии фронта, подразделения батальона капитана Афанасьева встретились с разведгруппой 218-й ягдкоманды фашистов, тактика действий которых напоминала тактику партизан. Деревню Чернушка обороняли подразделения 113-го полка СС, которому в это время непосредственно подчинялась и 218-я ягдкоманда. Фашисты знали, что сосед справа – 2-й пехотный батальон 270 *nn* – весь прошедший день атаковали превосходящие силы русских, а что происходит у них перед передним краем, не знали, поэтому и направили сюда свою разведгруппу. Пройдя только им известным маршрутом через свои минные поля и заграждения, фашисты оказались в тылу у наших войск, но неожиданно для себя при вспышке очередной осветительной ракеты увидели подходящие колонны русских. Вести продолжительный бой с превосходящими силами противника было не в их правилах, поэтому, нанеся потери нашим ротам из засады, они быстро вернулись обратно, так и не выполнив боевого задания. А об этом не принято сообщать ни в каких документах и журналах ни в одной армии мира.)

2-й стрелковый батальон продолжал движение. Впереди был лес, с опушки которого были обстреляны передовые роты, и его необхо-

димо было пройти почти насквозь для того, чтобы выйти в назначенный район. Вездесущие разведчики уже доложили, что дорог и даже троп через него в нужном направлении нет, кругом сплошные завалы, отчасти минированные, но и оставаться после ночной атаки фашистов на месте нельзя. Старший лейтенант Г.С. Артюхов был опытным и осторожным человеком и понимал, что просто так идти напролом через лес в постоянном ожидании атаки врага из очередной засады не имеет смысла. Время было уже упущено, связь с командиром бригады потеряна, к назначенному сроку батальон все равно не успевал, а губить молодых солдат-новобранцев не хотел. Но задачу выполнять надо, поэтому, достав карту и сверив ее с местностью, Григорий Сергеевич принял решение: лес обойти по окраине, с востока, по замерзшему болоту, поросшему редким кустарником. Все равно ответственность была теперь лично его, но он никогда ее не боялся. Отдав указания разведчикам и командиру боевого охранения, старший лейтенант Артюхов назначил исполняющим обязанности командира роты автоматчиков лейтенанта Г.М. Канделинского, наметил маршрут движения, и батальон двинулся вперед.

В это время рядом с Григорием Сергеевичем находились замполит капитан В.Н. Климовский и офицер политотдела бригады старший лейтенант П.И. Волков, а рядом из-за сосны осторожно выглядывал знакомый красноармеец. Это был Александр Матросов. Начальник штаба его узнал. Про себя улыбнувшись, он вспомнил их первое знакомство на перроне станции Земцы и подозвал к себе. Оказалось, что тот не зря находился рядом, а не со своим взводом, так как был ординарцем замполита. Этот голубоглазый, невысокого роста, очень энергичный боец своей выправкой, удалью, чистым и открытым взглядом тоже нравился Григорию Сергеевичу, а шустрый, надежный и отчаянный помощник, который ничего не уstrasится и пойдет в «самое пекло», ой как был ему необходим сейчас. Василий Николаевич не стал возражать, и Саша получил «повышение по службе» – он стал ординарцем и связным «самого»! Матросову очень нравилось новое назначение. Теперь он без усталости передвигался с конца колонны в голову и обратно, передавая распоряжения комбата подчиненным командирам рот и взводов, и иногда, подчеркивая свою значимость, добавлял что-нибудь и от себя.

Глубокий снег не давал возможности подразделениям быстро выйти в указанный район. Двигались медленно, с трудом преодолевая все

препятствия, всю оставшуюся ночь практически без привалов. Все очень устали и еле передвигали ноги, да еще закончился сухой паек. Хотелось не только отдохнуть, но и есть.

Выбрав хорошо защищенное место на опушке леса и выставив охранение, старший лейтенант Артюхов приказал подчиненным командирам устроить привал, проверить личный состав, вооружение и доложить. И вот тут выяснилось, что от батальона отстали не только тылы, но еще и целая стрелковая рота, и минометная батарея. На их поиски были отправлены дозоры. Но даже вернувшись в исходное положение, где батальон был обстрелян фашистскими разведчиками, никого обнаружить не удалось. Лишь далеко на западе слышны были звуки сильного боя. Это в очередную атаку перешли батальоны бригады, пытаясь прорвать оборону врага и выполнить поставленную ранее задачу.

Только спустя несколько дней бойцы и командиры 2-го батальона узнали всю правду ночного боя в открытом заснеженном поле, так как после него батальон был разделен на три части.

Основные силы под командованием начальника штаба старшего лейтенанта Г.С. Артюхова, в голове колонны с ротой автоматчиков, вошли в лес севернее Любомировских хуторов и продолжили движение в указанный район. В их распоряжении осталось только три «сококапятки» – 45-мм противотанковые пушки М 1937 (53-К) и взвод противотанковых ружей (ПТР).

Минометная рота, которая потеряла в этом поле всю свою матчасть (попросту бросила в глубокий снег, а потом ночью «не смогла» найти, а это девять 82-мм батальонных миномета БМ-37–авт.), тыл батальона и часть замыкающих подразделений пехоты вернулись в исходное положение и расположились между боевыми порядками 3 и 4 *осб*.

А два взвода 3-й стрелковой роты под командованием молодого, недавно назначенного на свою должность лейтенанта, не получив никаких распоряжений о продолжении движения, долго не могли собраться после длительного лежания в снегу. И когда взводному все-таки удалось построить и проверить личный состав, то оказалось, что части рядового и сержантского состава уже нет, а остальные взвода их роты куда-то ушли. Все видели, как мимо них пронесли убитых и раненых красноармейцев и офицеров, в том числе и комбата, поэтому моральное состояние бойцов уже было подорвано.

Выдвигаясь по заснеженному полю к лесу и по пути собирая оставших солдат других подразделений батальона, они с удивлением обнаружили, что протоптанная тропа на опушке ведет в разные стороны: одна – к фронту, а другая – в тыл. Не зная поставленной задачи, молодой лейтенант посчитал, что основные силы батальона пошли к фронту, поэтому отдал приказ своему сводному подразделению двигаться на запад в надежде, что скоро догонит батальон. Они ночью, не имея карты, без саперов, по тропе немецких егерей беспрепятственно прошли через все минные поля, проволочные заграждения врага, не заметили, как перешли линию фронта, преодолели болото между деревнями Чернушка и Плетень и углубились в его оборону, так и не встретив ни одного фашиста. Батальон они так и не догнали, и только под утро, когда начало светать, рота остановилась в лесу на высоте южнее какого-то села. Высланный вперед дозор столкнулся с немецким патрулем на окраине деревни, как потом оказалось, Плетень. Теперь уже у командования фашистов из 3-го батальона 113-го полка СС был шок, так как они обнаружили у себя в тылу, как им показалось, большое подразделение советских бойцов. Это стало неожиданностью и для наших воинов, но молодой лейтенант не растерялся, а приказал бойцам занять круговую оборону, в надежде, что скоро подойдут остальные роты батальона. Завязался неравный, кровавый бой с опытным и беспощадным врагом.

Фашисты сняли с переднего края у д. Чернушка часть своих боевых подразделений, окружили нашу стрелковую роту и огнем из орудий и минометов, расположенных в 1 км южнее, открыли прицельный огонь по высоте (артиллерийская и минометная батареи, которые располагались возле церкви в д. Черное, были из состава 270 *mm* немцев и располагались в его полосе обороны, но это у врага никого и никогда не смущало, потому что между подразделениями всегда было отлажено четкое взаимодействие и связь, –авт.). Командование 91-й стрелковой бригады об этом не знало. Командный пункт подполковника Урусова находился далеко от линии фронта, а из доклада своего заместителя он знал о сильной стрельбе и бое в глубине обороны противника в районе д. Плетень, поэтому предположил, что это 2-й батальон прорвался через передний край обороны фашистов и наступает в глубине, но мер по поддержке, организации связи со своим батальоном ни он, ни его начальник штаба майор Сыркин не

приняли. Зато быстро доложили в вышестоящий штаб о том, что деревни Чернушка, Плетень и Черное освобождены бригадой и бой ведется уже за опорные пункты врага в деревнях Чулинино и Грихново, в 2 км в глубине его обороны. Не зная реальной обстановки, они опять солгали. (Не напоминает ли внимательному читателю современные доклады вышестоящему руководству отдельных командиров и начальников в ходе СВО?)

А в это время бойцы и командиры сводного отряда *2 осб* в жестоким бою отражали одну атаку эсэсовцев за другой, нанося им потери. Но силы были не равны. Заканчивались боеприпасы. Вскоре от осколка разорвавшегося снаряда погиб командир. Руководить обороной оставшихся в живых стал один из помощников командира взвода. Этот опытный сержант был из состава «старой гвардии сибиряков», воевал под г. Белый, сражался и выходил из окружения. Выходец из глухой сибирской деревни, он хорошо ориентировался в лесу и метко стрелял, поражая фашистов, чем давно снискал к себе уважение и доверие своих подчиненных новобранцев. Бой продолжался весь короткий зимний день, который казался вечностью, но ни у кого даже мысли о том, чтобы сдаться врагу, не было. С наступлением темноты опытный младший командир, ориентируясь только по одному ему известным признакам, сумел незаметно для врага собрать и вывести из боя более 20 оставшихся в живых бойцов, в том числе и раненых, провести их по той же тропе обратно, вернуться в свой район обороны, в котором теперь располагался *4 осб* бригады, и доложить старшему лейтенанту В.А. Швецову. Надо отдать должное Василию Андреевичу, уроженцу Нижнего Тагила, которому в этот день исполнился 41 год, он приказал командиру своего хозяйственного взвода быстро накормить отважных бойцов, раненых отправить в медсанроту, а остальных разместить в блиндажах и дать возможность отдохнуть и отоспаться в теплом помещении. (История так до сих пор и не знает имя этого отважного сержанта-сибиряка.)

Фашисты же после пережитого потрясения лихо докладывали своему командованию, что «прорвавшиеся на запад д. Чернушка советские части (около 100 чел.) были окружены. В результате боя 80 чел. было убито. Около 15-20 чел. отступили на восток за д. Чернушка. 8 чел захвачено в плен». О своих потерях эсэсовцы скромно промолчали, а они тоже были немалые.

В этот же день начальник политотдела 91-й бригады майор М.В. Ильяшенко, находясь далеко от линии фронта, в своем политдонесении № 026243 докладывал в вышестоящее управление корпуса и фронта «...во 2 *осб* командир батальона капитан Афанасьев и его зам. по политчасти капитан Климовский не выслали разведку и боевое охранение. Батальон шел цепочкой. Противник часть сил батальона пропустил в район дер. Плетень, а часть сил отрезал...», пытаясь всю вину за этот ночной бой на опушке леса возложить на командование батальона, но о том, что деревни Чернушка, Плетень и Черное до сих пор не освобождены, не написал ни слова.

(За свою многолетнюю службу в мотострелковых войсках, особенно командуя развернутым батальоном, который по численности был больше, чем зенитно-ракетный полк дивизии, я не раз встречался с такими штабными и политработниками, которые во время учений или инспекторских проверок в мороз, снег, дождь или пронзительный ветер, пробирающийся до костей, не вылазили из теплых палаток или бронетранспортеров взвода связи, а потом лихо писали свои «паск-вили» руководству о том, что во всех «грехах и бедах» виноват комбат, явно рассчитывая, что я никогда их доносы не прочитаю, но часто ошибались. Ведь командирами полков и дивизий были настоящие советские офицеры, которые «с небес не свалились» и в свое время тоже командовали взводами, ротами и батальонами.)

Весь день 26 февраля 1943 г. остальные батальоны 91 *осбр* без поддержки артиллерии безуспешно пытались атаковать с фронта оборонительные рубежи фашистов, но деревни Черное, Брутово и Чулинино так и остались в руках противника. Лишь к исходу дня в район боевых действий подошли приданная артиллерия и тылы бригады.

А в это время старший лейтенант Артюхов установил связь с передовым батальоном 674 *сн* 150 сд, который, использовав тактическую обстановку с отрывом части сил эсэсовцев для разгрома прорвавшегося отряда 2 *осб* у деревни Плетень, после короткого боя овладел д. Глубино, форсировал р. Локня, закрепившись на ее западном берегу. Но его левый фланг остался открытым, и противник оказывал сильное огневое воздействие на резервы и тылы батальона. И если контратаки фашистов со стороны д. Плетень соседи отбили, то со стороны д. Чернушка, которая располагалась в 1 км восточнее за одноименной речкой, прикрыть свой фланг было нечем, а главные силы

полка еще не подошли. Это создало угрозу возможной контратаки противника и окружения передового батальона 150 сд.

Через связистов соседней дивизии начальник штаба 2 осб доложил в штаб своей бригады о том, что связь и взаимодействие с соседом справа установлены, батальон готов к выполнению поставленной задачи и атаке д. Чернушка с северо-востока во фланг обороняющемуся противнику, прикрывая при этом левый фланг 674 сп...

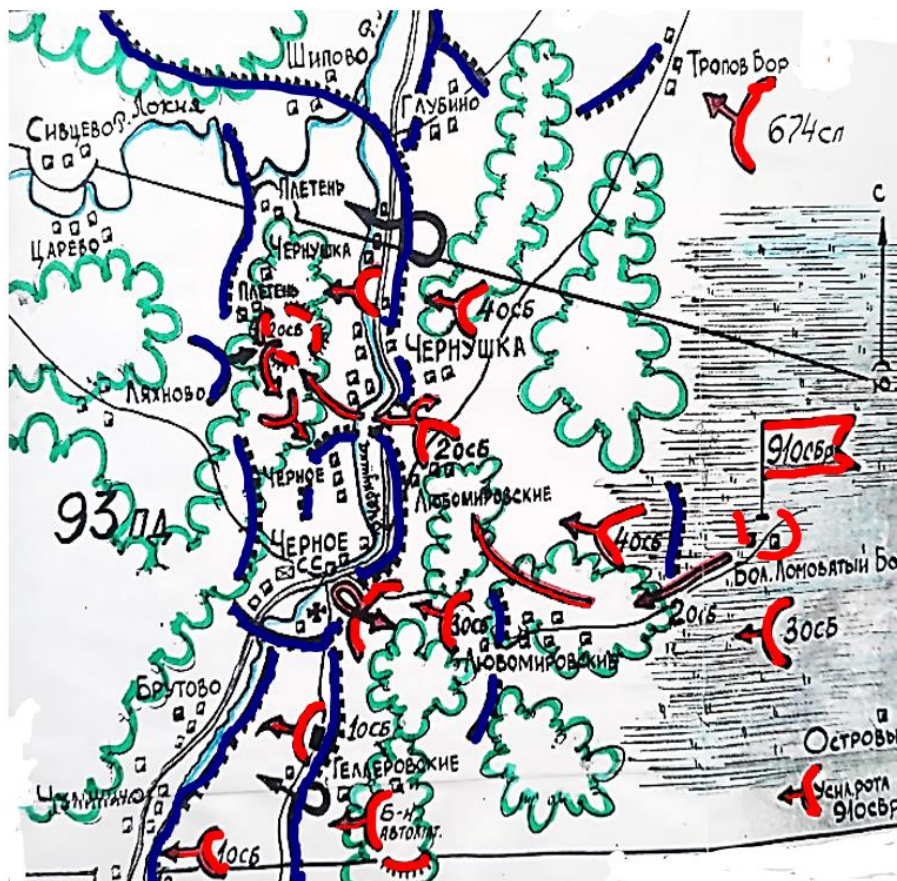
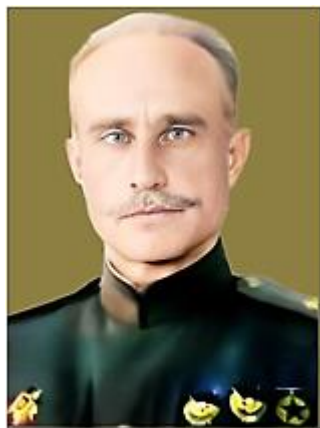

Схема боя 24-26 февраля 1943 г. 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков составлена ветеранами 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии

На остальных участках фронта наступления 6 ск в этот день 26 февраля 1943 г. также происходили неоднозначные события.

На самом правом фланге, в отрыве от главных сил корпуса, наступала 54 *осбр*. В ее задачу входил разгром малочисленных немецких гарнизонов, которые уже в течение года оборонялись по восточному берегу р. Ловать, превратив все населенные пункты в хорошо оборудованные узлы сопротивления. Это были подразделения прикрытия 93 *пд* немцев. Их позиции глубоко вклинились в нашу полосу наступления и находились в тылу наступающей 46 *осбр* на удалении от 4 до 8 км, что создавало угрозу удара в тыл наступающим советским батальонам.

Но командование 54-й бригады активности, в течение прошедших двух дней наступления корпуса, не проявляло, а ее вялые, безрезультативные атаки начинали раздражать генерала Поветкина. Поэтому он приказал своему заместителю генерал-майору А.И. Виноградову возглавить это направление и отдал в его распоряжение 54 *осбр*, 81 *тбр* и артиллерийскую группу дальнего действия корпуса.

Виноградов
Антон Иванович

Антон Иванович Виноградов был удивительным командиром и человеком. Он родился в Смоленске в далеком 1896 г. В годы Первой мировой войны, окончив курсы связистов и офицерскую школу, молодой поручик командовал взводом связи стрелкового полка. За годы войны был дважды контужен и перенес немецкую газовую атаку, поэтому коварного врага знал не понаслышке. В ряды РККА вступил не сразу, а лишь в 1920 г., потому что специалисты такого уровня очень нужны были молодой Красной Армии. Служил честно, добросовестно, действовал умело, часто со своим подразделением выезжал

для борьбы с различными бандами, постепенно поднимаясь по «карьерной лестнице». В ряды ВКП(б) его вначале не приняли из-за службы в «царской» армии «золотопогонником», а потом он и сам постоянно находил предлоги не вступать в партию, поэтому и оставался беспартийным. Несколько раз по доносу его арестовывало НКВД как «вражеского агента», но на допросах, проводимых «с пристрастием», он держался стойко, никого не оклеветал, ничего не признал, поэтому

спустя время Антона Ивановича отпускали ввиду недоказанности улик, восстанавливали в воинском звании и должности. Тем не менее он дослужился до звания комбрига, со своим соединением участвовал в освобождении Западной Белоруссии в 1939 г. и в марте 1941 г. был назначен начальником штаба 44-го стрелкового корпуса, который дислоцировался в его родном городе Смоленске. С началом Великой Отечественной войны в составе корпуса принимал участие в боях за Минск, после выхода из окружения был назначен начальником штаба 30-й армии, в ее составе участвовал в Вяземской оборонительной операции, постоянно находясь на переднем крае, в гуще боев. В ноябре 1941 г. ему присвоили звание генерал-майора, что в те времена было большой редкостью, ведь он оставался беспартийным.

В декабре 1941 г. Антон Иванович был назначен замкомандующего вновь сформированной 10-й армией по тылу, но это назначение было не по нраву боевому командиру, тем более вскоре обострились взаимоотношения с командующим армией генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым, который в предвоенный период возглавлял Главное разведывательное управление (ГУР) РККА и непосредственно докладывал И. В. Сталину, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской, и даже, может быть, германской разведки», хотя ему уже было достаточно известно о сосредоточении у советской западной границы германских войск, количестве дивизий врага, их боевом составе и численности, местах их дислокации, знал он и сроки нападения на СССР – 22 июня 1941 г. (эту дату указали 15 надежных источников). Вот поэтому Антон Иванович был абсолютно убежден, что генерал Голиков виновен в неожиданном нападении фашистской Германии и огромных потерях советских войск на первом этапе Великой Отечественной войны, и этого не скрывал. Тем не менее генерал Виноградов добросовестно выполнял свои обязанности и 10-я армия Западного фронта с 6 декабря 1941 г., не имея превосходства над противником, успешно наступала в ходе битвы за Москву южнее Тулы, освободив 10 городов, в том числе Михайлов, Венёв, Сталиногорск (Новомосковск) и сотни населенных пунктов, отбросив части 2-й немецкой танковой армии генерала Гудериана на 400 км от Москвы и нанеся большие потери противнику.

Затем генерал-майор А.И. Виноградов по его неоднократной

настоятельной просьбе был выведен в распоряжение Военного совета Западного фронта, а уже в июле 1942 г. назначен заместителем командира 6-го Сталинского добровольческого корпуса, с которым воевал под г. Белый, и вместе с 1-м мехкорпусом, 74-й и 91-й бригадами сибиряков выходил из окружения.

(Позже Антон Иванович Виноградов до ноября 1944 г. неизменно занимал должность заместителя командира 19-го гвардейского стрелкового корпуса, воевал на Калининском, Западном, 2-м Прибалтийском фронтах. Менялись командиры, но неизменным замом оставался генерал Виноградов, который, как и раньше, от пуль и осколков не прятался, всегда был на переднем крае, на своем ПКП, чем снискал глубокое уважение и любовь бойцов и командиров корпуса. В конце 1944 г. по состоянию здоровья был направлен на преподавательскую работу. Награжден семью боевыми орденами и многими медалями. Умер в 1961 г., похоронен на Большеохтинском кладбище в Красногвардейском районе Ленинграда (Санкт-Петербург).

26 февраля 1943 г. оперативная группа генерала Виноградова должна была разгромить противника на восточном берегу р. Ловать и обеспечить беспрепятственное наступление главных сил корпуса без оглядки на свои тылы. Для выполнения этой задачи Антон Иванович решил: силами 54 *осбр* атаковать противника на широком фронте с рубежа 800 м восточнее д. Полудино, опушка леса восточнее д. Каверзино, и, одновременно с ударом 81 *тбр* с южного фланга, уничтожить врага на этом рубеже. Артиллерийской группе было приказано поддерживать наступающие батальоны в течение всего светового дня.

Возглавить атаку своих батальонов генерал приказал лично командиру 54-й бригады полковнику Н.М. Уральскому. Неизвестно, какие доводы привел Антон Иванович комбригу и его комбатам, но строго в установленный срок разведгруппы и стрелковые батальоны бригады одновременно перешли в наступление на оборонительный рубеж фашистов на широком фронте около 10 км от д. Елдыгина до колхоза Подберезье. А после мощного огневого налета артиллерийской группы дальнего действия корпуса (КАГ ДД) по разведанным опорным пунктам врага в н.п. Шакевка, Удино, Бор, Каверзино в атаку одновременно по правому и левому берегам р. Ловать перешли танкисты 81 *тбр*, поддержанные 2-м стрелковым батальоном 469 *сп* 150 *сд* и стрелковой ротой из резерва командира 46 *осбр*.

Атаку 54-й бригады фашисты отбили, при этом ее подразделения понесли потери, а вот удар во фланг сдержать не смогли. В 12-00 час танковые батальоны при поддержке пехоты перешли в наступление и в течение двух часов освободили шесть деревень, продвинувшись на север вдоль р. Ловать на 3 км. Но этого времени фашистам хватило, чтобы разгадать замысел русских и быстро установить минно-взрывные заграждения на угрожаемом направлении. Когда передовые советские танки подорвались на минах противника на окраине деревень Малый и Большой Хочуж, в атаку перешла пехота, но, напоравшись на проволочные заграждения, хорошо прикрытые минометным и артиллерийским огнем противника, успеха не имела. Огневой бой танков и артиллерии продолжался до конца дня, но полностью очистить от врага берега р. Ловать до ее слияния с р. Локня советским войскам не удалось.

А в 15 км севернее от полосы наступления 91 *осбр* в этот день бой вели еще две стрелковые бригады корпуса сибиряков 74-я и 46-я.

Еще прошлой ночью в район д. Среднее подошел резерв командира 93 *пд* – 1-й батальон 270 *пт* (командир майор Хуббе), и немцы почувствовали себя настолько уверенными, что по приказу полковника Лоурик перешли в наступление. Передовой батальон 74 *осбр*, понеся потери в основном от прицельного огня артиллерии противника, вынужден был утром оставить н.п. Чертеж, Осипово Село, Рожнова, а его разведотряд попал в окружение и был блокирован фашистами в лесу в 1 км западнее хутора Чертеж.

Страшная участь постигла окруженных разведчиков этой бригады. Разъяренные эсэсовцы теперь могли безнаказанно возмещать свой пережитый ночной страх и потери. Они постепенно усиливали нажим и сжимали кольцо окружения, расстреливая советских бойцов огнем из минометов и артиллерии. Патроны были на исходе. Фашисты подошли настолько близко, что в бой пошли гранаты. Связист по радиопередатчику неоднократно открыто вызывал огонь своей артиллерии, а немцы, перехватывая его радиogramмы, внимательно следили и знали о всех действиях и проблемах наших разведчиков.

Были убиты или тяжело ранены все командиры. В ноги ранен последний офицер отряда лейтенант Сергей Безбородов, выпускник Белоцерковского военного пехотного училища, но продолжал руководить боем. Его быстро перевязала санинструктор роты старшина медицинской службы Ольга Филаткина. В этот момент осколком

разорвавшегося снаряда был убит связист, и Безбородов сказал: «Оля, придется тебе занять его пост». Ольга Ивановна выполнила этот приказ, и в эфир понеслись ее спокойные, уверенные слова: «...Паники нет. Будем биться до последнего патрона. Ведите огонь по нашему расположению. Филаткина»

Прошло еще несколько часов. К разведчикам безрезультатно пытался прорваться через недавно оставленную д. Рожнова понесший потери 1-й стрелковый батальон 74 *осбр*. И тогда в эфире прозвучала последняя радиограмма: «Положение критическое, немцы ворвались в наше расположение. Прощайте, товарищи. Огонь на меня! Огонь на меня! Ольга Филаткина».

Поддержать бой своего передового батальона подполковник В.А. Асафьев так и не смог. В течение всего дня 74-я бригада безуспешно пыталась атаковать и вернуть назад эти населенные пункты, но фашисты, хоть и несли потери, но стойко обороняли свои опорные пункты. Ярость и угрозы полковника Лоурика были намного страшнее для эсэсовцев, чем «эти русские».

В этом неравном бою помимо 1-го пехотного батальона 270 *пп* майора Хуббе принимали участие: 12-й велосипедный батальон и казачья рота из полка СС. Продажные казачки старались выслужиться и, по мнению фашистов, «самым эффективным образом продемонстрировали свою ловкость в лесной борьбе».

Ворвавшись в расположение отряда, не скрывая всей своей ненависти и злобы, эти ублюдки жестоко расправлялись с нашими ранеными, не пощадили и убитых советских воинов, по нескольку раз прокалывая их тела штыками. Так погиб последний офицер роты, уроженец г. Путивль Черниговской области Украины 20-летний Сергей Исакович Безбородов. Всего в этом бою смертью храбрых пало более 80 наших бойцов и командиров, но и враг дорогой ценой заплатил за гибель советских разведчиков.

Лишь потом, насытившись кровью русских солдат и все еще находясь в эйфории от своей безнаказанности, фашисты приказали продажным казачкам собрать тела советских разведчиков и «зарыть» их в окопах или воронках. И тут выяснилось, что 14 русских раненых бойцов и офицеров еще живы, в том числе командир отряда и санинструктор Ольга Филаткина. Контуженная от разрыва снаряда, тяжелораненая, она не успела взорвать рацию и попала в плен, а фашисты,

обнаружив ее у радиопередатчика, посчитали, что захватили советского связиста. Но и на этом немцы не остановились. Их страх был настолько велик, что, даже разгромив разведчиков и поглумившись над их телами, майор Хуббе приказал командиру 193-й ветеринарной роты всю следующую ночь прочесывать лес на юг и запад от места боя и определить, остались ли еще советские разведгруппы у них в тылу. Но больше никого не обнаружили.

В ближайшем лагере для военнопленных, по приказу полковника Лоурик, раненых разведчиков разместили в лазарете. А после судьба разбросала выживших бойцов и командиров по фашистским лагерям. И непонятно было, кому больше повезло – оставшимся в живых или погибшим на ратном поле.

(Учитель истории в одной из средних школ г. Барнаул, коммунист, 29-летняя Ольга Ивановна Филаткина еще в 1941 г. сагитировала всех девочек 9-го класса, в котором была классным руководителем, окончить школу санинструкторов. Вместе с ними училась и сама. А летом 1942 г., оставив матери свою дочь, добровольно вслед за мужем ушла на фронт.

После этого страшного боя она очнулась уже в плену у немцев. Застенки, допросы, а потом лагеря для военнопленных в Пскове, Вильно (Вильнюс) и др. Но она и здесь нашла единомышленников. Сплотила группу, бежала из лагеря, перехитрив эсэсовскую охрану, преодолев проволочные заграждения и умело уйдя от погони.

Голодная, оборванная, Ольга бродила по лесам Орловщины, искала следы партизан. И нашла. Через неделю попросила задание. Она хотела участвовать в диверсиях и налетах, своими руками уничтожать фашистов. Но командование рассудило по-иному. Филаткину никто не знал в этих местах. Она могла сойти за беженку.

Молодую женщину тщательно проинструктировали, снабдили надежными документами. Она стала ходить из села в село, рассказывать о победах Советской Армии, поднимать людей на борьбу с врагом, а заодно вести разведку. Но продолжалось это недолго,

Филаткина
Ольга Ивановна

выдал предатель. Теперь уже как партизанку ее пытали, хотели повесить, но потом отправили вместе с другими заключенными в товарном вагоне на запад. Везли долго, не давая воды и еды. Жалобно кричали дети, стонали раненые, а Ольга сидела в углу вагона и думала о своей дочери, боялась, что теперь никогда ее не увидит.

Глубокой ночью их выгрузили на станции и пешком погнали в концлагерь Провинники в Польше. Потом второй лагерь смерти Дахау в немецкой Баварии. День и ночь дымили печи крематория. Люди с ужасом ждали своей очереди. Но даже в этом аду Ольга сама не падала духом и старалась ободрить других.

29 апреля 1945 г., за день до освобождения концлагеря Дахау американскими солдатами, заключенные подняли восстание. Начальник лагеря, увидев американцев, приказал своим подчиненным сдаться, но в этот момент из Бухенвальда для сжигания в печах крематория Дахау подошел «поезд смерти», забитый телами умерших и убитых заключенных. Увидев эту страшную картину, начался самосуд. Все охранники лагеря были убиты солдатами союзников и присоединившимися к ним заключенными, которые душили тех голыми руками. Никто из них впоследствии никакого наказания не понес. Но в освобожденном лагере, находящемся на карантине, началась эпидемия брюшного тифа, в результате которой погибло еще свыше 2 тыс. человек из числа бывших заключенных, и прежде всего от крайней степени истощения и других болезней.

12 мая 1945 г., уже после капитуляции фашистской Германии, оставшихся в живых узников отпустили на свободу. Ольга пешком, крайне истощенная и больная, шла через всю Германию к своим и только 30 мая услышала родную, русскую речь. Уже находясь в советском фильтрационном лагере, Филаткина узнала, что ее муж пропал без вести под Сталинградом.

Тысячи военнопленных вернулись на родину. Радости их не было границ. Но не для всех, в том числе и для Ольги, эта радость длилась недолго. 14 сентября 1945 г. она прибыла в Барнаул, где ее ожидали мама и дочка Валя. Товарищи по работе, друзья и знакомые были глубоко взволнованы встречей с ней и ее рассказами. Однако нашлись люди, которые обвинили ее в том, что она была в плену. Партийных чиновников, которые и о войне знали только по сообщениям Совинформбюро да из газет, не смутило то, что

эта хрупкая молодая женщина неоднократно пережила круги ада в немецких лагерях смерти, а в боях под г. Белый и в окружении под градом пуль и осколков спасала жизни своим землякам-алтайцам. Они не могли простить ей, что она выжила после тяжелых ранений и контузий, после пыток и издевательств в фашистских застенках и лагерях смерти, каждый день и час все эти страшные годы находясь на грани жизни и смерти. Ольгу Ивановну исключили из партии, не принимали на работу даже уборщицей. Дочь отчислили из института. Мнимые «друзья» и сослуживцы отвернулись от нее, как от прокаженной, и она вынуждена была вместе с матерью и дочерью переехать в г. Сызрань.

И только в 1957 г., через долгие 12 лет, справедливость восторжествовала. Ольгу Ивановну Филаткину восстановили в партии, выдали новый паспорт и наградили орденом Отечественной войны II степени. Одновременно орденом Красного Знамени наградили посмертно и лейтенанта С.И. Безбородова. Только после этого ей предоставили достойную работу – начальником Сызранского районного агентства «Союзпечать». Ее стали приглашать на встречи в школы, институты, трудовые коллективы. Уже на пенсии Ольга Ивановна трудилась в городской организации общества «Знание», проводила беседы, читала лекции. И это хорошо, что почет и уважение, признание ее заслуг перед Родиной, ее ратного подвига и страданий во имя нашего светлого будущего пришлось на годы жизни, но это ни в коей мере не оправдывает партийных и советских чиновников, учителей и руководителей горно столицы Алтайского края. Почетный гражданин г. Сызрань Ольга Ивановна Филаткина умерла 16 мая 1984 г.)

К исходу 26 февраля 1943 г. наконец-то подошли главные силы 74-й стрелковой бригады, но фашисты уже отбросили роты передового отряда и восстановили свое положение по переднему краю на этом направлении. Началось новое наступление, но неподготовленные атаки советских подразделений отражались огнем артиллерии врага. Имея превосходство над противником, батальоны 74 *осбр* больше прорвать оборону врага не смогли.

Главные силы 46-й стрелковой бригады так до конца этого дня не вышли в свою полосу наступления и не поддержали бой своих передовых батальонов. Они упорно сосредоточивались в тылу 74 *осбр*, а командир 46 подполковник Г.И. Секарев со своим начальником

штаба лихо докладывали в вышестоящий штаб о том, что к исходу дня освободили от врага шесть населенных пунктов. При этом их не смущало даже то, что деревни Игнатова, Пожар, Горки и Бредоватая еще сутки ранее были освобождены передовым батальоном 74 *осбр*, а главные силы этой бригады уже занимали оборону на западных окраинах этих деревень и вели огневой бой с отошедшими эсэсовцами, а деревни Жарки и Ручейки еще находились в руках противника.

(Я не зря так подробно пишу об этом, потому что в штабе корпуса сибиряков прекрасно разобрались в этом лживом докладе, так как знали реальную обстановку, но в своем журнале скромно написали, что «46 и 74 *осбр* действовали совместно, форсировали р. Локня и, преодолевая упорное сопротивление противника, подошли к одному из основных узлов сопротивления врага – Осипово Село». И больше ни слова. Все остальное – о действиях передовых отрядов бригады в 8 км севернее от этих населенных пунктов. А вот представители оперативного отдела штаба Калининского фронта, ответственные за ведение журнала боевых действий, Шатуновский и Кириенко, не вникая в обстановку, дословно переписали донесение штаба 46 *осбр*, несмотря на всю ее абсурдность. И досужие журналисты и писатели, абсолютно не разбираясь в боевых графических документах, тактической обстановке, отраженной на отчетных и рабочих картах времен Великой Отечественной войны, опираясь на этот бред, смело сообщали своим читателям о героических подвигах бойцов и командиров 46-й бригады под руководством подполковника Г.И. Секарева лишь потому, что опирались в своих статьях на архивные документы МО РФ. А все, что те сумели сделать в этот день, так это «по-доброму» завидовать сибирякам, которые были одеты в полушубки, валенки и шапки-ушанки, а они в ватники и шинели.

К великому сожалению, история русской армии знает немало таких примеров. Так, 10 апреля 1944 г. войска 5-й ударной армии 3-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника В.Д. Цветаева вместе с подпольщиками и партизанами, вышедшими из катакомб и укрытий, освободили Одессу. А на следующий день, когда части и соединения этой армии вышли в пригороды города для отдыха, пополнения и восстановления боевой готовности, в Одессу с севера браво вошли дивизии 8-й гвардейской армии под командованием гвардии генерал-полковника Чуйкова Василия Ивановича, который тут же, минув

командование фронтом, доложил Верховному главнокомандующему об освобождении его войсками города Одессы. Но И.В. Сталин знал реальную обстановку, знал он и о том, что войска Чуйкова не выполнили его приказ и выпустили из окружения всю одесскую группировку врага, которая беспрепятственно отошла на север вдоль берега Днестровского лимана и заняла новый рубеж обороны, который, впоследствии, пришлось прорывать с большими потерями. Вождь был крайне недоволен, но все же некоторым артиллерийским частям 8-й армии присвоил почетные наименования «Одесская».)

В этот день на главном направлении наступления *6 ск* успех сопутствовал только частям *150 сд*. Командир дивизии полковник Н.О. Гузь сумел в течение двух суток выдержать все угрозы и упреки в свой адрес со стороны командования корпуса и, действуя только силами передовых отрядов, выбивал противника из полосы обеспечения. А в это время его разведчики установили, где расположен передний край обороны врага, места расположения его основных огневых точек, позиции артиллерийских и минометных батарей и резервов. Николай Олимпиаевич сумел за эти бессонные сутки проложить колонные пути по болоту, вывести всю свою артиллерию на позиции, подвезти боеприпасы, продовольствие, и даже сосредоточил в своем резерве танковый батальон *81 тбр* в составе пяти танков. А когда убедился, что все готово к прорыву вражеской обороны, рано утром 26 февраля 1943 г. отдал свой боевой приказ на наступление.

Артиллерия корпуса была задействована в составе группы генерала Виноградова, поэтому пришлось артподготовку проводить своими силами по ранее выявленным объектам противника. Но все равно результат был впечатляющим. Правофланговый *856 сн*, преодолевая препятствия и огневое сопротивление эсэсовцев, прорвал их оборону и к середине дня овладел деревнями Малеева и Клишово. Это позволило 3-му стрелковому батальону *469 сн* с *3 тб* *81 тбр* (5 танков – авт.) ударом во фланг взломать оборону эсэсовцев и, наступая по тылам врага с севера на юг вдоль его линии обороны, совместно с *674 сн* дивизии окружить и разгромить фашистов на правом берегу р. Локня. Затем стрелковые батальоны *674 сн* форсировали реку в районе д. Глубино и, несмотря на сильное огневое противодействие противника со стороны деревень Чернушка и Плетень, овладели д. Шипово и продолжили свое наступление на с. Шерово, в котором располагался штаб *270 пп* фашистов. К этому селу была

проложена рокадная дорога, по которой вдоль фронта очень быстро на транспорте перемещались резервы 93 *пд*, и немецкие саперы построили мост. А в это время 856 *сп* также форсировал р. Локня и на ее противоположном берегу освободил д. Савина и хутора Спорные. К исходу дня его батальоны продвинулись в глубину обороны фашистов более 3 км и уже вели бой на окраинах деревень Большая Нагова, Долгуши и села Касавицы. Маневр войск 150 *сд* создал в обороне врага ничем не прикрытую брешь шириной более 4 км. И все это опять без поддержки нашей авиации и приданной корпусу артиллерии.

К исходу дня в полосе наступления 150 *сд* создалась патовая ситуация. Полки дивизии не могли дальше наступать, так как соседние бригады 74-я и 91-я далеко отстали. При этом создалась угроза окружения главных сил дивизии ударом фашистов с флангов, а резервов ни в корпусе, ни в оперативной группе генерал-лейтенанта М.Н. Герасимова не было, да и командование фронтом практически ничем не поддержало наметившийся успех сибиряков на этом направлении. И у фашистов закрыть образовавшуюся брешь в своем боевом порядке на этом направлении резервов также не было, и это несмотря на то, что к группе генерала Тимана присоединились подразделения 281-й охранной дивизии СС, 865-й охранный батальон СС и две саперные роты 657-го и 21-го саперных батальонов.

Отто Тиман все же доложил своему командованию, что его дивизия «успешно обороняется, все атаки русских отбиты, потери противника, по докладам пленных, уже составили более 4 500 убитыми и ранеными, при этом уничтожены 131 *танк* и большое количество артиллерии, но из-за нехватки сил в обороне дивизии есть 6 км незакрытой территории обороны». Успех операции теперь решали своевременно подошедшие резервы как у нас, так и у противника.

Из допросов пленных фашисты уже знали, какая советская бригада и на каком направлении ведет наступление, их состав и командиров. К сожалению, наши разведчики, особенно стрелковых бригад, так и не смогли с большой долей достоверности ответить на такие же вопросы.

Командир 2-го немецкого армейского корпуса к этому времени уже отдал приказ на выдвижение в район наступления сибиряков трех своих пехотных дивизий. Передовой отряд 418 *пт* 123 *пд* врага поздно вечером 26 февраля 1943 г. на машинах прибыл в село Шерово и сразу же был направлен для отражения наступления 674 *сп*

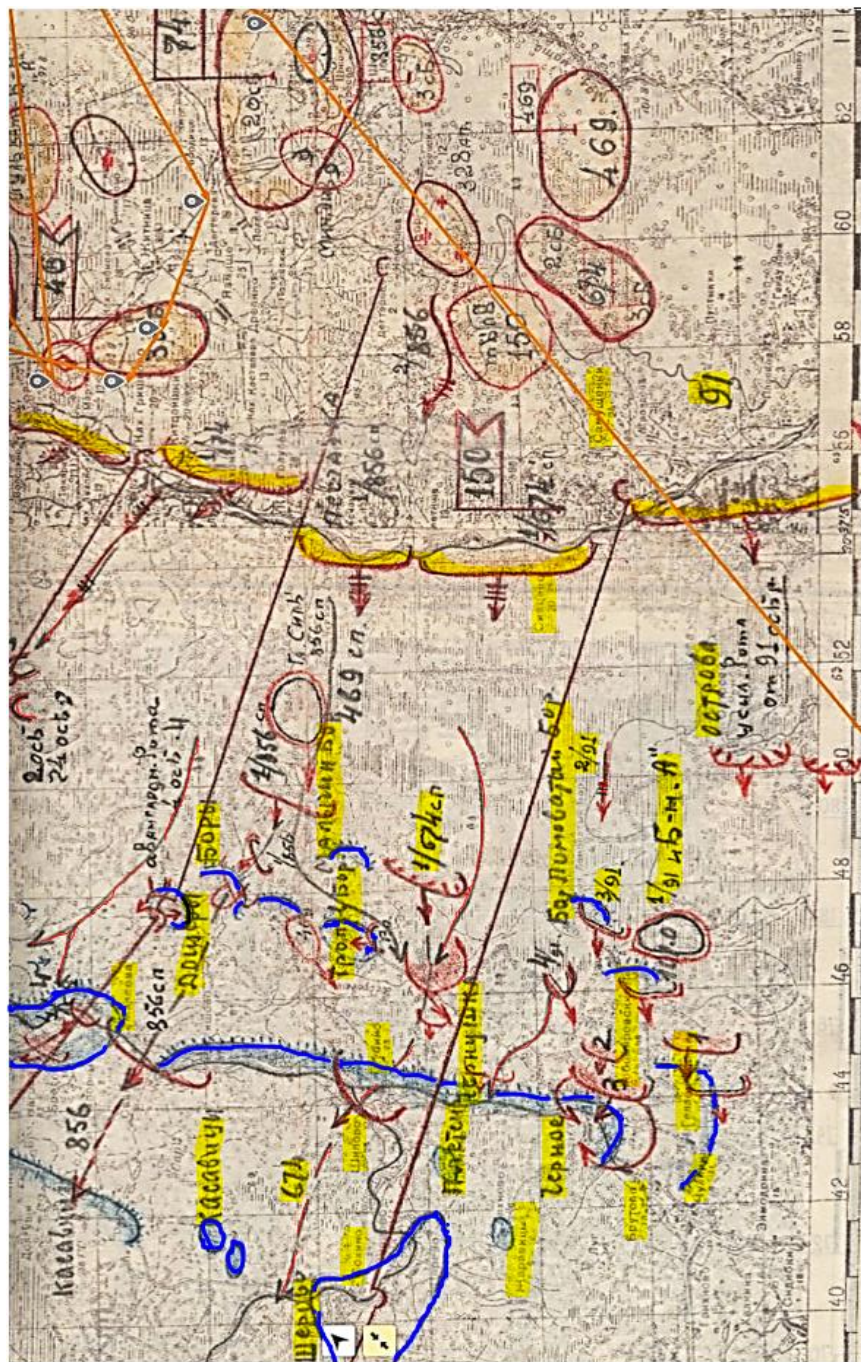
150 сд, подразделения которого уже освободили на левом берегу р. Локня деревню Сивцево, вновь форсировали реку в обратном направлении, вышли на окраины д. Царево и, наступая вдоль дороги на д. Жаравины, создали угрозу окружения фашистских войск в районе деревень Плетень, Ляхново, Чернушка и Черное. В это время им навстречу должны были наступать батальоны 91 *осбр* из района Чулинино, Брутово, Грихново, которые, к сожалению, прорвать оборону фашистов в течение всего этого дня так и не смогли.

Ничего не скрывая и не приукрашивая, командир 2-го немецкого армейского корпуса в своем журнале боевых действий в этот день отмечал, что «противник прорвал фронт на участке Глубино – Игнатово вновь введенными бригадами. Передний край фронта 93-й дивизии очень слабый и состоит в основном из охранных частей: латышей и казаков (СС- авт.). За счет развертывания приближающихся частей 12-й и 123-й дивизий создается фронт безопасности второго эшелона. Планируется разместить 123-ю дивизию на правом фланге, 12-ю дивизию к северу от прорыва...» Так что опасения полковника Н.О. Гузь были не напрасны. Время опять было упущено.

(Только спустя десятилетия после завершения этой Великой войны из архивов США нам стало известно, что у генерал-лейтенанта Отто Тимана, дивизия которого оборонялась на широком фронте, не было не только вторых эшелонов, но и достаточно сильных резервов. И при умелом командовании и правильном использовании своих сил, как это было сделано в боях под Великими Луками, успех выполнения поставленных перед войсками 6-го стрелкового корпуса боевых задач был бы гарантирован. Но, к сожалению, ход проведения Холм-Локнянской операции показал иное развитие событий.)

Пока командование 6 *ск* и опергруппы фронта в течение трех суток решали свои локальные задачи, немцы для отражения нашего наступления стягивали со всех направлений все, что могли. Враг тоже понес большие потери. Полевых частей фашистам явно не хватало, и они бросали в бой все то, что было под рукой, даже подразделения и части, которые не предназначались для боя на передовой. Лишь спустя четверо суток в этот район подошли боевые пехотные дивизии, которые отошли из-под Демянска.

Ночь на 27 февраля 1943 г. прошла для фашистов относительно спокойно.

Бросок в бессмертие

27 февраля 1943 г. практически во всей полосе наступления 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков инициатива перешла на сторону врага. Фашисты подтянули свои резервы, отражали все атаки советских войск прицельным огнем артиллерии и минометов, создавали вторую полосу обороны и осуществляли довольно эффективный маневр своими резервами, танками и артиллерией на угрожаемые участки. Особенно безнаказанно зверствовала авиация противника, атакуя группами по 16-17 самолетов, в основном боевые порядки 150 *сд* и 74 *осбр*. А наша воздушная армия совершила в этот день лишь 14 самолето-вылетов, и то на разведку.

2 *гв.ск* оперативной группы генерал-лейтенанта М.Н. Герасимова, наступающий на главном направлении на Холм, в течение четырех дней безуспешно атаковал передний край обороны врага на северном фланге, да и то только на одном участке 8 *гв.сд*, успеха не имел и к нему не стремился. Его командир генерал-майор М.П. Кутузов, тезка великого русского полководца, особого рвения не проявлял, так как знал о настроениях в штабе фронта. Тем более, что «командующий фронтом генерал армии М.А. Пуркаев для решения этой задачи выделил недостаточно сил и средств», считал Михаил Павлович, а своими силами гвардейский корпус уже не раз безрезультатно пытался прорвать оборону врага, освободить г. Холм и при этом понес ощутимые потери. Генерал Кутузов более 10 предвоенных лет преподавал, сам учился и других учил кавалерийскому мастерству, войну встретил в должности военного атташе при полпредстве СССР в Турции. На должность командира 2-го гвардейского стрелкового корпуса лихой и грамотный кавалерист был назначен после окончания ускоренных шестимесячных курсов при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова еще 24 октября 1942 г., но опыта руководства такими крупными соединениями в наступлении он не имел, поэтому осторожничал и ежедневно атаковал противника лишь на одном участке, и то только силами штрафных рот своих дивизий.

54-я, 46-я стрелковые и 44-я лыжная бригады, введенные в состав корпуса сибиряков перед началом наступления на Локню, также не проявляли никакой активности.

В этот день лишь передовой батальон 46 *осбр* освободил д. Березовка на правом берегу р. Локня, которую атаковал в течение трех

суток и вошел в нее только после того, как фашисты полностью сожгли все дома и постройки и отошли, переправившись на другой берег и заняв заранее подготовленный опорный пункт в д. Нижняя Петрова. И, наконец-то, основные силы и штаб этой бригады вышли в свою полосу наступления, оставив в покое резервы и тылы *74 осбр*.

Совместная атака двух стрелковых батальонов (*54 осбр*, *469 сп*) и 2-го танкового батальона *81 тбр* (5 танков) оперативной группы генерала Виноградова на деревню Большой Хочуж была отбита огнем артиллерии врага по заблаговременно подготовленным рубежам, и батальоны с потерями отошли в исходное положение, продолжая в течение дня вести огневой бой. Атака 1-го танкового батальона бригады (3 танка) с приданной пехотой на Малый Хочуж также успеха не имела. При отходе фашисты подбили и сожгли два танка *81 тбр*, а пехоту отрезали от танков, уничтожая их ружейно-пулеметным огнем. *1 тб* остался практически без техники. Повторная атака группы генерала Виноградова успеха не имела.

Рано утром 27 февраля 1943 г. на командный пункт полковника Лоурика в селе Грихново в 5 км от переднего края прибыл командир *12 пд* генерал Фрайхер фон Лютцов с офицерами штаба. Он объявил, что части его дивизии уже на марше, заслушал доклад полковника Лоурика, а также изучил тактическую обстановку и боевые позиции своего батальона на переднем крае в районе д. Рожнова и Осипова Села. А наша *74-я* стрелковая бригада только в полдень после непродолжительного огневого налета перешла в наступление на эти, оставленные ранее, населенные пункты. Все ее атаки были отбиты передовым 3-м батальоном *89-го* гренадерского полка *12-й* пехотной дивизии вермахта, который ночью сменил на боевых позициях эсэсовцев и сводные формирования боевой группы Лоурика. После неудачных атак советских войск на этом направлении бой продолжили артиллерийские подразделения и с переменным успехом продолжали его весь день. (Наконец-то подвезли боеприпасы – авт.) Единственным достижением бригады сибиряков в этот день стало то, что на своем командном пункте в Осиповом Селе осколком нашего снаряда был тяжело ранен командир *89 пп* полковник фон Ведель. (Нашим командирам это не грозило. Даже комбаты, за редким исключением, располагали свои командные пункты подальше от переднего края, не говоря уже о комбригах.)

27 февраля 1943 г. лишь полки 150 *сд* под непрерывными ударами фашистской авиации и огнем вражеской артиллерии продолжали свое наступление и выполнили поставленную боевую задачу. К исходу дня ее правофланговый 856 *сп* овладел селом Касавицы, деревнями Долгуши, Большая и Малая Нагова и загнал фашистов кампфгруппы (боевой группы) Фротчер в очередное огромное псковское болото. Но для прикрытия своего правого фланга полковнику Н.О. Гузь пришлось выдвинуть на передний край сводные роты всех подразделений обеспечения дивизии, которые для этих целей не предназначались, а в своем резерве оставить только одну стрелковую роту 469 *сп*.

На левом фланге дивизии, где наступал 674 *сп*, события этого дня развивались также успешно. Еще ночью, осознав, что попытки 91-й бригады прорвать оборону врага и совместными усилиями окружить и разгромить фашистов в районе деревень Плетень, Ляхново, Чернушка и Черное не увенчались успехом, полковник Гузь, по согласованию с генералом Поветкиным, отвел свои подразделения с окраин д. Царево на противоположный берег р. Локня и придал полку пять оставшихся танков 3 *тб* 81 *тбр*, которые ранее блестяще выполнили боевую задачу по окружению и разгрому эсэсовских подразделений на правом берегу реки. Утром 27 февраля 1943 г. батальоны 674 *сп* совместно с танкистами перешли в атаку, выбили фашистов из их опорных пунктов и вышли на окраины села Шерово и деревни Сохино и это несмотря на подошедшие в данный район резервы врага. Наша артиллерия и танкисты начали вести прицельную стрельбу по окопавшимся в этих населенных пунктах фашистам, уничтожили мост и перекрыли рокаду для перемещения резервов противника вдоль линии фронта. Теперь немцы вынуждены были делать большой крюк, обходя и объезжая большое болото с севера. Но левый фланг главных сил полка все еще оставался открытым и по его боевым порядкам, пользуясь затишьем перед передним краем и пассивными действиями 91-й бригады, с тыла наносили удары артил-

Гузь
Николай Олимпиевич

лерийская и минометная батареи из района д. Плетень и Чернушка.

По тылам дивизии, особенно по району переправы через р. Локня у д. Глубино, в течение дня непрерывно наносили свои смертельные удары фашистские бомбардировщики, прикрываемые истребителями. Попытка небольшими силами (2-3 звена) нашей авиации противодействовать этому привела лишь к потери нескольких советских самолетов, что никак не способствовало поднятию духа наблюдавшей за воздушными боями с земли пехоты.

Еще ночью Николаю Олимпиевичу доложили, что в тыл 674 *сп* вышел в неполном составе и без артиллерии 2-й стрелковый батальон 91 *осбр*, поэтому, будучи человеком грамотным и волевым, он решил: совместной атакой своего батальона 469 *сп*, который в это время располагался в районе д. Глубино, и 2 *осб* 91-й бригады атаковать фашистов в н.п. Плетень и Чернушка, овладеть ими и в дальнейшем наступать вдоль линии фронта в тылу у оборонявшихся фашистов в направлении деревень Ляхново и Черное. В удаче он не сомневался, потому что его стрелковый батальон уже имел положительный опыт подобных действий прошедшим днем. А заодно решались две ранее поставленные боевые задачи: во-первых, прикрывался левый фланг дивизии от возможного контрудара врага, а во-вторых, выполнялась ближайшая задача соседа, 91 *осбр*, по прорыву обороны фашистов на переднем крае. Свое решение он доложил командиру корпуса, который поддержал инициативу комдива. Подполковник Урусов тоже не возражал, ведь за него решалась часть боевой задачи, поставленной перед бригадой, тем более что об освобождении д. Плетень и Чернушка он уже давно доложил в вышестоящий штаб.

Но и противник этой ночью не дремал. С севера к нему подходили боевые пехотные дивизии и сходу выходили в предназначенные для них районы обороны, сменяя эсэсовские подразделения и части, которые в открытом бою, по мнению немецкого командования, показали себя крайне отрицательно. (Конечно, охранным батальонам СС легче расстреливать безоружных гражданских и военнопленных, чем воевать с боевыми подразделениями советских частей.)

Менялась и дислокация подразделений 93-й пехотной дивизии. Чтобы как-то обезопасить свои позиции от прорыва русских и атаковать их с фланга, не дожидаясь подхода в этот район дивизий резерва, полковник Лоурик, по согласованию с генералом Тиманом, приказал

своему 1-му пехотному батальону, который после разгрома разведотряда 74-й бригады расположился на хуторе Козлова, ночью выдвинуться на рубеж контратаки Малая Нагова – Ручейки. В ходе выдвижения командир этого батальона майор Хуббе «взял под свое руководство *добровольческую* казачью роту», которая ранее действовала вместе с немцами по разгрому наших разведчиков и «неплохо себя показала». С другими подразделениями 270 *nn* батальон Хуббе должен был соединиться в районе села Касавицы, но успешные, упреждающие действия 856 *sn* 150 *sd* не позволили это сделать. Поэтому немецкий батальон только под вечер вышел на новый рубеж Ситово – Ляда и перешел к обороне, стараясь не допустить прорыва наших войск на север в обход болота. В это время понесший большие потери 3-й батальон 270 *nn* вышел из боя в районе села Касавицы и перешел в резерв.

Эсэсовцев сменяли на переднем крае везде. Доверия немецкого командования они не оправдали. В течение трех суток их позиции дважды прорвали советские войска, чем ставили в затруднительное положение командование 93 *nd* и 2-го немецкого корпуса. И только «благодаря» нераспорядительности командования русских, отсутствию у них резервов и «сильной воле немецких командиров» окружение холмской группировки врага удалось предотвратить. «Неблагонадежные» и неустойчивые в обороне подразделения 113-го полка СС оставались на переднем крае лишь на отдельных неатакованных участках фронта, в том числе и в д. Чернушка. Поэтому исполняющий обязанности командира 270 *nn* майор Мюллер принял решение и ночью сменил на боевых позициях у этой деревни 11-ю роту 3-го батальона полка СС подразделениями своего 2-го батальона, снятыми с неатакованных участков фронта перед позициями 44-й отдельной лыжной бригады в районе села Жары, а в резерве между д. Чернушка и Черное сосредоточил охранное подразделение СС своей дивизии – кампфгруппу Херманна. Одновременно командир 93 *nd* выдвинул на это направление для решения внезапно возникающих задач роту батальона быстрого реагирования 2-го корпуса под командованием обер-лейтенанта Фришкнехта. Разбитые и понесшие большие потери батальоны эсэсовцев выводились в тыл, а части 123-й пехотной дивизии вермахта стали разворачиваться и занимать линию обороны во втором эшелоне 2-го армейского корпуса немцев...

Утром 27 февраля 1943 г. старший лейтенант Г.С. Артюхов,

сделав большой крюк, абсолютно точно вывел свой 2-й батальон 91-й бригады в указанный район для атаки противника в деревне Чернушка с фланга. Справа на д. Плетень по единому сигналу переходил в наступление 3-й стрелковый батальон 469 *сп* 150 *сд*. И если соседний батальон поддерживала артиллерия полка, то батальону Артюхова приходилось довольствоваться только огневой поддержкой своих бойцов, вооруженных противотанковыми самозарядными ружьями системы Симонова (ПТРС-41) и несколькими 45-мм противотанковыми пушками приданной батареи, расчеты которых с огромными усилиями старались не отставать от стрелковых рот. Танкисты, действовавшие с соседями, еще ночью убыли в распоряжение командира 674 *сп*. Одновременно слева в атаку переходили роты 4 *осб* своей бригады, наступающие на д. Чернушка с фронта.

После ночного марша, да еще по лесу, поле, которое открылось перед взорами бойцов, освещенное лучами солнца, казалось ослепительно ярким, белоснежным и бескрайним.

Артюхов побежал в голову колонны, на ходу расстегивая кобуру и доставая пистолет, следом за ним, пригнувшись, с автоматом в руках бежал Матросов. Саша старался не отставать от комбата, лицо его пылало, на щеках выступил румянец, а в голубых глазах играл задорный мальчишеский азарт. Остановившись за деревом, командир стал просматривать местность. Перед ним, серебристо поблескивая в лучах утреннего солнца, лежала снежная равнина, но никаких следов врага на ней не было, только выделялся редкий кустарник и на западе виднелся лес.

Вот и Чернушка, а за рощей Плетень. Артюхов отметил что-то на карте и спрятал ее в планшет. До ближайших домов деревни было около 500 м по открытому снежному полю. За сожженными избами, вместо которых торчали только печные трубы, протекала неширокая речка Чернушка (местные жители называют ее Черной речкой) с низкими, топкими берегами. Никаких возвышенностей, тем более высот до северной окраины д. Чернушка старший лейтенант Артюхов не наблюдал. Наступать приходилось по открытой местности.

Связь с командованием 91 *осбр* благодаря усилиям телефониста А.В. Голосова была налажена.

Река Чернушка

Подполковник А.Я. Урусов торопил, ведь в штаб корпуса и фронта он еще раньше доложил, что эти деревни, включая и Плетень, уже освобождены подразделениями его бригады, но поддерживать атаку своего батальона огнем артиллерии бригады не стал, сославшись на отсутствие боеприпасов.

Несколько оставшихся в живых саперов, приданных батальону, уже давно выбились из сил, прокладывая проходы в фашистских минных полях и завалах для выдвижения стрелковых рот на рубеж перехода в атаку. Поэтому времени, сил и средств для обеспечения беспрепятственного преодоления расстояния до переднего края обороны врага, обезвреживания вражеских мин и проделывания проходов в его проволочных заграждениях уже не было. Да и самого переднего края противника ни старший лейтенант Артюхов, ни остальные офицеры батальона, ни наблюдатели вблизи не видели. Фашисты хорошо и умело замаскировались.

Ожидание было томительно. В строго согласованное время началась артподготовка, которую перед передним краем 2-го батальона вели всего две 45-мм пушки приданной батарее противотанкового дивизиона бригады, а через несколько минут в небо взвились красные ракеты и солдаты, развернувшись в боевую цепь, пригнувшись, побежали по полю. Не успели они преодолеть и несколько десятков метров, как противник открыл сильный пулеметный огонь из замаскированного и едва заметного дзота, бойницы которого находились практически на уровне земли.

И только сейчас, внимательно присмотревшись, Артюхов увидел

небольшой холмик, покрытый толстым слоем снега, откуда вырывался смертельный огонь. Фашисты уже давно обнаружили наших бойцов, внимательно и напряженно следили за всеми их действиями, ничем себя не выдавая.

Справа и слева, как подкошенные, стали падать на землю бойцы, поливая чистый снег своей кровью. Бежавший рядом с командиром Матросов вместе с остальными сразу же залег и, немного отдышавшись и чуть приподнявшись, обнаружил еще два дзота слева и справа от наступающих. (Глубокое сожаление вызывает то, что о местах расположения этих дзотов знали не только партизаны и командование 54 *осбр*, но и разведчики своей 91-й бригады. И никто не догадался довести эти сведения до старшего лейтенанта Г.С. Артюхова, ни комбриг, ни его начальник штаба, ни начальник разведки бригады, а ведь это была их прямая обязанность. Только на их совести сотни смертей 18–19-летних пацанов, которые шли в лоб на вражеские пулеметы.)

С фронта на д. Чернушка перешел в наступление 4-й батальон, но и его роты залегли под сильным огнем с хорошо укрепленных немецких позиций.

Бойцы передовых подразделений, прикрываясь кустарником, продолжали упорно двигаться вперед, теперь уже перебежками, заставляя фашистов постоянно менять направление стрельбы. Но даже это не позволяло основным силам батальона выполнить боевую задачу вовремя, а лежать на снегу под огнем противника, не имея укрытий, было недопустимо. Роты несли большие потери не только от огня из дзотов, но и подрываясь на его противопехотных минах.

Медленно, но все же двигаясь вперед, правофланговая рота батальона подошла к речке Чернушка, и часть бойцов быстро преодолела ее по льду. До дзотов осталось метров сто. Только один бросок. Но кустарники закончились, впереди чистое поле, покрытое глубоким снегом, каждый клочок которого был хорошо пристрелян, а противник оборонялся стойко. Немцы быстро перебросили в этот район танк и артиллерию. Когда бойцы не двигались, пулеметы молчали, но стоило хоть одному из них пошевелиться, как сразу же в его сторону открывался смертоносный огонь.

Старший лейтенант Артюхов понимал, что обойти дзоты не удастся, так как поляна была пристреляна фашистами, а штурмовать с фронта – значит положить здесь весь оставшийся батальон.

Григорий Сергеевич повернулся к Матросову и послал его вызвать командиров рот, наступающих на флангах батальона. Саша быстро разыскал командира 1-й роты старшего лейтенанта И.С. Донского и 3 *ср* лейтенанта С.Г. Колосова. Начальник штаба батальона приказал им выслать по две штурмовые группы автоматчиков с бронебойщиками и решительной атакой блокировать фланговые дзоты, предупредив, что бой будет нелегким, но выполнить поставленную задачу необходимо. Одновременно через телефониста А.В. Голосова, который не отставал от комбата, он запросил у командования бригады огонь артиллерии по опорному пункту врага.

На подавление огневых точек были высланы штурмовые группы во главе с офицерами и сержантами. Первую возглавил узбек Обит Шарипов, помощник командира взвода 1-й стрелковой роты. Опытный 38-летний старший сержант приказал своим бойцам активными действиями отвлекать фашистов, а сам незаметно подкрался к немецкому дзоту с тыла, уничтожил расчет фашистов из автомата и захватил немецкий пулемет. Быстро развернув мощное оружие врага в немецкий тыл, он открыл огонь по выдвигающемуся к дзоту подразделению фашистов. В этом бою отважный и опытный старший сержант Обит Шарипов был ранен, но и после перевязки остался в строю.

На другом фланге ближе всех к вражескому дзоту оказался взвод автоматчиков под командованием 20-летнего младшего лейтенанта Л.С. Королева, который сам возглавил штурмовую группу. Впоследствии Леонид Семенович вспоминал:

«...Командир батальона приказал мне блокировать один дзот противника. Выделив штурмовую группу, в которую вошли автоматчики, бронебойщики и пулеметчики, я приказал начать атаку дзота. Нам удалось подползти к нему на 50 метров. Открыв по амбразуре сильный огонь, автоматчики атаковали дзот. Через несколько минут с этим было покончено...»

Автоматчики Королева не только уничтожили пулеметный расчет и фашистского офицера, командовавшего обороной в этом районе, но и, развернув грозное оружие врага, открыли огонь по противнику из их же пулемета, не давая возможности фашистам приблизиться и контратаковать.

(Такой же подвиг, но южнее около 1 км у деревни Черное днем раньше, 26 февраля 1943 г., совершил 2-й номер расчета ПТРС 3 *осб*

бригады красноармеец Ярулла Галимов. 33-летний татарин, который на фронте воевал всего четыре месяца, сумел выстрелом из ПТР попасть в небольшую амбразуру дзота противника и поджечь его. А когда горящие фашисты в панике разбежались, захватил пулемет и стал методически уничтожать врага огнем из его же собственного оружия, давая возможность остальным бойцам батальона без потерь продвинуться вперед. Когда бой закончился, то перед вражеским дзотом насчитали более 30 убитых Галимовым фашистов.)

Но самый мощный центральный пулемет из третьего дзота продолжал простреливать всю местность перед деревней. Попытки подавить его огнем артиллерии не увенчались успехом. Замаскированный и зарытый в землю вражеский танк уничтожил два наших орудийных расчета 45-мм противотанковых пушек, которые стали разворачивать свои орудия на опушке леса.

Впоследствии очевидец этого страшного боя за деревню Чернушка Анатолий Григорьевич Артемьев вспоминал, что некоторые «люди... думают, что дзот врага можно было подавить артиллерийским огнем. Я как раз служил в первой батарее наводчиком орудия. Утром мы провели артподготовку. Потом в атаку пошла пехота и сразу вынуждена была залечь. Мы попытались уничтожить дзот орудийным огнем. Но это оказалось трудным делом. На поле лежал глубокий снег. Все же мы на руках выкатили орудие на пригорок, с которого можно поразить фашистский дзот. Но враг заметил нас и открыл огонь из танка. Прямым попаданием снаряда наша пушка была разбита. Другой пушке мешали сосны. Их нужно было спилить. Посылаем двух бойцов – Наумова и Уварова. Они быстро спилили три сосны, но тут же были обстреляны огнем из того же дзота. Саша Наумов погиб, а Уваров едва уцелел. Все же выкатили еще одно орудие, но враг накрыл и его...»

Матросов, помогая командиру, постоянно следил за ходом боя, собирал донесения, передавал приказания, ползал, пробираясь в самые опасные, рискованные места. Он давно сбросил рукавицы и снял каску, которая, постоянно сползая на глаза во время перебежки или переползания, мешала вести наблюдение за полем боя, расстегнул ворот полушубка и, хоть снег постоянно набивался в валенки и таял, не чувствовал холода. Все тело Матросова пылало жаром. Но это было не то, руки сами тянулись к затвору автомата. Быть на поле боя и активно не участвовать в нем было мукой для Александра, который всегда рвался

вперед, не думая об опасности, увлекая товарищей. Вскоре он не выдержал и попросил у Артюхова разрешения сражаться с ненавистными фашистами со своим взводом. Но командир не отпустил.

Бойцы еще несколько раз бросались в атаку и каждый раз вынуждены были залегать в снег, потому что молчавшая до этого огневая точка врага оживала и вела такой яростный огонь, что не только подойти, но и просто приподняться или подобраться к ней скрытно возможности не было. Потери росли, ратное поле уже было усеяно убитыми и ранеными советскими бойцами и командирами.

На глазах у Матросова гибли его товарищи. Перестрелка продолжалась. И с той и с другой стороны не жалели патронов, но смысла в этой ожесточенной стрельбе никакого не было. А время шло.

В этой обстановке даже ничтожная доля секунды могла решить исход дела, а минутное промедление грозило наступающим катастрофой. Артюхов это понимал. Понимал он и другое – немцы не сидят сложа руки в своей засаде, и подкрепление к фашистам скоро прибывает, тогда выполнить поставленную задачу станет намного сложнее. Он послал Матросова за автоматчиками. Приползло шесть добровольцев, из числа бывших курсантов Краснохолмского военного пехотного училища, со взвода младшего лейтенанта Королева. Комбат приказал троим из них подползти ближе к дзоту и из автоматов стрелять по амбразуре.

Когда бойцы поползли, из дзота вновь ударил шквал огня. На глазах у Александра погибли его друзья, тогда старший лейтенант Артюхов отправил вторую тройку, указав двигаться правее от огневой точки врага, но и они не достигли цели. Матросов видел ошибки своих товарищей и их смерть. Отважный боец не мог сдерживать своих эмоций и упросил Артюхова отправить его на уничтожение проклятого дзота. Скрепя сердце тот согласился и, сняв с ремня, отдал Александру гранату. Наблюдавший за этим командир 2-й роты лейтенант Г.С. Гульчак сделал то же, что и комбат.

Не мешкая, Александр вернулся в свой взвод, который находился ближе всех к этому проклятому дзоту, передал младшему лейтенанту Королеву распоряжение Артюхова: «Блокировать второй дзот и выслать к командиру батальона связного», – а сам пополз вперед, выбирая моменты, когда фашистский пулеметчик обстреливал разрывными пулями кусты в противоположной стороне. Все отчетливо

слышали, как эти пули взрываются, ударяясь о сучья. По пути Матросов столкнулся с разведчиками бригады, которые по ложине возвращались после ночного поиска. Быстро уяснив задачу, к Александру примкнул лихой и опытный младший сержант П.А. Огурцов, который хорошо знал Сашу и не раз звал его в разведку, но у того было более «ответственное и высокое» поручение. Их действия прикрывали бойцы взвода Королева, но огонь был недостаточно эффективным, потому что боеприпасы были на исходе, и не все автоматчики успели вовремя перезарядить диски.

Огурцов
Петр Александрович

(Петра Александровича Огурцова призывали на Тихоокеанский флот еще в 1940 г. Он был командиром отделения на торпедном катере, учился в учебном отряде ТОФ, и даже немного послужил на подводной лодке. На фронт старшина второй статьи П.А. Огурцов попал добровольцем в составе 91-й бригады. Вначале его назначили командиром минометного расчета, но после боев под г. Белый Огурцов перешел в разведку. Не раз ходил в тыл врага и приводил «языка», за что был отмечен высокими наградами.)

Вместе они поползли в сторону дзота, но на подступах к нему Петр был ранен, и Александр принял решение уничтожить огневую точку ненавистных фашистов в одиночку. Он упал на бок и, приподнимая автомат, пополз правее погибших товарищей. Затаив дыхание, за ним следили бойцы и командиры всего батальона. До проклятого дзота оставалось не более 30 метров.

Проползая мимо раненого, истекающего кровью друга еще по училищу, автоматчика Копылова, он вдруг повернул к нему свое не по-мальчишески суровое, сосредоточенное лицо и улыбнулся. (Эту подбадривающую товарища улыбку на всю оставшуюся жизнь запомнил Петр Огурцов, потому что хорошо знал, что такое «животный» страх первого боя, который и ему, лихому командиру разведчиков, тоже пришлось пережить в боях под г. Белый. А тут!)

Александр хитрил. В те минуты, когда огонь из пулемета фашисты вели в его сторону, он переставал двигаться и замирал,

распластанный на снегу. И вражеский пулеметчик, принимая его за одного из убитых, не замечал бойца и проходил мимо своей смертельной очередью. Убитых лежало на снегу много – пересчитывать их немцу не приходило в голову. А Матросов, выждав мгновение, полз дальше. Так он подобрался почти вплотную к дзоту.

Прошло уже около пяти часов как батальон залег в снегу под многослойным, губительным огнем, а деревня Чернушка еще оставалась в руках врага. Снова и снова в смертельной близости бил в упор фашистский пулемет. Пути ни назад, ни вперед нет, и каждый, лежащий на снегу, может погибнуть. «Неужели пропадут усилия бойцов и бой примет затяжной, изматывающий характер? В этот момент нужен был беззаветно смелый рывок вперед, нужна была русская удаль, презиращая опасность и смерть, нужен был подвиг. Я решил начать атаку, несмотря ни на что. Но Саша Матросов опередил меня», – вспоминал Леонид Семенович Королев.

Наступил критический момент.

Те, кто с тревогой, затаив дыхание, следили за ним, видели, как Александр подполз к дзоту с фланга и, приподнявшись, с колена одну за другой бросил две гранаты (Огурцов, также наблюдавший за ним, видел, как он бросил одну гранату. Возможно, сдетонировала немецкая мина, так как все отчетливо слышали два разрыва – авт.), которые разорвались у вражеской амбразуры. Пулемет фашистов замолчал. И сразу наступила неожиданная тишина. Но как только бойцы поднялись в атаку, немецкий пулемет снова ожил, сея смерть среди бойцов батальона. Матросов тоже метнулся к дзоту и, когда враг открыл огонь, падая, дал длинную очередь по амбразуре, потом еще несколько раз нажал спусковой крючок автомата, но выстрелов не последовало. В пылу боя Александр не заметил, как расстрелял все патроны, а пулемет фашистов снова бил и бил по залегшим бойцам. Саша искренне не понимал, как он, один из лучших стрелков и гранатометчиков среди курсантов училища, и не попал в амбразуру проклятого фашистского дзота. Молодой боец не учел, что в реальном бою все по-другому, чем на стрельбище или полигоне. Поэтому гранаты не попали точно в амбразуру, а взорвались рядом, не причинив вреда противнику, а попасть в узкую цель из автомата, даже с близкого расстояния после переползания, было сложно и практически невыполнимо. Только случай мог помочь. Но, к сожалению, не в этот раз.

Матросов лежал метрах в шести от полыхавшей огнем амбразуры. Враг его не доставал. Гранат не было. Автоматный диск был пуст. Он не думал о неминуемой смерти, его только до глубины души оскорбляло собственное бессилие перед этими гадами фашистами. Сколько их было в проклятом дзоте, он не знал, да это и не имело для Сашки никакого значения. Дорога была каждая секунда. Еще не осознавая, что он будет делать дальше, ведь назад пути нет, он резким движением сорвал с себя шапку, приподнялся над землей, рывком подбежал к ненавистному дзоту и, не выпуская из руки автомата, бросился левым боком на ствол раскаленного вражеского пулемета, закрыв своим телом амбразуру. Фашисты попытались отдернуть ствол пулемета, но, даже получив смертельное ранение, Саша крепко держал в своей мозолистой руке солдата этот раскаленный, ненавистный ствол, прижимая его всем телом к земле.

За этим броском наблюдали сотни глаз, и не все сразу сообразили, что хочет сделать Матросов, но когда вражеский пулемет умолк, захлебнувшись кровью героя, весь Сашин взвод, как один человек, поднялся и бросился к этому дзоту. Команды не нужно было подавать, потому что бойцам, лежавшим впереди, показалось, что Саша, падая на амбразуру, крикнул: «Вперед!»

Шипица

Валентина Александровна

Мгновенье, и одной из первых с диким криком «За Родину!» метнулась к ослепленному вражескому дзоту медсестра В.А. Шипица, своим порывом поднимая в атаку весь батальон и стреляя на ходу из автомата убитого фашистами красноармейца. За ней бросились остальные бойцы и командиры батальона. Над полем боя прогремело мощное русское «Ура»! Смерть Матросова на их глазах потрясла молодых бойцов, и, презрев свой страх, они рванулись вперед. Остановить их порыв и атаку уже было невозможно.

«Первым к входу дзота подбежал сержант Кузнецов. За ним вбежали бойцы его отделения (Кадышев, Бардабаев и др. — авт.). Безмолвная схватка с ошеломленными фашистами продолжалась не больше минуты. Когда я вошел туда, там валялись среди гильз и пустых лент шесть мертвых немецких солдат и

два пулемета. А там, перед амбразурой, на снегу, покрытом копотью и кровью, лежал Саша Матросов. Последняя пулеметная очередь оборвала его молодую жизнь. Он был мертв, но батальон уже перешел лощину и ворвался в деревню Чернушка. Приказ был выполнен. Саша Матросов пожертвовал собой, чтобы проложить батальону путь к победе...» – вспоминал Леонид Семенович Королев.

В забрызганных кровью телогрейках, придерживая набитые бинтами парусиновые санитарные сумки, на помощь раненым бойцам и лежавшему на амбразуре вражеского дзота Матросову бежали девушки-санинструкторы Валентина Шипица, Варя Воеводина и Елизавета Солнцева. Спотыкаясь и падая в глубокий снег, за ними спешили капитаны Ноздрачев и Коренской, старшие лейтенанты Артюхов и Волков. К дзоту они подбежали почти одновременно.

Перед амбразурой, на снегу, лицом вниз лежал Саша. Он намертво обхватил рукой упершийся в грудь еще горячий от выстрелов ствол вражеского пулемета. На его спине торчали вырванные пулями клочья когда-то белого полушубка.

Дзот, амбразуру которого закрыл своим телом А.Матросов

Командир взвода автоматчиков Л.С. Королев и медсестры приподняли отяжелевшее тело Матросова и, повернув на спину, бережно опустили его на снег, быстро расстегнув пуговицы полушубка. Сердце еще билось и из смертельных ран толчками текла алая кровь. На мгновенье девушкам показалось, что Саша

жив и еще дышит. Валя Шипица, разорвав зубами упаковку перевязочного пакета, пыталась своей ладонью зажать раны, но кровь не останавливалась. Это была уже предсмертная агония. Большие голубые глаза Саши с расширенными зрачками спокойно смотрели в небо. Из уголков губ потекли тоненькие струйки крови, а на груди расплзлось темное кровавое пятно... Постепенно глаза его тухли, превращаясь в темный омут, и казалось, что вокруг его головы светится мерцающий круг... Девушки расплакались.

Стоявшие вокруг офицеры и автоматчики, как по команде, сняли свои шапки, а на суровом лице Артюхова застыли слезы...

А в это время артиллеристы выкатывали на огневую позицию последнее, третье, уцелевшее противотанковое орудие, но «увидели, как наша пехота поднялась и двинулась к деревне. Что произошло, мы не понимали, но только фашистский пулемет не стрелял. Через несколько минут командиры нам сообщили, что какой-то автоматчик бросился на пулемет и закрыл амбразуру своим телом. Все были поражены подвигом отважного воина. Скольким пехотинцам и артиллеристам он спас жизнь! Потом мы узнали имя героя – им был Александр Матросов. Слава ему!» – вспоминал Анатолий Григорьевич Артемьев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ**

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№17251590 *

Фамилия Матросов

Имя и отчество Александр Матвеевич

Год рождения 1924

Время вступления в ВЛКСМ Ноябрь 1946

Наименование организации, выдавший билет Политехника АИЧ

Место для фотокарточки

19 11 1946

Уплата членских взносов за 1947 г.

Месяц	Внесено полн. по рублям	Сумма всего взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Полн. на основании
и записки
прав. секретаря

Но отдать последние почести герою не было ни минуты. Помощник начальника политотдела бригады капитан И.Г. Ноздрачев, встав на колени, закрыл рукой глаза героя, вынул из левого кармана

гимнастерки Матросова все документы и комсомольский билет и, развернув его, написал: «Лег на огневую точку противника и заглушил ее. Проявил героизм». (Этот комсомольский билет хранится в Москве, в Центральном музее Вооруженных Сил России.)

Воодушевленные подвигом своего товарища, бойцы стремительно наступали, и командиры последовали за ними. А на снегу ратного поля, искрящегося под ярким солнцем, перед вражескими дзотами остались лежать десятки окоченевших тел молодых солдат в белых полушубках автоматчиков и серых шинелях пехоты...

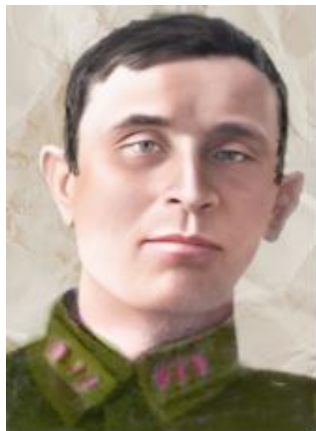
2-й стрелковый батальон выбил фашистов с северной окраины деревни Чернушка и быстро стал обходить вражеские позиции с тыла. Немцы, опасаясь окружения, начали отводить свои подразделения по единственной проселочной дороге к деревне Черное, бросая огневые позиции и оборудованные дзоты. Этим воспользовался 4 *осб* бригады, его роты перешли в атаку, и фашисты были выбиты из деревни. А подразделения 2-го батальона остановить уже было невозможно, они, не останавливаясь, продолжали преследовать врага на юг, вдоль фронта и дороги на деревню Черное. Уже у них в тылу 4-й батальон устремился через лес и болото к д. Плетень, обходя опорный пункт фашистов с фланга. Эту деревню с утра безуспешно пытался освободить батальон 469 *сп* соседней 150 *сд*. Фашистам пришлось снять часть своих войск с переднего края, а также ввести в бой свои резервы. Перейдя в контратаку, они сумели остановить наступление 4 *осб* 91 *осбр*. Но этим воспользовались соседи и к 20-00 час 27 февраля 1943 г. выбили фашистов, овладев д. Плетень и юго-восточной частью д. Царево.

Наступая на деревню Черное с фронта, уже не первый день пытался ее освободить 3-й стрелковый батальон 91-й бригады, а теперь с левого фланга к опорному пункту обороняющихся немцев подошел еще один неумолимо движущийся вперед батальон русских, который «на плечах» отходящего противника ворвался и выбил фашистов из деревни. Врагу пришлось, бросая технику и различное имущество, быстро отойти по дорогам в направлении деревень Ляхново и Бутово.

Боевая задача была выполнена полностью. Но безостановочный почти 4-км бросок полуголодного 2-го стрелкового батальона по тылам фашистов, по бездорожью, измотал все моральные и физические силы бойцов и командиров. Необходимо было сделать

передышку. И старший лейтенант Артюхов, невзирая на окрики командира бригады, который требовал продолжения наступления, отдал приказ остановиться и перейти к обороне. И боевые цепи, как подкошенные, быстро залегли в глубокий снег.

Так, ценой своей жизни Александр Матвеевич Матросов содействовал выполнению боевой задачи не только своего батальона и бригады, но и соседей.

Волков
Петр Ильич

В этот же день на поляне у д. Чернушка 36-летний инструктор политотдела бригады старший лейтенант Петр Ильич Волков, направленный во 2-й батальон, на вырванном из школьной тетради листке написал донесение: «Начальнику политотдела 91-й бригады добровольцев-сибиряков... Нахожусь во втором батальоне. Наступаем... В бою за деревню Чернушки комсомолец Матросов, 1924 года рождения, совершил героический поступок – закрыл амбразуру дзота своим телом, чем и обеспечил продвижение наших стрелков вперед. Чернушки взяты. Наступление продолжается. Подробности доложу по возвращении. Агитатор политотдела ст. лейтенант Волков».

Но доложить не смог, потому что в этот же день 27 февраля 1943 г он и заместитель начальника политотдела 91-й стрелковой бригады капитан Николай Матвеевич Тюгаев были убиты в бою.

Но доложить не смог, потому что в этот же день 27 февраля 1943 г он и заместитель начальника политотдела 91-й стрелковой бригады капитан Николай Матвеевич Тюгаев были убиты в бою.

(Смерть Александра Матросова видели многие его сослуживцы. Они прошли через всю войну и остались живы. Но еще в грозном 1943 г. в своих воспоминаниях, не сговариваясь, они изложили по секундам все происходившее под д. Чернушка. Но, к великому сожалению, в наше время нашлись «специалисты», которые, сидя в кабинете в удобном кресле, «несколько раз закрывали своим телом амбразуру вражеского дзота», пытаясь поставить под сомнение свидетельства очевидцев той жесточайшей человеческой бойни под этой деревней, которая не пережила этого страшного боя и больше не была восстановлена. Пусть они хотя бы найдут дорогу к месту гибели красноармейца, а потом будут рассуждать, возможно или невозможно и каким способом

совершил свой великий подвиг во имя свободы своего народа, во имя Родины девятнадцатилетний детдомовец и «уголовник» Александр Матвеевич Матросов.)

Бой продолжался до вечера.

Отошедший враг занял новые подготовленные позиции, ввел резервы и остановил наше наступление. На некоторых участках фашисты даже пытались контратаковать, но решительными действиями стрелковых рот немцы были остановлены и, понеся потери, отошли в исходное положение. Здесь отличились пулеметчики лейтенанта В.М. Рябцева, автоматчики лейтенанта Г.М. Канделинского, бойцы взвода старшего сержанта Ю.М. Исаева (ставшего после войны в середине 1970-х гг. старшим тренером сборной РСФСР по академической гребле) и мн. др.

Много красноармейцев погибло в этот день, но выжившие, абсолютно все, оставались под впечатлением подвига Александра Матросова и из уст в уста рассказывали о нем бойцам других подразделений бригады. Передав свои позиции подразделениям *3 осб*, поредевшие роты 2-го батальона отошли в ближайший тыл на отдых, где, выставив боевое охранение и наблюдателей, расположились недалеко от переднего края в воронках, окопах соседнего батальона или брошенных немецких укрытиях, а кое-кто прямо на снегу на открытой местности. Весеннее яркое, согревающее теплом солнце садилось за горизонт. Устроившись на пустых снарядных ящиках вокруг небольшого костра, политработники 2-го батальона вели тихую беседу:

– Немцы вылетели из Чернушек, как пробка. Бойцы дрались по-страшному... В общем, когда мы подбежали к дзоту, около Саши были наши медсестры Варя Воеводина и Валя Шипица. Матросов еще дышал, но все было кончено...

Подошел помощник начальника политотдела *91 осбр* по работе среди комсомольцев капитан И.Г. Ноздрачев, который все это время находился во 2-м стрелковом батальоне, и, обращаясь к парторгу капитану Т.И. Коренскому, сказал:

– Тихон Иванович, я попрошу вас сейчас же написать донесение на имя Додатко. А пока мне хочется побеседовать с вашими комсомольцами, товарищ Татарников...

Когда они вместе с Тимофеем Андреевичем отошли, Коренской достал четвертушку бумаги, устроился поудобнее, послунил

химический карандаш и на клочке бумаги, у дымного костра, негнуцимися пальцами стал писать политдонесение заместителю комбрига по политической части подполковнику М.М. Додатко:

«Начальнику политотдела тов. Додатко. Политдонесение.

Доношу, что 27 февраля 1943 года в бою за деревню Чернушка проявил героизм Александр Матросов. Во время атаки на оборону противника мы успеха не имели. Матросов пожертвовал собой, закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, после чего подразделения нашего батальона перешли в атаку и задачу по овладению деревней Чернушка выполнили.

Секретарь партбюро Коренский».

Уже стемнело, когда он и заместитель командира 2-го батальона по политической части капитан В.Н. Климовский отправили с посыльным в политотдел бригады свои донесения с описанием подвига красноармейца Матросова.

(К великому сожалению, в партийных архивах и архивах МО РФ к настоящему времени удалось обнаружить только записку инструктора политотдела бригады старшего лейтенанта П.И. Волкова.)

Наконец-то старшины и горячая пища «догнали» роты 2-го батальона и голодный личный состав начал прием пищи.

Но в это время вдруг совсем рядом ожил замаскированный фашистский дзот, расчет которого не успел убежать за своими отходящими частями и теперь тихо, затаившись, наблюдал за обстановкой. Вначале перетрусившие немцы ожидали, что в их дзот ворвутся русские и всех перестреляют, но потом, придя в себя, поняли, что их никто не обнаружил, и по связи доложили своему командованию, что находятся в тылу у русских. Немецкий командир приказал своему расчету внимательно за всем наблюдать и с началом их контратаки ударить по нашим подразделениям с тыла. В строго установленное время фашистский расчет приступил к выполнению приказа и стал поливать своим смертельным огнем тех бойцов и командиров 2-го батальона, кто поленился спрятаться в укрытие, и кто толпился у походных кухонь за добавкой.

Командир 2-й стрелковой роты, которая наступала в центре боевого порядка батальона, лейтенант Георгий Степанович Гульчак впоследствии вспоминал: «27 февраля немцы отошли от деревни Черное без боя. Подоспели старшины, а с ними кухни, сухари, по сто граммов... Мы с Канделинским и Лукьяновым забрались в воронку от

авиабомбы. Еще, помню, тепло было, солнышко, сняли шинели, пригрелись... Все, конечно, под впечатлением матросовского подвига, то и дело его вспоминали... И вдруг, совсем рядом, в упор забил фашистский пулемет. Из «секрета», по гуще наших людей. Близко от нас слышен стук затвора. Выскакиваем из воронки, Канделинский – к своей роте, но был ранен, мы с Лукьяновым – к пулемету. Несколько шагов, и Миша упал на пулемет, вдавил его в снег... Через секунду набежали автоматчики, расстреляли расчет. А у Лукьянова – вся грудь разворочена. В этой же воронке его и схоронили...»

Вот так за один день красноармеец Матросов у деревни Чернушка и командир взвода автоматчиков 2 *осб* лейтенант Михаил Павлович Лукьянов у деревни Черное Локнянского района Псковской области закрыли своими телами амбразуры вражеских дзотов, заслонив собой от неминуемой смерти своих боевых товарищей.

Михаил Павлович Лукьянов родился в 1919 г. в деревне Красенки Одоевского района Тульской области. В РККА его призвали осенью 1939 г. из Москвы, где к этому времени он жил и работал на заводе. Член ВЛКСМ. В декабре 1942 г. окончил Подольское военное пехотное училище, после чего в звании лейтенанта прибыл на фронт. Был назначен на должность командира взвода в роту автоматчиков 2 *осб* 91 *осбр*, которая после кровопролитных боев за г. Белый была выведена в резерв, где пополнялась и доукомплектовывалась личным составом и вооружением.

Лукьянов
Михаил Павлович

«Мы учились в одном взводе в Подольском училище, вместе прибыли в бригаду, в батальон, прошли Чернушки. Он командовал взводом...» – вспоминал Георгий Степанович Гульчак.

(К сожалению, в истории Великой войны это был не единичный случай, когда боец и его командир таким страшным способом решали боевую задачу, поставленную перед подразделением. Так, еще 14 июля 1942 г. в боях за г. Воронеж красноармеец 2-й роты 1-го батальона 796-го стрелкового полка 141-й стрелковой дивизии 40-й армии

Воронежского фронта рядовой Геннадий Сергеевич Вавилов (1923 г.р.) во время атаки на южной окраине сельскохозяйственного института, когда его рота понесла большие потери и не могла продвинуться вперед, не растерялся и с группой бойцов бесстрашно устремился на вражеские дзоты. Метким огнем из винтовок и автоматов по амбразурам, гранатами смельчаки во главе с Геннадием уничтожили три фашистские огневые точки. Но два пулемета противника, находящиеся в дзоте на железнодорожной насыпи, нанесли нашим подразделениям особенно ощутимый урон. Красноармеец Вавилов подполз вплотную к вражескому дзоту и, поднявшись во весь рост с двумя гранатами в руках, прыгнул в него, взорвав фашистов вместе с собой. Геннадий погиб, но его героический подвиг обеспечил наступление всему батальону. Бойцы, воодушевленные подвигом Вавилова, поднялись в атаку и штыками, и гранатами в рукопашном бою уничтожили еще пять блиндажей и до 100 гитлеровцев. А спустя три дня, 17 июля 1942 г., в том же районе на улице Ленина закрыл грудью амбразуру вражеского дзота и его командир взвода лейтенант Михаил Кузьмич Бовкун (1918 г.р.). Оба впоследствии были посмертно награждены орденом Ленина.

Воронеж стал первым и остался единственным городом в истории Великой Отечественной войны, на улицах которого был трижды совершен столь выдающийся подвиг, предвосхитивший подвиг Александра Матросова.)

В этот день под маленькой точкой на карте, в нескольких десятках километров севернее Великих Лук, «Богом забытой» деревеньке, среди болот локнянской глуши, каких на Псковщине были тысячи, и освобождение которой не имело никакого тактического, тем более оперативного или стратегического значения, только 2-й стрелковый батальон 91 *осбр* потерял убитыми и ранеными 335 человек. Половину личного состава. Много легкораненых бойцов и командиров после перевязки остались в строю. Ранены были и исполняющие обязанности командира батальона старший лейтенант Г.С. Артюхов и командира роты автоматчиков лейтенант Г.М. Канделинский, но в медсанроту не ушли. Не дождался медсестер и умер, истекая кровью, автоматчик С.П. Копылов, которого похоронили здесь же на поле под д. Чернушка в старом окопе. Многие матери, жены и невесты после этого боя не дождались своих сыновей и любимых, тех кто сложил свои молодые

головы под никому до этого времени неизвестной деревней, от которой только и остались две баньки да печные трубы сожженных стареньких избушек. Чернушка стала последним населенным пунктом, который в ходе наступления освободила 91 *осбр*. Остальные батальоны бригады в этот день имели незначительные потери, тем более что 1 *осб* и батальон автоматчиков находились в резерве.

Петру Огурцову повезло больше.

«И тут меня ранило – от Сашки метров за десять. Саша бросился на амбразуру. Пулемет замолчал. Ну, ребята поднялись в рост – и вперед. Меня оттащили, перевязали и утром отправили в госпиталь в Москву», – вспоминал через много лет Петр Александрович Огурцов.

Вылечившись, он вернулся обратно в свое соединение, которое к этому времени уже стало гвардейским. Ему присвоили очередное звание сержант и поставили командовать взводом дивизионной разведки. Петр Александрович не раз сам и со своим взводом выполнял опасные задания командования в тылу врага, рискуя своей жизнью и жизнью своих подчиненных. Был награжден орденом и медалями. Но в сентябре 1944 г. под Ригой сержант Огурцов был тяжело ранен осколком в затылок. После лечения его признали инвалидом 2-й группы. Вернулся Петр Александрович в свой родной Балаковский район Саратовской области и до конца жизни проработал в сельском хозяйстве: вначале председателем сельсовета, а потом управляющим отделения и бригадиром в разных совхозах своего района. И «на гражданке» он оставался бойцом и за свой усердный труд часто поощрялся, в том числе и высокими правительственными наградами.

Всю свою жизнь Петр Александрович с горечью вспоминал бои по г. Белый и под д. Чернушка, обвиняя командиров в бессмысленных потерях. Лишь поэтому в летописи бессмертного подвига его младшего побратима, такого же лихого гармониста, как и он сам, в советские годы его фамилия как очевидца тех событий никогда не упоминалась, хотя 27 февраля 1943 г. в боях под д. Чернушка ближе его к красноармейцу Матросову не было никого.

Смерть Александра Матросова на его глазах настолько потрясла родственную, «матросовскую» душу Петра Александровича, которая кипела от обиды и ненависти к «отцам-командирам» за то, что отправили на верную смерть молодых солдат, положив перед этим «стоклятым» дзотом их невинные души. Ведь по его

глубокому убеждению, уничтожить эти дзоты у деревни Чернушка могли сами разведчики бригады, возвращаясь с задания, спокойно и без потерь, подобравшись к ним с тыла. Они знали о их расположении, но приказа не было, поэтому обошли немецкие дзоты по ложине и только тогда слышали, как в атаку пошла наша советская пехота.

Разведчик Огурцов знал, что такое «животный» страх первого боя, а тут мальчишка, даже не думая об этом, в едином порыве пожертвовал собой ради жизни своих товарищей. Находясь в том бою ближе всех к Саше Матросову, он видел все его действия и в тот момент никак не ожидал от него такого поступка самопожертвования, такой воли и пренебрежения к смерти, какого не было и у него, отважного разведчика, в своем первом бою.

Через всю свою долгую жизнь пронес Петр Александрович эту боль и всегда в сердцах рассказывал интересующимся журналистам о подвиге своего «младшего братишки», каким считал по духу Александра Матросова, с которым познакомился еще в районе станции Земцы, а потом пересекался на привалах, когда тот с нескрываемым любопытством, не перебивая, слушал его эмоциональные рассказы о боях под г. Белый и в окружении. Он не мог простить ни себе, ни командирам, которые послали его на верную смерть за то, что не согласовали действия разведчиков бригады и пехотных рот 2-го батальона. И отчасти он был прав.

Имея взрывной, неугомонный характер и обостренное чувство справедливости, он не раз находился на грани отправки в штрафбат за несогласие с бестолковыми распоряжениями отдельных командиров и начальников. После этого боя Петр Огурцов всегда отстаивал свою точку зрения и никогда не посылал своих бойцов на верную смерть, а шел выполнять задания по разведке сам и только с проверенными, опытными разведчиками-добровольцами, за что снискал глубокое уважение своих сослуживцев.

Он убежденно считал, что, посылая своих бойцов на верную смерть, надо самому идти впереди на вражеские пулеметы, только тогда научишься думать и ценить человеческие жизни своих подчиненных и предусматривать еще до начала боя, а не во время атаки, все варианты развития событий.

(Сколько раз во время службы и я, как автор, убеждался в этом,

когда на учениях с боевой стрельбой, особенно в сложных погодных условиях: в дождь и снег, мороз и жару, в сильный встречный ветер, когда снег и песок забивает глаза и рот, а выполнять поставленную боевую задачу надо, пехотные офицеры, в нарушение требований Боевого устава, бежали в этой цепи вместе с бойцами, обливаясь потом и до хрипоты отдавая различные команды, потому что не было связи с командирами крайних взводов и отделений из-за отсутствия так необходимых в бою радиостанций. И это притом, что атаковать передний край обороны «противника» необходимо в развернутой цепи, одновременно бросить боевую гранату (а это две стрелковые роты на фронте более 1 км) и так, чтобы никто не был ранен или погиб в мирное время. И все это без огневого воздействия противника и в идеальных условиях полигона. Только тогда начинаешь понимать суровую службу пехоты и ее настоящих командиров.)

И в мирной жизни, как и на войне, Петр Александрович Огурцов постоянно конфликтовал с начальством и упорно отстаивал свою, как ему казалось, самую правильную точку зрения.

(И тот «слезливый, больной и немощный старик», каким представил его на страницах своей книги «Откуда ты родом, Матросов?» Р.Х. Насыров, в жизни был совсем другим. Глаза его горели, а в жилах вскипала кровь, когда он вспоминал свои молодые военные годы и рассказывал о них благодарным слушателям и журналистам, прекрасно понимая, что Божий суд все равно выше всех земных и за ним будет последний приговор...)

Уже вечером, когда наступило затишье, комбат старший лейтенант Г.С. Артюхов напомнил командиру роты автоматчиков лейтенанту Г.М. Канделинскому, чтобы тот не забыл достойно похоронить оставшегося лежать у вражеского дзота Александра Матросова. Георгий Михайлович тут же вызвал младшего лейтенанта Л.С. Королева и приказал послать двух бойцов, предать земле тело героя где-нибудь на возвышенности у дороги в отдельной могиле, чтобы потом можно было подойти к ней и отдать последние почести. Эта задача была поручена командиру отделения автоматчиков младшему сержанту Токареву. Одногодка, спокойный и уравновешенный, он знал Матросова еще с Уфы, служил вместе с ним в 5-й роте Краснохолмского военного пехотного училища, но шумной и веселой компании его друзей сторонился. И его, «тихоню», старались лишний раз не задирать. Судьба так

распорядилась, что и в 91-й бригаде они попали в один батальон, в одну роту, да еще и в один взвод автоматчиков, в котором Токарева, как старшего по званию, назначили командиром отделения...

Выполняя приказ командира взвода, младший сержант взял с собой еще двух автоматчиков своего отделения и по дороге, на которой лежали еще неостывшие тела погибших советских воинов, вернулся обратно. Возле этого проклятого дзота они остановились, сняли свои шапки и несколько минут стояли молча, мысленно прощаясь и отдавая свои почести герою. Затем, сняв полушубок, Александра Матросова аккуратно завернули в плащ-палатку, перенесли больше чем на 1 км на восток от места гибели на опушку леса у северо-восточной окраины д. Чернушка и похоронили в 75 м западнее от дороги на хутор Тропов Бор.

В этот день над могилой героя никто не говорил пламенных речей и похороны Александра Матросова прошли просто и тихо, и если бы в суматохе этого бешеного и горького дня о нем бы не вспомнили, то похоронная команда бригады похоронила бы его рядом с дзотом в братской могиле с остальными погибшими воинами или в какой-нибудь воронке, как лейтенанта Лукьянова...

(В ходе изучения огромного материала воспоминаний об Александре Матросове, я довольно часто встречал статьи в различных газетах, журналах, книгах памяти, особенно начиная с 1960-1970 гг., однопольчан героя – участников и свидетелей его подвига. Но, как потом выяснялось, подавляющее большинство из них и рядом не находилось у деревни Чернушка 27 февраля 1943 г., потому что служили они, в лучшем случае, в других батальонах и подразделениях 91-й бригады штабными или политработниками, артиллеристами или тыловиками и о подвиге Матросова знали лишь в пересказах очевидцев или из статей во фронтовых газетах, а остальное додумывали сами. Но были и другие, так называемые однофамильцы, которых вначале выискивали любознательные пионеры, затем их «воспоминания» подхватывали, жаждущие сенсаций, местечковые журналисты, а уж потом, как свершившийся факт, их размышления о подвиге героя начинали цитировать писатели разных мастей. И чем больше проходило времени от этого исторического события, тем большими подробностями их воспоминания обрастали. Это относится к многим «свидетелям», которые по своей воле или по воле досужих журналистов невольно стали

образцом для подражания советской молодежи. На страницах газет и журналов долгое время перепечатывали воспоминания Ивана Сергеевича Токарева, который, с его слов, служил вместе с Александром Матросовым, воевал и участвовал в его похоронах. Но он ни разу не упомянул ни одной фамилии командиров роты автоматчиков 2-го батальона, поэтому я, как автор, изначально относился к его воспоминаниям осторожно. Тем более что в именных списках 91 *осбр*, которые совсем недавно разместило на своем сайте МО РФ, действительно значится сержант Токарев, но не Иван Сергеевич, а Борис Алексеевич, уроженец Башкирии и одноклассник Александра Матросова, который через несколько дней после боя под д. Чернушка был ранен и до 22 марта 1943 г. находился в госпитале. Так же надо сказать и о «воспоминаниях» автоматчика Копылова, не забывая о том, что красноармеец Копылов С.П. погиб в этом бою (об этом есть запись в именном списке безвозвратных потерь 2-го батальона 91 *осбр*, где под № 10 значится красноармеец А.М. Матросов, под № 93 – старший сержант Обит Шарипов, под № 206 – лейтенант М.П. Лукьянов и под № 6 - красноармеец Копылов С.П.), а боец Копылов С.А., которого нет в именных списках бригады, «чудесным образом» выжил. Да и комсорг 3 *осб* Яков Степанович Брякин, который впоследствии вспоминал, что «в том бою я был ранен в ногу, но с поля боя не ушел, поэтому я все видел», не мог ничего видеть, так как в это время находился со своим батальоном далеко от этого дзота, у д. Черное. Также некоторые исследователи жизни и подвига Александра Матросова, и прежде всего Н.А. Дубовик, сомневаются в правдивости воспоминаний и П.А. Огурцова, но об этом уже судить Вам, мой дорогой читатель. Уверен, что будущие исследователи подвига легендарного красноармейца разберутся в этих событиях лучше, чем я – автор этой книги.

Единственный настоящий свидетель и участник этого боя от начала и до конца – командир 2-й стрелковой роты легендарного батальона лейтенант Георгий Степанович Гульчак всегда честно и откровенно говорил, что он не видел, как Александр Матросов закрыл собой амбразуру немецкого дзота, потому что «мы двигались вперед, пока не получили команду закрепиться на берегу (р. Чернушка – авт.).... И только потом, из тыла, кто-то прибежал: «Идите, там Матросов лежит на дзоте!»)

Последние атаки Сталинского корпуса

Еще вечером прошедшего дня, накануне календарной весны в последний зимний день 28 февраля 1943 г., противник, перегруппировавшись, выбил наши подразделения из деревень Царево и Плетень, а ночной атакой – и из д. Черное, но дальше наступать не стал, так как понес большие потери в живой силе, прежде всего, от огня советской артиллерии. 4-й батальон 91 *осбр* перешел к обороне на западной окраине д. Чернушка, а в его тылу, во втором эшелоне, подполковник Урусов приказал занять оборону 2-му батальону бригады.

Ночью, вернувшись практически в исходное положение, старший лейтенант Артюхов определил рубежи занятия обороны своим ротам, которые проходили восточнее деревни в 0,5-1 км по опушке леса, и командиры рот, выставив боевое охранение, приступили к инженерному оборудованию новых позиций.

Деревня Чернушка к утру 28 февраля 1943 г. осталась единственным населенным пунктом, который враг не смог отвоевать обратно и полностью восстановить утраченное положение. Но то, что он будет к этому стремиться, понимали в штабе бригады, поэтому и усилили это направление. И не ошиблись. Уж очень шаблонно действовал противник.

Атаки фашистов начались рано утром. Роты 4-го батальона под командованием старшего лейтенанта В.А. Швецова упорно обороняли отвоеванные позиции и не отступили ни на шаг, нанося при этом невосполнимые потери уже подошедшим резервам фашистов из состава 1-го батальона 418 *пт* 123 *нд*, поэтому к обеду противодействие на этом направлении переросло только в артиллерийскую дуэль.

Уже ближе к вечеру 28 февраля 1943 г., когда были завершены все работы по инженерному оборудованию огневых позиций, оставив за себя исполняющим обязанности комбата старшего лейтенанта Донского, Григорий Сергеевич вместе с замполитом и автоматчиками батальона отправился к могиле своего ординарца-героя. По ходу движения Сашины друзья стали собирать разбросанные по полю каски и, когда подошли к месту захоронения Матросова, то обложили могилу девятнадцатью касками, ведь многие помнили, что 23 дня назад Александру исполнилось 19 лет. Заботливые руки девушек-санинструкторов украсили свежий холмик еловыми ветками, а батальонные умельцы соорудили небольшой деревянный

обелиск с красной звездой и сделали оградку из кольев и ровных жердей, сре-
занных в лесу. Вскоре к ним подошел и
заместитель комбрига майор Прокопий
Прохорович Тарабаев, единственный из
состава командования 91 *осбр*, который
постоянно, и днем, и ночью, находился
вместе с батальонами и лучше всех знал
тактическую обстановку на переднем
крае своей бригады.

Вначале все молча стояли, вспоминая
прошедшие события и подвиг своего то-
варища. Первым, сняв шапку, выступил
капитан В.Н. Климовский, а потом Са-
шины друзья, которые вспоминали Мат-
росова, его поступки, его помощь товарищам в трудные минуты, его
поддержку. И каждый непременно клялся на могиле героя ото-
мстить проклятым фашистам за смерть друга и выполнить его мечту
– добить кровавого зверя в его логове, в Берлине.

Прозвучал прощальный салют...

В течение оставшегося дня, с разрешения командования, к месту по-
ребения Александра Матросова приходили бойцы и командиры других
подразделений батальона, которые знали Сашу и видели его подвиг...

По всем признакам в районе наступления стрелкового корпуса
наступала ранняя весна 1943 г. Даже фашисты в своих журналах, что-
бы хоть как-то оправдать большие потери, отмечали, что усложни-
лись вопросы снабжения войск, особенно на правом фланге, где ши-
роким фронтом пыталась наступать 91-я стрелковая бригада и два
полка 150 *сд* сибиряков, потому что местность стала непроходимой.
«...Оттепель последних нескольких дней затруднила снабжение войск
промокшими тропами, ручьями и многочисленными водоемами...»,
но тем не менее «...мягкая погода позволила войскам развернуться и ос-
таваться на открытом воздухе без специального (теплого – авт.) обмун-
дирования. Части, которые использовались в лесу, могли даже оставаться
в групповых палатках на ночь...», а вот подразделениям, обороняющимся
в чистом поле, приходилось труднее, потому что они «...едва могли
сесть в своих окопах и ямах» и других укрытиях, так как те постоянно

Тарабаев
Прокопий Прохорович

наполнялись талой водой, и фашисты «горевали», что нигде на переднем крае не было места для просушки своей обуви и обмундирования.

(Изучив большое количество журналов и других боевых документов периода Великой Отечественной войны, я ни разу не встречал, чтобы наши командиры и политработники списывали свои неудачи на фронте на капризы погоды, а ведь советские войны находились в не менее трудных условиях, особенно в низинной, заболоченной местности Псковщины в районе наступления 6-го Сталинского стрелкового корпуса. К тому же в этот период их никто даже не собирался переодевать с валенок, в которых постоянно хлюпала вода, в сапоги, с полшубков, которые, намокая, становились неподъемной ношей на плечах автоматчиков, в шинели, тем более никогда, ни в каких воспоминаниях и мемуарах я не встречал даже упоминаний о каких-то палатках обогрева на переднем крае. Но и бойцы, обутые в сапоги, не могли похвастаться, что их ноги были в сухости и тепле, потому что и они не спасали от талой воды, которая постоянно стояла в окопах и укрытиях. Во многих низинных местах стали подниматься еще и грунтовые воды, так что отрыть окоп полного профиля не представлялось возможным. Приходилось довольствоваться только окопами для стрельбы лежа, находясь в постоянной грязи оттаивающего грунта.)

Линия фронта постепенно начала стабилизироваться. Только один человек из всего сибирского корпуса не оставлял возможности разгромить противника и выполнить боевую задачу. Это был командир 150 *сд* полковник Н.О. Гузь.

Еще вечером он отдал боевой приказ своим частям о продолжении наступления, но теперь уже на левом фланге. Для этих целей 856 *сп* переходил к обороне на широком фронте от деревни Малая Нагова до изгиба р. Локня в 1,5 км юго-западнее села Касавицы с задачей: не допустить контратак противника во фланг главным силам дивизии, которые с утра после мощной огневой подготовки силами 674 *сп* должны были полностью овладеть д. Царево и селом Шерово на правом берегу р. Локня и обеспечить ввод в бой подразделения 469 *сп*. (К этому времени Николай Олимпиевич сумел собрать этот полк в единое целое, и ему предстояло решить главную боевую задачу не только дивизии, но и корпуса.)

Командиру 469-го стрелкового полка для наступления придавались не только мощные подразделения корпусной артиллерии, но

и две батареи реактивных минометов БМ-13, легендарных «Катюш», которые должны были уже в 7-00 час 28 февраля 1943 г. нанести огневое поражение противнику, обороняющемуся в д. Плетень, а стрелковые батальоны – вновь овладеть этой деревней. В дальнейшем, безостановочно наступая вдоль дороги по правому берегу р. Смердель, полк должен был атаковать противника в деревнях Ушаково и Перевоз и во взаимодействии с 91 *осбр* нанести удар в направлении д. Медведки с целью окружения противника в районе Медведки, Сидибки, Чулинино, Брутово.

В этот день впервые с начала Холм-Локнянской наступательной операции было организовано взаимодействие с псковскими партизанами, которые должны были нанести поражение фашистам с тыла и содействовать нашим частям в освобождении деревень Перевоз и Медведки.

Полковник Н.О. Гузь предусмотрел все варианты действия противника и выдвинул подразделения приданной 81 *тбр* и свой пульбат со сводной ротой химзащиты для отражения контратак врага с угрожаемых направлений.

Одновременно командир 91 *осбр* подполковник А.Я. Урусов получил боевой приказ комкора-6: прорвать оборону врага на участке Чулинино, Брутово и главными силами бригады наступать навстречу 469 *сп* 150 *сд* в направлении Чулинино, Грихново, Медведки. 44-я отдельная лыжная бригада должна была частью сил с началом наступления 91 *осбр* прикрыть ее левый фланг от возможных контратак противника со стороны деревень Сидибки и Баistroва.

Но, к сожалению, реальные события, произошедшие в этот день, не изменили тактической обстановки в полосе наступления Сталинского корпуса. И, прежде всего, потому, что в который раз подвела приданная артиллерия, которая вовремя не заняла огневые позиции, не подготовила данные для стрельбы и не подвезла боеприпасы. Уже утром, особым боевым распоряжением комкора, начало наступления бригады и дивизии было отложено до 12-00 часов. Противник быстро обнаружил перемещение большого количества войск на угрожаемое направление и принял свои контрмеры. Поэтому, когда советские батальоны в полдень после мощной огневой подготовки перешли в наступление, их атаки были отбиты, а наметившийся прорыв в районе д. Царево быстро ликвидирован, хотя при этом фашисты понесли большие потери, о чем записали в своем журнале. Попытка 674 *сп*

взять село Шерово, также провалилась, так как в этом районе немцы подготовили мощные огневые засады из всех видов оружия. Противник не только понимал, но и на себе испытал возросшую мощь советской артиллерии, которая уже превосходила немецкую и даже стремилась подавить их артиллерийские батареи на огневых позициях, но боевое подкрепление, прибывшее накануне в этот район, позволило фашистам закрыть образовавшиеся бреши в своих боевых порядках. Наши войска вновь понесли неоправданные потери и отошли.

Практически одновременно с полками 150 *сд* в атаку перешли и два батальона 91 *осбр* (1-й и 3-й) на деревни Бутово и Чулинино, но также не смогли прорвать оборону фашистов и отошли на исходные рубежи. Но в самом плохом положении оказались локнянские партизаны. Их командованию, по неизвестным причинам, так и не довели, что время совместной атаки перенесено с утра на 12-00 часов, поэтому народные мстители рано утром 28 февраля 1943 г. успешно атаковали немецкие гарнизоны в деревнях Перевоз и Медведки, захватили и удерживали до вечера самые важные объекты и узлы дорог, но так и не дождались подхода частей «доблестной» Красной Армии. Только небольшая часть советских партизан под покровом ночи смогла выбраться из этой ловушки, многие погибли смертью храбрых, а восьмерых раненых, захваченных в плен, фашисты повесили на деревьях и столбах в центре этих деревень.

Отражая в течение светового дня атаки партизан, фашисты действовали в этом свои небольшие гарнизоны, которые оборонялись против 44 *олбр*, чем «лыжники» не замедлили воспользоваться и без боя заняли деревни Кондакова и Бастрова. Разведотряд этой бригады даже вошел в деревни Юхнов Луг и Сидибки, а передовой взвод подошел к противнику с тыла на подступах к д. Медведки. Но фашисты быстро среагировали и нанесли разведчикам поражение. Часть бойцов бригады попала в фашистский плен.

28 февраля 1943 г. советские атаки продолжались и на других участках фронта. Так, на северном направлении 1-й батальон 54 *осбр* ночью сумел прорвать фронт обороняющихся фашистов в устье р. Ловать у деревни Елдыгина шириной до 150 м, но утром немцы, подтянув резервы, отбили атаку советских войск и закрыли брешь. В результате как фашисты, так и наша бригада понесли потери в личном составе, но линия фронта осталась без изменений.

Одновременно 74 *осбр*, силами своих стрелковых рот, заняла участок обороны 856 *сп* 150 *сд* в районе д. Малая Нагова и выбила немцев с их обороняемого рубежа. В образовавшуюся в боевом порядке фашистов брешь между 1 *пб* 270 *пп* майора Хуббе и 12-м велосипедным батальоном, лишь потому что те за прошедшие сутки так и не сумели обеспечить взаимодействие друг с другом (и это несмотря на строгие указания полковника Лоурика), прорвался штурмовой отряд 4-го стрелкового батальона 74-й бригады и вошел в лес у д. Козлова, где несколько дней назад сражались и погибали смертью храбрых разведчики их бригады. Здесь советский штурмовой отряд столкнулся с 3-й ротой 865-го охранного полка СС. Внезапной атакой из засады бойцы отряда нанесли большие потери эсэсовцам, захватили их обоз и пять артиллерийских орудий. Остатки перепуганной эсэсовской роты разбежались по лесу и только под вечер сумели пробиться к своим главным силам. Фашисты были озадачены появлением в их тылу «крупного» боевого подразделения русских и выслали разведку из состава 218-й ягдкоманды, которая несколько часов прочесывала лес у деревни, но никого не обнаружила. В это время наш штурмовой отряд, подорвав немецкие пушки и уничтожив обоз, который невозможно было протащить через лес, отошел назад и занял оборону в другом лесу, западнее д. Рожнова.

3-й батальон 46 *осбр* безуспешно, в который раз, пытался атаковать Осипово Село, но в этом районе уже развернулись и заняли свои позиции боевые подразделения 12-й пехотной дивизии немцев. А вот в полосе действий 1-го и 2-го батальонов этой бригады в районе хутора Леготь в этот день беспрепятственно действовала разведка 113-го охранного полка СС, углубившись в нашу оборону до 1 км и не встретив никакого сопротивления.

Резервы к противнику все подходили и подходили, особенно противотанковые и зенитные подразделения, которые не могли усилить оборону пехотных подразделений, потому что у русских не было такого огромного количества танков, да и советская авиация никак не проявляла себя в этом районе боевых действий. Эти части размещали в тылу в готовности к действиям в «качестве мобильного резерва на случай чрезвычайных ситуаций», но у них не было своих подразделений тылового обеспечения. Их надо было кормить и вооружать. Полевых кухонь и транспортных средств явно не хва-

тало, да и вооружены эти подразделения были разными системами. Вначале это создало трудности для отдела снабжения 93 пд, но в ближайшем тылу «хранилось большое количество запасов продуктов» и различных боеприпасов, поэтому немецкие тыловики в течение короткого времени быстро справились со всеми задачами всестороннего обеспечения своих войск и нашли необходимое количество транспортных средств для доставки всего необходимого на линию фронта. Мешали только бездорожье и непроходимые болота.

А вот пехоты у фашистов явно не хватало, тем более она несла ощутимые потери. Поэтому немцам пришлось в полной мере использовать предателей-шущманов. Первым в район боевых действий у Осипова Села прибыл 267-й латышский полицейско-добровольческий батальон, который был вооружен трофейным (советским –авт.) оружием, но боеприпасов к нему не было. К тому же уровень боевой подготовки шущманов никак не мог удовлетворить немецкое командование, да и латышские офицеры не говорили по-немецки, «от слова “совсем”». Поэтому было принято решение использовать этот батальон поротно на самых опасных направлениях в первом эшелоне, а на небольшом удалении в их тылу заняли оборону подразделения 89-го гренадерского полка немцев. Это было сделано с расчетом, что если русские разгромят передовые позиции, то прорвать оборону фашистов не смогут, а сколько при этом погибнет латышей, их не волновало, и, если с задачей не смогла справиться одна рота шущманов, на ее место тут же выдвигалась следующая.

К исходу 28 февраля 1943 г. 12-я пехотная дивизия вермахта полностью заняла оборону перед фронтом наступления наших 46-й и 74-й стрелковых бригад, и ночь на ее участке «прошла без осложнений». 40-км полосу обороны перед сибиряками теперь занимали три полнокровные пехотные дивизии вермахта, поэтому выполнение первоначальной задачи соединениями оперативной группы Калининского фронта становилось практически невозможным.

И лишь освобождение двух советских деревень на самом южном левом фланге полосы наступления Сталинского корпуса явилось единственным достижением этого дня, и то только потому, что фашисты без боя оставили их, никак не ожидая такой «наглости» от советской лыжной бригады, которая в последние дни февраля 1943 г. в освободительных боях 6-го корпуса никакого участия не принимала.

А подполковник Урусов с завидным упорством все докладывал в штаб фронта, что его 91 *осбр* все-таки «овладела д. Плетень и с 13-00 продолжала бой за Черное, стремясь обойти противника с юго-запада», но при этом «противник оказывает упорное сопротивление».

Точно так же, как и командир 91-й бригады, действовала и наша авиация, которая из-за плохой погоды боевой и разведывательной деятельности не вела, хотя эта же погода не помешала фашистским летчикам бомбить боевые порядки наших наступающих частей, и прежде всего подразделения 150 *сд*. Чистенькие и ухоженные советские асы который уж день отдыхали в натопленных деревенских избах и добротных блиндажах далеко от линии фронта, так и не научившись к исходу второго года войны прицельно бомбить с пикирования и четко взаимодействовать с пехотой, которая в это время мерзла и погибала в снегу, воде и грязи локнянских болот.

В непрерывных боях прошедших пяти февральских дней советским войскам прорвать оборону врага так и не удалось. Боевая задача, поставленная командованием Калининского фронта 6-му стрелковому корпусу, выполнена не была. 150 *сд* и бригады понесли большие потери и вынуждены были перейти к обороне на всем фронте.

За эти дни только потери 91 *осбр* составили 1 760 человек, из них убитыми 536 командиров и бойцов. Самым кровопролитным днем стал 27 февраля 1943 г., когда бригада потеряла 1 327 человек, из них убитыми 411 военнослужащих. Без учета раненых, умерших в санротах, госпиталях и пропавших без вести 2-й «матросовский» батальон потерял убитыми 216 бойцов и командиров. Притом что в именном списке безвозвратных потерь 2 *осб* 91 *осбр* нет ни одной фамилии красноармейца, погибшего 24-25 февраля 1943 г., а ведь они должны были стать первыми и их фамилии пропустить было просто невозможно. (Я, как автор, специально хочу обратить внимание тех современных исследователей подвига А.М. Матросова, которые до сих пор утверждают, что он погиб 25 февраля 1943 г., да еще и под деревней Плетень.)

Об ожесточенности боевых действий на предделе всех физических и моральных сил красноречиво говорит и тот факт, что 26 февраля 1943 г. советскими бойцами были взяты в плен вместе с офицером 31 солдат противника, но при сопровождении их в тыл красноармейцы по дороге расстреляли 14 пленных фашистов.

Ильяшенко
Матвей Васильевич

28 февраля 1943 г. начальник политотдела бригады майор М.В. Ильяшенко в своем «Политдонесении о боевых действиях и партийно-политической работе по обеспечению их» за 27-28 февраля 1943 г., которое он отправил шифрограммой № 028243 на имя начальника политотдела 6 ск полковника И.П. Хмытьева и заместителя начальника политуправления Калининского фронта полковника М.Г. Гуревича, доложил не только о результатах упорных боев и освобожденных населенных пунктах, но также о потерях и о наиболее отличившихся военнослужащих: командире стрелкового взвода 3 *осб* лейтенанте Г.А. Дружбине, старшине 3 *осб* Вовине, помощнике командира взвода 2 *осб* старшем сержанте Шарипове – описав их героические действия в наступлении. Особенно он обратил внимание руководства политотдела и управления на то, что «исключительное мужество и героизм проявил красноармеец батальона комсомолец Матросов. Противник из дзота открыл сильный пулеметный огонь и не давал продвинуться нашей пехоте. Тов. Матросов получил приказ уничтожить укрепленную точку противника. Презирая смерть, он закрыл амбразуру дзота своим телом. Пулемет врага замолчал, пехота пошла вперед, и дзот был занят. Тов. Матросов погиб смертью храбрых за Советскую Родину». Не забыл майор Ильященко указать в своем политдонесении и на виновных (ведь он прекрасно понимал, что боевая задача, поставленная бригаде, не выполнена), и прежде всего во всех бедах он обвинил плохую связь, разведку, взаимодействие и управление войсками, особо подчеркнув, что работа штаба бригады была «неудовлетворительной», отсутствовала оперативность, «не обеспечено проведение в жизнь решений командира».

Но к этому времени руководство Калининским фронтом уже знало о всех негативных сторонах действий командования бригад, подчиненных 6-му стрелковому корпусу, потому что в их штабах с началом наступления постоянно находились офицеры фронтового звена, и уже назначило виновных в провале наступления на Локню и

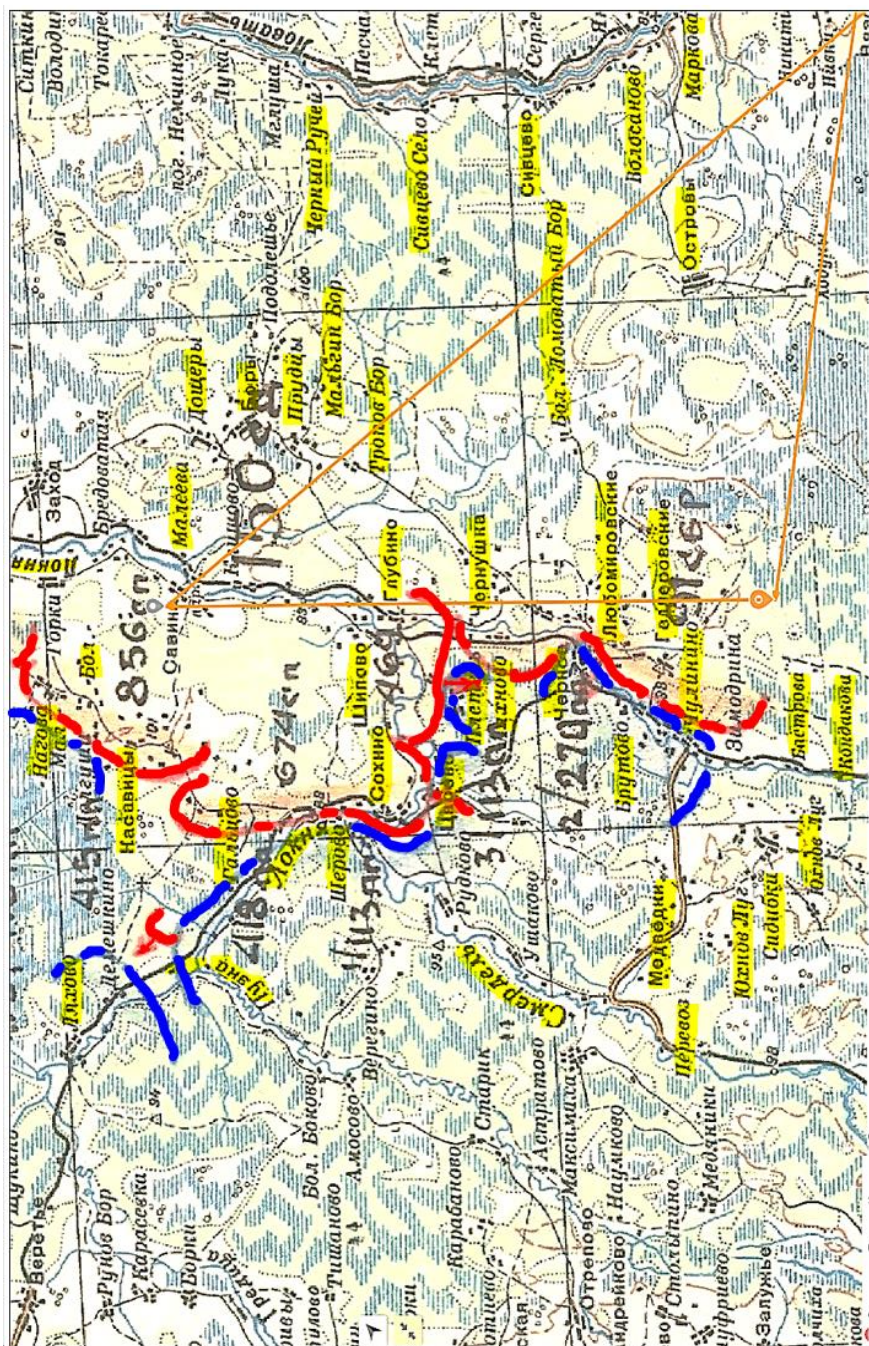
окружения Холмской группировки войск противника...

Первый день весны 1943 г. не принес корпусу сибиряков положительных результатов по всей линии фронта. В течение всего дня под прикрытием 4-часового методического артиллерийского огня на разрушение (наконец-то, не прошло и недели, как «бог войны» окончательно вышел в указанные районы, занял свои огневые позиции и подвез боеприпасы) бригады и полки корпуса совершали перегруппировку своих сил и средств, а во второй половине дня попытались атаковать обороняющегося противника. Но безрезультатно. Хотя в штаб фронта командир 46 *осбр* подполковник Г.И. Секарев доложил, что его бригада «совместными действиями с 74 *сбр* к 13-30 овладела Осипово Село, за исключением отдельных домов на сев. окраине. Бой, за очищение которых от противника, продолжается». Единственным положительным итогом многочасового артиллерийского огня советской артиллерии стало то, что на своем командном пункте в Осиповом Селе от осколка советского снаряда бесславно закончил свою жизнь командир немецкого 113-го полка СС полковник Краут. Но подполковник Секарев об этом не знал.

В этот день все батальоны 91 *осбр* вновь атаковали: 2 *осб* – д. Плеть, 4 *осб* – д. Ляхново, 3 *осб* – д. Черное и 1 *осб* – деревни Чулинино и Брутово, в резерве остался лишь батальон автоматчиков, но фашисты умело отразили наступление советских рот огнем из всех видов оружия.

1 марта 1943 г. только авангард 674 *сн* 150 сд, преодолев очередное болото, прорвался в тыл врага на глубину более 4 км и подошел к д. Карасиха, но дальнейшее его продвижение было остановлено огнем противника. Ночью разведчики вернулись в расположение полка.

На следующий день, понимая, что наступление русских уже остановлено, в контратаку перешел противник и на некоторых участках обороны 46 *осбр* даже восстановил утраченное ранее положение. Советские батальоны на всем фронте стали переходить к прочной обороне. Вслед за 856 *сн* 150 сд к обороне на широком фронте перешел и 674 *сн* дивизии, подразделения которого вначале сменили на боевых позициях свой левофланговый 469 *сн*, а затем и 91 *осбр*, которая переходила в резерв корпуса, и уже следующей ночью два ее батальона (2-й и 3-й) вместе со штабом бригады заняли новый район расположения в тылу 74-й бригады и стали восстанавливать свою боеспособность.

Положение войск 6 ск на 1 марта 1943 г. у д. Чернушка. Выписка из Отчетной карты Калининского фронта с 1 по 5.03.1943 г.

Подразделения 674 *сп*, которые сменили на боевых позициях 2-й «матросовский» батальон, перешли к обороне по опушке леса восточнее д. Чернушка, а вот позиции 4 *осб* бригады на западной окраине деревни, после отхода наших рот в новый район, заняли немцы. С этого момента деревня Чернушка и дзот, за уничтожение которого отдал свою жизнь Александр Матросов, еще целый год оставались на нейтральной полосе между нашими позициями и фашистами.

2 марта 1943 г. в новый район 91-я бригада сибиряков прибыла уже с новым командиром – полковником С.И. Андроновым. Сергею Ильичу не пришлось долго добираться до района расположения штаба 91 *осбр* в д. Малеева, потому что находился недалеко, на передовом командном пункте 46 *осбр*, с которой воевал в должности заместителя комбрига.

Это был опытный, боевой, кадровый офицер Красной Армии. Сергей Ильич родился 30 сентября 1902 г. в г. Вольск Саратовской губернии. В 18-летнем возрасте его призвали в ряды РККА. После завершения срочной службы был направлен на учебу в г. Симферополь в Крымскую кавалерийскую школу, которую окончил в сентябре 1925 г. Проходил службу командиром взвода полковой школы, командиром пулеметного эскадрона, начальником полковой школы в 52-м кавалерийском полку, который располагался в г. Гайсин Винницкой области и входил в состав 2-го конного корпуса им. Совета Народных Комиссаров УССР Украинского военного округа. Управление корпуса находилось в г. Житомир, а командовал им герой Гражданской войны комкор Н.Н. Криворучко. Офицеры корпуса очень гордились тем, что служили под командованием соратника легендарного Григория Ивановича Котовского, и по его примеру все стриглись налысо – «под котовского». Сергей Ильич Андронов исключением не был. В 1926 г. он стал членом ВКП(б).

В декабре 1937 г. после окончания курсов «Выстрел» brave кавалерист был назначен на должность начальника штаба 30-го кавполка при штабе корпуса в г. Житомир. Но уже через полгода его

Андронов
Сергей Ильич

откомандировали в Забайкальский военный округ и назначили командиром 90-го кавполка, который дислоцировался в МНР в голой степи. Это было связано с необходимостью отражения японской агрессии против союзного монгольского государства. Участник боев на реке Халхин-Гол с Квантунской армией Японии.

5 марта 1940 г. Сергею Ильичу было присвоено очередное воинское звание полковник, а через год, 5 апреля 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, полковник Андронов был назначен командиром 22-го кавполка 20-й кавалерийской дивизии САВО в г. Курган-Тюбе.

Осенью 1941 г. со своим полком в составе легендарной Оперативной кавалерийской группы 29-й армии под командованием генерал-майора Льва Михайловича Доватора полковник Андронов участвовал в Клинско-Солнечногорской операции, в оборонительных боях на шоссе Белый – Ржев, прикрывая отступление стрелковых соединений на Волоколамском направлении. В ожесточенных боях под Волоколамском 13 ноября 1941 г., находясь на переднем крае, полковник Андронов был тяжело ранен. Осколок вражеского снаряда перебил большую берцовую кость правой голени.

Сергея Ильича хотели комиссовать, потому что передвигаться он мог только с палочкой, но истинный патриот своей Родины настоял на возвращении на фронт. Чтобы завершить лечение и восстановиться его отправили в г. Ташкент на ускоренные курсы при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Свою учебу полковник Андронов завершил в октябре 1942 г. и, так как усидеть в седле из-за жуткой боли храбрый кавалерист не мог, уже в начале ноября был назначен заместителем командира 46-й отдельной стрелковой бригады 3-й Ударной армии Калининского фронта, с которой участвовал в освобождении Великих Лук...

В этот же день, 2 марта 1943 г., приказом командующего Калининским фронтом подполковник А.Я. Урусов был освобожден от занимаемой должности и больше в действующую армию не направлялся. В вину ему были вменены не только большие потери, приписки в боевых донесениях, но и злоупотребление «наркомовскими» в реальной боевой обстановке.

Александр Яковлевич вначале был зачислен в резерв штаба фронта, затем назначен заместителем начальника укрепленных районов Калининского фронта, а с июля 1943 г. и до конца войны командовал

отдельным полком резерва начсостава Калининского (с 20 октября 1943 г. – 1-й Прибалтийский фронт), с апреля 1945 г. – 3-го Белорусского фронтов. 21 августа 1943 г. ему было присвоено звание полковник. По окончании Великой Отечественной войны он продолжал командовать 12-м отдельным полком резерва офицерского состава в Белорусском военном округе (БВО). В мае 1946 г. за хищение государственной собственности полковник Урусов был снят с должности и отдан под суд. Приговором Военного трибунала БВО был признан виновным и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) [условно] без ущемления в правах с испытательным сроком на 3 года. Через год, в мае 1947 г., 43-летний полковник Урусов был уволен в запас (по болезни). В этом же году вышел в прокат знаменитый художественный фильм режиссера Л.Д. Лукова «Рядовой Александр Матросов», который посмотрели миллионы советских людей. Поэтому в 1949 г. Александр Яковлевич подал апелляцию в вышестоящий суд, рассчитывая на отмену приговора, так как утверждал, что рядовой Матросов выполнял его приказ – уничтожить дзот, потому что в то время Урусов был командиром 91-й бригады, но при пересмотре уголовного дела вышестоящей судебной инстанцией его вновь признали виновным, лишили наград, воинского звания полковник и, соответственно, военной пенсии.

(К сожалению, этот безынициативный, нерешительный, безвольный, теряющийся в сложной боевой обстановке офицер, никогда до этого не командовавший не только полком, но и стрелковым батальоном, там, где требовались самостоятельность и быстрота реакции на ежечасно и ежеминутно меняющуюся тактическую обстановку, по иронии судьбы и по воле руководства 41-й армии и ее штабных офицеров-кадровиков на десятилетия, на века вошел в историю великого подвига советского солдата Александра Матросова.

Что ж, бывает в жизни и такое.)

Но 2 марта 1943 г. намного южнее и восточнее района боевых действий 6-го стрелкового корпуса сибиряков произошло реальное событие, которое круто изменило линию советско-германского фронта и вошло в учебники военной истории как Ржевско-Вяземская наступательная операция (1943).

Ржевско-Вяземская наступательная операция (1943)

Еще месяц назад, 2 февраля 1943 г., завершилась Сталинградская битва, в результате чего кардинально изменилась ситуация на советско-германском фронте. Разгром 6-й армии Паулюса повлек обрушение всей южной части советско-германского фронта, и вермахту пришлось экстренно выводить свою группу армий «А» из Северного Кавказа.

Речь о повторном наступлении на Москву, до которой оставалось всего 150 км, из Ржевско-Вяземского выступа, где размещались значительные силы фашистов, уже не стояла. Неоднократные попытки советских войск ликвидировать этот выступ в 1942 г. не увенчались успехом, но и враг при этом понес значительные потери.

6 февраля 1943 г., после многократных обращений командования группы армий «Центр» и начальника штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Курта Цейтцлера, Гитлер разрешил отвести 9-ю и часть 4-й немецких армий на линию Духовщина – Дорогобуж – Спас-Деменск. (Поэтому утверждения некоторых послевоенных историков о том, что ожесточенные бои 6-го Сталинского корпуса на Локнянском направлении заставили немцев начать отвод своих войск из Ржевско-Вяземского выступа, мягко говоря, не соответствуют реальной действительности.)

Операция фашистов получила название «Бюффель» (нем. *Büffe* – буйвол). Ее основной целью было выравнить линию фронта и высвободить часть дивизий в качестве резерва. Ответственным за выполнение операции назначили командующего 9-й армии генерал-полковника Вальтера Моделя.

Сразу же враг начал подготовку к планомерному отходу из Ржевско-Вяземского выступа.

Вальтер Модель, «прославившийся» своей жестокостью не только к советским пленным и гражданскому населению, но и к своим военнослужащим, подразделениям и частям, которые без его разрешения оставляли оборонительные позиции, приказал эвакуировать или расстрелять все мужское население Ржевского выступа призывного возраста, конфисковать все запасы продовольствия, отравить колодцы и сжечь дотла все деревни.

Подготовительный этап проводился в режиме секретности. Загрузка в железнодорожные вагоны эвакуируемой техники и местного населения происходила, как правило, ночью. Артиллерийское

вооружение, которое невозможно было перевезти с помощью лошадей или тракторов, доставляли на новые позиции по железной дороге, а для экономии места его грузили в разобранный вид.

За февраль 1943 г. фашисты не только оборудовали у себя в тылу новые отсечные и блокирующие оборонительные рубежи для планомерного отхода и построили новую 200-км дорогу для автомобилей и 600-км – для саней и гужевого транспорта, но и вывезли все свои склады, весь скот, запасы урожая, изъятые у местного населения, эвакуировали всю неисправную технику и вооружение, уничтожили более 1 000 км железнодорожного пути и 1 300 км проводов и кабельных линий, а также угнали в рабство, расстреляли и заживо сожгли более 60 тысяч наших соотечественников, в основном стариков, женщин, детей и военнопленных. Кроме того, минированию и уничтожению подлежал любой гражданский или военный объект, который не мог быть вывезен. В Вязьме немцы заминировали все, кроме немецкого военного кладбища в центре города. Были разрушены все мосты, повреждены телеграфные столбы, баки, цистерны и бочки на нефтебазах, стрелки на железнодорожных путях, стыки рельсов, семафоры.

На передовой остались лишь саперы и подразделения прикрытия СС, состоящие в основном из наших предателей-шутцманов, вооруженных трофейным, советским оружием.

Об этой операции фашистов знали и в нашей Ставке ВГК, которая также 6 февраля 1943 г. издала Директиву № 30043 о подготовке наступления на центральном участке советско-германского фронта.

18 февраля 1943 г. работы по подготовке к отходу немецких войск обнаружила разведка Западного, а 23 февраля 1943 г. – Калининского фронтов. В донесениях говорилось, что отдельные группы противника отходят в западном направлении, часть артиллерии подтягивается ближе к дорогам, а часть блиндажей, мостов, зданий и железнодорожное полотно готовятся к подрыву.

Окончательное решение на вывод немецких войск было подписано Вальтером Моделем только 28 февраля 1943 г. Начало операции «Бюффель» он назначил на 19-00 час 1 марта. Арьергардные отряды прикрытия должны были оставить передовую и г. Ржев в 18-00 час 2 марта 1943 г.

Ровно в назначенное время главные силы немецких войск отошли на заранее подготовленные позиции, в Ржеве остались только отряды

прикрытия. Фашисты заминировали старый мост через Волгу, построенный еще при царе Николае II. Гитлер пожелал лично услышать взрыв этого моста, и немецкие связисты по специальной телефонной линии предоставили ему такую возможность. Вечером 2 марта 1943 г. немецкие саперы подорвали мост, связисты «порадовали» Гитлера и только тогда враг покинул многострадальный город.

Советская разведка постоянно докладывала своему руководству обо всех изменениях на переднем крае и об отходе немецких войск, но несмотря на это командующий 30-й армией генерал В.Я. Колпакчи отдал приказ о переходе армии в наступление с опозданием, лишь в 14-30 час 2 марта.

Уже к концу дня, в 17-15 час 2 марта 1943 г., получив информацию об отводе немцами своих войск, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин выразил свое недовольство командованию Калининского и Западного фронтов, отметив в Директиве Ставки ВГК № 30062, что «преследование отходящего врага проводится вяло и нерешительно». Он потребовал немедленно принять меры к энергичному преследованию отступающих войск противника, создать подвижные отряды из разных родов войск во главе с инициативными командирами и направить их в тыл врага для перехвата путей отхода, вести сражение не по плану немецкого отхода, а по плану наступления советских войск.

Только утром 3 марта 1943 г. наши передовые части вошли в Ржев. О том, как советские войска пытались освободить этот русский город еще летом 1942 г., много лет спустя вспоминал начальник разведки артдивизиона 1028-го арtpолка старший лейтенант Петр Алексеевич Михин: «Мы наступали на Ржев по трупным полям. Не побывавшему там трудно вообразить, что такое смердящее под летним солнцем месиво, состоящее из покрытых червями тысяч человеческих тел. Ползешь по трупам, а они навалены в три слоя, распухли, кишат червями, испускают тошнотворный сладковатый запах разложения человеческих тел. Разрыв снаряда загоняет тебя под трупы, почва содрогается, трупы сваливаются на тебя, осыпая червями, в лицо бьет фонтан тлетворной вони...»

А утром 3 марта 1943 г. город был пуст. Вошедшие в него первыми разведчики не увидели ни людей, ни животных, ни птиц. Лишь разрушенные до основания дома. И только в одной из уцелев-

ших церквей советские бойцы обнаружили запертыми фашистами еще два дня назад более двухсот оставшихся в живых местных жителей, в основном стариков, женщин и детей. Все подходы к церкви и двери были заминированы. Но когда из заточения их освободили наши саперы и разведчики, невозможно было передать того счастья и радости, какие испытали советские люди после освобождения из фашистского ада. Слезы, поцелуи, восторг...

Отступая, фашисты сожгли и разрушили около 350 сел и деревень, выгоняя местных жителей на холод и мороз только в нижнем белье, а во многих, таких как деревня Афанасово Ржевского района, расстреляли 66 женщин, детей, стариков, пленных красноармейцев и сожгли их тела вместе с домами.

Тела убитых мирных жителей, Ржев, март 1943 года

Этот отвод немецких войск был отмечен особой жестокостью фашистов к местному населению, поэтому командующий 9-й армии генерал-полковник В. Модель был объявлен военным преступником еще задолго до окончания Великой Отечественной войны.

3 марта 1943 г. фашисты начали уничтожать все уцелевшие здания в г. Белый. Воины-сибиряки из состава 75-й и 78-й стрелковых бригад отчетливо слышали сильные взрывы со стороны города. Одновременно воздушная разведка обнаружила движущиеся в тыл боль-

шие колонны пехоты противника с обозами. Враг покидал г. Белый.

По приказу командующего фронтом в 41-й армии в срочном порядке была создана ударная группа в составе 17 *зв.сд*, 75-й стрелковой бригады сибиряков и других частей, которая уже утром 4 марта 1943 г. должна была прорвать фронт обороны противника и, развивая наступление в общем направлении на свх. Шамилово, совместно с частями 22-й армии окружить и уничтожить Бельскую группировку противника. 78 *осбр* сибиряков прикрывала участок прорыва ударной группы армии, обороняясь на правом фланге.

Но фашисты быстро обнаружили сосредоточенные для атаки советские части и, не жалея снарядов, открыли ураганный огонь из артиллерии и минометов по нашему району. Наступление пришлось отложить до утра следующего дня.

В это время войска прикрытия противника быстро отходили на промежуточный оборонительный рубеж Сычевка – Белый. Это позволило советским частям без боя освободить 4 марта поселок Оленино, а 5 марта – г. Гжатск (Гагарин).

В лесах у Сычевки немцы натолкнулись на активное сопротивление партизанских отрядов, которые обстреливали арьергардные части и автоколонны отступающих немцев, а также повреждали их телефонные линии связи, поэтому фашистский палач Вальтер Модель приказал провести масштабную противопартизанскую операцию, которая сразу же превратилась в террор против местного населения. К этой бесчеловечной карательной акции помимо подразделений СС, полиции и русских добровольцев-предателей были привлечены кадровые части вермахта. Начались массовые варварские убийства мирных жителей. Так, 8 марта 1943 г. была уничтожена деревня Колодезки в Темкинском районе Смоленской области, все ее жители – 93 чел., в том числе 24 малолетних ребенка и младенца заживо были сожжены в одном из домов (чудом спаслись только три девочки). Тогда же почти полностью истреблено население в соседних деревнях Дорофеево, Долженки и Замыщкое. Как потом докладывали своему командованию фашисты «было уничтожено более 3 000 русских партизан».

5 марта 1943 г. севернее г. Белый фашисты провели мощный огневой налет по позициям нашей 93 *сд* и после этого начали отвод своих подразделений прикрытия в юго-восточном направлении. Это позволило нашим частям перейти к преследованию врага и к исходу дня

освободить четырнадцать русских деревень. Но южнее города атака ударной группы 41-й армии успеха не имела, только две штрафные роты (45-я и 46-я), приданные 75 *осбр*, с боем овладели д. Плоская и продолжали наступление на д. Шипарево. 17 *авг* попыталась прорвать оборону войск прикрытия противника на своем участке, но ее атака была отбита сильным артиллерийско-минометным огнем врага.

На следующий день новая попытка прорыва оборонительной линии врага южнее г. Белый также не принесла успеха. Фашисты не жалели снарядов, и ударная группа 41-й армии стала закрепляться на достигнутых рубежах.

Промежуточный оборонительный рубеж Сычевка – Белый фашисты удерживали до 7 марта 1943 г., а потом начали планомерный отход. Их преследовали от рубежа к рубежу войска 39-й армии Калининского фронта, в состав которой постепенно входили наиболее боеспособные дивизии 22-й и 41-й армий.

В ходе операции по отходу 8 марта 1943 г. немецкие войска оставили г. Сычевку, 10 марта – г. Белый.

Первыми в многострадальный город с северо-востока вошли воины 93 *сд*, а уже затем с запада – части 134 *сд* 41-й армии. Белый предстал перед освободителями в руинах и развалинах. Корреспондент газеты «Красная звезда» Василий Павлович Ильенков в своей статье «Исчезновение города» от 24 марта 1943 г. писал: «...Мы стоим на перекрестке, оглядываясь по сторонам, в напряженном ожидании, что вот сейчас откуда-то из-за развалин, из подвалов появятся жители города. Но проходит полчаса, час и ни души, ни признака жизни. Город мертв. Тысячи людей исчезли бесследно. Такое ощущение, что стоишь на развалинах города, потерпевшего страшное землетрясение, и глубокие траншеи, как трещины, рассклели землю, и как напоминание, что здесь когда-то жили люди, на куске белой стены виднеется крупная надпись: «Не курите!», здесь, по-видимому, была керосиновая лавка».

Из 1 400 довоенных зданий в марте 1943 г., пригодных к эксплуатации, и то после капитального ремонта, было признано всего шесть. (Только в 1975 г. с улиц г. Белый исчезли последние руины.)

По мере отхода противника из Ржевско-Вяземского выступа, имевшего по фронту до 200 км и до 8 160 км в глубину, освобождались значительные силы советских фронтов. Первой в резерв Калининского фронта была выведена 22-я армия под командованием генерал-лейте-

нанта Василия Александровича Юшкевича, который был снят с должности командарма по итогам операции «Марс» еще 15 декабря 1942 г. Г.К. Жуковым и, после долгих разбирательств, восстановлен в прежней должности. Уже с 5 марта 1943 г. по распоряжению генерал-полковника М.А. Пуркаева, передав часть своих дивизий в состав 39-й армии, управление, штаб и другие армейские соединения 22-й армии начали движение на Холм-Локнянское направление. В полночь 10 марта 1943 г. командующий этой армии принял под свое командование войска Оперативной группы фронта в составе двух стрелковых корпусов – 2-го гвардейского и 6-го Сталинского. А заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант М.Н. Герасимов с офицерами штаба срочно выдвинулся к г. Белый на передовой пункт управления фронта.

11 марта 1943 г. части 41-й армии перешли к преследованию отходящих войск прикрытия фашистов и к исходу дня вышли на рубеж р. Нача, который оставили еще в декабре прошлого года после неудачного прорыва в ходе операции «Марс». В этих боях особо проявили себя стрелковые батальоны 75 *осбр* сибиряков. Отходя в южном направлении, противник оставлял сплошные участки минно-взрывных заграждений и разрушил все мосты, что в начавшуюся весеннюю распутицу, когда маленькие ручейки и речушки превратились в непроходимые реки и озера талой воды, делало низинную местность Смоленщины непроходимой. Поэтому темп наступления советских войск был довольно низким, невзирая на постоянные упреки вышестоящего командования, вплоть до Ставки ВГК. Тем не менее части 41-й армии за два дня наступления освободили до 70 русских сел, деревень и хуторов, захватили большие трофеи и более 20 единиц боевой техники, оставленной врагом.

12 марта 1943 г. войсками Западного фронта была освобождена Вязьма.

К.М. Симонов в своем корреспондентском фронтовом блокноте записывал увиденное: «В овраге убитые немцами старики и женщины, незакопанные. Одна с ребенком. Немолодой сапер смотрит в овраг, говорит, ни к кому не обращаясь: «Робеночка не пожалели». И повторяет еще раз: «Робеночка не пожалели». Вязьма разбита и сожжена так, что ничего не могу понять. Сейчас, когда уже прошли ее с одного конца насквозь, видны крайние развалины на другом конце города. Все так завалено обломками, что даже трудно понять, как и где шли раньше улицы».

В этот день части 41-й армии, невзирая на все препятствия и ведя

упорные бои с арьергардами противника и батальонами шуцманшафта, продолжали наступать и освобождать населенные пункты Смоленщины. Войска армии своим левым флангом вышли на новые рубежи. И опять командование фронтом отмечало успешные наступательные действия 75-й сибирской бригады.

12 марта 1943 г. в штаб 41-й армии после госпиталя прибыл полковник Ф.И. Лобанов, но его 91 *осбр* воевала на другом участке фронта, поэтому Федор Иванович был назначен на должность командира 78 *осбр* красноярцев-сибиряков, которая еще оставалась в распоряжении командарма-41 и находилась в обороне, занимая прежний рубеж. Ее бывший командир полковник М.И. Кучерявенко стал во главе 306-й стрелковой дивизии 43-й армии Калининского фронта.

Уже на следующий день, только вступив в должность комбрига и до конца не успев познакомиться не только с офицерами штаба, но и с комбатами, полковник Лобанов со своей бригадой перешел к преследованию отходящего противника в своей полосе наступления. И, несмотря на упорное сопротивление врага на промежуточных позициях, пройдя с боями по советской земле более 6 км, 78 *осбр* освободила новые русские деревни от фашистской нечисти.

А всего в этот день войска 41-й армии освободили более 60 населенных пунктов и вышли на новые рубежи.

13 марта 1943 г. полоса наступления 75 *осбр* сибиряков настолько сократилась, что дальнейшие ее действия начинали мешать наступающей слева 134 *сд*, поэтому командующий 41-й армии вывел эту добровольческую бригаду в свой резерв. К этому времени уже пришел приказ генерал-полковника М.А. Пуркаева № 815/Ш от 12 марта 1943 г. о передаче 75-й стрелковой бригады в состав своего 6 *ск* 22-й армии. Поэтому, вначале сосредоточившись в районе сбора на большаке Смоленск – Белый у полностью разрушенной и сожженной деревни Емельянова, бригада сибиряков под командованием полковника А.Е. Виноградова начала выдвижение на станцию погрузки Жарковский, где и сосредоточилась 16 марта 1943 г. В дальнейшем сибирякам предстояло совершить марш комбинированным способом в новый район предназначения.

Преследование частями Красной Армии войск противника осложнялось заблаговременно оборудованными оборонительными рубежами, минными полями и разрушенными коммуникациями, поэтому темп наступления был крайне низким – только 6-7 км в сутки, а с

середины марта началась оттепель, и продвижение наших частей еще замедлилось, что позволило противнику уже к 14 марта 1943 г. вывести основные силы двух армий на заранее указанный рубеж, а это 7 корпусов, 15 пехотных, 2 моторизованные, 3 танковые дивизии и кавалерийская дивизия СС, а также в огромном оставленном районе разрушить все объекты военного значения (мосты, вокзалы, водонапорные башни, железнодорожные пути, автострады).

В этот день в наступление перешла еще одна дивизия 41-й армии – 262 *сд*, и советские войска, хоть и медленно, но продолжили освобождать свою многострадальную землю.

15 марта 1943 г. части 41-й армии, не останавливаясь, преследовали врага и к исходу дня заняли еще 32 населенных пункта, в том числе и районный центр село Батурино. Поздно вечером, передав свои наступающие дивизии в состав 39-й и 43-й армий, управление, штаб и части армейского подчинения были выведены в резерв Калининского фронта и 20 марта 1943 г. 41-я армия была расформирована. (Ее штаб и подразделения обеспечения были обращены на формирование полевого управления Резервного фронта 3-го формирования).

Одновременно и 78 *осбр* красноярцев-сибиряков вывели из боя в резерв, а потом приказом командующего фронтом №817/Ш передали в состав своего 6 *ск* 22-й армии. После сбора в исходном районе полковник Лобанов отдал приказ о начале движения вслед за 75-й бригадой на станцию погрузки, для убытия в новый район сосредоточения.

Во второй половине марта войска Западного фронта попытались отрезать отходящих фашистов от орловско-брянской группировки, но немцы успешно отразили попытки 1-го и 5-го танковых корпусов Красной Армии, окружили их в районе Спас-Деменска и Ельни. После нескольких дней боев, потеряв 132 танка, советские танковые корпуса прорвали кольцо окружения и вышли к своим.

Только 22 марта 1943 г. советские войска вышли на рубеж Духовщина – Дорогобуж – Спас-Деменск, на котором уже более недели закреплялись войска группы армий «Центр». Немцы сумели организованно отойти на заранее подготовленные оборонительные рубежи, создать новые районы с проволочными заграждениями и минными полями, усиленные долговременными огневыми точками и блиндажами, а также использовать высвободившиеся части на других участках советско-германского фронта.

Попытки наших дивизий с ходу прорвать этот рубеж не удались. Встретив активное сопротивление врага, при отсутствии необходимого количества боеприпасов и продовольствия из-за большого отрыва от баз снабжения, войска двух советских фронтов вынуждены были прекратить наступательные действия и перейти к обороне.

За все время операции советскому командованию так и не удалось вырвать инициативу из рук противника, окружить и разгромить пусть не всю немецкую группировку в Ржевском выступе, но хотя бы ее отдельные части. Фактически советские дивизии двигались вслед за противником и занимали, в большинстве случаев без боя, только те населенные пункты, что он оставлял, а попытки прорыва заранее подготовленных многочисленных промежуточных рубежей обороны при отставании артиллерии и танков силами одной пехоты вели к потерям. Использовать многочисленный перевес в живой силе советскому командованию не удалось. При проведении этой операции советские войска понесли тяжелые потери: 138 577 чел., из них 38 862 чел.— безвозвратные и 99 715 чел.— санитарные.

Линия советско-германского фронта была отодвинута от Москвы еще на 130-160 км. С фашистским «трамплином», который много месяцев угрожал столице нашей Родины, было покончено. Линия фронта сократилась с 530 км до 200 км.

31 марта 1943 г. завершилась вторая Ржевско-Вяземская наступательная операция советских войск. Вместе с этой операцией окончилась многомесячная, начавшаяся еще 8 января 1942 г. одна из самых кровопролитных битв Великой Отечественной войны – Ржевская битва.

Общие потери Красной Армии на этом направлении в 1942-1943 гг. составили более миллиона солдат и офицеров, среди которых число убитых и умерших от ран насчитывало более 450 тыс. человек, при этом потери противника были значительно меньше. Но, несмотря на то что 9-й армии вермахта удалось уйти непобежденной, она, потеряв более 100 тыс. своей пехоты с еще довоенной подготовкой, надорвалась. «Эхо» Ржева догнало ее уже на Курской дуге летом 1943 г.

Бои местного значения

В то время как главные силы Калининского фронта освобождали нашу советскую землю от фашистской нечисти, на Локнянском направлении шли бои местного значения.

В ночь на 2 марта 1943 г., под прикрытием сильного и продолжительного артиллерийского налета на участке Шерово – Черное, 674 *сп* 150 *сд* переходил к обороне на широком фронте, одновременно сменяя подразделения 469 *сп* своей дивизии у деревни Плетень и 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков, которая выводилась в резерв корпуса. Смена подразделений бригады проходила в течение двух ночей. Первыми свои боевые позиции оставили 2-й и 3-й стрелковые батальоны, которые уже к утру 2 марта 1943 г. сосредоточились в новом районе на стыке обороны между 150 *сд* и 74 *осбр* у д. Малеева на правом берегу р. Локня.

Но отдохнуть бойцам и командирам не пришлось, потому что уже следующей ночью эти батальоны сменили на переднем крае 4 *осб* 74 *осбр* на рубеже: южные окраины хутора Жарки – д. Малая Нагова и получили новую боевую задачу: утром 3 марта 1943 г. прорвать оборону противника на своем участке, овладеть хуторами Жарки, Ляда и деревней Ситово, в дальнейшем наступать в направлении д. Пузаниха и к исходу дня выйти на рубеж д. Среднее – хутор Клин.

Генерал Поветкин не дал новому командиру бригады даже суток на подготовку очередного наступления, рассчитывая, что лихой кавалерист полковник Андронов с ходу, не разобравшись в обстановке на неизвестном ему и комбатам участке фронта, без поддержки артиллерии, не говоря уже об авиации, «кавалерийским наскоком» прорвет оборону врага, отбросит его на 8 км в глубину и расширит участок прорыва 150 *сд*. Комкор посчитал, что если уж небольшой штурмовой отряд 4-го стрелкового батальона 74-й бригады, практически без потерь, сумел несколько дней назад прорваться на этом направлении и нанести поражение фашистам в глубине его обороны, то уж боевые стрелковые батальоны справятся с этим легко, даже без поддержки артиллерии. Но он в очередной раз ошибся, так и не научившись воевать к концу второго года войны.

Боевые подразделения 12 *пд* немцев, которые имели богатый опыт оборонительных действий под Демянском, к этому времени, еще два дня назад, заняли оборону на этом участке фронта. Атака наших

стрелковых рот была отражена, при этом они понесли ничем не оправданные потери, а фашисты своими резервами уже в 16-00 час перешли в контратаку из хутора Жарки.

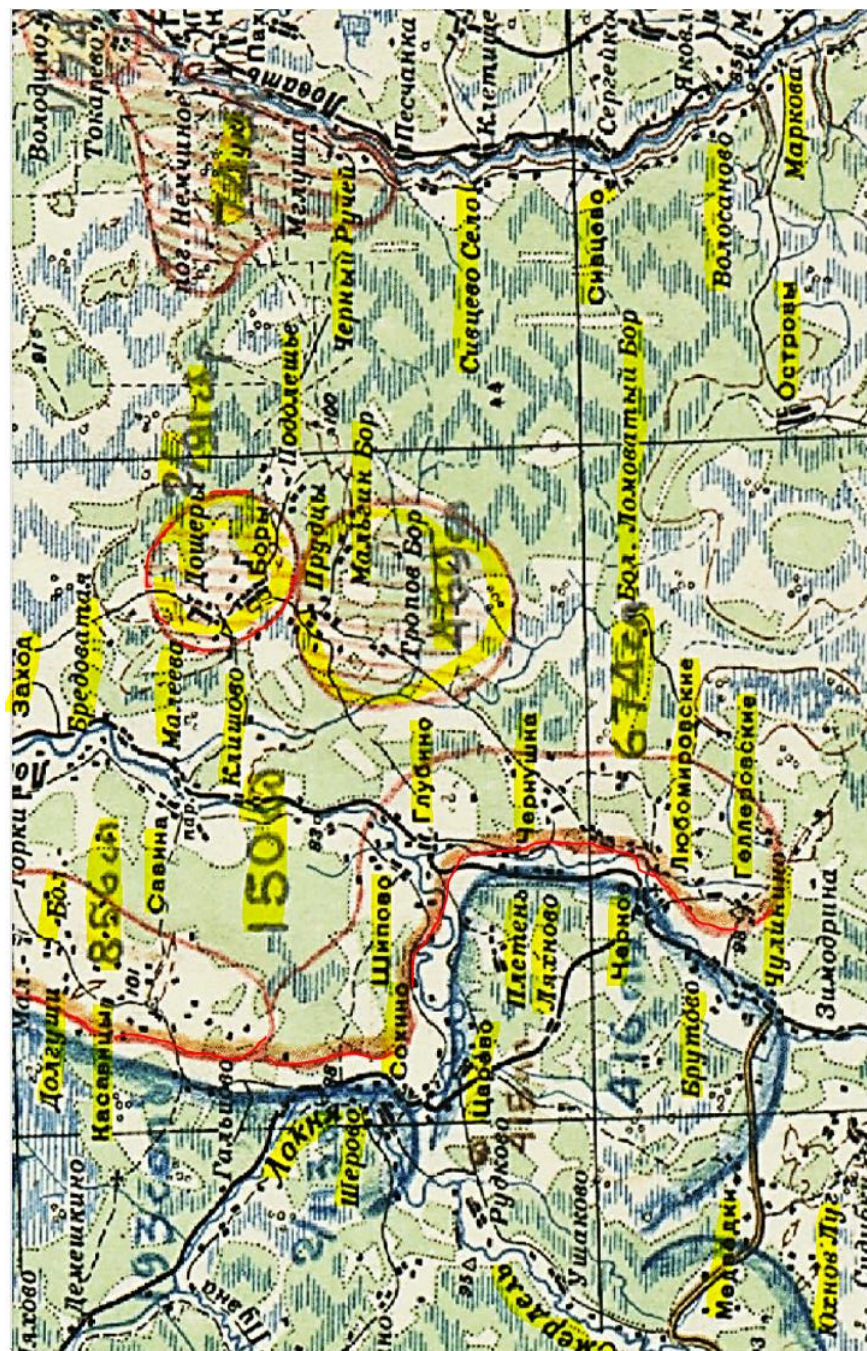
В то время, когда 2-й и 3-й стрелковые батальоны 91 *осбр* занимали исходные районы для наступления, остальные подразделения бригады (1-й и 4-й *осб*), после смены их на боевых позициях ротами 150 *сд*, совершали ночной марш в район расположения штаба бригады.

3 марта 1943 г., кроме батальонов 91 *осбр*, в наступление, в очередной раз, перешла и 54 *осбр*, которая после мощной 40-минутной артиллерийской подготовки все-таки сумела овладеть д. Большой Хочуж, но атаки 81 *тбр* на противоположном берегу р. Ловать на деревню Малый Хочуж были отбиты. Противник попытался восстановить утраченное положение, но и его контратаки успеха не имели. Только ночью мотострелковый батальон 81 *тбр* при поддержке огня своих танков сумел овладеть д. Малый Хочуж.

Свои атаки на обороняющегося противника продолжали и 46 *осбр*, и 74 *осбр*, но успеха не имели, а вот полки 150 *сд*, которые перешли к прочной обороне на всем протяжении полосы наступления дивизии и 91 *осбр*, возобновили активные действия своих диверсионно-разведывательных и снайперских групп, нанося существенные потери противнику и держа его подразделения в постоянном напряжении и страхе.

На следующий день 54 *осбр* продолжала безуспешно атаковать деревни вдоль правого берега р. Ловать, при этом и противник мелкими группами постоянно контратаковал на этом направлении, пытаясь восстановить утраченное положение. Но, в отличие от наших подразделений, контратаки противника поддерживали не только своя артиллерия, но и авиация. Попытка 81 *тбр* овладеть очередным хутором Ям на левом берегу реки успеха не имела.

4 марта 1943 г., выполняя приказ комкора, в наступление перешли все стрелковые батальоны 91-й бригады. Они углубились в оборону противника на 1 км, блокировали фашистов в хуторах Жарки, Ситово и Ляда, но были остановлены сильным артиллерийским и минометным огнем противника и стали закрепляться на достигнутых рубежах. Остальные соединения Сталинского корпуса вели бои с переменным успехом за уже не раз отвоеванные и сданные деревни и хутора, от которых остались только одни названия.

Положение 150 сд на 5 марта 1943 г. у д. Чернушка. Фрагмент Отчетной карты Калининского фронта с 5 по 15 марта 1943 г.

5 марта 1943 г. группа генерала Виноградова, как и остальные бригады, на своем, самом северном, участке наступления корпуса под постоянным методическим огнем противника стала переходить к обороне. И только батальоны 91 *осбр* на отдельных участках атаковали, пытаясь улучшить свое положение и захватить господствующие высоты. В это же время военная прокуратура Калининского фронта, проявляя активность, стала проводить свое расследование по поводу невыполнения приказа командира корпуса в отношении руководства 91-й бригады и по поводу оставления Осипово Села – 74 *осбр*.

Но, несмотря на это, Сергей Ильич Андропов, еще в первый день вступления в должность комбрига, узнав от политработников и подчиненных командиров о подвигах бойцов бригады при выполнении боевых задач, сразу же отдал распоряжение подготовить на отличившихся рядовых и командиров необходимые документы для награждения орденом Красной Звезды и медалями.

Еще 3 марта 1943 г. раненый старший лейтенант Г.С. Артюхов представил командиру наградные листы на своих подчиненных: лейтенантов В.М. Рябцева и Г.М. Канделинского, младшего лейтенанта Л.С. Королева, старших сержантов К.Г. Марьясова и О. Шарипова, сержанта А.А. Панфилова и санинструкторов В.А. Шипицу и Е.З. Солнцева, которые во время боев вынесли 85 раненых бойцов и офицеров батальона и оказали первую медицинскую помощь, чем спасли их жизни.

В этот же день начальник политотдела 91-й бригады майор М.В. Ильяшенко, наконец-то, отправил свое донесение в политотдел 6 ск, в котором докладывал о повторении подвига легендарного рядового командиром взвода лейтенантом М.П. Лукьяновым.

5 марта 1943 г. полковник С.И. Андропов от имени Президиума Верховного Совета СССР подписал свой первый приказ № 040 на новой должности о награждении 23 командиров и бойцов бригады за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, доложив об этом в штаб корпуса. Орденом Красной Звезды были награждены: красноармеец Я. Галимов, санинструктор В.А. Шипица, младшие лейтенанты Л.С. Королев и П.Н. Дзисяк. Остальные – медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Еще шли бои местного значения, но приказ уже был объявлен подразделениям бригады, а ордена и медали вручили личному составу перед строем своих рот.

Одновременно штаб бригады подготовил наградные листы на командиров рот и батальонов, отличившихся в боях, а на красноармейца А.М. Матросова и лейтенанта М.П. Лукьянова – представления к званию Героя Советского Союза (посмертно), и с тремя экземплярами приказа № 040 все документы были доставлены в штаб корпуса.

Родителям, женам и ближайшим родственникам погибших в боях офицеров и солдат штаб бригады подготовил и отправил похоронки. В кармане гимнастерки Матросова были обнаружены неотправленное письмо на имя Клавдии Грибцовой и ее адрес, поэтому командование приняло решение: извещение о гибели Саши отправить в Харабалинский военкомат Астраханской области. (Но девушки к тому времени в живых уже не было. Извещение от 4 июля 1944 г. о гибели Матросова получила ее сестра, Анна Ивановна. Она написала об этом на оборотной стороне фотографии Клавдии Ивановны Грибцовой. Похоронка более 30 лет пролежала в архиве РВК села Харабали, и сейчас она вместе с фотографией девушки находится в музее бывшего Ивановского детского дома.)

Бои за небольшие населенные пункты не приносили успеха, и 6 марта 1943 г. части корпуса на всем фронте перешли к обороне. Освободить и Локню, и Холм советским войскам удастся лишь через год в феврале 1944 г.

Подводя итоги почти двухнедельных боев на Локнянском направлении, командование 6-м Сталинским корпусом в своем журнале боевых действий писало: «Наступательные бои, которые вели соединения корпуса, были связаны с большими трудностями. В период сближения и наступления, начиная с рубежа р. Ловать, бригадам приходилось двигаться по бездорожью, прокладывая колонные пути, неся на руках всю материальную часть, таща артиллерию на плечах и лямках, что вызывало лишнюю затрату сил, времени и живой силы.

Водные рубежи р. Ловать, р. Локня с крутыми, обрывистыми берегами приходилось преодолевать, переправляя обоз и артиллерию на руках. Отсутствие дорог от р. Ловать до боевых порядков частей затрудняло подвоз боеприпасов и продовольствия и вызывало постоянное отставание артиллерии, что сильно отражалось на маневре пехоты.

Помимо того, вся местность, начиная от рубежа р.Ловать, включая дороги, была сплошь заминирована и заграждена завалами про-

тяжением каждый до 1 200, 1 300 метров. На участке 150 сд на отрезке дороги от Черного Ручья до Боры, Касавицы было извлечено свыше 1 000 противотанковых и противопехотных мин.

Помимо естественных препятствий, какими являлись реки и бездорожье, частям 6 ск пришлось встретиться с хорошо подготовленной системой опорных пунктов противника, усиленных пулеметными дзотами, соединенными с окопами ходами сообщения, окаймленными проволочным заграждением в 2-3 ряда и минными полями. Долговременные земляные сооружения противника, как правило, оборудованы с круговым обстрелом, с хорошим обзором, с пристрелянными на дистанцию пехотного оружия рубежами, особенно под сильным огнем находились выходы с опушек лесов и рощ, лощин и все подступы.

Дзоты оснащены, помимо пулеметов, автоматическими пушками и крупнокалиберными пулеметами. Каждый опорный пункт поддерживался огнем тяжелых минометов и орудий. Наиболее сильно укрепленным оказалось Осипово Село. Этот опорный пункт был опоясан траншеями со стрелковыми, пулеметными гнездами и минометными позициями. Перед траншеями – минные противотанковые и противопехотные поля. В самом Осиповом Селе – до 6 дзотов, на крышах домов, в домах, сараях – группы автоматчиков и пулеметчиков противника, удерживающих под наблюдением и обстрелом всю впереди лежащую местность. Огневые точки установлены в подвалах и печах.

Боевые действия соединений 6 ск выявили и ряд серьезных недочетов:

1. Слабое взаимодействие между соединениями при отсутствии связи справа налево и неучете взаимного положения, что замедляло общий темп продвижения корпуса и ставило в отдельных случаях наступающие части под фланговый огонь противника.

Нечетко организовывались взаимодействие и связь с автоматными отрядами, выброшенными в тыл противника, вследствие чего действия их не приносили ожидаемых результатов. Отсюда задачи дня, поставленные бригадам и дивизии, не выполнялись.

2. Маневр, обход и охват, использование успеха соседа не применялись. Совершенно слабо использовался огонь 50-мм, 82-мм минометов, орудий прямой наводки и ружейно-пулеметный огонь. Не всегда обеспечивалось наступление артогнем.

3. Охранение и разведка организовывались плохо. Так, командование 54 *осбр* в течение 3-х месяцев не знало, какой противник обороняет ру-

беж Худяки, Селебино; командование 46 *осбр* до сих пор не установило нумерацию подходящей колонны противника на х. Ямище 25.2.43 г., командование 74 *осбр* – не установило нумерацию подходящих колонн противника на выс. 87.4 и на Козлова 28.2.43 г.

Неудовлетворительно обстояло дело и с управлением войсками в бою. Командиры батальонов со своими КП находились сзади своих боевых порядков стрелковых рот в 1-2 км и непосредственно на ход боя влиять не могли.

Планирование боя по времени и рубежам не производится.

Артиллерийские наблюдения и наблюдатели от минометных подразделений – в передовых линиях пехоты – нет, отсюда поддержка огнем наступающей пехоты страдала и была несвоевременна. Материально бой обеспечивался не всегда нужным количеством боеприпасов. При наличии большого количества выстрелов на ВРОПе (временная огневая позиция – авт.) для 82-мм минометов и 45-мм орудий последних (выстрелов – авт.) в батальонах было крайне мало, а своевременный подвоз снарядов обеспечен не был.

Наступающие боевые порядки, понеся значительные потери в личном составе и в технике, в ряде случаев не имели ударной силы. В батальонах в цепях наступало от 40 до 150-200 человек при 1-3 станковых пулеметах и ограниченном количестве ручных. Отсюда, естественно, боевые задачи на овладение опорными пунктами противника, как показали события, часто не выполнялись и части, начав атаку, быстро выдыхались и отходили в исходное положение».

(И все вроде бы изложено правильно. Остался лишь один вопрос: «А где в это время были командир и штаб корпуса, командир и штаб Оперативной группы Калининского фронта и остальные вышестоящие командиры и начальники, которые, судя по этим записям в журнале боевых действий 6 *ск*, все и обо всем знали, но мер для поддержки атакующих и погибающих в этих Локнянских болотах 18-19-летних пацанов никаких не предприняли и какие меры прокурорского контроля необходимо было применить и к ним?»)

За период боев с 22 февраля по 8 марта 1943 г. соединения корпуса потеряли 9 573 человека, а это более 20% от первоначальной численности войск 6 *ск*, из них убитыми – 2 819 чел., ранеными – 6 556 чел., пропавшими без вести – 136 чел. В стрелковых подразделениях потери составили более половины от первоначального

состава. Но, как докладывали начальник штаба 6-го Сталинского добровольческого корпуса полковник Н.В. Еремин и его начальник оперативного отдела полковник Г.Н. Якунников, потери противника были практически соразмерными, а это 7 865 чел. (К сожалению, данные о потерях из рассекреченных документов противника этих цифр не подтверждают.) Также они сообщали, что «за период боев соединениями 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса было освобождено 45 населенных пунктов».

(Только «забыли» два уважаемых полковника при этом написать, что боевая задача, поставленная их стрелковому корпусу, выполнена не была: ни одна бригада, из пяти стрелковых и одной танковой, не смогла за эти дни жестоких боев с коварным противником прорвать его оборону. Лишь только 150 *сд* сумела выполнить свою ближайшую задачу. Эта дивизия и дальше бы громила врага, потому что в ее полосе наступления, благодаря умелым и инициативным действиям ее командира полковника Н.О. Гузь, у фашистов образовалась ничем не прикрытая большая брешь в боевых порядках. Только из-за несвоевременных действий соседей (своих 91-й и 74-й бригад) и командования корпуса полки дивизии перешли к обороне, прикрывая свои фланги, иначе могла повториться катастрофа окружения советских войск, как под г. Белый, которую хорошо помнил Николай Олимпиаевич. И из 45 освобожденных населенных пунктов или того, что от них осталось, эта одна-единственная дивизия реально освободила 21 село, деревню и хутор, а не заняла их во время выдвижения в нейтральной полосе, давно оставленных врагом, и в своих отчетах не делила эти маленькие деревни на северные и южные (удивляюсь, как еще не догадались начальники штабов и политработники бригад в своих донесениях поделить эти деревеньки на восточные и западные — было бы больше освобожденных населенных пунктов. Но на всех, без исключения, отчетных и рабочих картах, схемах периода Великой Отечественной войны нигде в названиях населенных пунктов эти деления не отмечены.)

Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог —

Кто считал, кто считал!...

Сообщается в сводках Информбюро

Лишь про то, сколько враг потерял.

*Но не думай, что мы обошлись без потерь –
Просто так, просто так...
Видишь – в поле застыл, как подстреленный зверь,
Весь в огне, искалеченный танк!
Где ты, Валя Петров? – что за глупый вопрос:
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну а в сводках прочтем: враг потери понес,
Ну а мы – на исходный рубеж.*

Владимир Высоцкий, 1964 г.
для спектакля «Павшие и живые».

Фашисты также подводили итоги прошедших боев.

Так, в журнале боевых действий 93-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Отто Тиман отмечал: «Уровень подготовки советских войск, который выявился в ходе борьбы с 24 февраля по 10 марта, оказался плохим. Боевая ценность пехоты, и особенно молодого резерва, была низкой, так что противник не мог где-либо добиться значительного успеха, несмотря на многократное численное превосходство, очень сильную артиллерийскую поддержку и *использование большого количества танков*, даже при временном вторжении через наш передний край фронта.»

(А я напомним внимательному читателю, что в составе 6 ск, который и наступал в полосе обороны этой немецкой дивизии, была лишь одна 81-я танковая бригада в составе всего 10 танков, из них КВ – 2 (один требовал капремонта), Т-34 – 6, Т-60 – 1 и Т-70 – 1.)

К этому времени и в штабе 123-й пехотной дивизии вермахта, которая заняла участок обороны на правом фланге перед нашими 150 *сд* и 44 *олбр* на участке Касавицы – Бастрова, отмечали: «В ходе атаки противник развернул 4 стрелковые бригады и 1 стрелковую дивизию, которые были полностью укомплектованы пополнением и, по заявлениям пленных, находились под командованием 6-го Сталинского корпуса. В артиллерийском вооружении противника были 15 легких, 4-6 средних и 3-5 тяжелых артиллерийских батарей... Корпус имеет около 170 артиллерийских орудий всех калибров до 20 см и 3 батареи минометов залповой стрельбы. Один из пленных рассказал о новом типе метательного устройства с квадратными снарядами с очень сильным взрывным действием, которые должны были использоваться в ходе атак...»

В 24-00 час 10 марта 1943 г. на основании приказа командующего Калининским фронтом № 0126/ОП от 6 марта 1943 г. Оперативная группа генерал-лейтенанта М.Н. Герасимова была расформирована, а все подчиненные ей войска вошли в состав 22-й армии под командованием генерал-лейтенанта В.А. Юшкевича, штаб которой к этому времени разместился в лесу севернее деревни Поповская (приказ по войскам 22-й армии № 074 от 11.03.1943 г.)

С этого времени 6-й Сталинский стрелковый корпус уже в составе 22-й армии окончательно перешел к обороне во всей полосе, где только несколько дней назад наступал. Его соединения, сменяя друг друга, совершенствовали инженерное оборудование занимаемых позиций и опорных пунктов, строили дзоты, площадки для стрельбы из ПТР и пулеметов, отрывали сплошные траншеи на взвод и огневые позиции для минометов и орудий, устраивали различные заграждения перед передним краем, на флангах и на наиболее опасных участках местности в глубине районов обороны, саперы устанавливали минные поля, а выведенные в резерв корпуса бригады строили, восстанавливали и укрепляли мосты, дороги, рокады и колонные пути от фронта в тыл, а также занимались боевой подготовкой и принимали новое пополнение.

В течение месяца на переднем крае происходила постоянная перегруппировка сил и средств, ротация стрелковых подразделений. При этом командование армии особое внимание обращало на постоянное ведение разведки, охранение и действия снайперских групп на переднем крае и в полосе обеспечения, которая составляла на различных участках от 1 км до 3 км. Противник также, после ряда неудавшихся контратак, стал переходить к обороне.

(Парадокс заключался лишь в том, что перед фронтом 6 ск оборонялись три полнокровные боевые дивизии вермахта (12, 93, 123), и это без учета всех охранных полков и подразделений СС, а перед 2 *гв.ск.* в районе г. Холм, – только одна пехотная дивизия, с подразделениями которой уже на протяжении года безрезультатно воевали три советские стрелковые дивизии со средствами усиления. Видно, фашисты, по опыту боев под Демянском, не были до конца уверены, что русские на Локнянском направлении окончательно переходят к обороне, и ждали очередного прорыва. При этом надо отдать должное начальнику разведки 22-й армии, который к коротким срокам сумел наладить

связь с партизанскими отрядами Локнянского района, и теперь штаб армии в реальном времени постоянно получал новые данные о всех передвижениях и местах расположения противника.)

Весна брала свое. В начале марта стояла ясная солнечная погода. На открытых участках уже давно сошел снег, а в ледяном покрове небольших речушек появились трещины, края начали подвиги льда и уровень воды в них постоянно повышался. Проселочные дороги стали не проходимыми для всех видов транспорта, санные пути прекратили свое существование. В конце марта погода испортилась, стал накрапывать дождь, котлованы и овраги заполнились талой водой, почва окончательно размокла, превратив всю местность в одно большое непроходимое месиво грязи до коленей, что резко снизило возможности тыловиков по снабжению утопающей в грязи пехоты на передовых рубежах обороны. Куда ни ступишь – вода, сырость, слякоть.

Еще 9 марта 1943 г. батальон автоматчиков 91 *осбр* сменил на боевых позициях 2-й «матросовский» батальон, и теперь бойцы и командиры могли в тыловом районе поесть горячей пищи, помыться в бане, устроенной в одном из блиндажей, сменить нательное белье и обмундирование, надеть новые сапоги и шинели, но многие предпочитали выпросить у старшин телогрейки или ватники – уж больно неудобно было бегать в шинелях по чавкающей грязи траншей и находиться в окопах.

Первыми в резерв корпуса были выведены батальоны 74 *осбр*, которые сдали свои боевые позиции подразделениям 91-й бригады, правый фланг обороны которой растянулся еще на 3 км. Затем сдала свои позиции 46 *осбр*. Ее батальоны сменили бойцы морской пехоты из состава 15 *гв.мсбр*, вошедшей в состав армии. К 14 марта 1943 г. подразделения этой гвардейской бригады сменили на северном фланге 6 *ск* и батальоны 54 *осбр*.

Из состава 22-й армии стали постепенно снимать с огневых позиций и выводить в резерв артиллерийские полки и дивизионы фронтового подчинения и Ставки ВГК. Все остальные части армии до середины марта находились на прежних рубежах. Противник активности не проявлял, лишь периодически вел артиллерийско-минометный огонь по нашим позициям, а наши артиллеристы отвечали. Только авиация фашистов постоянно, изо дня в день, совершала не только свои разведывательные полеты, но и удары по передовым опорным пунктам и тыловым районам наших войск, одновременно применяя по 10-25 бомбардировщиков.

15 марта 1943 г. командир 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков генерал-майор С.И. Поветкин подписал свой приказ о награждении офицеров и красноармейцев за подвиги, образцовое выполнение боевых заданий в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество. Многие из списка этого приказа были награждены посмертно. Одновременно Степан Иванович подписал подготовленные документы на наиболее отличившихся офицеров и бойцов частей корпусного подчинения для награждения командующими армии и фронта, а также представления к награждению высшими наградами и званиями Указом Президиума Верховного Совета СССР, в том числе и на красноармейца А.М. Матросова и лейтенанта М.П. Лукьянова из 91 *осбр*. И вскоре все наградные документы с тремя экземплярами приказа по 6-му стрелковому корпусу были доставлены в штаб 22-й армии.

Вечером 16 марта 1943 г. в направлении железнодорожной станции Великополье, которая находилась в 18 км восточнее Великих Лук, выехали две группы офицеров штаба армии для встречи прибывающих в состав 6-го Сталинского корпуса 75-й и 78-й стрелковых бригад, которые соответственно переходили в армейский резерв и корпусной.

К 20 марта 1943 г. на переднем крае обороны корпуса по рубежу рек Локня и Чернушка занимали оборону только подразделения 150 *сд* и 91 *осбр*. К этому времени 75 *осбр* Сталинского корпуса сосредоточилась в заранее определенном районе. 78 *осбр* еще находилась на марше и прибыла в свой район сосредоточения на правом берегу р. Ловать, с центром в селе Самушценки, только к исходу 22 марта 1943 г.

24 марта 1943 г. из оперативного подчинения 6-го стрелкового корпуса сибиряков вышла 44 *олбр*, которая вновь вошла в состав соседа слева – 3-й Ударной армии. Штабом Калининского фронта была изменена разграничительная линия между двумя армиями, и часть населенных пунктов и оборонительных рубежей осталась за добровольческим корпусом, поэтому 150 *сд* пришлось расширять и так большой фронт своих позиций слева. К этому времени в резерве корпуса находились 78-я, 74-я, 46-я *осбр* и 81 *тбр*, в армейском – 75 *осбр* и 15 *гв.мсбр*, а в тылу передовых частей корпуса заняли свои рубежи 37-й и 38-й заградотряды войск НКВД. Но никто из бойцов сибирских добровольческих подразделений даже и не помышлял об оставлении занимаемых позиций.

К концу марта штаб 22-й армии в очередной раз сократил полосу обороны соседа справа и изменил разгранлинии между корпусами, поэтому батальоны 75 *осбр* в ночь на 28 марта 1943 г. сменили подразделения 117 *сд* 2 *зв.ск* и перешли к обороне участка на правом фланге 6 *ск*. В это время артиллерия 150 *сд* и 91 *осбр* методически разрушала обнаруженные нашей разведкой блиндажи, дзоты и огневые позиции артиллерии противника, 78 *осбр* сменила свой район расположения, а 81 *тбр* перешла в состав 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

Относительное затишье наступило на всем советско-германском фронте, и фашисты и войска Красной Армии перешли к обороне, восстанавливая свою боеспособность после зимних сражений. Одновременно проходила и стратегическая перегруппировка войск обеих армий на новые направления.

Воспользовавшись моментом, 10 апреля 1943 г. политработники 91 *осбр* во всех подразделениях провели митинги с участием местных жителей, оставшихся в живых после гитлеровской оккупации, которые рассказали о зверствах и мученической смерти ни в чем не повинных русских женщин, стариков и детей от рук фашистских захватчиков. Воины бригады поклялись отомстить немецким варварам за смерть и страдания наших советских людей.

Боевая летопись 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков завершалась, но Великая война продолжалась и еще много унесет человеческих жизней. Она уже стала всенародной. Фронту и родной Рабоче-Крестьянской Красной Армии помогала вся страна. Не остались в стороне и, оставшиеся в живых, воины 91-й стрелковой бригады. Из своих небольших сбережений они еще к 7 января 1943 г. собрали на танковую колонну 200 471 руб., в том числе наличными 53 770 руб., а еще через двенадцать дней эта сумма достигла 269 211 руб. Эти средства передали в финотдел корпуса и с телеграммой И.В. Сталину отправили в фонд обороны страны.

Все средства дошли до адресата, а 16 апреля 1943 г. на имя комкора и его заместителей поступила шифрограмма от Иосифа Виссарионовича: «Поветкину, Пичугину, Хмытьеву. Благодарю бойцов и командиров корпуса, собравших 3 868 521 руб. на строительство вооружений для Красной Армии и внесших в фонд обороны 829 600 руб. облигациями госзаймов. Сталин». (В переводе на вооружение – это 9 танков Т-34 – авт.)

В этот же день, 16 апреля 1943 г., штаб 22-й армии получил приказ командующего Калининским фронтом № 00233/ОП, в котором сообщалось, что 6 ск в полном составе в течение двух ночей с 20 по 22 апреля 1943 г. должен быть смнен на переднем крае и выбыть из состава 22-й армии в резерв Ставки ВГК. Одновременно был получен еще один приказ из штаба фронта № 00230/ОП, из которого следовало, что командование, штаб и все корпусные части 2-го гвардейского стрелкового корпуса, передав свои стрелковые дивизии командарму-22, в 21-00 час 20 апреля 1943 г. должны выступить на юго-восток и к утру 23 апреля 1943 г. сосредоточиться в районе южнее г. Торопец.

На следующий день, 17 апреля 1943 г., штаб 22-й армии получил новый приказ № 30089, теперь уже Ставки Верховного Главнокомандующего, в котором сообщалось, что 22-я армия и участки обороны Калининского фронта, занимаемые ею, передаются в состав войск Северо-Западного фронта с 24-00 час 20 апреля 1943 г. В этом же приказе Ставка ВГК определила и новые разграничения между советскими фронтами.

Время было крайне ограничено, поэтому и штаб армии, и штабы стрелковых корпусов немедленно приступили к выполнению приказов Ставки и фронта, используя относительное затишье на переднем крае обороны своих войск. В лучшем положении оказались управление, штаб и корпусные части 2 *зв.ск*, которые непосредственно не находились на переднем крае, а вот соединениям 6-го Сталинского корпуса необходимо было перед совершением марша в новый район еще и передать свои боевые позиции на линии фронта новым частям. К смене подразделений сибиряков стали готовиться 46 *осбр* и две гвардейские бригады морских пехотинцев – 11-я и 15-я отдельные морские стрелковые. Причем оборонительные позиции 150 *сд* полностью принимала 11 *омсбр*, 91 *осбр* – 15 *омсбр*, а 75 *осбр* – 46 *осбр*.

В оставшиеся дни и часы до смены теперь уже наша артиллерия не жалела снарядов, чем изрядно напугала фашистское командование, потому что с установкой сплошной линии фронта, минных полей и различных заграждений разведке противника приходилось не легко, как прежде, своевременно добывать необходимые сведения. Так, 19 апреля 1943 г. артиллерия 150 *сд* произвела мощный огневой налет по району д. Царево, уничтожив фашистский дзот, блиндаж с личным составом и склад с боеприпасами, а артиллерия 91 *осбр* своим огнем по району Осипово Села уничтожила немецкий блиндаж и

до 25 фашистов. Прийдя в себя, враг не остался в долгу и уже ближе к вечеру произвел свои короткие огневые налеты, выпустив до 350 снарядов по нашим позициям. На остальных участках фронта активных боевых действий не было.

В это же время в штабе 22-й армии шла кропотливая работа. Генерал-лейтенант В.А. Юшкевич торопил своих офицеров. Не забыл Василий Александрович и о награждении офицеров и бойцов этих двух корпусов, представления на которых давно лежали в армейских кадрах. Пришлось «очень загруженным» офицерам наградного отдела штаба армии поработать и по ночам. В указанный командармом срок они представили ему на подпись проект приказа о награждении большого количества военнослужащих двух стрелковых корпусов, который он, не раздумывая, подписал вечером 19 апреля 1943 г. Одновременно Василий Александрович вместе с членом Военного совета армии генерал-майором А.М. Катковым подписали наградные листы к присвоению высоких званий и награждению высшими наградами Родины командующим фронтом на старших офицеров этих корпусов и на наиболее отличившихся воинов, павших смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками, в том числе на красноармейца А.М. Матросова и лейтенанта М.П. Лукьянова из 91 *осбр*.

Строго в указанный срок на переднем крае обороны армии началась смена войск 6-го Сталинского стрелкового корпуса, войска которого уже в ночь на 23 апреля 1943 г. начали движение в сторону г. Гжатск (Гагарин). Прием и сдача боевых участков были оформлены актами с указанием места нахождения минных полей, количества инженерных сооружений, линий переднего края и сведений от противника. Уже в пути следования их догнала Директива заместителя НКО СССР Маршала Советского Союза А.М. Василевского № орг/2/133681 от 19 апреля 1943 г., на основании которой 6 ск добровольцев-сибиряков преобразовывался в 19-й гвардейский стрелковый корпус, а его бригады – в гвардейские полки и дивизии.

Это сообщение вначале вызвало у командования недоумение – может ошибка или опечатка – ведь никто даже не предполагал, что после явного провала наступления под г. Белый и на Локнянском направ-

лении руководство страны и Красной Армии вообще наградит командиров и начальников 6-го Сталинского стрелкового корпуса. А тут!

Большинство кадровых военных знало, что гвардейское звание частям или соединениям присваивалось только по личному указанию И.В. Сталина за признание боевых заслуг, за массовый героизм, мужество и высокое воинское мастерство их бойцов и командиров, проявленные в боях с фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны. При этом военнослужащим гвардейских частей выдавались не только нагрудный знак «Гвардия», учрежденный 21 мая 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР, но и всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу этих формирований устанавливался полуторный, а рядовым бойцам двойной оклад ежемесячного денежного содержания.

Но не это радовало добровольцев-сибиряков.

И когда сообщение подтвердилось, удивление сменилось радостью, которое передавалось от командиров бойцам. Теперь все наперебой говорили друг другу: «Это ведь Сам Верховный, Сам Сталин знает, как мы воевали под Белым и в Локнянских болотах, как мы громили ненавистных фашистов. Он все знает, он не забыл, он помнит о своих сталинцах...» Вначале начались стихийные митинги, а потом их возглавили политработники. Весь корпус ликовал. На время забылись и горечь поражений, и боль утрат погибших друзей однополчан.

В тот момент никто даже подумать не мог и даже догадаться об истинной причине появления этой Директивы НКО СССР, даже бойцы и командиры 2-го стрелкового батальона 91 *осбр*, друзья и сослуживцы Александра по Краснохолмскому училищу, на чьих глазах совершил свой великий подвиг Матросов.

Почему так произошло, все без исключения узнали намного позже. А пока, прибыв в назначенный район в 4 км южнее г. Гжатск, бригады и дивизия стали доукомплектовываться новым пополнением...

21 апреля 1943 г. войска 22-й армии в полном составе, кроме выходящего на переформирование 6 *ск*, перешли в подчинение командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника И.С. Конева, которого Ставка ВГК уже дважды отстраняла от командования Западным фронтом за просчеты в руководстве во время Вяземской катастрофы осенью 1941 г., когда от суда и возможного расстрела его спас Г.К. Жуков, назначив с разрешения И.В. Сталина своим

заместителем, и после тяжелейшей для советских войск Ржевской битвы в 1942 г. Еще 27 февраля 1943 г. Конев был снят с поста командующего Западным фронтом с формулировкой «как не справившегося с задачами руководства фронтом» за неудачно, с большими потерями проведенным наступательным операциям, особенно за провал наступления войск 5-й армии по освобождению г. Гжатск. (Уже после войны во времена «хрущевской оттепели», когда Георгий Константинович Жуков был в опале с новой властью страны, Иван Степанович Конев сумел «отблагодарить» того за спасенную жизнь, выступив с обвинениями в его адрес в центральной прессе. И никто ни разу не спросил с этого полководца за сотни тысяч загубленных жизней его подчиненных в боях под Смоленском и Москвой в 1941-1942 гг.)

Ставка ВГК и лично И.В. Сталин также критически оценивали действия руководства Калининского фронта. Даже Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция 1943 г. не спасла генерал-полковника М.А. Пуркаева от различных московских комиссий. Но официальным поводом для отстранения от командования фронтом Максима Алексеевича явился тот факт, что из-за плохой организации продовольственного снабжения за три месяца 1943 г. в соединениях и частях фронта было зафиксировано 76 случаев смерти солдат от истощения. Вместе с командующим от своей должности был освобожден и его заместитель генерал-лейтенант М.Н. Герасимов.

25 апреля 1943 г. генерал-полковник М.А. Пуркаев был снят с должности командующего, но только 29 апреля 1943 г., вновь назначенный, генерал-полковник А.И. Еременко принял у Максима Алексеевича Калининский фронт.

Генерал-полковник М.А. Пуркаев так и не подписал документы о награждении бойцов и командиров 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков, хотя Маршал Советского Союза Г.К. Жуков всегда отмечал его «большую собранность и великопные организаторские способности...»

Видно, было не до этого.

Герой Советского Союза

В первых числах марта 1943 г., просматривая донесения от начальников политотделов бригад и дивизий Оперативной группы, заместитель начальника политуправления Калининского фронта 39-летний полковник М.Г. Гуревич обратил внимание на шифрограмму № 028243 от 28 февраля 1943 г из 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков, подписанную начальником политотдела майором М.В. Ильяшенко, в которой тот сообщал о героическом подвиге погибшего смертью храбрых красноармейца 2-го батальона комсомольца Матросова, закрывшего амбразуру фашистского дзота своим телом ради сохранения жизней своих товарищей и выполнения боевой задачи. Макс Григорьевич ежедневно читал в подобных сообщениях много записей от подчиненных политработников о подвигах советских воинов на поле боя, но этот поступок, мужество и героизм молодого солдата, который в первые дни наступления пожертвовал собой ради жизни своих однополчан, задел его душу. Он подчеркнул запись об Александре Матросове и доложил об этом своему начальнику генерал-майору М.Ф. Дребедневу и члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Д.С. Леонову, которые также заинтересовались героическим бойцом и его подвигом.

Уроженец г. Бобруйск Минской губернии (Могилевская обл., Белоруссия) полковник М.Г. Гуревич хорошо знал свое дело, ведь еще задолго до войны служил и работал в отделе агитации и

Гуревич
Макс Григорьевич

пропаганды Политуправления РККА (с 1941 г.— Главное политическое управление РККА). В мае 1939 г. Макс Григорьевич был назначен начальником этого отдела главка с присвоением звания бригадный комиссар. А уже через год, 29 августа 1940 г., приказом НКО СССР №03911 М.Г. Гуревич был назначен заместителем начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии. Он был награжден орденом Красной Звезды, и ему присвоили звание дивизионный комиссар. В этой же должности он встретил начало Великой Отечествен-

ной войны и долгое время считался ведущим специалистом в своем деле.

В начале лета 1942 г. начальника ГлавПУ РККА – заместителя Наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Льва Захаровича Мехлиса, «прославившегося» в войсках своей чрезмерной жестокостью, когда во внесудебном порядке перед строем расстреливал старших армейских офицеров (начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров – 11 сентября 1941 г.), Директивой Ставки ВГК № 155452 от 4 июня 1942 г. по итогам его деятельности на Крымском фронте отстранили от должности, понизили в звании на две ступени до корпусного комиссара, сняли с поста заместителя Наркома обороны и направили в войска.

Одновременно с ним лишились своих должностей и его заместители, в том числе и дивизионный комиссар (полковник) М.Г. Гуревич, который был направлен с понижением в должности на Калининский фронт – заместителем начальника политуправления.

12 июня 1942 г. на главную политическую должность в РККА был назначен Александр Сергеевич Щербаков, который еще до войны возглавлял Московскую областную и городскую партийную организацию, сменив на этом посту Н.С. Хрущева, входил в состав Оргбюро ЦК партии, был секретарем ЦК, отвечающим за идеологию, и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С началом Великой Отечественной войны он был к тому же назначен еще и на должность начальника Совинформбюро. Кроме всех этих должностей, с октября 1942 г. по май 1943 г., Александр Сергеевич был заместителем

Щербаков
Александр Сергеевич

Народного комиссара обороны СССР, то есть самого И.В. Сталина, который доверял А.С. Щербакову и, не раздумывая, ставил свой автограф на тех документах, где уже тот расписался. Александр Сергеевич это доверие ценил и полностью его оправдывал. 6 декабря 1942 г. сугубо гражданскому человеку, который служил в годы Гражданской войны совсем еще мальчишкой рядовым в Красной Гвардии, было

присвоено звание генерал-лейтенант, а затем и – генерал-полковник.

Александр Сергеевич хорошо знал М.Г. Гуревича, высоко оценивал его организаторские и руководящие способности, но приказ Ставки обсуждать не стал, тем более что сам Макс Григорьевич просился на фронт.

Полковник Гуревич прекрасно понимал, что этот яркий пример смелости, мужества, презрения к страху и смерти, которые испытывает каждый боец в первом бою, особенно молодой, необстрелянный, так нужен сейчас на фронте в войсках, когда предстояло наступление на коварного и сильного врага после длительного, почти годового нахождения в обороне, в добротных, теплых, обжитых блиндажах и окопах. Поэтому, получив «добро» от своих непосредственных начальников, подготовил и отправил политдонесение с описанием подвига молодого красноармейца 91-й Сталинской стрелковой бригады Александра Матросова с пометкой «срочно» в Главное политическое управление РККА на имя А.С. Щербакова, прекрасно понимая, что тот не оставит без внимания этот героический поступок рядового пехоты в столь ответственный и переломный момент Великой Отечественной войны для поднятия морального духа советских воинов в борьбе с озверелым фашизмом и изгнания этих варваров с нашей многострадальной земли. И «попал в точку».

Одновременно, не дожидаясь «ценных» указаний своего начальства, Макс Григорьевич отдал распоряжение подчиненным в кратчайшие сроки подготовить и выпустить листовку с описанием подвига красноармейца А.С. Матросова. И пока одни политработники составляли текст листовки, за основу которой взяли донесение майора М.В. Ильященко, другие отправились в бригаду за фотографией бойца. Но, к сожалению, кроме снимка в комсомольском билете ни в штабе, ни у оставшихся в живых сослуживцев героя других документов обнаружить не удалось. Недолго думая, представитель политуправления фронта отклеил фотографию Александра Матросова от комсомольского билета, который с другими документами взял с собой, и постарался перефотографировать небольшой снимок, но попытка не увенчалась успехом. Тогда срочно стали искать в рядах соединений и частей фронта хорошего художника.

78 *осбр* не принимала участия в февральском наступлении 6 *ск*, но в артиллерийском дивизионе этой бригады служил молодой художник

сержант Б.Я. Ряузов, который в минуты отдыха рисовал своих сослуживцев. [После войны он стал членом-корреспондентом Академии художеств СССР (1970), лауреатом Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина (1973), народным художником РСФСР (1978).]

Борис Яковлевич вспоминал, что однажды в марте 1943 г. в расположение бригады приехал офицер из вышестоящего штаба и его вызвали к командиру. Офицер рассказал, что в соседней части молодой боец Александр Матросов закрыл своим телом пулемет в амбразуре дзота противника и погиб. Узнав, что сержант Ряузов может нарисовать портрет героя для фронтовой газеты по фотографии, офицер обрадовался и попросил художника изобразить Матросова в зимнем обмундировании.

Много картин нарисовал Борис Яковлевич Ряузов, но эту запомнил на всю жизнь. Он рисовал портрет героя в темном блиндаже под светом лампы-коптилки, сделанной руками умельцев из гильзы патрона для противотанкового ружья. Фотография была маленькая и умещалась на левой ладони. Вначале сержант нарисовал несколько карандашных набросков, которые стали первыми фронтовыми изображениями Александра Матросова и очень понравились не только офицеру штаба, но и присутствовавшим бойцам. И лишь потом приступил к портрету красноармейца, взяв за основу наиболее удачный набросок. Впоследствии Борис Яковлевич очень гордился этим рисунком, который стал каноническим, потому что все последующие изображения героя в основе своей дополняли его работу. (Единственный, кто не оценил в своих воспоминаниях работу художника, был помощник начальника политотдела Краснохолмского военного пехотного училища по работе среди комсомольцев капитан в отставке А.А. Григорьянц, который не увидел сходства рисунка с фотографией Матросова, но, к сожалению, негатив пленки не сохранился, а фотография из комсомольского билета Матросова где-то затерялась или лежит в какой-нибудь папке в архиве и дожидается своего звездного часа.)

Ряузов
Борис Яковлевич

В это время начальник Главного политического управления РККА генерал-лейтенант А.С. Щербаков на одном из совещаний в Ставке ВГК доложил И.В. Сталину о подвиге бойца 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков Калининского фронта Александра Матросова и представил подписанные им лично необходимые документы. Иосиф Виссарионович не остался равнодушным и по тексту донесения синим карандашом крупно написал: **«Боец — Герой! Корпус — Гвардейский!»**

Александр Сергеевич прекрасно понимал, что все остальные действия о приведении указаний вождя в жизнь лежат на нем, тем более что Иосиф Виссарионович обладал уникальной памятью и мог в любой момент, как правило, неудобный, спросить лично с него о ходе выполнения данного распоряжения. Поэтому, не теряя времени, А.С. Щербаков на правах заместителя НКО СССР встретился с начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза А.М. Василевским и довел ему указания И.В. Сталина.

Александр Михайлович тоже знал, что исполнение данного распоряжения вождя теперь будет под постоянным контролем не только И.В. Сталина, но и начальника ГлавПУ РККА, поэтому сразу же отдал распоряжение своим подчиненным о подготовке необходимых документов о формировании нового гвардейского стрелкового корпуса и трех гвардейских стрелковых дивизий на базе соединений и частей 6 ск добровольцев-сибиряков. Вскоре ему доложили, что для выполнения данного распоряжения Сталинский стрелковый корпус необходимо снять с боевых позиций и вывести в резерв Ставки. Для этого Генштаб быстро разработал, а А.М. Василевский подписал ряд приказов и Директиву.

И уже менее чем через месяц Директивой заместителя НКО СССР № орг/2/133681 от 19 апреля 1943 г. на основании приказа Ставки ВГК от 16 апреля 1943 г. 6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус сибиряков был выведен в резерв Ставки и направлен в указанный район на переформирование в 19-й гвардейский Сталинский Сибирский стрелковый корпус. 150-я Сталинская добровольческая стрелковая дивизия сибиряков преобразовывалась в 22-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 75-я Сталинская отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков и 78-я Сталинская отдельная добровольческая стрелковая бригада красноярцев-сибиряков были обращены на

формирование 65-й гвардейской стрелковой дивизии, хотя в Холм-Локнянской наступательной операции они участия не принимали, а из 74-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады алтайцев-сибиряков и 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков была образована 56-я гвардейская стрелковая дивизия. 2-й «матросовский» стрелковый батальон вошел в состав 254-го гвардейского стрелкового полка этой дивизии. Из их названий навсегда исчезли слова «сталинские», «добровольческие», «сибирские» с указанием районов их первоначального формирования. Да оно и понятно, ведь в составе стрелковых рот и батальонов этих бригад и дивизии остались единицы выживших героев – добровольцев-сибиряков. А вот о 46 *осбр*, 54 *осбр*, 44 *олбр* и 81 *тбр* никто даже не вспомнил, ни один журналист, ни один писатель или краевед, не только в то время, но и после войны. А ведь они также активно вели боевые действия, несли потери, освобождая наши деревни и села.

Свою часть распоряжения вождя генеральный штаб под руководством «молодого» Маршала Советского Союза А.М. Василевского успешно выполнил в короткие сроки, а вот с присвоением звания героя возникли определенные трудности в связи с назначением нового командующего Калининским фронтом генерал-полковника А.И. Еременко, который после лечения в Грузии прибыл в Москву в распоряжение Ставки ВГК. Андрей Иванович уже был ознакомлен лично И.В. Сталиным с приказом о его назначении, но на фронт не торопился, тем более что ему это разрешил сам Иосиф Виссарионович. Он тоже не был в почете у И.В. Сталина и об этом знал, так что перед тем, как прибыть в штаб Калининского фронта, поинтересовался в Генеральном штабе и ГПУ РККА о положении дел у М.А. Пуркаева и уже знал о героическом подвиге красноармейца Александра Матросова и об указании Самого Верховного на тексте донесения ГлавПУра, но значения этому сообщению не придал. (Уже после войны в своих мемуарах он утверждал, что узнал «о подвиге рядового 2-го батальона 91-й стрелковой бригады 6-го стрелкового корпуса» только «после прибытия на Калининский фронт».)

29 апреля 1943 г. генерал-полковник А.И. Еременко прибыл на командный пункт Калининского фронта, который располагался в 35 км западнее г. Торопец, вблизи д. Подсосенье, в наскоро сколоченных из досок и фанеры домиках и землянках, разбросанных по лесу на

довольно значительном удалении друг от друга в целях маскировки. Его встречали командующий фронтом генерал-полковник М.А. Пуркаев, член Военного совета генерал-лейтенант Д.С. Леонов и начальник штаба фронта генерал-лейтенант В.В. Курасов, которого Андрей Иванович хорошо знал по прежней службе, поэтому считал, что «о лучшем начальнике штаба фронта нечего было и мечтать».

«Товарищи кратко познакомили меня с положением дел на фронте, а вечером В.В. Курасов подробно доложил мне о состоянии войск фронта, о ходе боевых действий и о противнике.

Вслед за мной на фронт прибыл секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-лейтенант А.С. Щербаков. Его приезд был вызван тем, что фронт испытывал большие затруднения в снабжении войск. Он должен был выяснить причины создавшегося положения и помочь нам исправить дело, главным образом в вопросах обеспечения продовольствием. *Он находился на фронте в течение 5 дней.* В его присутствии были проведены два очень важных совещания с аппаратом тыла фронта и с начальниками тылов армий по вопросам организации снабжения войск.

А.С. Щербаков оказал большую помощь фронту. Он встретился со всеми руководящими политработниками армий, корпусов и дивизий, глубоко вникая в конкретные вопросы партийно-политической работы, которую следовало направить на исправление положения и подъем боеготовности и боеспособности войск. Характерным для деятельности А. С. Щербакова было умение направить энергию коммунистов на решение конкретных и наиболее острых вопросов боевой деятельности и жизни войск. Одной из тяжелейших проблем было тогда налаживание питания личного состава, что объяснялось перебоями в подвозе, связанными с весенней распутицей и недостаточной требовательностью к службе снабжения в предшествующий период.

В условиях весенней распутицы Калининский фронт испытывал особые трудности как в использовании всех родов войск в наступлении, так и при их сосредоточении. Фронт был растянут на 340 км. Его правый фланг находился севернее Великих Лук, а левый примыкал к шоссе Москва – Смоленск. Болота, озера, леса затрудняли маневрирование войск, а дороги, проложенные по болотистым местам, в дождливую погоду становились почти непроезжими.

Перед войсками Калининского фронта Верховным Главногоко-

мандованием была поставлена задача в течение ближайших месяцев прочно удерживать занимаемые позиции, совершенствовать оборону, а в отдельных случаях улучшить позиции в тактическом отношении, одновременно готовя войска к наступлению.

Ознакомившись с положением дел в штабе фронта и побеседовав с командармами, я направился в соединения и части, чтобы встретиться с солдатами, офицерами, командирами частей и соединений», – вспоминал после войны Андрей Иванович.

(В конце 1950-х гг., когда имя Александра Матросова уже стало легендой и не только на просторах нашей необъятной Родины, но и далеко за ее пределами, уже Маршал Советского Союза А.И. Еременко, одним из первых написавший свои военные воспоминания, утверждал, что это лично он, узнав в штабе фронта и Политическом управлении о «самоотверженном поступке советского солдата», поинтересовался, как тот отмечен, и, узнав, что никак, направил «одного из офицеров управления фронта, чтобы на месте выяснить все детали героических действий Матросова». А потом на основании этих данных лично им «было направлено представление о присвоении рядовому Александру Матвеевичу Матросову посмертно звания Героя Советского Союза. Ходатайство было удовлетворено...») Но к тому времени Александра Сергеевича Щербакова уже давно не было в списках живых. Он умер 10 мая 1945 г. в 18 час. 15 мин. на 44-м году жизни от обширного инфаркта, и урна с его прахом помещена в Кремлевской стене за Мавзолеем Ленина. Поэтому опровергать утверждения Андрея Ивановича никто не стал, хотя знали, что это не совсем правда, а чрезмерное самовосхваление, стремление к признанию и одобрению со стороны окружающих, желание постоянно быть в центре внимания и подтолкнули Еременко к этой придуманной им самим версии, да еще опирающейся на художественный вымысел первой книги и фильма о герое.)

«Недооцененный гений», каким всегда считал себя Андрей Иванович Еременко, был тщеславным и обидчивым человеком. Он до конца своих дней считал, что у него украли победу под Сталинградом, когда решением Ставки ВГК для окончательного разгрома окруженных немецких войск передали из состава его фронта в Донской (генерал-полковник К.К. Рокоссовский) три армии, которые выдержали все испытания мощнейшего натиска фашистских орд в период обороны города.

И хотя логика развития дальнейших событий показала, что решение Ставки ВГК было верным, он еще в декабре 1942 г. с маниакальным упорством звонил и доказывал всем членам Ставки, в том числе и И.В. Сталину, что они не правы, чем вызвал недовольство и раздражение Верховного, который при первом же случае отстранил его от командования Сталинградским (Южным) фронтом (по состоянию здоровья) и отправил на лечение в одну из кавказских здравниц на четыре месяца.

Андрей Иванович был высокомерен с подчиненными и скуп на награды. Даже маршал Г.К. Жуков, не допустивший в своих воспоминаниях оскорблений в адрес других командиров и начальников, о нем отозвался нелестно: «...А.И. Еременко я знал по кавалерийским курсам...Но, откровенно говоря, народ его не любил за чванливость, с одной стороны, за идолопоклонство – с другой...» Да и маршал А.М. Василевский в интервью К.М. Симонову характеризовал Еременко как человека ловкого и способного «...выкручиваться, втирать очки и...заниматься подхалимажем...» Необоснованно высокая оценка своих возможностей, надменное поведение с подчиненными, склонность к самоутверждению и обвинению всех, только не себя за допущенные ошибки и просчеты, за поражения на поле боя, особенно в первый период войны, – вот неполная характеристика отрицательных черт характера этого полководца.

Несмотря на быстрые изменения обстановки и неспешную работу кадровых органов, представление к званию Героя Советского Союза (посмертно) на красноармейца Матросова было уже подписано командиром корпуса и командующим 22-й армии и находилось в кадрах Калининского фронта, но генерал-полковник А.И. Еременко об этом не знал. Его не интересовало в то время, подписан ли наградной лист на него или нет, ведь 6-й стрелковый корпус находился в резерве Ставки ВГК, а значит, ему не подчинен, и процесс его переформирования еще не начался. Забот у командующего фронтом хватало и без этого. Надо было быстро вникать в оперативную обстановку, знакомиться с подчиненными армиями и соединениями, налаживать снабжение и мн. др. Андрей Иванович даже не подозревал, что Саша Матросов станет национальным героем и через годы, десятилетия многие граждане нашей Великой страны будут вспоминать о его командующем только лишь в свете подвига молодого красноармейца.

Но Александр Сергеевич Щербаков напомнил об этом вначале члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Д.С. Леонову, а затем и самому новому командующему. И хотя Дмитрий Сергеевич, уже ознакомившись с наградными листами и зная отношение А.И. Еременко к наградам, подписал толстым красным карандашом наградной лист на Александра Матвеевича Матросова к награждению орденом Ленина, им вдвоем под пристальным взглядом и в присутствии начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-лейтенанта А.С. Щербакова пришлось утвердить ходатайства комбрига, комкора и командарма и их заместителей по политчасти к присвоению звания Героя Советского Союза (посмертно) Саше Матросову. Это случилось на третий день пребывания Александра Сергеевича в штабе Калининского фронта 2 мая 1943 г., и вскоре все документы были направлены в приемную Президиума Верховного Совета СССР.

(Меня, как автора, многие читатели могут обвинить в предвзятости к полководцу, командующему фронтами в годы Великой Отечественной войны А.И. Еременко, но, к сожалению, многие годы изучая подлинные документы периода этой страшной войны, я не раз сталкивался с подобными случаями награждения высшими наградами и званиями Родины со стороны Андрея Ивановича. Может, ему претило то, что он сам не был героем в то время, хотя всегда таковым себя считал. Но даже присвоение ему столь высокого звания Героя Советского Союза летом 1944 г. не изменило взгляда генерала армии Еременко к наградам своих подчиненных бойцов и командиров. И этому в военной истории немало примеров. Ведь он не стал подписывать наградные листы на остальных командиров и бойцов *6 ск*, тем более что такой корпус для него уже не существовал, а *19 зв.ск* был в резерве Ставки ВГК, находился на переформировании и ему не подчинялся. Поэтому лично я ставлю под сомнение воспоминания А.И. Еременко о том, что именно он был инициатором присвоения звания Героя Советского Союза А.М. Матросову.)

Формирование гвардейских дивизии и полков проходило с *6 по 13 мая 1943 г.* в районе г. Гжатск, по штату № 04/501-12.

С *15 мая 1943 г.* и до конца войны *19-й гвардейский Сталинский Сибирский стрелковый корпус* входил в состав вновь сформированной *10-й гвардейской армии Западного фронта* (генерал-полковник

В.Д. Соколовский). Командиром этого корпуса остался гвардии генерал-лейтенант С.И. Поветкин, который 4 июля 1943 г. на торжественном построении вручил командиру 56-й гвардейской стрелковой дивизии, окончившему ускоренный курс при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова, гвардии полковнику А.И. Колобутину гвардейское Красное Знамя. Командиром 254-го гвардейского стрелкового полка назначили бывшего замкомбрига-91 гвардии майора П.П. Тарабаева, капитана И.Г. Ноздрачева – помощником начальника ПО 56 *гв.сд* по работе среди комсомольцев, капитана В.Н. Климовского – агитатором, а капитана Т.И. Коренского – парторгом 254 *гв.сп*. Остальные офицеры батальона и бригады также пошли на повышение. (Все они остались живы и после Победы на протяжении многих лет вели активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, пропагандируя великий подвиг советского солдата в борьбе за свободу и независимость нашей Родины и рассказывая о легендарном рядовом Александре Матросове.)

До 13 июля 1943 г. части дивизии занимались боевой подготовкой.

Вскоре типография Воениздата НКО (не без участия Александра Сергеевича Щербакова) большим тиражом выпустила листовку «Бессмертный подвиг гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова», которую разослали по всем фронтам, а на Калининском и Западном фронтах их раздали в каждом батальоне и роте.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 г. красноармейцу Матросову Александру Матвеевичу за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Распоряжение Верховного Главнокомандующего было выполнено.

20 июня 1943 г. командующий Калининским фронтом генерал-полковник А.И. Еременко подписал свой приказ о награждении личного состава, но только на 19 чел., в основном младших офицеров и рядовых из частей обеспечения и тыла фронта. Исключением стали лишь четыре полковника из состава управления 6 *ск* и генерал-майор А.И. Виноградов, на которых наградные документы были оформлены еще за бои под г. Белый в декабре 1942 г. И все!

8 сентября 1943 г. вся страна услышала по радио приказ № 269 Народного Комиссара Обороны И.В. Сталина, который гласил:

«23 февраля 1943 года гвардии рядовой 254 гвардейского стрелкового полка 56 гвардейской стрелковой дивизии Александр Матвеевич Матросов в решающую минуту боя с немецко-фашистскими захватчиками за дер. ЧЕРНУШКИ, прорвавшись к вражескому ДЗОТу, закрыл своим телом амбразуру, пожертвовал собой и тем обеспечил успех наступающего подразделения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 г. гвардии рядовому тов. Матросову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова п р и к а з ы в а ю:

1. 254 гвардейскому стрелковому полку 56 гвардейской стрелковой дивизии присвоить наименование:

«254 гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова».

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1 роты 254 гвардейского полка имени Александра Матросова.

Приказ прочесть во всех ротах, батареях и эскадронах.

*Народный Комиссар Оборона
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН»*

Этот приказ был также опубликован в газете «Красная звезда» № 189 от 12 сентября 1943 г. Александр Матросов стал первым советским воином, зачисленным навечно в списки воинской части.

По идеологическим соображениям, для воодушевления и поднятия морального духа советских воинов, дата подвига была перенесена на 23 февраля 1943 г. и приурочена к 25-й годовщине Дня Красной Армии и Флота. (Все, что в приказе не соответствует действительности на момент совершения подвига, выделено автором. Но попробовал бы в те годы, да и после войны, кто-нибудь опротестовать приказ, подписанный самим И.В. Сталиным. Это сегодня все такие смелые. Так официальной датой смерти Александра Матросова стало 23 февраля 1943 г. И до сих пор никто не взял на себя смелость изменить ее, поэтому во всех официальных документах, на многих памятниках, бюстах, других монументах указана дата гибели А.М. Матросова, взятая из приказа НКО, хотя в это время он

был еще жив. А некоторые современные, уважаемые исследователи подвига героя, несмотря на официальные документы периода Великой Отечественной войны, пытаются доказать своим читателям, что погиб Александр 25 февраля 1943 г., опираясь якобы на рассекреченные немецкие источники, хотя в них нет ни слова об этом.)

Только после опубликования в центральной печати приказа Народного Комиссара Оборона И.В. Сталина многим выжившим в предыдущих боях командирам и бойцам стало ясно, что именно подвиг молодого 19-летнего комсомольца Матросова из 91-й стрелковой бригады был причиной столь неожиданной для всех реорганизации их Сталинского корпуса добровольцев-сибиряков в гвардейский.

Первым из всех наркомов отреагировал на данный приказ вождя народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности Л.П. Берия, который своим приказом № 633 от 18 октября 1943 г. «О реорганизации Уфимской трудовой колонии несовершеннолетних заключенных в Уфимскую трудовую воспитательную колонию имени Александра Матросова» приказал: «Присвоить Уфимской трудовой воспитательной колонии имя Героя Советского Союза Александра Матросова. Народному комиссару внутренних дел Башкирской АССР полковнику государственной безопасности тов. Бабенко обеспечить приведение колонии в образцовый порядок».

А Башкирский обком ВКП(б) и Совнарком Башкирской АССР

Гульчак
Георгий Степанович

приняли совместное постановление «Об увековечении памяти Героя Советского Союза А. Матросова». Согласно этому документу в Уфе появилась улица героя, его именем назвали уфимский Центральный парк культуры и отдыха и Детский кино-театр. Позднее было решено соорудить памятник герою.

Гульчак Георгий Степанович (1921 – 1997) был легендарной личностью. Добровольцем ушел на фронт в октябре 1941 г. вместе со своими однокурсниками – студентами МЭИ. Участник парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади. Сражался с фашистами

под Москвой в составе 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии. Был ранен в марте 1942 г. После госпиталя направлен в Подольское пехотное училище, после окончания которого с 3 февраля 1943 г. воевал в составе 91 *осбр* Калининского фронта, где 4 марта 1943 г. был вторично ранен и отправлен в госпиталь.

После госпиталя лейтенант Гульчак был назначен на должность командира стрелковой роты 255 *зв.сп* 65 *зв.сд* 19 *зв.ск*. В бою 3 сентября 1943 г. был тяжело ранен, но с поля боя не ушел, продолжая командовать ротой, пока не потерял сознание. Был перебит позвоночник и кости бедра. Комиссован. Инвалид Великой Отечественной войны 2-й группы. Но не сдался и после войны окончил Краснодарский институт пищевой промышленности. Работал на различных должностях на Урале, а потом в Москве, откуда когда-то ушел на фронт. С 1986 г. – персональный пенсионер союзного значения. На протяжении жизни активно участвовал во всех мероприятиях Совета ветеранов г. Москвы. Ушел из жизни 18 июня 1997 г.

А о лейтенанте Михаиле Павловиче Лукьянове забыли на долгие тридцать лет. Лишь в 1974 г. по ходатайству Совета ветеранов 91-й бригады и 254-го гвардейского стрелкового полка его подвиг был зарегистрирован Комиссией по увековечению памяти погибших при защите Отечества при Советском комитете ветеранов войны, созданной по инициативе генерала армии П.И. Батова, который и возглавлял в то время данный комитет. Но предпринятые ветеранами и комиссией попытки награждения лейтенанта Лукьянова не нашли поддержки ни в ГлавПУре, ни в МО СССР.

Шли годы, ветераны «матросовской» бригады уходили в мир иной, менялся их состав, но неизменно о Мише Лукьянове помнил его друг и сокурсник Георгий Гульчак. В 1983 г. газета «Комсомольская правда» в статье «Сердце Матросова», посвященной 40-летней годовщине со дня смерти Александра Матвеевича, опубликовала интервью бывшего командира 2-й стрелковой роты 2-го «матросовского» батальона лейтенанта Георгия Степановича Гульчака, который являлся одним из немногих свидетелей гибели Михаила Павловича Лукьянова уже после завершения выполнения боевой задачи и освобождения деревни Чернушка.

Заслуженный ветеран, работая старшим референтом по вопросам внешней торговли Управления Делами Совета Министров

СССР, Георгий Степанович ничего не утаил от корреспондента и рассказал о смерти молодого офицера, повторившего подвиг Александра Матросова. Не забыл он и упомянуть, что за свой подвиг лейтенант Лукьянов не был награжден даже медалью. Никто из политработников бригады не описал его подвиг, очевидцы скромно промолчали, а наградной лист на лейтенанта Михаила Павловича Лукьянова «просто» затерялся в управлении кадров Калининского фронта.

Не верить воспоминаниям Г.С. Гульчака нельзя, ведь они всю жизнь напоминали ему, что он остался жив, а друзья погибли. И исполняя святую миссию по отношению к ним, Георгий Степанович добровольно наложил на себя обязательства восстановить справедливость о забытом герое – лейтенанте Лукьянове. Гульчак писал письма в Министерство обороны СССР, а потом и в МО РФ, выступал по радио и на телевидении Москвы. Пытался, но ничего не добился.

9 мая 2015 г. останки 14 воинов 91 *осбр*, в том числе и лейтенанта Лукьянова, найденные поисковиками Псковской области, были перезахоронены в братской могиле в центре деревни Юхово Локнянского района.

(Молодой руководитель поискового отряда «Память» Локнянского района Валерий Мазенков много делает хороших дел и надеется, что в ближайшее время эта ошибка истории будет исправлена. К сожалению, автор не разделяет его оптимизма, потому что знает, что бюрократическую стену, хоть гражданскую, хоть военную, пробить просто невозможно. Исключением может быть, только если САМ Верховный Главнокомандующий заинтересуется этим вопросом, как это было с красноармейцем Матросовым, тогда все решится быстро и помпезно. Ведь присвоили же через 79 лет, 22 сентября 2022 г., звание Героя РФ комиссару подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Виктору Иосифовичу Третьякевичу (посмертно) «за активное участие в создании и деятельности организации, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Но пока для лейтенанта Михаила Павловича Лукьянова за прошедшие более 80 лет не нашлось в нашей огромной стране своего Александра Сергеевича Щербакова. Наверное, надо дожидаться 100-летней годовщины Дня Победы,

чтобы восторжествовала справедливость к еще одному забытому герою. Но, к сожалению, наше послевоенное поколение детей тех героев Великой войны уже об этом не узнает.)

***Артюхов Григорий Сергеевич* (1918–13.10.1943).**

Родился в селе Покровка Маслянского (Сладковского) района Омской (Тюменской) области в семье Сергея Кирсановича Артюхова (по другим сведениям он родился в г. Новосибирске, а в 1921 г. семья переехала к родственникам вначале в село Гаврино, а затем в Покровку). Григорий был третьим сыном, а всего в семье Артюховых было четверо сыновей. После окончания 8-летней школы он поступил учиться в Ишимский сельскохозяйственный техникум на специальность зоотехника и после завершения учебы работал заведующим животноводческой фермы в колхозе им. Димитрова. Но поработал немного. В 1938 г. Маслянским РВК был призван в ряды Красной Армии. Служил ветфельдшером в Сибирском военном округе, где был принят в ряды ВЛКСМ. В 1940 г. после окончания службы в звании старшины вернулся в свой колхоз на прежнюю должность.

Но началась Великая Отечественная война. Григория Артюхова в сентябре 1941 г. снова призвали в ряды РККА и направили на ускоренные курсы Красноярского военного пехотного училища, после завершения которых лейтенант Артюхов распоряжением ГУК НКО вначале был в резерве УК СибВО, но уже 23 февраля 1942 г. прибыл на фронт в 145 *сд* 4-й ударной армии Калининского фронта, которая в предыдущих боях понесла большие потери, на должность командира стрелкового взвода. Так сугубо гражданский человек мирной профессии стал кадровым военным.

Уже в первых боях лейтенант Артюхов зарекомендовал себя с хорошей стороны, и вскоре их батальон был направлен в армейский тыл для организации комендантской службы на дорогах, колонных путях и рокадах. Ему поручили отдельный участок. Григорий Артюхов отнесся к порученному заданию со всей ответственностью и был назначен вначале заместителем, а затем и комендантом участка, отведенного его роте. 28 марта 1942 г. он был ранен осколком разорвавшегося вражеского снаряда и после госпиталя направлен на учебу на курсы «Выстрел», после окончания которых был назначен на должность командира роты в свою дивизию. 3 августа 1942 г. ему было присвоено звание старший лейтенант.

Зимой 1942-1943 гг. в непрестанных изнуряющих стычках с врагом он был второй раз ранен, а после госпиталя, 29 января 1943 г., назначен на должность начальника штаба 2-го стрелкового батальона 91-й отдельной стрелковой бригады. В боях под д. Чернушка Григорий Сергеевич был ранен третий раз, но с поля боя не ушел и убит в медсанроту только тогда, когда убедился, что батальон выполнил боевую задачу. 18 апреля 1943 г. ему присвоили очередное звание капитан. Прибыв после излечения в свою часть, он узнал, что его батальон стал гвардейским, а бригада переформирована в гвардейскую дивизию. Так как капитан Артюхов не долечился до конца и постоянно хромал, командир 254 *гв.сп* майор П.П. Тарабаев уговорил Григория Сергеевича принять должность помощника начальника штаба полка по тылу. Будучи человеком ответственным, в наступательных боях в начале августа 1943 г. он прекрасно справился со своими обязанностями, за что командир полка представил его к награждению орденом Красного Знамени, но новый комдив, не зная всех заслуг капитана Артюхова, наградил его лишь медалью «За отвагу». Тыловая должность была в тягость Григорию Сергеевичу, он постоянно просился у командира полка в свой родной батальон, и майор П.П. Тарабаев 21 августа 1943 г. его просьбу удовлетворил.

Рабочие г. Кемерово, которые шефствовали над «матросовским» полком, изготовили и прислали на фронт для защиты бойцов и командиров специально разработанные бронежилеты, которые называли «панцири». Их передали в батальон капитана Артюхова. Но «панцири» были тяжелыми, не вызывали доверия у бойцов, и те наотрез отказывались их надевать. Тогда Григорий Сергеевич построил батальон, заставил одного из самых отказных бойцов надеть «панцерь», достал пистолет ТТ и сделал несколько выстрелов в грудь. Панцерь не пробил, боец остался жив. После этого сомнений не осталось, и бойцы стали их надевать перед атакой. А комбату Артюхову, после доноса на него политработников, досталось от политотдела дивизии, ведь к этому времени он был уже членом ВКП(б). С тех пор в полку и дивизии его батальон стал называться «панцернами» и ему поручали самые ответственные задачи.

Но «панцири» защищали от пуль тело и грудь бойца, но не спасали ноги от мин и голову от осколков и пули снайпера. В бою под Смоленском капитан Артюхов, возглавляя атаку своего батальона,

получил тяжелое ранение в левую теменную область головы. Снова госпиталь. 6 октября 1943 г. приказом командующего 10-й армии за мужество, отвагу и личный пример он был награжден орденом Отечественной войны I степени (хотя новый комкор генерал-майор В.А. Чистов предлагал наградить его орденом Отечественной войны II степени). Больше месяца врачи боролись за его жизнь, но спасти так и не смогли. 13 октября 1943 г. Григорий Сергеевич Артюхов умер от ран в Калужском эвакогоспитале № 413. Его похоронили на Калужском городском кладбище, могила № 130. Командиру легендарного рядового было всего 25 лет.

Пока он находился в госпитале, командир 254-го полка представил документы на присвоение Григорию Сергеевичу очередного воинского звания и назначение его на должность начальника штаба полка. Приказ № 0987 о его назначении на вышестоящую должность и присвоении очередного воинского звания майор был подписан командующим фронтом уже после его смерти 19 октября 1943 г.

Светлая ему память.

Андронов Сергей Ильич (30.09.1902 – 08.02.1959)

Последний командир 91-й Сталинской отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков, которая была обращена на формирование 56-й гвардейской стрелковой дивизии.

10 мая 1943 г. полковник С.И. Андронов был переведен на должность заместителя командира по строевой части 22-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшая 150 сд). В июле 1943 г. в боях на Смоленском направлении был тяжело контужен и на этом война для Сергея Ильича закончилась.

С января 1944 г. полковник Андронов командовал 93-й отдельной стрелковой бригадой в составе Среднеазиатского военного округа (с июля 1945 г. - в составе Туркестанского ВО). 3 ноября 1944 г. он был награжден орденом Красного Знамени, и только после войны получил свои заслуженные боевые награды – орден Отечественной войны I степени (1946), орден Ленина (1947) и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1948 г. полковник Андронов окончил курсы усовершенствования командиров стрелковых дивизий при Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Но ранения и контузии не прошли бесследно для Сергея Ильича. 8 февраля 1959 г. полковник Андронов умер. Похоронен в г. Ростов-на-Дону.

Поветкин Степан Иванович (15.08. 1895 – 1.05.1965)

28 апреля 1943 г. командиру 19-го гвардейского Сталинского Сибирского стрелкового корпуса было присвоено очередное генеральское звание генерал-лейтенант. Степан Иванович был награжден орденом Суворова 2-й степени и продолжал командовать корпусом до ноября 1943 г.

Но в современной войне требовались новые, инициативные полководцы и командиры, а не «тупые» исполнители чужих распоряжений и приказов. И на третьем году войны такие уже были в рядах РККА. Поэтому за неумелые действия и большие потери в ходе Спас-Деменской и Ельнинско-Дорогобужской наступательных операций по освобождению Смоленской области от врага генерал-лейтенант Поветкин, наконец-то, в ноябре 1943 г. с должности командира 19-го был снят и назначен заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, штаб которого до лета 1944 г. располагался в Смоленске, и в его составе практически не было ни одного боевого соединения. Однако и здесь он не справился со своими обязанностями, поэтому приказом НКО СССР от 27 февраля 1945 г. был снят и с этой должности. Только в апреле 1945 г. перед самым окончанием войны в звании генерал-лейтенанта Степан Иванович был назначен на должность заместителя командира 38 *зв.ск*, принимавшего участие в Венской и Пражской наступательных операциях, в ходе которых части корпуса вышли на р. Эльба.

После окончания войны Степан Иванович Поветкин находился на прежней должности. В августе 1946 г. вышел в запас.

Награжден двумя орденами Ленина (1941,1945), орденами Суворова 2-й степени (1943), Отечественной войны I-й степени (1943) и Красного Знамени (1944),а также многими медалями.

Умер 1 мая 1965 г. Похоронен в Москве.

Герасимов Михаил Никанорович (27.02.1894 – 3.06.1962)

Генерал-лейтенант М.Н. Герасимов с должности заместителя командующего фронтом был снят вместе с М.А. Пуркаевым и долгое время находился в распоряжении ГУК НКО. В октябре 1943 г. он

был назначен заместителем командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта. В этот период фронт участвовал в наступлении на витебско-полоцком направлении, в Старорусско-Новоржевской, Режицко-Двинской наступательных операциях. С 16 августа по 5 октября 1944 г. командовал войсками 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, которая под командованием М.Н. Герасимова приняла участие в Мадонской и Рижской наступательных операциях.

С октября 1944 г. – вновь заместитель командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта, но уже менее чем через месяц, в ноябре 1944 г., отозван в тыл и назначен до конца войны главным инспектором пехоты Красной Армии.

С июня 1946 г. – заместитель генерал-инспектора Инспекции стрелковых войск Главной инспекции Вооруженных Сил СССР, с июня 1948 г. – генерал-инспектор там же.

В августе 1950 г. назначен помощником командующего войсками Таврического военного округа, но из-за начавшейся тяжелой болезни в должность не вступил. С февраля 1951 г. состоял в распоряжении Главного управления кадров Советской Армии, находясь на лечении. С июля 1953 г. – в отставке.

Жил в Москве. Автор мемуаров «Пробуждение» (1965).

Скончался в Москве 3 июня 1962 г. Похоронен на Донском кладбище.

Первые статьи и повести

Первым в советской печати подвиг А.М. Матросова осветил специальный военный корреспондент газеты «Боевое знамя» 10-й гв. армии старший лейтенант М.С. Бубеннов. Михаил Семенович воевал с фашистами с марта 1942 г. в должности командира стрелковой роты 88 сд Западного фронта, поэтому не понаслышке знал, что такое смертельный бой, немецкие дзоты и великий подвиг простого советского солдата в этой войне. Он уже зарекомендовал себя инициативным и способным журналистом, работая в дивизионной газете «За Родину», и теперь, получив задание редакции – побывать в новом для армии 19 гв. ск, со свойственным ему рвением взялся за порученное дело.

Михаил Семенович побывал в 254-м гвардейском стрелковом полку, где встретился с сослуживцами и очевидцами подвига Александра Матросова и записал их воспоминания. Уже по дороге в редакцию, находясь под огромным впечатлением от услышанного о кровопролитных боях под деревней Чернушка, он написал большую статью в армейскую газету, которую тут же опубликовали и разослали по всем подразделениям и частям 10-й гв. армии. Ее читали красноармейцы в землянках, блиндажах и окопах, обещая

мстить ненавистным фашистам за сожженные города и села, за смерть невинных стариков и детей, давали клятву: изгнать врага с нашей многострадальной земли.

Факты, изложенные в его очерке, легли в основу всех последующих изданий, освещающих биографию и бессмертный подвиг А.С. Матросова. (Всю войну и в послевоенное время Михаил Семенович Бубеннов продолжал работу по сбору и обобщению материалов не только об Александре, но и о тех, кто совершил такой же подвиг, пожертвовав собой ради жизни других бойцов и командиров, ради жизни новых поколений.)

Еще в декабре 1941 г. по инициативе А.С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны Москвы. Этот почин был поддержан, и 15 января 1942 г. при АН СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, во главе которой стал профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров. В рядах этой комиссии как прикомандированный сотрудник работал корреспондент-организатор армейской газеты 22-й армии Северо-Западного фронта «Вперед за Родину!», историк, политрук капитан Иван Иосифович Шкадаревич, которому и было поручено собрать материал о красноармейце-герое.

За основу своей работы он взял уже изданные материалы, побывал в 254 *зв.сп.*, где также побеседовал с очевидцами подвига Александра Матросова, и 24 июня 1943 г. в своей газете опубликовал очерк о героическом солдате 91 *осбр* Калининского фронта, который назвал «Ценой жизни». Подготовленные материалы Шкадаревич также передал в Комиссию по истории Великой Отечественной войны, на основании которых в конце 1943 г. типография Воениздата НКО вновь большим тиражом выпустила листовку «Герой Советского Союза Александр Матвеевич Матросов», которую в январе 1944 г. разослали по всем фронтам. (Иван Иосифович и дальше продолжал собирать материалы о легендарном красноармейце и практически на долгие советские десятилетия стал единственным (как он считал – авт.) библиографом А.М. Матросова.)

После объявленного по радио приказа № 269 подвиг Александра Матросова стал широко освещаться в газетах, журналах, литературе и кино. Так, уже 12 сентября 1943 г. газета «Красная звезда» (№216)

публикует статью о подвиге Матросова, 29 октября 1943 г. газета Западного фронта «Красноармейская правда» печатает расширенную статью военного корреспондента майора Н.М. Кононыхина и воспоминания друзей Александра: гвардии сержантов М. Бардабаева и А.В. Воробьева. Подвиг Матросова становится символом мужества, воинской доблести, бесстрашия и любви к Родине. 26 декабря 1943 г. в той же газете «Красноармейская правда» публикуется статья с приложением биографического очерка писателя И.А. Арамилева о Герое Советского Союза Александре Матросове.

Иван Андреевич стал первым, кто написал и издал книгу «Пылающее сердце», в которой правдиво рассказал о непростом жизненном пути Матросова от Уфимской трудовой колонии и Краснохолмского военного пехотного училища до совершения им своего бессмертного подвига.

Первый памятник А. Матросову и блиндаж командного пункта 2 обс

Еще в начале октября 1943 г. в Локнянский район к местам боев у деревни Чернушка были направлены представители политотдела 10-й армии во главе со старшим лейтенантом В.Я. Муслаковым с заданием: с помощью местных органов власти установить памятник на могиле А.М. Матросова. К сожалению, они посчитали, что героя похоронили рядом с местом гибели, то есть у вражеского дзота, который в это время находился на нейтральной полосе между немецкими и советскими оборонительными позициями, и

поэтому установить там памятник не представлялось возможным. Тогда было принято решение установить обелиск рядом с командным пунктом 2 *осб* бригады на северо-восточной окраине хутора Быстрова у дороги на хутор Тропов Бор. Памятник Матросову был установлен, подходы к нему разминированы.

Первый памятник А. Матросову у д. Чернушка

В это же время память о герое была увековечена в почтовых марках и конвертах. При выпуске самой первой марки не нашлось фотографии А.М. Матросова. Тогда НК связи СССР послал запрос в Уфимскую трудовую колонию и попросил выслать его краткую биографию и снимок. По убедительной просьбе начальника экспедиции знаков почтовой оплаты – уполномоченного Народного комиссариата связи СССР Петра Дмитриевича Бойко начальник ДТК НКВД БАССР лейтенант Госбезопасности Н.К. Ополев еще 21 августа 1943 г. выслал фотокарточку Саши Матросова, изъятую из его личного тюремного дела, так как другими фотоснимками колония не располагала, и отправил адресату с просьбой: если удастся выпустить серию марок с изображением Матросова, одну из них прислать обратно в колонию для организации политико-воспитательной работы среди несовершеннолетних заключенных.

Почтовая марка, выполненная художником И.И. Дубасовым, увидела свет уже в 1944 г. (Но и на марке 1963 г. тоже помещен уфимский снимок и фрагмент из картины художника В.Е. Панфилова «Подвиг Матросова»). На марке надпись: «Зачислен навечно в списки части».)

Гвардии рядовой Александр Матросов, 1944 г.

В феврале 1944 г., когда советские войска перешли в наступление, к полевому обелиску героя стали приезжать различные делегации из воинских частей, журналисты. В центральной прессе стали печататься снимки с мест боев за деревню Чернушка и могилы героя.

В сентябре 1944 г. на место погребения Героя Советского Союза Александра Матросова выезжала группа уполномоченных лиц политотдела 10-й гвардейской армии вместе с сотрудниками газеты «Комсомольская правда», благодаря чему сохранились уникальные снимки тех мест, где совсем недавно шли смертельные бои. Вот тогда и выяснилось, что памятник Матросову установлен не над его могилой. Начались запросы в политотдел армии, и 7 октября 1944 г. в район деревни Чернушка были посланы представители 254 *зв.сп* – свидетели подвига Матросова: гвардии капитан В.И. Шабельников и друг Александра, младший лейтенант А.В. Воробьев. Они на местности показали точное место захоронения героя представителям советской власти района и даже составили подробную карту размещения всех элементов: могилы, памятника и дзота.

Рядом с могилой Матросова были похоронены еще восемь красноармейцев и командиров, погибших в боях в 1943 г. и в начале 1944 г.

Деревня Чернушка войну не пережила. Люди здесь больше никогда не селились, но в 1944 г. несколько вернувшихся из эвакуации семей ютились в двух чудом уцелевших банях.

Деревня Чернушка

Великие Луки

С августа 1944 г. по октябрь 1957 г. этот город был административным центром Великолукской области в составе РСФСР.

Уже после войны руководством области было принято решение с почестями перезахоронить останки Александра Матросова в областном центре г. Великие Луки на левом берегу р. Ловать (на намоленном месте – авт.), где ранее находилась Покровская церковь.

Областной комитет ВЛКСМ и органы советской власти обратились с письмом в Министерство обороны СССР с просьбой разрешить перенести прах Матросова из Чернушек, расположенных в лесах, в Великие Луки. И такое разрешение было получено.

13 июля 1948 г. Великолукский областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся своим постановлением № 567 принял решение перенести останки Героя Советского Союза Александра Матросова с места первичного захоронения близ деревни Чернушка Подберезинского района в г. Великие Луки. Местом захоронения была выбрана улица Розы Люксембург на берегу р. Ловать.

Для выполнения этой важной работы была образована областная комиссия, в которую вошли секретарь Великолукского обкома комсомола по военно-спортивной работе, участник Великой Отечественной войны, награжденный орденами и медалями, Н.А. Ипатов, заместитель облвоенкома майор И.Н. Безенкин и исполняющая обязанности заведующей горздравотделом врач-хирург Н.И. Козловская.

Николай Кондратьевич Шарлаев, который работал в совхозе «Заря» Локнянского района, вспоминал: «...До начала работ по перезахоронению останков Героя Советского Союза Александра Матросова я в нерабочее время изготовил гроб, обил его оцинкованным железом, из олова отлил красноармейскую звездочку и припаял ее к крышке гроба...»

«23 июля 1948 г. рано утром на двух автомашинах мы выехали из Великих Лук в Чернушки. На одной из машин был установлен гроб, обитый оцинкованным железом, на ней же расположилось отделение солдат для несения почетного караула (приехавшие в город специально солдаты и офицеры из 254 *гв.сп* – авт.), на другой ехали члены комиссии.

К полудню прибыли в Подберезье. К нам присоединились председатель райисполкома И.Ф. Федоров, работники райкома

ВЛКСМ, райвоенкомата. Из-за плохой дороги мы не доехали до могилы Матросова километра три-четыре, здесь нас ожидала повозка. В это время пошел дождь, но мы продолжали путь. Часам к двум пополудни пришли на место. Дождик прекратился. Могила находилась на луговой поляне с одинокими деревьями. К приезду нашей группы у могилы собралось более сотни жителей близлежащих деревень — в большинстве молодежь и школьники с букетами полевых цветов...» — вспоминал Николай Александрович Ипатов.

Вездесущие мальчишки-школьники, которые пришли сюда вместе со своими старшими товарищами-комсомольцами рассказывали впоследствии об этом событии Владимиру Викторовичу Орлову (Почетный гражданин г. Великие Луки, историк):

«Машины оставили, пошли пешком, гроб — на телегу. Потом телега завязла, солдаты потащили гроб на себе и, наконец, вышли на окраину Большого Ломоватого бора, где была могила Матросова и еще других бойцов отдельно, погибших в этом бою. Уже собрались местные жители... Когда могила была вскрыта, все просто ахнули, потому что тело Матросова прекрасно сохранилось. Там болотистая почва и процесса разложения не шло. Матросов был, как будто бы убит только что. Старожилы вспоминают, что *он был завернут в плащ-палатку, на нем был свитер, ватные штаны, валенки, шапка-ушанка и в районе сердца рваная рана от пулеметной очереди...*»

Это же в своих воспоминаниях подтверждает Николай Кондратьевич Шарлаев; «...В могиле Александр лежал завернутый в солдатскую плащ-палатку, на нем были надеты теплый шерстяной свитер ручной работы, очевидно, подарок трудящихся воину-фронтовику, защитного цвета бушлат-телогрейка, ватные брюки и гимнастерка, подпоясанная солдатским поясным ремнем».

Специальная комиссия работала в присутствии более чем сотни местных жителей. Так что всякие сомнения исключались. Медики-криминалисты во главе с Надеждой Ивановной Козловской развернули плащ-палатку. Тело Александра хорошо сохранилось. Этому способствовали большая плотность и влажность грунта. Затем они изучили расположение и характер ранений, обнаружили огнестрельные переломы ребер (одно слева и два

справа) и установили, что Александр погиб в результате смертельного ранения в грудь. Был составлен соответствующий акт.

Экспертиза была далеко не случайной. С этим было строго. Никаких подозрений, сомнений в истинности подвига героя не должно было быть.

Надежда Ивановна подписала протокол осмотра – акт, в котором указала все подробности смертельного ранения героя – «слева имеется огнестрельный перелом шестого ребра, по этой же линии справа огнестрельный перелом шестого-седьмого ребра...» И только тогда, когда закончили всю свою работу, она разрешила положить тело Матросова в гроб и начать транспортировку останков героя.

«После этого останки уложили в гроб. Все присутствующие проходили мимо, и каждый старался положить в гроб хоть один цветок. Гроб закрыли, и крышка больше не открывалась до захоронения в Великих Луках. В Чернушках провели митинг и оставили на месте прежнего захоронения памятный обелиск.

Траурная процессия отправилась в обратный путь. При выезде на грунтовую дорогу гроб перенесли на автомашину и установили на специальный постамент. Здесь же разместился почетный караул.

К вечеру процессия прибыла в районный центр Подберезье. Гроб установили в Доме культуры среди множества венков и букетов. Почетный караул солдат сменяла молодежь района. Караул несли всю ночь», – вспоминал Николай Александрович Ипатов.

На следующий день утром состоялся траурный митинг в селе Подберезье, а немного позже в поселке Локня. На всем пути навстречу траурной колонне выходили жители окрестных деревень, которые встречали процессию, возлагали на гроб героя цветы и венки. Иногда проходили стихийные митинги. Только вечером они остановились по Старо-Сокольнической дороге в километре от Великих Лук. Пока город готовился, члены комиссии и почетный караул с гробом героя всю ночь простояли на обочине вдоль дороги.

Весть о переносе праха Матросова быстро облетела великолучан. Город оделся в траур.

Утром 25 июля 1948 г. траурная процессия медленно направилась в город. Чем ближе к Великим Лукам, тем многочисленнее становилась процессия. К ней присоединились представители гвардейского полка, в котором служил Матросов, тысячи жителей

города и окрестных деревень, представители районных комсомольских организаций Великолукской области. Школьники с цветами вышли навстречу и провожали машину до места захоронения.

Почетный караул у гроба Александра Матросова в Великих Луках, 1948 г.

На берегу Ловати, на холме, шествие остановилось. Здесь в 11-00 час вновь состоялся траурный митинг, на котором присутствовало более 15 тыс. человек. С речью выступил секретарь Великолукского горкома комсомола Кривошеев. Люди слушали рассказ о бессмертном подвиге Александра Матросова. Потом выступали комсомольцы...

После митинга гроб с останками героя был опущен в могилу. В этот миг прогремели троекратные ружейные и орудийные залпы – воинская почеть герою. С памятника, установленного на могиле, сняли полотно, и открылся барельеф Матросова в овале из дубовых листьев, а над ним склоненные знамена.

В эти минуты каждый из присутствующих в душе клялся свято хранить славные боевые традиции героев, отдавших жизнь за Родину.

Почти весь 1949 г. ушел на то, чтобы добиться разрешения на постройку памятника и его финансирование. К сбору средств подключились комсомольские организации не только заводов, цехов, колхозов и др. предприятий, но и старшие школьники, которые, собирая металлолом и макулатуру и сдавая их на перерабатывающие предприятия, все полученные средства перечисляли

в фонд сбора средств на памятник Александру Матросову.

Ходатайство великолучан поддержал Комитет по делам искусства в Москве. И 13 сентября 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление «О сооружении в г. Великие Луки памятника Александру Матросову». Но сооружение монумента началось далеко не сразу. Потребовалось время на проектирование, разбивку площади, изготовление макета и гранитных частей, отливку фигуры.

Лишь в 1953-1954 гг. работы развернулись полным ходом под непосредственным руководством скульптора Е.В. Вучетича и архитектора В.А. Артамонова.

Завершить все работы и открыть памятник планировалось в июле 1954 г., в дни празднования десятой годовщины освобождения края от немецко-фашистских захватчиков. Поэтому были приняты все необходимые меры, чтобы успеть в срок. Персональная ответственность за это возлагалась на главного архитектора города, председателя горисполкома и заместителя начальника областного отдела культуры. В результате все работы по сооружению памятника на могиле героя, перенесенной в это время несколько выше от берега реки, были успешно завершены. И, в воскресенье, 25 июля 1954 г. состоялось торжественное открытие величественного памятника.

В 12-00 час на площади собрались тысячи великолучан. На трибуне – представители областных и городских властей, почетные гости, представители трудовых коллективов. Митинг начал председатель Великолукского облисполкома Петр Романович Харин, который рассказал о жизненном и ратном подвиге Александра Матросова. Потом он спустился с трибуны и, под звуки военного оркестра, сдернул покрывало с памятника. Взорам собравшихся предстал бронзовый Саша Матросов, с автоматом в руке, устремившийся навстречу к подвигу, гибели и бессмертной славе. Общая высота памятника составила 8,52 м, постамент изготовили из гранитных плит черного украинского лабрадорита. На пьедестале надпись из приказа Народного Комиссара Обороны № 269 от 8 сентября 1943 г.

В 1964 г. набережная Льва Толстого была переименована в набережную Александра Матросова, а чтобы Льва Николаевича не обижать, улица Матросова у радиозавода получила его имя.

8 мая 1985 г. в 100 м от памятника Александру Матросову был зажжен Вечный огонь.

(Был построен и мемориал на месте гибели героя, но в постперестроечное время он на долгие годы оказался забытым и заброшенным. Вандалы и мародеры изрядно поглумились: спилили с памятника бронзовые буквы, пытались утащить в утиль даже огромные стальные каски. И только в 2009 г. местные власти нашли силы и средства на восстановление памятника.)

Александр Матвеевич Матросов награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Имя А.М. Матросова присвоено 254-му гвардейскому стрелковому полку, он зачислен навечно в списки 1-й роты этого полка и в списки в/ч 53129 МПК, бортовой номер 332, г. Петропавловск–Камчатский (малый противолодочный корабль №332 117-го дивизиона кораблей охраны водного района 114-й бригады кораблей охраны водного района Камчатской флотилии разнородных сил Тихоокеанского флота).

На месте его гибели установлен мемориальный комплекс.

Памятники Александру Матросову были установлены в таких городах, как: Анжеро-Судженск, Барнаул, Великие Луки, Галле (Саксония-Анхальт – ФРГ), Днепр (Днепропетровск – Украина), Дюртюли, Ишимбай, Коряжма, Краснодар, Красноярск, Курган, Салават, Санкт-Петербург, Севастополь, Сибай, Тольятти, Ульяновск, Уфа, Харьков (Украина), и других населенных пунктах.

Именем героя названы улицы, проспекты, площади и парки во многих городах, поселках, селах России и стран СНГ, в том числе и в Воронеже (Ленинский район).

Именем Александра Матросова были названы: Ивановский детский дом (ныне – учебно-методический центр военно-патриотического воспитания молодежи «Авангард»), школы, центры развития творчества детей и юношества, пионерские и детские загородные оздоровительные лагеря, парки культуры и отдыха, кинотеатры, рудник, колхозы и совхозы.

Не пришлось Саше исполнить свою самую заветную мечту – стать матросом. Но бороздит воды р. Енисей пассажирский красавец-теплоход «Александр Матросов».

Созданы и работают музеи Героя Советского Союза

А.М. Матросова в г. Великие Луки и с. Ивановка. В 1968 г. в г. Уфа в Детской трудовой колонии № 2 (ныне территория Уфимского юридического института МВД России) был открыт музей Александра Матросова. Здесь были представлены на обозрение каска и саперная лопатка, принадлежавшие герою. В 1990 гг. экспонаты были переданы в создаваемый Музей боевой славы Башкирии, но, к сожалению, безвозвратно утрачены. Уцелели только железная койка, на которой спал колонист Саша Матросов, несколько справок, копии писем.

Почта СССР в 1944 г. и 1963 г. выпустила почтовые марки, посвященные великому подвигу героя. В 1973 г., 1983 г. и 2023 г. выпущены почтовые художественные маркированные конверты, посвященные подвигу Александра Матросова.

О его подвиге написано много статей, очерков и книг. Но, к великому сожалению, авторы, журналисты, не зная всей правды, порой взаимоисключая друг друга, сами додумывали различные эпизоды из жизни героя, ссылаясь на свое право художественного вымысла. Это и привело к различным разночтениям и потере истины самого поступка великого самопожертвования девятнадцатилетнего парня на глазах у своих товарищей.

Уже в 1944 г. в издательстве Детгиз был выпущен рассказ Алексея Ивановича Еремеева (литературный псевдоним – Л. Пантелеев) «Гвардии рядовой», в котором его автор стал первым, кто что-то привирал и что-то приукрашивал. В результате масштаб искажений личности реального человека стал таким большим, а резонанс таким очевидным, что еще в 1960-х гг. ветераны Великой Отечественной на страницах газеты «Красная звезда» стали спорить с авторами о создающейся мифологии на тему Александра Матросова. И этот спор продолжается до сих пор.

Подвигу красноармейца А.М. Матросова посвящены и фильмы: «Рядовой Александр Матросов» (1947) и «Александр Матросов. Правда о подвиге» (2008) и др.

Битва за правду (журналистские мифы и версии)

Совсем недавно, уже завершая написание своей книги, я случайно на просторах Интернета обнаружил гнусную статейку, датированную февралем 2024 г. (видимо, посвященную 100-летию со дня рождения Александра Матросова), в которой с определенным сарказмом на нескольких страницах опровергался великий подвиг советского солдата. Автор даже ссылаясь на мнение многоуважаемых людей, бывших фронтовиков, которые уже не смогут опровергнуть эту гнусность. Он утверждал в своей статейке, что не было ни Матросова, ни сотен «матросовцев», ни великого подвига советского солдата в Великой Отечественной войне, что все это сталинская ложь, советская пропаганда. Но, что самое удивительное, что около сотни читателей этого блогера, особенно с Украины и Башкирии, с пеной у рта старались подтвердить эту ложь, причем все они были под вымышленными именами, а не под своими подлинными фамилиями (видно, все-таки страшно).

Спросите у любого школьника, студента: «Кто такой Матросов?», «Кто такая Зоя Космодемьянская?», «Кто такие молодогвардейцы?», — и вы все убедитесь, в какую навозную яму брошено наше «всеобщее» образование под пристальным взором доморощенных либералов и «наших» заокеанских и западноевропейских «партнеров».

Лучшие люди, краса и гордость страны, генофонд нации, 18-летние мальчишки шли, преодолевая боль и страдания, умирать не за тех подонков, кто в это время веселился в кабаках и ресторанах, гулял с девицами по городским паркам и аллеям, откосив от службы в рядах РККА, не за тех их продажных потомков, которые, научившись писать пасквили, за деньги продадут не только Родину, но и свою родную мать, перевернут, перековеркают всю нашу многовековую историю, а за своих жен, матерей, сестер, за свою свободу, за Родину.

И еще не одно поколение наших людей будет периодически сталкиваться с такими статейками бывших, настоящих и будущих «соростят», и сколько еще глупых молодых голов, не знающих своей истории, «клонут» на эту ересь и не смогут разобраться в истине подвига, совершенного советским солдатом в годы Великой Отечественной войны. Как говорят, время лечит, но уж больно долго оно лечит наших чиновников и руководителей от образования и исторической науки.

Вот поэтому я и все мои многочисленные друзья бились, бьемся и до конца своих дней будем продолжать биться за правду, правду о великом подвиге советского солдата на той самой страшной, кровавой и бесчеловечной войне. И для нас нет никаких преград. Мы свято верим, что историческая справедливость все равно восторжествует.

К сожалению, таких гнусных статей много в Интернете, но я, как автор, не хочу даже дискутировать на страницах своей книги с этими продажными подонками, чтобы лишний раз не рекламировать их пасквили и сайты, лишь приведу пример из воспоминаний простого 18-летнего немецкого солдата Вернера Ленка, паренька из обычной рабочей семьи «День, когда мы проиграли войну»:

«Я был продуктом той системы. Сытый, уверенный, гордый своей страной. Нацистская пропаганда рисовала глянцевую картинку: арийский дух, волевые немцы, великая миссия. Гитлер казался человеком дела, а его идеи – справедливыми...

Но июль 1941 г. под Смоленском стал адом. Быстрое наступление наших войск застопорилось, резервы не успевали, пехота вязла в боях. Русские заслоны не давали себя обойти. Мы ждали подкрепления, но оно нужно было везде...

7 июля 1941 г. наша 29-я дивизия прорвала очередную линию обороны. Разведка уверяла: впереди, на пять километров, нет противника. Колонна двинулась из сгоревшей деревушки, где солдаты пополняли запасы воды. Но едва мы выехали, нас накрыл пулеметный огонь. Из лесной просеки, словно из ниоткуда, били пулеметы и винтовки. Огонь был настолько плотным, что наша моторизованная колонна замерла. Мы не могли терять время. Нужно было ворваться в пригороды Смоленска, не дать русским закрепиться. Но выбора не было: пришлось остановиться.

Бронетранспортеры с крупнокалиберными пулеметами превратили просеку в огненный ад. Казалось, все кончено. Колонна двинулась дальше, но в спину снова ударили выстрелы. Противник, которого, по данным разведки, там быть не могло, ожил. Бронетехника ушла вперед, и солдатам пришлось штурмовать огневую точку в пешем строю. Наше численное и огневое превосходство было подавляющим. И когда сопротивление русских было подавлено, лейтенант Анкерман велел мне и еще двум солдатам проверить, не осталось ли живых.

Огневая точка русских оказалась замаскированной ямой, чем-то средним между блиндажом и дзотом. Подойдя ближе, я увидел два труп советских солдат. На всякий случай бросил гранату в темную глубину. И тут произошло немыслимое: граната вылетела обратно. Я замер, словно парализованный. Если бы не мой товарищ, сбивший меня с ног, я был бы мертв. Мы снова закидали яму гранатами. Два, три взрыва - казалось, все кончено. Но из ямы раздался нечеловеческий рев.

Из глубины ямы, кашляя и крича, вылез советский солдат. Его лицо было черным от копоти, из ушей текла кровь, один глаз выбило осколком, второй заплыл. Он едва держался на ногах, оружия у него не было. Но он не сдавался. Он орал, как зверь, бросался туда, где, как ему казалось, стояли мы. Он не видел, но бил по воздуху, полный первобытной ярости. Я был в шоке. Мне стало невероятно страшно.

Лейтенант Анкерман, устав от этого «дикого спектакля», подошел и пристрелил советского бойца. Тишина накрыла поле. Я впервые посмотрел на нашего врага по-другому. Мы встретились с безумной силой, которую нам только предстояло осознать. Три человека, обстреливавшие моторизованную колонну, знали, что идут на верную смерть. И все равно дрались. Таких солдат явно было очень много...»

Этот советский солдат, чье имя осталось неизвестным, стал для Вернера Ленка символом. Его стойкость, его ярость, его готовность драться до последнего вздоха потрясли молодого немца. Этот безымянный герой, принявший бой против целой колонны врага, показал, что дух сильнее стали. Он не просто сражался, он бросил вызов самой фашистской идее, самой вере немцев в непобедимость Германии. А сколько таких безымянных, истинных героев Земли Русской, преданных своими потомками, до сих пор лежат в засыпанных землей придорожных канавах, старых окопах, воронках.

Изучая жизнь и подвиг Александра Матросова и его однополчан, я еще более 10 лет назад знал, что у реальных событий того периода и официальной версии есть разночтения. Вначале я их изложил в своем историческом очерке, а заодно и свои доказательства, пытаясь опровергнуть «незыблемые», с точки зрения музейных работников г. Великие Луки, истины. Потом очень подробно об этом написали А.Б. Канавщиков в своем двухтомнике «Когда подвиг и есть судьба» (2024) и Н.А. Дубовик «Александр Матросов. Снова бой»

(2024). (К сожалению, книги вышли небольшими тиражами, но есть на просторах Интернета). Поэтому не буду повторять этих уважаемых авторов, а остановлюсь лишь на тех моментах, на которых они в силу своей интеллигентности постарались не заострять внимания. Итак, по наиболее жарким версиям.

Первая версия связана с местом его рождения. Это наиболее острая тема дискуссии, которая развернулась в последнее время.

На протяжении десятилетий было выдуманно большое количество различных версий, вплоть до самых абсурдных. Но наиболее яркие – это три: днепропетровская, башкирская и ульяновская.

Никто из серьезных исследователей не отрицает, что рос и воспитывался А.М. Матросов в разных детских домах. Вначале в районном центре г. Мелекесс (Димитровград) Самарской губернии (Ульяновской области) в детском доме для детей дошкольного возраста № 26 им. В.И. Ленина, потом, когда подрос, в детском доме № 25 им. Н.К. Крупской, а затем в октябре 1935 г. за нарушение дисциплины он вместе с друзьями был переведен в Ивановский детский дом для трудновоспитуемых (с 1936 г. до 1941 г. – детский дом № 12 с особым режимом, что означало привлечение детей к труду). Отрицать этого никто не может, потому что в различных государственных архивах имеются подлинные документы и письменные воспоминания друзей, воспитателей и учителей из этих детдомов.

А где же он родился, кто его отец и мама, с кем он жил до поступления в детский дом целых шесть лет своей маленькой жизни, – оставалось тайной и огромным полем для измышлений разных, порой нечистоплотных, журналистов и писателей.

Официальная версия гласит, что наш герой родом из крупного административного центра Украины г. Днепр, который до 1926 г. назывался Екатеринослав, а до 2016 г. – Днепропетровск. И появилась она из милицейского протокола, составленного милиционером Насыровым при повторном задержании Саши Матросова в Саратове, а затем уже стала гулять по всем судебным и уголовным протоколам и делам.

И первым, кто подтвердил эту версию в художественной литературе, стал детский писатель Пантелеймон Терентьевич Скрышников (литературный псевдоним – Павел Журба).

После ошеломляющего успеха художественного героико-патриотического военного фильма режиссера Л.Д. Лукова «Рядовой

Александр Матросов», снятого в 1947 г. по сценарию Г.Д. Мдивани на киностудии «Союздетфильм» (киностудия им. Горького), издательство Ленинградского отделения детской литературы стало настоятельно требовать от Пантелеймона Терентьевича написание патриотической повести об Александре Матросове для старших школьников, потому что мало кто в то время знал, что Павел Журба являлся автором идеи этого фильма и по совместительству помощником сценариста и режиссера.

Пантелеймон Терентьевич Скрипников (1895–1976) – русский писатель, прозаик и журналист. Родился в крестьянской семье в с. Троицкое Екатеринославской губернии. Работал батраком, чернорабочим. Три года служил рядовым в Измайловском полку и воевал на фронтах Первой мировой войны. Участник Февральской и Октябрьской революций. В 1926 г. окончил Ленинградский государственный университет. Заведовал редакцией журнала «Перелом», работал в журнале «Вокруг света». В 1937 г. стал членом ВКП(б). Когда началась Великая Отечественная война, ушел добровольцем на фронт. Работал в редакции газеты «За Советскую родину». В 1943 г. был демобилизован по инвалидности. После войны стал членом Союза писателей, руководил секцией детской литературы Ленинградского отделения. Автор повести «Крутой поворот», романов «Черный пар», «У прощального кургана», пьесы «Первая радость», детских рассказов «Прошка», «Друзья» и др. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1948 г. он начал работу над повестью об Александре Матросове, которая и принесла ему наибольшую известность. Создавая эту повесть, П.Т. Журба собрал много документальных материалов, свидетельств и фактов биографии героя, побывал «на родине» Матросова – в г. Днепропетровске, в Уфимской трудовой колонии, в полку, где тот служил. Встречался с людьми, близко знавшими Сашу: воспитателем, учительницей, друзьями, замполитом батальона капитаном В.Н. Климовским и др.

В 1949 г. вышла в свет его повесть «Александр Матросов», которая была издана в Ленинграде и предназначена для детей среднего и старшего возраста. В своей книге П.Т. Журба постарался показать жизненный путь героя, его светлый образ, который должен был служить примером бесстрашия и беззаветной любви к Родине для со-

ветских юношей и девушек. Но она произвела неизгладимое впечатление на всех людей Советского Союза, маленьких и взрослых. Ведь в то, послевоенное время, была очень востребована и необходима.

«Мною написано немало произведений, но ни одну из книг я не писал с такой большой любовью, с таким предельным горением и напряжением всех сил, как книгу о пламенном патриоте нашей Родины Александре Матросове, отдавшем свою молодую прекрасную жизнь за мир и счастье людей и снискавшем всенародную любовь и бессмертие...» – вспоминал Павел Журба.

Повесть П.Т. Журбы издавалась миллионными тиражами и переиздавалась вплоть до 1976 г., переведена на 13 языков народов Советского Союза и на 8 иностранных языков. И все бы хорошо, но эта повесть, как и сценарий фильма, была художественным произведением и во многом придумана автором.

В своей поездке в Днепропетровск он не нашел ни единого свидетельства о месте рождения Саши Матросова ни в городе, ни в области. А сроки поджимали, поэтому Пантелеймон Терентьевич, сам являясь уроженцем этих мест (кстати, и режиссер фильма о герое Л.Д. Луков родился в г. Мариуполь Екатеринославской губернии), не стал себя утруждать поисками истины, а придумал, что маленький Саша из рассказов бабушки знал, что папа его был «уважаемый человек, работал горновым на металлургическом заводе, но партия послала его в самое трудное глухое степное село помогать крестьянам объединяться в колхозы, а куркули за это его убили. А через два года с горя умерла и мать. И прадедуска Саши был отчаянным днепровским лоцманом, который не боялся самых бурных речных порогов и царских жандармов. Тогда и захотелось мальчику стать матросом, смелым и сильным, как прадед...»

Хороший художественный вымысел Павла Журбы, который был и в книге, и в сценарии фильма, привлекал читателей и зрителей, и его, как по команде, стали подтверждать все журналисты и писатели Советского Союза, хотя уже в конце 1950-х гг. было известно, что доверия он не заслуживает, потому что как ни пытались краеведы, историки Днепропетровска найти хоть какие-нибудь сведения, документы ЗАГС, записи в церковных книгах о проживающих в городе и даже области Матросовых, о рождении ребенка с таким именем и фамилией в 1924 г., но ничего не нашли.

Надо отдать должное и Пантелеймону Терентьевичу. Ведь он никогда и ни от кого не скрывал, что никакими исследованиями не занимался, а писал художественную повесть для детей и считал, что этот вымысел уместен, в том числе и о месте его рождения.

П.Т. Журба неоднократно сообщал читателям, что его произведение носило не исторический, а художественный характер. Так, на встрече с членами пионерского отряда им. А. Матросова школы № 25 г. Ижевска в 1962 г. он ответил, что в действительности место рождения А.М. Матросова не установлено и никто не знает, где же его настоящая родина, и что предположения о г. Днепропетровске не подтвердились. Поэтому нам, современным исследователям жизни и подвига Александра Матросова, невозможно даже понять, почему последующие авторы, не проводя новых изысканий, оставляли местом рождения придуманный Павлом Журбой – Екатеринослав (Днепропетровск), ведь почти в каждом большом областном, краевом центре, не говоря уже о Москве, были и есть историки, научные кадры, преподаватели, кафедры, факультеты, и даже целые НИИ истории. Неужели за эти прошедшие десятилетия не нашлось ни одного дотошного исследователя, будь то гражданского или военного, который бы докопался до истины.

Из всей Великой страны, которая прошла через ад страшной, кровопролитной войны, в 1950-х гг. нашелся только один сельский учитель истории Новомалыклинского района Ульяновской области, которого заинтересовал этот вопрос, потому что не только в его школе, но и в других учились ребята со столь знаменитой в то время фамилией, и все, не сговариваясь, утверждали, что Саша Матросов их родственник. Это был Петр Кондратьевич Ковальчук. Вначале он относился к этим ребячьим откровениям со снисходительной улыбкой, но, когда об этом заговорили взрослые, стал собирать свидетельские показания очевидцев, непосредственно знакомых и родственников А.М. Матросова.

Свою работу он продолжал и на протяжении 1960-х гг., даже когда стал директором школы, заведующим РОНО и редактором книжного издательства г. Ульяновска.

П.К. Ковальчуку удалось опросить более 20 чел., знавших Матросова по ивановскому и армейскому периодам жизни. В 1962 г. ульяновский исследователь изучил все материалы днепропетровского

архива, ЗАГСов, краеведческого музея, но документальных свидетельств рождения А.М. Матросова в г. Днепропетровске он так и не нашел. В личной переписке с директором, воспитателями и ближайшими друзьями Александра – воспитанниками Ивановского детского дома ульяновский краевед предположил, что Матросов был родом из Поволжья. Появились его первые статьи в районных и областных газетах Ульяновской области. В ходе работы с архивными материалами Ульяновского детприемника П.К. Ковальчук обнаружил фотографию 13-летнего Александра и установил время убийства воспитанника из Ивановского детдома – осень 1940 г. Обладая большим фактическим материалом, Петр Кондратьевич начал работу над рукописью книги о детских годах жизни А.М. Матросова.

В 1969 г. он еще раз обратился к руководству г. Днепропетровск, на что из Отдела культуры Днепропетровского Городского Совета получил официальный ответ под № 44 от 6 ноября 1969 г.: «Товарищу Ковальчуку. Уважаемый Петр Кондратьевич, на Ваше письмо о А. Матросове отдел культуры горисполкома сообщает, что официальных документов о времени и месте рождения А. Матросова в городе нет. Зав. отделом культуры горисполкома А. Грушко». (ГАНИУО. Ф. 8.Оп.49.Д.21.Л.4.)

Иван Иосифович Шкадаревич уже знал об ульяновских корнях героя, но, готовя книгу к печати в 1967 г., он письменно обратился в Ульяновский обком КПСС, где просил проверить корни рождения Саши в с. Александровка Мелекесского и в с. Александровка Новомалыклинского районов. Получив официальный отрицательный ответ, он с легким сердцем оставил Днепропетровск в своей книге «Бессмертный подвиг Матросова». (Хотя в его архиве должна храниться «Книга передвижения детей Ивановского детского дома» в середине 1930-х гг., которую ему отдала директор Раиса Алексеевна Иванова.) Единственное, что он позволил себе дописать о детстве Саши – это то, что его маму звали Анной. После выхода в свет его книги всем остальным исследователям строгойше запретили даже вспоминать другие версии рождения Матросова, тем более что «дорогой и любимый» Первый секретарь ЦК КПСС и руководитель государства Л.И. Брежнев не только был родом из с. Каменское Екатеринославской губернии, но и долгое время до войны (с 1937 г.) и после (до 1950 г.) работал в Днепропетровском обкоме компартии

Украины и у него остались об этом времени самые хорошие воспоминания (а тут еще и герой родом из этих мест).

Так художественный вымысел Павла Журбы был использован И.И. Шкадаревичем в угоду политическим амбициям, а фактических родственников и свидетелей из Зин-Оврага и Высокого Колка Ульяновской области в грубой форме заставили замолчать. Книга Ивана Иосифовича переиздавалась трижды: в 1967 г., 1968 г. и 1973 г., но ни в одном издании ни одной ссылки, ни одного подтверждающего документа приведено не было.

Были и другие авторы, которые, не задумываясь, в своих книгах подтверждали эту версию. Но, к большому сожалению, «великие мужи», историки, кандидаты и доктора, доценты и профессора, академики от исторической науки, не задумываясь, как само собой разумеющийся факт, перенесли этот художественный вымысел в послевоенную энциклопедию нашей страны выпуска 1954 г., а затем в Большую Советскую энциклопедию 1970 г, Советскую военную энциклопедию 1978 г. и Большую Советскую энциклопедию 1985 г. Художественный вымысел Павла Журбы на долгие десятилетия стал официальным подтверждением места рождения героя.

(Этой версии до сих пор придерживаются руководство и сотрудники МБУК «Краеведческий музей г. Великие Луки», который с 1992 г. и до настоящего времени располагается в здании бывшего Музея боевой комсомольской славы им. Александра Матросова, открытого 14 августа 1971 г. В его огромных залах была, есть и остается одна небольшая встроенная витрина, посвященная Герою Советского Союза А. Матросову. В течение всех этих прошедших десятилетий ни о какой научной работе в этом направлении даже речи не шло, ну а в последние тридцать лет после смены названия музея вопрос стоял только о его выживании. Можно лишь поблагодарить сотрудников комплекса за то, что сумели сохранить в «лихих» 1990-2000 гг. и музей, и экспонаты, и памятник герою, и его могилу.)

И тем не менее изыскания ульяновских краеведов продолжались. Еще в 1968 г. в газете «Звезда» Ново-Малыклинского района Ульяновской области появилась статья редактора этой газеты А.Г. Толчкова, предположившего, что Александр Матросов мог быть уроженцем хуторского поселка Зин-Овраг их района. Основанием для этого послужили данные опроса ряда жителей. Однако эти сведения вновь

противоречили известным фактам биографии Матросова.

К началу 1970-х гг. Петр Кондратьевич завершил работу над рукописью книги о детских годах жизни А.М. Матросова, но опубликовать ее не удалось, потому что ни одно издательство не взялось за эту работу ввиду расхождения с «официальным» местом рождения героя в г. Днепропетровск. Его расследования послужили поводом к конфликту с приверженцами «днепропетровской» версии из Москвы, которая «слезам не верит», прагматична, но и своих не бросает. Шкадаревич не остановился только на угрозах в адрес автора, за то что тот добровольно не захотел передать ему отработанные документы и воспоминания очевидцев по детскому периоду жизни Саши Матросова. В Ульяновский обком партии одно за другим стали поступать гневные, угрожающие письма от коллег-товарищей Шкадаревича по Московскому отделению общества «Знание» о принятии карательных мер к «самозванцу». И никто из партийных бюрократов не взял на себя смелость разобраться и взять под защиту своего исследователя-краеведа. Им легче оказалось запугать и наказать «смутьянов» и «не дай Бог», чтобы это дошло «до Самого» в Москве.

Тут же, как по щелчку пальцев, подключились и областные компетентные органы: КГБ и МВД. И вскоре Ульяновский обком КПСС в ускоренном порядке рассмотрел персональное дело рядового коммуниста с многолетним стажем П.К. Ковальчука, вынес Петру Кондратьевичу строгий выговор по партийной линии и снял с должности редактора книжного издательства области, определив учителем в Ульяновскую городскую школу № 21 и доведя заслуженного человека до инфаркта.

Но травля продолжалась, потому что неутомимый исследователь пытался всеми доступными средствами добиться справедливости, защитить свое честное имя, доказывая правду о месте рождения легендарного героя и считая, что историческая истина дороже собственного здоровья. 6 декабря 1976 г. от второго инфаркта П.К. Ковальчук умер, так и не издав свою книгу.

Справедливость и правда вновь на десятилетия отступили перед неприкрытой ложью, прикрывающейся громкими именами и званиями ветеранов партии и войны...

Параллельно возникали и другие версии, которые сразу же опровергались.

Но началась перестройка, Советский Союз как государство прекратил свое существование. Все героические события Великой Отечественной войны стали опровергаться, подвергаться искажениям и передергиваниям. Лучшие люди, которые пожертвовали своими молодыми жизнями ради спасения остальных от фашистского рабства, были объявлены больными придурками, которые, вместо того чтобы спасти свои шкуры, бросались на дзоты.

Националистам разных мастей и республик понадобились свои герои, и в Башкирии вспомнили о версии журналиста Рауфа Хаевича Насырова о том, что «настоящий» Матросов – это не русский герой, а башкир Шакирьян Юнусович Мухамедьянов, который родился в башкирской деревне Кунакбаево Учалинского района. И хотя сам автор – работник районной газеты из небольшого города Учалы на востоке Башкирии, граничащего с Челябинской областью, в своих статьях поначалу приводил эти сведения как выдумку очередного кунакбаевского пьяницы, главным партийным «баям» в Уфе эта версия понравилась, и, в отличие от своих коллег из Ульяновска, они нашли и средства, и необходимые рычаги давления на свою республиканскую прессу, для того чтобы эту версию развить до союзного значения.

Так, постепенно почти все жители башкирской деревни Кунакбаево Учалинского района под руководством местных учителя истории Алима Зарипова и журналиста районной газеты «Серп и Молот» Рауфа Насырова стали вдруг «узнавать» в русском парне мелкого деревенского воришку Шакирьяна Мухамедьянова, бесследно исчезнувшего из родного села ребенком то ли в двадцатые, то ли в тридцатые годы. Нашлись даже живые «родной» брат и свидетели, видевшие Александра прямо перед самой войной, когда он приезжал из колонии (?) к друзьям в родную деревню (правда, «местечковые краеведы» скромно промолчали, что этим свидетелям в то время было по 5-6 лет и некоторые даже говорить по-русски не умели, а «родной» брат оказался умнее всех и не стал участвовать в этой ничем не подтвержденной авантюре, отказавшись от столь мнящего родства, и от него постепенно отстали).

Оба эти «исследователи» – уроженцы Учалинского района. Вот они и сыграли свою главную, зловещую роль в фальсификации биографии русского героя.

Р.Х. Насыров за счет средств редакции и администрации своего

района съездил в Ивановский детский дом Ульяновской области, познакомился с документами музея и на месте реально убедился, что ни свидетельства о рождении или даже справки о рождении ребенка Саши Матросова у них нет. Тогда он для подтверждения своей версии послал официальное письмо директору «Музея истории комсомола им. А. Матросова» в Днепропетровск и вскоре получил ответ, что сведений о герое в архивах и загсах города и области никаких нет и они будут рады любой информации о месте рождения Матросова. Об истинных целях поездки и письма Насыров никому не говорил и теперь был абсолютно уверен, что ни одна область или город в Великой России на честь быть земляком героя не претендует.

Вскоре Рауфа Насырова перевели в столицу – Уфу, назначили заведующим отделом пропаганды газеты «Совет Башкортостаны», выходящей на башкирском языке, и предоставили неограниченные возможности в средствах для достижения поставленных целей. И начиная с 1991 г. на страницах этой газеты стали появляться статьи уже заместителя главного редактора Р.Х. Насырова, утверждающие, как уже неопровержимый факт, что настоящее имя Героя Советского Союза Александра Матвеевича Матросова – Шакирьян Юнусович Мухамедьянов, башкира по национальности, уроженца д. Кунакбаево Учалинского района Республики Башкортостан. На радио и телевидении республики прошли сенсационные передачи, открывающие «правду», доказанную журналистом Рауфом Насыровым.

Дальнейшие события стали нарастать снежным комом. Эту новость подхватили все газеты Уфы, которые запестрели красочными, яркими заголовками и статьями. Началось развенчивание подвига русского солдата-героя Александра Матросова и возвеличивание башкирского вора Шакирьяна Мухамедьянова. Вот такое наступило время.

В 1992 г. Р.Х. Насыровым была написана и выпущена в Уфе большим тиражом за счет средств республиканского бюджета книга «Кайзан һин, Матросов?», в русском переводе «Откуда ты родом, Матросов?».

И в подтверждение «правоты» отождествления Героя Советского Союза Александра Матросова и Шакирьяна Мухамедьянова стал выпущенный в Уфе в 1992 г. Краткий энциклопедический словарь Башкортостана, а затем и Башкирская энциклопедия (1996 г.), которые утвердили это придуманное журналистское

вранье как истину в первой инстанции. (У меня нет не оскорбительных слов в адрес тех «великих» ученых Башкортостана в составе 43 *научных редакторов* и 6 *кандидатов наук*, которые это написали и подписали, ведь им практически не было никакого дела до того, что многие документальные свидетельства, легшие в основу «башкирской» версии Насырова, расходятся с установленными фактами биографии Александра Матросова.)

А дальше надо было убедить в этом маразме всю Великую Россию, чтобы хоть как-то ее унизить и оскорбить русский народ.

И убедили!

Продажная элита столицы обеспечила «трудам» Насырова оглушительный резонанс. Либералов 1990-х гг. правящей верхушки страны не интересовала правда о Великой войне, если она не была направлена на реальное расшатывание советской идеологии. Поэтому новомодная версия из Башкирии подходила для подобных целей практически идеально. Сын пьяницы, вор, скрывающий свою истинную фамилию, зэк, случайно упавший перед немецким пулеметом, а то и вовсе залез на крышу немецкого дзота, а потом уже мертвого фашисты его сбросили. Такой «Матросов» был не только нужен, но и необходим новому руководству страны. Да это же еще и хорошо «поощрялось» нашими заокеанскими «партнерами», ведь необходимо было в кратчайшие сроки лишить наш народ и особенно молодежь исторической памяти и исторической правды. А здесь все методы хороши.

И это несмотря на то, что еще были живы участники Великой Отечественной войны, которые были свидетелями подобных подвигов и, с дрожью в голосе от этой клеветы, вспоминали о немецких пулеметах: «...Если человек лег на амбразуру, то его уже не отбросит никакая очередь. Измочалит, да, но тело весом 70-80 кг не сдвинет. Кстати, мешки с песком, которые до сих пор используют в боевых действиях, весят примерно столько же. Поэтому так могут утверждать только люди, ничего не смыслящие в военном деле...»

К великому сожалению, в Великой России всегда были, есть и будут те, кто улаживает слух и кричит «здравницы» власти имущим, в каких бы званиях и чинах они не находились. Ведь еще Петр I в своем «Указе о подчиненных и начальстве» писал: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый,

дабы разумением своим не смущать начальство». (Даже в наше время далеко ходить и искать таковых не надо, следует лишь посмотреть новостные каналы по телевизору.)

А потом этот бред поддержали в своих статьях огромное количество продажных журналистов-пиарщиков и те, кто им в унисон вторил. Они за «вонючие» доллары готовы были продать даже родную мать, а не только великих героев той страшной войны, поглотившей миллионы человеческих жизней, «отплясывая чечетку» на костях этих героев, создавая новые грязные мифы и печатая их на страницах своих гламурных газетенки и журнальчиков. Ни доморощенные политики, ни псевдоученые – никто не захотел даже слушать, что пресловутая толерантность воспринимается не иначе как угроза духовной и национальной безопасности России, что не может на Руси все продаваться, что «жадность – это» не «круто».

Зато для Рауфа Хаевича настала «звездная» пора. Хитрый и осторожный башкир никак не ожидал, что его «высосанная из пальца» версия благодаря власть имущим упадет на благодатную почву быстро развивающегося и процветающего в 1990-е гг. в республике национализма. Он купался в лучах славы. Его приняли в члены Союза журналистов и Союза писателей, присвоили звание заслуженного работника культуры РФ и РБ, избрали Почетным гражданином г. Учалы и Учалинского района.

Злоключения не миновали и памятник Матросову в Уфе. Когда-то он стоял в парке имени героя, на центральной улице, на берегу реки. Но в 1991 г. под нажимом местных националистов на его месте появился некий «камень суверенитета» Республики Башкортостан, парк переименовали. Монумент приютили у себя сотрудники Уфимской школы милиции (Уфимского юридического института МВД России). Оттуда его изредка вывозили к Дню Победы – 9 Мая и временно ставили где-нибудь в городе, а потом снова привозили обратно. Лишь недавно парку вернули имя солдата, а памятник обрел постоянную прописку только в несколько ином месте, на боковой улочке.

Музей Александра Матросова в Уфимской школе милиции приказали закрыть, а все экспонаты (большинство подлинных) передать в центральное хранилище создаваемого фонда Музея боевой славы г. Уфы. Так они и пролежали десятилетия в сыром подвале, никому не нужные. Фотографии и подлинные документы безвозв-

ратно погибли. А Уфимскую трудовую воспитательную колонию им. Александра Матросова еще в 1971 г. передислоцировали в г. Стерлитамак, подальше от столицы Башкирии.

Все эти годы и в Башкирии, и в России раздавались и здравомыслящие голоса, но, к сожалению, их никто не слышал.

Более двадцати лет вдова П.К. Ковальчука Галина Павловна бережно хранила не востребованные материалы мужа о Матросове и передала его архив только В.В. Емельянову, который заинтересовался биографией героя. Виктор Васильевич – участник Великой Отечественной войны, был офицером-политработником и в последние годы своей службы преподавал в Орловском высшем военном училище правительственной связи КГБ.

Узнав об этом, Р.Х. Насыров в 2000 г. приехал в Ульяновск. Снова побывал в Ивановском детском доме, съездил и в Димитровград (Мелекесс), встретился с В.В. Емельяновым, который искал историка или писателя для передачи архива П.К. Ковальчука с целью его изучения и написания книги. А тут такая удача.

Поверил Виктор Васильевич хитрому «неожиданному чужеземцу», как отрекомендовал себя Насыров, пригласил домой, и все материалы оказались в его доступе. Но они шли в разрез с его версией. При просмотре документов его «заинтересовали» только четыре документа, и он, оставив В.В. Емельянову расписку об обязательном возврате, их просто присвоил. Для последующих поколений безвозвратно утеряны: воспоминания В.А. Раскопова, В.В. Петрушина, П.И. Макаренко и Т.И. Коренского, которые противоречили его версии и которые нужно было скрыть.

В это же время в республике нашлось немало средств для пропаганды «творчества» Рауфа Хаевича. И уже в 2001 г. на ГТРК «Башкортостан» вышел документальный фильм «Ищите меня под фамилией Матросов». Режиссер Анвар Нурмухаметов, автор сценария фильма – Рауф Насыров, который к этому времени и сам поверил в свою могущественность и безнаказанность, но, главное, в «правоту» своих «исследований».

В 2005 г. в деревне Кунакбаево на средства, выделенные из республиканского бюджета, был открыт школьный музей им. Героя Советского Союза Александра Матросова – Шакирьяна Мухамедьянова, который работает до сегодняшнего дня, и установлен памятник герою.

В 2006 г. на экраны вышел еще один фильм режиссера Сергея Крауса «А. Матросов. Правда о подвиге», провели даже дорогостоящую фотоэкспертизу, а на следующий год Р.Х. Насыров выпустил вторую свою книгу: «Александр Матросов. Поиск истины».

Одно только успокаивает, что сам подвиг Матросова под сомнение автор не поставил. Но возникло немало вопросов к Р.Х. Насырову:

1) Как и почему малолетнего ребенка из неблагополучной семьи, который постоянно недоедал и мерз в неотапливаемой землянке, добрые соседи отвезли в Мелекесский детский дом за 840 км от села Кунакбаево через Уральские горы, две области и мимо Уфы без наличия железных дорог поблизости, хотя в Башкирии в то время работало 36 детских домов и ближайший был в 6 км в соседнем большом селе Учалы – административном центре Учалинского района Башкирской АССР? Даже обывателю понятно, что кроме родной больной мамочки этот, еще не достигший шестилетнего возраста ребенок никому, даже хорошим, сердобольным родственникам и соседям, в то непростое время был не нужен, для того чтобы вести его в детский дом за сотни километров по всей России. И оставила она его на крыльце не от хорошей жизни. Ведь в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. детские дома комплектовались воспитанниками, проживавшими в радиусе не более 100 км, а сам Насыров не отрицает факт нахождения малолетнего Александра Матросова в детских домах г. Мелекесс и с. Ивановка. (И мне, как автору и историку, абсолютно непонятно, почему столь уважаемый в Башкирии журналист, писатель не заинтересовался и не стал искать подлинного Шакирьяна Юнусовича Мухамедьянова (1923 г.р.) в архивах ближайших к селу детских домов или он так же, как предыдущие авторы, погнался за сенсацией и просто добавил свой художественный вымысел. Тогда напрашивается вопрос: «А где же ваша совесть?» Ведь вам поверили миллионы жителей не только Башкирии, но и Татарстана, потому что в Кунакбаево в основном проживают этнические татары и еще в 1999 г. в татарском энциклопедическом словаре утверждалось, что Герой Советского Союза Матросов Александр Матвеевич – это никто иной, как Мухамеджанов Шакиржан Юнусович, 1924 г.р. и по национальности татарин.)

2) Почему «свидетели» вспоминают о его темных глазах, когда у реального Матросова они голубые?

3) Да и разговаривал герой без всякого акцента и только на русском языке, пел русские песни, и среди его друзей, даже в колонии в Уфе, были ребята разных национальностей, кроме башкир и татар.

Остались и другие вопросы о несовпадениях. Это и год рождения, и цвет волос, и время пребывания в детдомах Мелекесса и в Ивановке, и время и число отлучек из Ивановского детдома, и наличие татуировок, и др.

И, как ни странно, во всей огромной стране с ее мощнейшим научным потенциалом, архивами, музеями и тысячами академиков, профессоров, докторов и кандидатов исторических наук не нашлось ни одного, кто бы разобрался в этом вопросе и поставил на место всех зарвавшихся журналистов, писак и националистов всех мастей. Опомнились, и то далеко не все, только в 2010-х гг. В прессе и на полях Интернета все настойчивее и тверже стали звучать слова опровержения башкирской версии рождения героя. С 2011 г. исследователь-краевед А.П. Костицын и его сын журналист Евгений Костицын из Уфы бросили вызов всей сложившейся за двадцать лет системе и до сих пор, невзирая на угрозы националистов Башкирии и Татарстана, в том числе и физической расправы над ними, продолжают бороться за честное имя советского рядового Александра Матросова. Они постоянно пишут и публикуют свои статьи в региональных газетах и на сайтах в Интернете, защищая светлое имя героя. «Настойчивые попытки лишить русского парня Александра Матросова его имени, подвига, малой родины... могут принести их авторам только сомнительную славу», – утверждают авторы в своих статьях.

В 2014 г. Рауфа Хаевича не стало, а как хотелось многим пристально посмотреть ему в глаза.

Здоровье и годы брали свое, а В.В. Емельянов так и не мог найти достойной кандидатуры для передачи архива П.К. Ковальчука. Но вот в январе 2015 г., находясь на лечении в госпитале ветеранов ВОВ, он прочитал статью об Александре Матросове ульяновской писательницы и поэтессы Нины Александровны Дубовик. Эта статья ему понравилась и заинтересовала. Вскоре они встретились, и Виктор Васильевич рассказал, как в начале 2000-х гг. он познакомился с бывшим редактором газеты «Звезда» А.Г. Толчковым, который поведал ему о своей поездке с работником Ульяновского обкома партии Ф.Г. Гавриловым по предписанию Ульяновского

обкома в 1967 г. в с. Высокий Колок и Зин-Овраг, где они встретились с родной теткой Александра Матросова – Марией Ивановной Дьяконовой (Матросовой), с родным дядей Николаем Ивановичем Матросовым, а также с двоюродным братом – Дмитрием Алексеевичем Матросовым. И те рассказали об обстоятельствах отправки малолетнего племянника в мелекесский детский дом, а двоюродный брат – о встрече с Александром по пути на фронт.

Встретив понимание и участие со стороны Нины Александровны, он с легким сердцем передал архив, который долгие годы по крупицам собирал Петр Кондратьевич, в ее руки.

На первый взгляд, эта пожилая женщина с мягким, уступчивым характером и теплым, приятным голосом казалась маленькой, хрупкой и беззащитной. Но это только на первый взгляд. Нина Александровна оказалась непререкаемым, стойким бойцом и смело встала на защиту светлого, святого имени Александра Матросова.

Она со свойственной ей ответственностью и упорством, невзирая на состояние своего здоровья, семейные трудности и горести, взялась проанализировать и обобщить все переданные ей документы, доказательства и свидетельские показания о месте рождения героя, о его матери, отце и ближайших родственниках.

Не обладая знаниями методик проведения исторических исследований, она в течение года скрупулезно изучила, обобщила и проанализировала все имеющиеся документы, сделала официальные запросы, на которые получила ответы из всех архивов Ульяновской, Самарской, Пензенской и Оренбургской областей, самостоятельно лично просмотрела архивы ЗАГС, всех детских домов, находившихся в 1940-х гг. в Ульяновской области, и все метрические книги Михайло-Архангельской церкви сел Высокий Колок и Новая Бесовка с 1871 г. по 1923 г. Нина Александровна, не считаясь с затратами, на свою маленькую пенсию провела несколько полевых поездок непосредственно в с. Высокий Колок, где встретила с местными жителями и письменно задокументировала беседы с ними. Среди опрашиваемых были как предполагаемые родственники Матросова по боковым линиям, так и свидетели событий 1967 г. – приезда в с. Высокий Колок партийного обкомовского работника Ф.Г. Гаврилова, в связи с развернувшимися тогда в селе мероприятиями по увековечиванию памяти героя, которые затем были

свернуты строгими указаниями сверху и предупреждениями о наказании всех несогласных за «неуместные разговоры».

Исследования Н.А. Дубовик впечатляют и вложенным туда трудом. От них нельзя просто отмахнуться, потому что там задействованы десятки человек. Она собрала свидетельские показания с подписями людей и их фотографиями, и даже создала целое генеалогическое древо рода Матросовых с четким указанием, где там находится Саша, а где его родители и другие родственники рода.

И в результате проделанной колоссальной кропотливой работы были получены результаты, превзошедшие все ожидания. Оказалось, что Александр Матросов родился в ныне исчезнувшем селе Зин-Овраг, на территории современного Новомалыклинского района Ульяновской области, в деревне, где проживал его отец Матвей Иванович Матросов, и откуда его мама, находясь в безвыходном положении и приняв единственное верное решение – передать заботу о своем малолетнем ребенке государству, отвезла юного Матросова в ближайший детдом Мелекесса, который был расположен всего в 37 км, а не через всю страну, из Днепропетровска или деревни Кунакбаево. (Подобный опыт среди родственников Матросовых уже был. Так, 23 сентября 1919 г. в семье чернорабочих пос. Зин-Овраг Ильи Николаевича и Евдокии Ивановны Матросовых родился сын Николай, который осенью 1922 г. в трехлетнем возрасте был передан ими в Мелекесский детский дом № 26.)

В 2016 г. Нина Александровна не просто написала объемную и добросовестную книгу «Все равно я буду человеком», где она продемонстрировала хорошее владение матросовской темой, но и выступила соавтором статьи в журнале «Вопросы истории» (№ 5, 2019 г., сс. 38-62) - «Александр Матросов: загадки биографии».

В книге использованы письма о Саше Матросове, фотографии и материалы Центрального архива МО РФ г. Подольск; Государственного архива новейшей истории Ульяновской области; Государственных архивов Оренбургской, Самарской, Смоленской областей; отделов ЗАГС Ульяновска, Новомалыклинского и Мелекесского районов; личного архива краеведа П.К. Ковальчука и его последователя В.В. Емельянова.

Нина Александровна Дубовик провела серьезную, глубокую реконструкцию родословной Матросовых. детально рассмотрела все

версии рождения Матросова, а также научно доказала, что Александр Матросов и Шакирьян Мухамедьянов два разных человека.

За это время она настолько сблизилась с Сашей, что уже относилась к нему как к очень близкому и дорогому человеку, как к родному сыну, подвиг и жизнь которого прошли через ее душу и сердце, через переживания, через ее прозу и поэзию. В ее стихах, посвященных Матросову, звучат слезы и боль матери, безвременно потерявшей самого дорогого на свете человека, который в своей маленькой жизни так и не почувствовал материнского тепла и заботы.

Тираж книги «Все равно я буду человеком» был небольшим, всего 150 экз. И это на всю огромную Россию! Ну, нет таких средств у рядового пенсионера в нашей стране, хорошо еще частный издатель А.В. Качалин пошел навстречу. Не нашлось средств и у «бедных, вечно не доедающих», чиновников и бизнесменов Ульяновска и области на издание замечательной книги-исследования об их легендарном земляке. Они книг не читают, а все их помыслы и действия связаны лишь с материальной выгодой для себя и своей семьи. (И я абсолютно уверен, что большинство из них, а также их дети, которые учатся и живут за границей, понятия не имеют, кто такой Матросов и за что он отдал свою молодую жизнь.)

Лишь на просторах Интернета, где появилась эта книга, пробившись сквозь ложь и «грязь» башкирских «исследователей», все ищущие и желающие знать свою историю смогли прочитать эту бесценную книгу о русском герое Александре Матросове.

Оставалось только, чтобы высокое московское руководство Российского военно-исторического общества, Центрального музея Вооруженных сил, Центрального музея Великой Отечественной войны и других заинтересованных ведомств не только приняло все это к сведению и опять скромно промолчало, а возглавило работу по установлению истины в столь короткой и яркой жизни Саши Матросова. Но, к сожалению, этого не произошло.

Пока ульяновская версия места рождения нашего героя на протяжении десятилетий с трудом пробивала себе дорогу, агрессивная башкирская вела планомерное наступление на Москву, упорно продвигая и в центральной печати, и на каналах центрального телевидения свою неприкрытую лесть и ложью «правду» о герое. Хлебосольные и льстивые башкирские «баи» не жалели средств на подготовку и про-

ведение ежегодных различных исторических конференций, симпозиумов и других мероприятий, на которые зачастили столичные гости, чиновники самых высоких рангов. Ведь посещение Уфы не обходилось без подарков, которые могли уластить и желания, и помыслы любого столичного гостя. Там неоднократно побывал и бывший министр культуры России господин В.Р. Мединский, который своим присутствием, волей-неволей, косвенно подтверждал возможность заменить русского, православного героя, на воина-мусульманина.

Так, постепенно, ничем не подкреплённая версия о вороватом сыне кунакбаевского пьянчуги стала навязываться всей стране и «заумные научные мужи» с научными титулами и степенями стали беззастенчиво писать об этом даже в современных энциклопедических изданиях.

В 2017 г. вышел последний 35-й том Большой российской энциклопедии, которая издавалась с 2004 г. по 2017 г. Ее выпуск осуществлялся при поддержке и на деньги Министерства культуры Российской Федерации. И на страницах этой энциклопедии «черным по белому» написано: «МАТРОСОВ Александр Матвеевич (5.2.1924, **Екатеринослав, ныне Днепропетровск, Украина** – 27.2.1943, близ дер. Чернушки, ныне Псковская обл.), сов. воин, Герой Сов. Союза (1943, посм.), рядовой (1942). *Существует гипотеза, что его наст. имя Мухамедьянов Шакирьян Юнусович и что он родился в дер. Кунакбаево Тамьян-Катайского кантона Башк. АССР (ныне Учалинский р-н Башкирии)*».

И ни слова о подвиге...

Ну что тут можно добавить простому историку-краеведу. Еще раз убедился в правоте того, что официальная историческая наука по своей продажности перед властью имущими всегда была, есть и будет в тройке лидеров после политики и проституции. И это, уже не говоря о Татарской энциклопедии 2016 г., где «истинные исследователи» уже в утвердительной форме сообщали своим гражданам-читателям эту придуманную «на коленке» ложь.

Даже простому обывателю известно, что на территории «самостийной» Украины еще тридцать лет назад отказались от русского героя, закрыв все музеи, снеся все памятники и переименовав все улицы именами бандеровских мразей.

А слово «*гипотеза*» из Большой российской энциклопедии можно

просто не заметить, пропустить или не обратить внимания очередным «борцам за правду» из Башкирии, Татарстана или из других русских городов. Как это сделала по «убедительной просьбе» и на деньги «башкирских друзей», а также при поддержке Министерства культуры и Министерства образования Оренбургской области московская кинокомпания «Док Стори Продакшн». Она в 2021 г. отсняла и выпустила в широкий прокат документальный фильм «Александр Матросов. Шагнувший в бессмертие», в котором героем является Шакирьян Мухамедьянов. Автор сценария А. Колин, режиссер А. Егорычев, научный консультант и один из создателей фильма Игорь Храмов. Все русские, православные.

Этот фильм уже показали в Оренбурге, Краснохолме, Платовке, Сургуте, в школах и на телевидении Башкортостана, Амурском и Забайкальском краеведческих музеях, Астраханском государственном музее-заповеднике. Инициатором и спонсором показа выступил все тот же Игорь Храмов, который был поддержан Фондом президентских грантов.

(Игорь Валентинович Храмов: член Союза журналистов, кандидат исторических наук, член Союза переводчиков России, Президент Оренбургского благотворительного фонда «Евразия», генеральный директор Оренбургского книжного издательства им. Г.П. Донковцева, Оренбургского туристическо-информационного центра, член международного общества Стефана Гейма. Автор и ведущий цикла телепередач, посвященных известным людям Оренбуржья. Инициатор открытия музея «Галерея выдающихся оренбуржцев». Предприниматель.)

Но в их фильме опять новая, неприкрытая ложь, потому что авторы утверждают, что «Министерство обороны Российской Федерации опубликовало ряд новых документов о подвиге Александра Матросова и вынесло окончательный вердикт: настоящее имя героя – Шакирьян Мухамедьянов».

Даже у директора кунакбаевского музея есть сомнение в этом, а вот предприниматель из Оренбурга не сомневается. И более того, по мнению Храмова: «Все отметили сильный эмоциональный посыл картины, современность подачи, динамичность, массу интересных фактов, отточенность формулировок». Ничего лишнего. Ни стыда, ни совести. Лишь поражает его циничность и насмешка над нами – русскими.

Но это не безобидная ложь, а гнусный и лживый фильм, который

теперь распространяется на просторах Интернета. И мнения о нем далеко не однозначны. Так, журналист, писатель и краевед из Великих Лук Андрей Борисович Канавщиков, занимающийся более 30 лет исследованием жизни и подвига А. Матросова и написавший две объемные книги, последняя: «Когда подвиг и есть судьба. Александр Матросов. Правда, версии, вымыслы и реконструкции» (2024), изданная в Москве, утверждает, что этот «фильм нечестный, и даже вредный». А Александр Костицын в своей статье сообщает: «И хотя документальные подтверждения «кунакбаевской» версии отсутствуют, ее почему-то продолжают радостно тиражировать. Более того, ее апологеты время от времени придумывают и озвучивают новые и, порой, далеко не безобидные «доказательства...»

Да и новые исследователи из Башкирии не успокаиваются. Они не только всецело отстаивают версию Р.Х. Насырова, прикрываясь лозунгами патриотического воспитания нашей молодежи, но и наполняют Интернет новой ложью и новыми провокациями. Так, А.М. Багаутдинов, который во всеуслышание объявил, что является «новым, бескомпромиссным» исследователем жизни Александра Матросова, заявил: «Сегодня есть необходимость использовать его имя как *военный бренд Башкортостана*, как собирательный образ защитника Отечества...» И этот бред – считать имя русского героя Александра Матросова брендом, как будто это вовсе не человек со всеми недостатками, ошибками и слабостями, свойственными любому жителю нашей прекрасной планеты, а клеймо, товарный знак, торговая марка, «под улюлюканье и свист» быстро поддержали националисты Башкортостана и др. И ведь это не только по отношению к Александру Матросову, а и ко всем героям-«матросовцам», которых около 500 чел. Они, с нашего молчаливого согласия, пытаются присвоить себе авторское право на этот «бренд», а потом устроить торги, как на рынке, отплясывая свой национальный танец на светлом, святом, для каждого настоящего русского человека, имени.

И, самое обидное, что до сих пор весь народ Великой России, и особенно его молодое поколение, продолжают обманывать. Таких продажных ученых, писателей, журналистов, чиновников и бизнесменов в нашей стране будет еще много и не исключено, что эта ложь появится, если уже не появилась в школьных учебниках по истории государства Российского, ведь главным цензором в настоящее время

является господин В.Р. Мединский, а журналисты Башкирии с уверенностью утверждают, что он поддержал их версию.

Вот поэтому Н.А. Дубовик, ее сподвижники в настоящее время продолжают свою битву за правду, ведут непрерывную переписку с музейными работниками, журналистами и писателями-«матросовцами» со всей необъятной России. В 2024 г. в свет вышла новая книга Нины Александровны «Александр Матросов. Снова бой», отпечатанная в частной типографии ИП Копыльцов П.И. в количестве 500 экз. и, наконец-то, при поддержке Губернатора и Правительства Ульяновской области. А сколько за эти годы было пролито слез, потрачено драгоценного здоровья, сколько дней проведено в реанимации на больничных койках. Но она сумела, выдержала, смогла пробить стену непонимания, равнодушия и нежелания даже выслушать от ульяновских чиновников, от власти и исторической науки. А это дорогого стоит и о многом говорит. По сути дела, защищая светлое имя Александра Матросова и «матросовцев», она повторила уже в наше время его подвиг, но свой – гражданский. И я убежден, что это оценит будущее поколение.

И только один из постоянно мелькающих на телеэкранах военных историков Алексей Валерьевич Исаев считает эту версию наиболее убедительной и подкрепленной документами.

К великому сожалению, тема башкирского происхождения Александра Матросова имеет небезобидное продолжение. Ведь почти полвека башкирские «баи» насаждали на Руси сказку о загадочном герое-мусульманине из «забытой аллахом деревушки». Но в последние годы, когда сотни тысяч русских воинов-добровольцев отравились защищать нашу Родину от новой фашистской чумы, возвращенной «нашими» заокеанскими и западноевропейскими «партнерами», наша жизнь обрела новые невиданные по своим размерам черты новой орды, стремительно ворвавшейся к нам из кишлаков Средней Азии и Кавказа и опирающейся на агрессивную зловую ветвь ислама – ваххабизм. Под видом поиска работы они на деньги английских и турецких спецслужб привезли в Россию свои многочисленные семьи и теперь собираются жить на нашей земле вместо нас, абсолютно забыв, как в начале 1990-х гг. убивали, насиловали и изгоняли наших русских людей из своих республик. И здесь толерантность – терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, присущая во все века русским

людям, просто неуместна. Ведь начиналось все со строительства в больших количествах на деньги турецких властей по всей территории наших православных областей и краев своих мечетей и молельных домов, а затем и с требований о ношении своей одежды и замене бесплатных продуктов питания для своих отпрысков в наших школах, потом о изменениях в банковской сфере, государственной системе здравоохранения, в спорте и на производствах. И эта толерантность и халялизация все больше поглощает Россию, искусственно разделяя живущих в нашей стране людей на правоверных и неверных, причем к неверным относимся все мы – жители России.

Теперь они могут в свой религиозный праздник спокойно перекрыть главные, центральные улицы столицы и пройтись многотысячной толпой, веселясь от вседозволенности и безропотности властей Москвы, остановить свою машину посреди дороги лишь для того, что ему одному пришло время совершить молитву прямо посреди дороги или в метро, или на остановке, да и в другом людном месте. А наши правоохранители спокойно на это смотрят, да еще и требуют защиты общества от этих «важных иностранных специалистов». Не говоря уже о том, что они стали проводить свои обряды с отрезанием головы живому животному-барану во дворах наших жилых домов, на детских площадках, на глазах у наших детей, тем самым запугивая их, что и с ними такое тоже может случиться. Ведь они приехали на нашу землю всерьез и надолго не работать, а жить вместо нас, привезли своих родителей, жен и многочисленных детей, которым в своих странах на протяжении десятилетий вдалбливали, что во всех их бедах виноваты русские, взращивая ненависть к нашему народу. И теперь эта многомиллионная орда, из которой работает всего 15-20 %, а остальные лишь пользуются благами нашего толерантного государства, старается навязать в наших городах, поселках и селах свои крайне агрессивные порядки и законы шариата. И это не только занятие своими большими семьями с агрессивными детками внутридомовых площадок для игры наших ребят, а еще и, ставшее уже повседневностью, насилие, грабежи и убийства незащитных русских детей, стариков и женщин этническими бандами недорослей, называющих себя «шариатскими патрулями», лишь за внешний вид и другое вероисповедание. И им никто не мешает, и у них это вполне успешно получается. А ведь эта планомерная экстремистская деятельность

направлена на развал нашей страны. И чем дальше подобное будет продолжаться, тем тяжелее все это будет остановить.

А мы все проявляем к ним терпимость и скорее арестуем и накажем своего, возмутившегося этим беспределом гражданина, чем привлечем к ответственности охамевшего чужестранца.

И теперь всем должно стать понятным, что для молодых людей из кишлаков и аулов воин-мусульманин, имя которого «украли» «неверные» русские, становится символом их очередной победы над всем чуждым их вероисповеданию. И, как ни странно, им потворствуют и потакают, поддерживают и продвигают их идеи наши продажные олигархи, бизнесмены, чиновники, депутаты, судьи и правоохранительные органы всех мастей и рангов, даже самых высоких. И метастазы этой страшной опухоли уже давно пронизали весь организм нашего государственного аппарата.

Опомнитесь, люди. Этот беспредел этнических банд и диаспор пора остановить, пока не стало слишком поздно. Ведь скоро эта «страшная опухоль», которую необходимо было удалить давно, благодаря толерантности и алчности власть имущих поглотит на ваших глазах всю Европу, а затем и нас. Ваших, не принявших их веру сыновей вырежут, а ваши дочери и внуки будут ходить в парандже и никабах, иметь столько свобод и прав, сколько им позволит их новый бай, и рожать новую нечисть.

Все это уже было в нашей истории много веков назад. И мы вновь и вновь повторяем те же ошибки предков, которые не сумели договориться между собой и совместно отразить нашествие этой чумы.

А чтобы доказать или опровергнуть ту или иную версию места рождения Александра Матросова, требуется самая малость – провести генетическую экспертизу, взяв образец из могилы героя в Великих Луках, и сравнить его с ДНК родственников Мухамедьяновых из деревни Кунакбаево или Матросовых из села Высокий Колок. Ведь нашлись же немалые средства у нашего государства провести такую экспертизу со всей семьей царя Николая II «Кровавого» для достижения исторической истины. Но, как ни странно, когда возник вопрос о возможности проведения генетической экспертизы, «родственники» из села Кунакбаево скромно от нее отказались.

Или чтобы Русская Православная Церковь и ее Святейший Патриарх встали на защиту своего мученика-героя, который без

тени сомнений отдал свою молодую жизнь за нас с вами, за нашу веру, и признала Александра Матвеевича Матросова Великим святым – защитником земли Русской.

И это необходимо сделать именно сейчас, когда история повторяется, гибнут наши бойцы и командиры, защищая свою Родину в боях с новой коричневой чумой на полях сражений в ходе СВО. Справедливость должна восторжествовать, пока не появились новые журналистские «версии» в других республиках России и наш герой не стал каким-нибудь новым «Ибрагимом Ахмедовым». А то, что деньги найдутся на эти провокации, можно не сомневаться.

Ведь Петр Кондратьевич Ковальчук был абсолютно прав, когда писал: «У Героя должна быть одна малая родина, одна родословная и один род». И касается это не только Александра Матросова, а и сотен тех героев, которые совершили подобный подвиг. Ведь мы до сих пор не перестаем восхищаться высотой их духа, их воле и красотой их души.

Нина Александровна Дубовик (Фуфаева)

Родилась 26 марта 1947 г. (зарег. 1 апреля) в селе Собакино (Красноборск) Тереньгульского района Ульяновской области. Отец – Александр Яковлевич Фуфаев, рабочий-автомеханик, мать – Анна Дмитриевна Вдовина (Максимова), бухгалтер. У маленькой Нины было еще два сводных брата Анатолий и Владимир.

В 1954 г. Нина пошла учиться в первый класс сельской школы, а после завершения учебы в седьмом классе в 1961 г. поступила в Ульяновское фармацевтическое училище, которое успешно окончила в 1965 г., став дипломированным специалистом – фармацевтом, и уже в возрасте 18 лет по распределению была направлена на работу по специальности в г. Куйбышев (Самара) в аптеку № 3. Там познакомилась и через полгода вышла замуж за выпускника Ульяновского Военно-технического училища им. Б. Хмельницкого, лейтенанта Владимира Тимофеевича Дубовика, который был старше ее на четыре года, и вместе с мужем уехала на Дальний Восток. Владимир Дубовик служил командиром взвода на базе горючего на окраине столицы

**Дубовик
Нина Александровна**

Приморского края, а Нина работала в аптеке № 2 г. Владивосток. Здесь в молодой семье офицера родилась доченька Оксана (1967).

В 1968 г. мужа перевели на должность командира роты базы горючего в поселок Краснореченский Камчатского края, который располагался недалеко от г. Петропавловск-Камчатский, и в конце декабря 1973 г. вошел в состав столицы края, а Нина Александровна устроилась на работу по специальности в военном госпитале пос. Елизово. Здесь в 1970 г. в семье родилась вторая дочь – Татьяна.

В 1971 г. Владимир поступил в Военную ордена Ленина академию тыла и транспорта и семья переехала в общежитие академии в г. Ленинград (Санкт-Петербург). Девочки пошли в садик, а Нина Александровна пошла работать по специальности в ближайшую городскую аптеку № 76.

После окончания академии майор Дубовик получил направление на должность начальника отдела хранения базы горючего в пос. Переславское Калининградской области и семья, загрузив в очередной раз в контейнер свой нехитрый скарб, отправилась служить на самую западную окраину страны. Поселок располагался от Калининграда в 26 км, поэтому Нина Александровна не осталась сидеть дома, а устроилась в городскую аптеку № 50 и каждое утро на электричке отправлялась на работу в Калининград.

Но и здесь долго пожить не пришлось. В 1977 г. Владимир Тимофеевич стал преподавателем на кафедре технических средств в своем родном, теперь уже высшем, училище, семья вновь переехала в г. Ульяновск, а Нину Александровну приняли на должность заведующей аптеки в медсанчасть УВВТУ, в которой она и проработала до выхода на пенсию в январе 2004 г.

В 1985 г. 42-летний подполковник Дубовик трагически погиб, оставив жену с двумя девочками-подростками 14 и 17 лет, и вся тяжесть по воспитанию и заботе о детях легла на ее хрупкие плечи.

Жизнь продолжалась, невзирая на все житейские трудности и мизерную зарплату. Дочки подросли и вышли замуж. У них уже были свои заботы и свои семьи. Подарили маме внуков: Александра (1988-2023) и Ольгу (1999).

Продолжительная и усердная работа Нины Александровны не осталась незамеченной. В мае 2001 г. ей была присвоена Высшая квалификационная категория, в апреле 2002 г. она была награждена

знаком «Отличник здравоохранения», а в июне этого же года ей было присвоено звание «Ветеран труда» федерального значения.

Но и после ухода на заслуженный отдых Нина Александровна не осталась коротать время на диване у телевизора или на скамейке у входа в подъезд, а стала секретарем Совета ветеранов Ленинского района г. Ульяновска, который объединил 28 ветеранских организаций и клубов района. Здесь среди уважаемых ветеранов она проработала еще 13 лет, до 2017 г.

Именно, работая в Совете ветеранов района, и проявился ее талант литератора. Еще в юные годы Нина Александровна написала свои первые лирические стихи, но с годами они стали не любительскими, а профессиональными. В 2007 г. в свет вышел ее первый сборник стихов «Жизнь моя, любовь моя», а 2009 г. стал для Нины Александровны поистине знаковым, потому что из-под ее пера вышли книга «Песнь благодарения», посвященная поэту золотого века, фольклористу-переводчику Д.П. Ознобишину, сборник песен на ее стихи «Край родимый», который был записан на два диска. 4 июля 2009 г. Н.А. Дубовик приняли в ряды Ульяновской организации Российского Союза профессиональных литераторов.

А затем, как из «рога изобилия», почти каждый год в свет выходили ее новые книги, в основном по краеведению о заслуженных ветеранах Ульяновской области: «Победы свет неугасимый» (2010), «Чаша любви» (2012), «Долгий путь к любви» (2012), «Светлой памяти печаль» (2013), «Сиянье Великой Победы» (2015), «Все равно я буду человеком» (2016, 2017, 2023), «Со мною вместе песенная Русь» (2019), «По зову сердца и велению долга» (2021), «Александр Матросов. Снова бой» (2024, 2025), «По-пластунски – пол-Европы» (2025). Всего 13 книг и сборников.

Не обошли Н.А. Дубовик почетные звания и награды: медаль «В Память о параде в день 70-летия Победы» (2015), медаль «За поисковые заслуги» (2017), Почетное звание и Диплом лауреата в высшей номинации «Лучшие люди России» (2017), сертификат губернатора Ульяновской области А.Ю. Русских за победу в конкурсе в области региональной историографии в номинации «За заслуги в области краеведения» (2024), Почетное звание и Диплом лауреата в международном конкурсе «Золотое перо Руси» в номинации «Историческое наследие».

Нина Александровна Дубовик по праву стоит первой в списке историков-краеведов матросовской тематики, невзирая на чины, ранги и почетные звания всех претендентов советской и новейшей истории России, потому что ее работы не вызывают у читателей разночтения в трактовке тех или иных событий.

Второй миф связан с его судимостями.

Еще в советское время, а тем более на волне вседозволенности 1990-х гг., любители исторических сенсаций доказывали читателю, что Матросов был вором, пьяницей, уголовником, штрафником и т.д. И первым в этом списке, как ни странно, оказался Павел Журба, который на страницах своей знаменитой книги превратил подростка Сашу Матросова сначала в беспризорника, «бродягу», «лодыря и грубияна», «дармоеда», потом в «бывшего уркагана». Затем слово в слово это же повторил и А.Г. Бикчентаев в своих книгах «Право на бессмертие» (1950) и «Орел умирает на лету» (1966). И невольно возникало ложное представление, что Александр Матросов из «бродяги» и «уркагана» вырос героем.

А потом эту мысль подхватили и газеты Западной Европы, начав печатать свои заказные статьи про уголовника – Героя Советского Союза Александра Матросова, подкрепляя свои домыслы фотографией из уголовного дела, отправленной еще в далеком 1943 г. начальником ДТК НКВД БАССР лейтенантом Госбезопасности Н.К. Ополевым в адрес начальника экспедиции знаков почтовой оплаты – уполномоченного Народного комиссариата связи СССР П.Д. Бойко. (Нашлись же «добрые» люди.)

И это, естественно, вызывало недоумение среди юных читателей страны. А многие учителя и комсомольские работники подвергали критике книгу П. Журбы, доказывая, что автор глубоко не изучил достоверные документы, помогающие проследить, как рос и воспитывался Саша в коллективе, как формировались в нем те высокие моральные качества пламенного советского патриота, идейно убежденного человека, которые со всей полнотой проявились в период тяжелых испытаний военного времени.

Эти утверждения очень сильно оскорбляли не только память о герое, но и тех людей, которые лично знали Александра по Ивановскому детскому дому, Уфимской детской трудовой колонии № 2, по службе в Краснохолмском военном пехотном училище и во

2-м отдельном стрелковом батальоне 91 *осбр*. Ведь чтобы оболгать человека, нужна лишь одна бумажка, а чтобы оправдать – требуется целое дело в несколько томов.

Ни один из авторов серьезных исследований жизни и подвига Александра Матросова в своих книгах не подтвердил этого. Наоборот, все, опираясь на многочисленные рассказы его товарищей, писали, что он ни разу не был замечен в воровстве, был честным человеком и сам боролся с этим явлением. И уголовником он не был, хотя и имел судимость. Это во всех своих воспоминаниях подтверждали его воспитатели и товарищи-друзья П.И. Макаренко, П.П. Резин, Ф.И. Хасанов, М.Г. Саулин и мн. др.

Много усилий и времени понадобилось, чтобы восстановить честное имя Героя Советского Союза Александра Матросова. Долгие месяцы лишения свободы из жизни не выбросишь, тем более что она у него оказалась такой короткой.

В 1960-е гг. вопросами судимостей Матросова занимался писатель И.И. Шкадаревич, который после выхода своей книги стал раздаривать музеям многочисленные копии ответов из Генеральной прокуратуры СССР о якобы снятии двух судимостей Саши, заверенных почему-то московским отделением общества «Знание», где тот работал, не публикуя и не показывая подлинники. И ему опять поверили. Но оказалось, что в Книге передвижения детей, которую ему показала директор Ивановского детского дома Р.И. Иванова, было указано, что на трудоустройство Сашу Матросова отправили в сентябре 1940 г., поэтому первой судимости в июле этого года у него быть не могло, что явно противоречило его повествованию. Поэтому И.И. Шкадаревич сделал все, чтобы после очередного посещения детского дома эта книга просто исчезла. В последующем, выступая в феврале 1973 г. на слете пионерских отрядов и дружин имени героя, проходившем в Ивановском детском доме, он проговорился о маме Александра Анне Николаевне, которую он «нашел» в документах о регистрации брака родителей Саши в ЗАГСе Новой Малыклы. Это и стало впоследствии доказательством окончательной подчистки подлинных документов в угоду издания его книги.

Но до сих пор во всех оставшихся музеях бережно хранятся эти привезенные Иваном Иосифовичем копии ответа из Генеральной прокуратуры СССР:

«В связи с Вашими письмами, в которых Вы просили Прокуратуру СССР проверить материалы дел, возбужденных в 1940 г. по обвинению Матросова Александра Матвеевича, Прокуратурой дела проверены.

А.М. Матросов не являлся правонарушителем, и обвинение ему было предъявлено необоснованно. В связи с этим прокуратура опротестовала оба приговора».

Н.А. Дубовик и ее единомышленники в ходе изучения материалов областной прокуратуры, областного суда и областного управления юстиции г. Самара (Куйбышев) не нашли хоть каких-либо материалов, свидетельствующих о наличии уголовного производства и судебного процесса в отношении А.М. Матросова. Учитывая его возраст и особенности судопроизводства, сведения о надзоре за следствием и судебным разбирательством в отношении несовершеннолетнего отложились бы в отчетных материалах указанных выше служб, но этого выявлено не было. Согласно ответу Самарского областного суда уголовного дела по осуждению А.М. Матросова не обнаружено. Не вызывает сомнений и тот факт, что на положительный ответ не повлияло бы даже уничтожение уголовного дела за давностью лет, так как информация о нем была бы обозначена в акте на уничтожение, который хранится вечно. Следовательно, сам факт совершения А.М. Матросовым уголовно наказуемого деяния летом 1940 г. является вымыслом, так как не подтверждается никакими документами.

Прокуратура РФ провела расследование всех обстоятельств так называемых «дел» Матросова и установила, что в 1940 г. подросток А. Матросов совершенно необоснованно привлекался к ответственности и никаких преступлений он не совершал. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ полностью реабилитировала Матросова от необоснованных обвинений, возведенных на него в прошлом, и отменила приговор, вынесенный Александру Матросову по делу о нарушении паспортного режима, в связи с которым он оказался в уфимской колонии.

Косвенным доказательством, что Саша Матросов не был уголовником и пропащим для общества человеком, служит и то, что его приняли в ряды комсомола спустя всего два месяца после освобождения из колонии, а просто так, в связи с наступлением 14-летнего возраста, в сталинский комсомол не принимали.

А Шакирьян Мухамедьянов, по воспоминаниям его односельчан, воровал чуть ли не с пеленок и тем жил.

Третий миф связан с датой смерти Александра Матросова.

На протяжении более 40 лет советским людям со страниц всех художественных книг, газет и журналов говорили о том, что А.М. Матросов совершил свой подвиг 23 февраля 1943 г., в канун празднования 25-й годовщины создания РККА. И эту дату подтверждали в своих воспоминаниях практически все свидетели его подвига и документы, в том числе и подлинные, – 19-го гвардейского стрелкового корпуса, написанные уже после выхода в свет знаменитого приказа № 269 Народного Комиссара Обороны И.В. Сталина.

(Почему так произошло, я уже писал. Удивляет лишь одно: почему в архивах МО еще в тот период не заменили наградной лист и другие документы или просто уничтожили «за ненадобностью», как это делается до сих пор, когда наиболее важные страницы боевых документов того периода просто не выставляются на сайтах МО РФ для всеобщего изучения, хотя они есть и этому свидетельствуют приводимые в доказательство выписки, выданные родственникам погибших под Чернушкой героев.)

В начале 2000-х гг. МО РФ постепенно стало снимать гриф секретности и опубликовывать в широкой печати, в том числе и в Интернете, подлинные документы того периода войны, когда еще не было ни героя, ни его посмертного увековечения в приказе и печати с присвоением имени Александра Матросова 254-му гвардейскому стрелковому полку 56-й гвардейской стрелковой дивизии. Из множества опубликованных подлинных документов стало ясно, что 23 февраля 1943 г. наш герой еще был жив, бодр и весел, а свой подвиг совершил через четыре дня, 27 февраля 1943 г.

И эта дата не подвергалась сомнению ни у кого, пока в 2021 г. издательский центр Башкирского государственного университета не опубликовал монографию, «новое, сенсационное исследование», своего доцента кафедры философии и политологии, кандидата философских наук А.М. Багаутдинова с сыном-студентом «Подвиг Александра Матросова: анализ советских и немецких документов», в котором они, ссылаясь на рассекреченные немецкие документы и наградной лист Матросова, утверждали, что свой подвиг наш герой совершил 25 февраля 1943 г.

Не скрою, что перевод немецких боевых документов с помощью искусственного интеллекта или, в лучшем случае, непрофессионального переводчика мне, как военному человеку, окончившему Военную академию им. М.В. Фрунзе и знакомому с основами военного перевода, резал слух. Но, тем не менее, такая работа была проведена впервые за более чем 75 лет и помогла закрыть те «белые пятна» в моей предыдущей работе, которые вначале вызывали сомнения и непонимание, а потому просто упускались на страницах моего очерка «Дорога в бессмертие. Александр Матросов» (2021). И я благодарен авторам за их работу. Но, к сожалению, философ А.М. Багаутдинов, не проанализировав и хорошо не разобравшись в полученных сведениях, сделал неверный вывод, при этом ссылаясь в первую очередь на наградной лист Александра Матвеевича Матросова, в котором четко указано, что с 25 февраля 1943 г. красноармеец Матросов принял участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками в составе Калининского фронта. И это абсолютная правда, которая подтверждена всеми журналами и приказами того периода. 2-й стрелковый батальон 91-й бригады действительно впервые атаковал передний край обороны противника в д. Черное в полдень 25 февраля 1943 г. без поддержки огня своей артиллерии и авиации. Но немцы были готовы и открыли ураганный огонь из всех видов оружия, поэтому этот день стал днем первого кровавого, боевого «крещения» новобранцев 91 *осбр*. Появились первые раненые, которые кричали, стонали и орали от нестерпимой боли и страха неминуемой, как им казалось, смерти. Роты залегли, а потом отошли на исходные позиции. Рота автоматчиков 2-го батальона в этой атаке участия не принимала, да и комсомолец Матросов исполнял тогда обязанности внештатного ординарца заместителя командира 2-го батальона по политической части капитана В.Н. Климовского. И тем более, что об этом нет ни слова в рассекреченных немецких документах.

Изучая по этой монографии немецкие боевые документы, я вначале даже не обратил внимания на неправильные выводы, сделанные авторами, посчитав их поспешной ошибкой. Но я ошибался, так как это была настоящая провокация, предпринятая на страницах небольшой монографии уфимских исследователей с целью привлечения затухающего внимания читателей к башкирской версии рождения нашего героя и создания при этом ненужной и неуместной шумихи в

печати и средствах массовой информации. И это отчасти у доцента Уфимского университета науки и технологий А.М. Багаутдинова получилось, ведь его поддержал, как ни странно, журналист, писатель-источниковед и краевед из Великих Лук А.Б. Канавщиков.

Вначале Андрей Борисович прислал мне свою статью из газеты «Великолукская правда», где он работает заместителем главного редактора, в которой версия с датой смерти Саши Матросова совпала с версией А.М. Багаутдинова. Не скрою, это меня не только расстроило, но и возмутило, потому что до этого я считал А.Б. Канавщикова вполне адекватным исследователем жизни и подвига героя. Я ему ответил. Но каково было мое удивление, когда, прочитав в Интернете его книгу «Когда подвиг и есть судьба» (2024), на ее страницах обнаружил нашу переписку. Андрей Борисович писал:

«Когда Н.А. Шкарлат узнал, что я ставлю под сомнение дату «27 февраля 1943 г.», он почти возмутился: «Честно говоря, я не мог даже подумать, что Вы меня можете удивить. Я насчет даты гибели Александра. Я же Вам писал, что хорошо разбираюсь в тактической обстановке, меня этому учили, да и я сам учил, и не один год. И Вам писал, что перед тем, как написать о ходе боевых действий 91 *осбр*, я по дням составил на реальной карте обр. 1941 г. порядок действий батальонов бригады в эти дни с 24.02 по 3.03.1943 г. Я мысленно вместе с 2 *осб* прошел этот путь. И не только потому, что умею читать топографическую и рабочую карту и вижу многое на ней, что остальным кажется непонятным или мелочью, но и потому, что сам рядовым служил в пехоте, а потом командовал развернутыми стрелковыми подразделениями в различной обстановке, в том числе и зимой, и на незнакомой местности. И абсолютно убежден, что другого мнения быть не может – Александр Матросов погиб 27 февраля 1943 г.»

Это письмо оскорбило столь знаменитую личность из Великих Лук, но он не знал, что это был уже третий вариант моего ответа ему, потому что, служа в многострадальной пехоте срочную службу и офицером, я обладаю непередаваемым набором слов «на латыни», которые в тот момент написал и хотел ему отправить. Но, немного отдышавшись, только на третий день смог написать то, что он выложил в своей книге.

Что же, «и на старуху бывает проруха».

Дата нахождения красноармейца Матросова на Калининском фронте (25 февраля) четко прописана в наградном листе, а дата гибели 27 февраля 1943 г. основана на документах ЦАМО, РГАСПИ и других архивов. И это не подлежит даже сомнению.

Так что провокация кандидата философских наук, доцента Айрата Маратовича Багаутдинова вряд ли будет иметь продолжение, так как я, как автор этой книги, постарался на основании подлинных архивных документов Великой Отечественной войны, выложенных на сайтах Министерства обороны РФ, изложить практически по дням все события, которые происходили в боях под маленькой, затерянной среди болот Псковщины деревенькой Чернушка.

Река жизни быстротечна, ее воды рано или поздно все расставят на свои места, ведь правда непобедима. И я абсолютно уверен, что истина и историческая справедливость будут восстановлены.

И последнее. Общеизвестно, что Александр Матросов не был первым, кто своей грудью закрыл огневую точку противника. Еще до событий под деревней Чернушка подобный подвиг совершили 98 бойцов и командиров Красной Армии. Среди них старшина 7-й роты 849 *сп* М.П. Абызов, командир взвода 1 *сп* 796 *сп* лейтенант М.К. Бовкун и красноармеец 2-й роты 796 *сп* рядовой Г.С. Вавилов, которые совершили подобный подвиг еще в июле 1942 г. на улицах Воронежа.

В 2018 г. Департамент информации и массовых коммуникаций МО РФ писал: «В Центральном архиве Минобороны России проведена кропотливая работа по выявлению сведений о военнослужащих, совершивших подвиг, аналогичный подвигу Александра Матросова. Сотрудники архива по крупицам собрали информацию о 500 героях из многочисленных разрозненных документов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Данная информация сведена в сборник и в ближайшее время будет опубликована». (К сожалению, данный сборник пока не опубликован в открытой печати.)

И первым в этом скорбном списке стал младший политрук танковой роты 125 *мп* 28 *тд* Александр Константинович Панкратов, который 24 августа 1941 г. бросился на вражеский пулемет под Новгородом в бою за Кириллов монастырь. А последними были бойцы Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота боцман плавбазы «Север» старшина I статьи Николай Александрович

Вилков и рулевой сторожевого катера «СК-253» 6-го дивизиона сторожевых кораблей Краснофлотец Петр Иванович Ильичев, закрывшие своими телами амбразуры японского дзота 18 августа 1945 г. при освобождении северокурильского острова Шумшу.

Подвиг Александра Матросова – высшая точка его короткой жизни, и независимо от того, когда он был совершен, мы называем всех этих героев «матросовцами», отчетливо понимая, какова была цена их самоотверженности. Имя Александра Матросова стало олицетворением бессмертного подвига, символом мужества и героизма советского солдата в годы Великой Отечественной войны, а его подвиг – ярким примером патриотизма и любви к своей Родине для всех поколений нашей страны.

О Саше Матросове писали и вспоминали многие его однополчане, но, не сговариваясь, они были едины в одном, что видели и знали великого человека. Сами герои, они склоняли головы перед его подвигом, видя в нем первого среди равных.

И абсолютно прав был военный корреспондент, прозаик и поэт Михаил Александрович Дудин, когда написал: «...Его подвиг свят и благороден. Саша Матросов не погиб. Он до сих пор, подвигом своим прикрывая мир и саму жизнь, стоит на перекрестке Истории и говорит фашизму: Нет! Его кровь и дыхание, его взгляд и воля – как часовые на страже времени и жизни».

Когда книга была уже готова к печати, из столицы, наконец-то, пришло хорошее сообщение. 28 октября 2025 г. в Центральном музее ВС РФ прошла международная научно-практическая конференция «80-летие окончания Второй мировой войны 1939-1945 гг. Итоги и уроки», одна из секций которой рассматривала вопросы, связанные с жизнью и подвигом А. Матросова. Впервые за прошедшие десять лет сделан первый шаг для достижения исторической истины. На конференцию приглашались все желающие, но никто из сторонников дне-пропетровской и кунакбаевской версии рождения героя из Уфы, Оренбурга и Великих Лук не приехал и даже не прислал своих статей. Оно и понятно, ведь «гадить исподтишка» под защитой своей мощной диаспоры куда легче, чем оппонировать в открытой дискуссии. Вот поэтому «Битва за правду» продолжается...

Прошло более века со дня рождения Александра Матвеевича Матросова. Он не знал отца, который бы высоко держал его в своих мозолистых, натруженных руках, смутно помнил свою маму, которая вскормила его своей грудью, убаюкивала в колыбели, отдавала сыночку последний кусочек хлеба, научила разговаривать по-русски, петь русские душевные песни, оберегала и воспитывала своего сыночка Сашеньку почти шесть лет его маленькой жизни. С молоком матери, которая, прожив более 9 лет среди родни мужа, так и не научилась разговаривать по-мордовски, он впитал русский дух, русскую культуру. Он так и не наслаждался мирной послевоенной жизнью, не завел семью, не воспитал своих детей, не порадовался внукам. Пулеметная очередь жестокого и беспощадного врага более 80 лет назад пронзила его горячее сердце. 19-летний мальчишка, презрев смерть, погиб, защищая нас от тех, кто тогда пришел нас убивать и кого сегодня мы льстиво называем «западными партнерами».

Жизнь человека измеряется не годами, а делами. Имя Матросова стало символом бесстрашия и благородства души, а его подвиг золотой страницей вошел в летопись Великой Отечественной войны и до сих пор изумляет святой любовью к Родине.

Прошло более чем полвека, когда с карт Новомалыклинского района Ульяновской области исчезло даже упоминание о хуторе Зин-Овраг. Старожилы еще помнят, как их дедушки и бабушки, показывая на покосившуюся от времени, вросшую в землю маленькую избушку, в которой давным-давно не было уже ни окон, ни дверей, говорили, что в этом доме родился и жил их знаменитый родственник или земляк Александр Матросов.

В 1973 г. какие-то «умельцы» разобрали родительский дом Саши то ли на дрова, то ли на свой сарай («не пропадать же добру»), прекрасно зная, что в нем жил герой, который отдал свою молодую жизнь за то, чтобы потомки наслаждались своей безнаказанностью. Пруд на дне оврага с родниковой водой, сооруженный еще до Великой войны, обмелел, заилился, а его берега заросли кустарником и небольшими деревьями. Здесь, как и много веков назад, ясным весенним утром слышится пение маленьких птичек «зинька» из семейства синичковых — «зинь, зинь, зинь...»,

которое нарушает тишину памятного места, где в начале 1924 г. была зарыта пуповина нашего героя.

Пруд в Зин-Овраге

При жизни Саша Матросов не знал, откуда он родом, но многочисленная его родня ни на минуту не забывала о своем герое. Недаром в каждой семье Матросовых обязательно одного из сыновей называли и называют Александром. (Один из них пал смертью храбрых в боях с новой фашистской нечистью под Авдеевкой и имя его тоже Александр Матросов.)

Но никто из родственников и односельчан, которые на протяжении многих лет гордились своим родством, даже не подумали восстановить этот живой памятник своему герою.

Место, где находился дом, в котором родился Александр Матросов

(На страницах своей книги я постоянно ругал других людей, а теперь спрошу: «Где же ваша совесть, господа современные Матросовы? Вы же свалили все на Нину Александровну Дубовик, а как потребовалось отстоять свою правду перед высоким областным начальством, в районном суде, то вы и ваше руководство района и Высококолковского поселения «хвост поджали», как «трусливые зайцы». Грош цена вашей памяти и патриотизму. Решили «чужими руками жар загребать», а потом самим купаться в лучах славы своего знаменитого предка, «палец о палец» не ударили, ничего не сделав за полвека для того, чтобы отстоять его честное имя. Вы лишь дали ему фамилию, а воспитало его советское государство в детских домах и в исправительной колонии. Пусть это звучит жестко, но совершенно справедливо. Стыдно должно быть, господа Матросовы, как мордва, так и русские, а потом удивляетесь, что о вас ноги вытирают националисты из других республик».)

Стела Герою Советского Союза А.М Матросову

Деревня Чернушка погибла еще в годы Великой Отечественной войны, ей так и не суждено было возродиться. Районные советские власти пытались что-то сделать, но бой 27 февраля 1943 г. стал первым и последним мигом ее всесоюзной славы.

В советское время о Матросове и других героях снимали фильмы, их именами называли пионерские дружины, создали более 10 тысяч школьных музеев и отрядов имени А. Матросова. Во многих городах Советского Союза были названы улицы именем героя, установлены памятники. Был установлен и величественный монумент на месте,

где совершил свой легендарный подвиг Александр Матросов. Теперь дорога к нему заросла, и редкий путешественник – знаток истории своей страны найдет ее даже по навигатору.

В 2008 г. писатель, журналист А.А. Проханов, побывав на этом святом месте, писал: «... Там на лесной опушке стоит красивый мемориал в честь героя. К своему ужасу, в его голове я увидел две дыры от жакана (пули, используемые при охоте на кабана). Кто-то подошел и выстрелил в бронзового Матросова, убив его во второй раз вслед за фашистами. До какого же скотства надо было довести наших соотечественников, чтобы такое совершить?

Когда в народе исчезает уважение к героям и способность к самопожертвованию, исчезает сам народ... Счастье России, что у нее есть Матросов. Счастье народа – иметь такого сына. Великое, непреходящее, неизбывное счастье...»

Чем глубже знакомишься с личностью Александра Матвеевича Матросова, с теми героями, которые совершили подобный подвиг, тем больше не перестаешь восхищаться высоте их духа, их воле и красоте их души. Они несут свет и радость, оберегают от мерзости либеральной современности.

Героев Советского Союза во время Великой войны было около 12 тыс., но не каждому из них было суждено стать символом, легендой, как Матросову, в котором, как в капле воды, отразились все самые лучшие черты наших традиций и нашей любви к жизни, когда человек в самой безысходной ситуации становится выше обстоятельств.

Уже четвертый год идет Специальная военная операция (СВО) на территории Украины и России, и, кажется, в нашем государстве уже все сделано для восстановления патриотического воспитания молодежи, но даже в год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне реальные опросы показывают, что абсолютное большинство юношей и девушек ничего не знают о подвиге красноармейца А.М. Матросова. Обернитесь ветераны и спросите их об этом. Вы будете неприятно поражены их невежеством.

Даже в Год защитника Отечества новобранцы 254-го мотострелкового полка, только переступив порог части, впервые узнают о подвиге Матросова. А ведь это плоды обычной школьной программы по истории государства Российского, которую на протяжении тридцати лет насаждала нашим детям либеральная интеллигенция.

Александр Матвеевич Матросов в свои 19 лет стал героем, защитником земли русской. А ведь он был не единственным в те грозные годы Великой войны. Это и Зоя Космодемьянская, и героини молодого гвардейцы, и тысячи других известных и неизвестных бойцов и командиров, партизан и подпольщиков, которые отдали свои юные жизни за то, чтобы мы с вами жили под мирным небом, говорили на родном языке, были свободными.

А сколько современных настоящих героев сейчас проявляют чудеса храбрости и героизма на полях сражений с новым коварным врагом на полях СВО!

Необходимо сделать все, чтобы из школьных учебников, библиотек для детей и юношества, с прилавков книжных магазинов, с экранов телевизоров, из программ и сайтов Интернета навсегда исчезли англо-саксонские «соросята» и их последователи, в том числе и наши доморожденные псевдонаучные предатели с их губительной для наших детей и внуков идеологией и философией. Чтобы через века героика патриотизма оставалась в памяти новых подрастающих поколений нашей страны.

Ведь даже Президент РФ В.В. Путин сказал: «Мы должны сделать все, чтобы сегодняшние дети и вообще все наши граждане гордились тем, что они наследники, внуки, правнуки победителей. Знали героев своей страны и своей семьи, чтобы все понимали, что это часть нашей жизни».

Вот тогда мы будем непобедимы!

Потребовалось много лет постоянной работы, чтобы досконально изучить и осветить все события короткой, но яркой жизни героя. И его беспримерный подвиг засиял новыми красками в настоящее время, когда по нашей земле вновь загремели гусеницами немецкие танки с крестами. И снова Александр Матросов идет в бой с бойцами и командирами 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии, в которую входит 254-й мотострелковый полк. И хотя его воины по праву считают себя «матросовцами» и приемниками прославленного гвардейского полка им. Александра Матросова, к сожалению, это далеко не так.

254-й гвардейский мотострелковый полк им. Александра Матросова за предыдущие годы был дважды расформирован: в 1998 г. и в 2009 г. и воссоздан лишь пять лет назад. 1 декабря 2020 г. в г. Клинцы Брянской

области, где формировался новый 254 *мсп*, заместитель командующего 20-й гвардейской общевойсковой армии по военно-политической работе полковник И.А. Солдатов торжественно вручил Боевое Знамя нового образца, на котором, как и в Указе Президента РФ, не было указано, что полк гвардейский и ему возвращено почетное наименование.

Вот уже пять лет ветераны дивизии и полка стучатся во все двери больших московских кабинетов, пишут письма, звонят в приемные, но воз и ныне там.

Заместитель. председателя Совета ветеранов 144 *гв.мсд* Е.Г. Ходыско вспоминает: «Когда меня в декабре 2020 г. пригласили участвовать в передаче 254-му мотострелковому полку боевого знамени, я, не раздумывая, согласился.

Приехав в часть, я имел возможность почитать Указ Президента РФ о передаче знамени полку, поддержать его в руках и рассмотреть. Все мы, ветераны дивизии и полка, были удивлены и расстроены. Ни на знамени, ни в Указе не было ни слова об Александре Матросове.

С 2020 г. началась моя переписка с МО РФ, губернаторами, главами районов и администраций, в освобождении которых принимал активное участие 254 *гв.сп*. Я искал сподвижников в музеях, на различных исторических конференциях и праздниках, среди ответственных военачальников.

К сожалению, на сегодняшний день вопрос о возвращении 254 *мсп* гвардейского и почетного наименования имени Александра Матросова не решен. Полк остается безликим».

А ведь в настоящее время с бандеровской нечистью на фронте воюют воины не только этого обезличенного мотострелкового полка с украденной историей, но и другие, под знаменами частей которых воевали их знаменитые деды и прадеды, но в силу непонятных обстоятельств им также не вернули почетные наименования. Лишь вновь созданные подразделения добровольцев, отправившихся воевать на полях СВО, приняли на себя почетные наименования «имени Александра Матросова». Это сформированный в Ульяновске гаубичный дивизион и отряд бывших военнопленных ВСУ, уроженцев Днепропетровской области Украины, которые приняли решение воевать в составе войск России против натовской оккупации Украины и режима Зеленского.

Министерство обороны РФ уже который год подряд занимается

отписками в адрес ветеранской организации дивизии. А ведь это не должно быть прихотью или желанием очередных командующих 20-й армией и группировкой войск, это восстановление исторической памяти нашего народа, воспитание молодежи на героическом прошлом нашей Родины. Жаль, что за ежедневными заботами этого так и не поняли наши современные военачальники...

Начиная работу над этой исторической повестью, я планировал лишь дополнить свой предыдущий очерк новыми данными, собранными за прошедшие годы мной и моими друзьями. Но когда полностью погрузился в изучение и анализ боевых и графических документов армий, корпусов и бригад на смоленском направлении в начале второго периода Великой Отечественной войны, то обнаружил, что не могу просто ограничиться описанием подвига одного Александра Матросова, потому что ежедневно в боях с ненавистным, кровавым, оголтелым врагом свой подвиг совершили многие его однополчане по 6-му Сталинскому добровольческому стрелковому корпусу сибиряков. Вот поэтому моя книга посвящена подвигу советской пехоты в тот небольшой по времени, но огромный по содержанию отрезок времени Великой войны.

Каждый день, отрывая очередной листок календаря, я с удивлением заметил, что мы практически ежедневно отмечаем какой-либо официальный государственный, профессиональный, военный праздник, памятную дату или день воинской славы. Таких в календарном году около 120. А есть еще неофициальные, популярные и религиозные. Так, военнослужащие ВМФ отмечают только 12 официальных праздников в году, каждый вид и род войск Вооруженных Сил России имеет свой официальный праздник. Даже у рыбаков и то два праздника в календаре, не говоря о таких «экзотических» профессиях, как военные топографы, оружейники, специалисты юридической службы и метеорологи ВС. Есть свои праздники у танкистов, артиллеристов, пвошников, связистов, инженеров, ремонтников, тыловиков и у всех остальных военных профессий. Есть даже День граненого стакана. Нет только в календаре Дня русской пехоты.

Кто-то может возразить, что есть День Защитника Отечества, День Сухопутных войск России, даже есть неофициальный праздник мотострелковых войск (19 августа). Но это праздники для всех, а «мото» – только до рубежа спешивания, а это 600 м и более от переднего края

обороны противника, а дальше бегом, перебежками, переползанием и, в лучшем случае, ускоренным шагом, и так на всю глубину поставленной задачи в несколько километров со всем своим многокилограммовым снаряжением, боеприпасами и оружием. И не факт, что ты добежишь до указанного рубежа, при этом еще нанося поражение противнику, и сможешь присесть в свое «мото», которое спокойно от рубежа к рубежу будет двигаться за тобой на удалении. Не унижая достоинства всех остальных военных профессий: от летчиков до артиллеристов, я думаю, никто из них не оспорит тот факт, что все они располагаются в своих районах и на аэродромах далеко за спиной у многострадальной пехоты и все они, до единого, должны обеспечить этой вечно грязной, оборванной, завшивевшей, голодной пехоте возможность с наименьшими потерями выполнить поставленную боевую задачу на реальной местности, разгромить противника и освободить наши населенные пункты и наших людей от беспощадного врага.

Два самых древних рода войск: кавалерия и пехота – не имеют своих официальных праздников на Руси. Да, можно сказать, что такого рода войск, как кавалерия, в нашей армии давно уже нет, но даже у них в календаре есть неофициальные праздники: День кавалерии, День конника, День лошади и День жеребят. А теперь подскажите мне, есть ли в году праздник самой многочисленной, многострадальной пехоты, которая во все века в кровопролитных боях со всей нечистью спасала и спасает от рабства и уничтожения свой народ, свою страну, защищала нашу Родину, несла и несет самые большие потери, поливая своей кровью русскую землю, в том числе и сейчас на полях сражений и боев СВО. Его просто нет. И это несправедливо и обидно. Обидно за тех, чьи истлевшие кости сотнями тысяч лежат едва присыпанные землей в старых окопах, воронках от разорвавшихся снарядов, придорожных канавах с медальонами и без, по всей территории нашей необъятной Родины. А мы, живые, не можем их даже помянуть.

Еще летом 2025 г. Президент РФ В.В. Путин сказал: «Там, где ступает нога русского солдата, то наше!» Поэтому давно пора нашей стране, нашему народу отдать должное этому самому старейшему роду войск, его бойцам, командирам, ветеранам и установить официальный праздник День пехоты России. И я абсолютно уверен, что меня поддержат не только воины мотострелковых частей и

подразделений, но и воздушная и морская пехота, которые сейчас на полях СВО самоотверженно выполняют не свои специальные боевые задачи, а задачи простой пехоты...

Вот и наше время, детей послевоенного поколения, подходит к своему логическому завершению. Мы стали чаще встречаться на похоронах, чем на днях рождения своих друзей, товарищей, однополчан, чаще стали задумываться о том, что же, кроме могильного холмика, останется от нас на этой бренной земле. Многих уже нет в наших рядах. И время подводить итоги.

Мы все еще надеемся, что будущие поколения станут лучше нас, не совершат наших ошибок, будут гордиться своей Великой Россией, своей историей, своими героями. И никто больше не посмеет очернить их светлые имена, потому что пока на нашей земле родятся Матросовы – нас не победить.

Я ни либерал, ни демократ, я «прямой как штык» русский пехотный офицер, который еще в далекие 1970-е гг. уяснил, что у Великой России есть только два союзника – это ее армия и флот, на которых в мирное время со всех «утюгов» кричат, что «они дармоеды», а в военное – «братцы, спасите!» Я глубоко переживал распад Советского Союза, хотя и понимал, что дальше так жить, как мы жили, нельзя. И благодарен Богу за то, что дал мне время рассказать о подвиге наших дедов и прадедов на фронтах той страшной, кровавой войны, о той яркой и прекрасной звезде на нашем небосклоне, какой был и навсегда останется Александр Матросов. И пока бьется мое сердце, я постараюсь сообщить будущим поколениям правду об этих героях.

Я писал эту книгу более полутора лет, хотя документов было предостаточно. Не скрою, некоторые эпизоды давались с большим трудом, стоял ком в горле и непроизвольно появлялись скупые слезы, потому что вместе с героями повести переживал их ошибки и поражения, их победы и маленькие радости. И очень надеюсь, что те читатели, которые все же дочитали до конца мою книгу, испытали те же чувства, что и я, как автор.

*Пока мы боль чужую чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мечтаем мы и буйствуем,
Есть нашей жизни оправдание.*

*Пока не знаем мы заранее,
Что совершим, что сможем вынести,
Есть нашей жизни оправдание,
До первой лжи или первой хитрости.*

Андрей Дементьев, 1978 г.
«Пока мы боль чужую чувствуем»

Вечная слава всем героям! Мы помним о них.

P.S. Дорогие мои читатели! В прошлом своем историческом очерке «Дорога в бессмертие. Александр Матросов», вышедшем в свет в 2021 г., я из-за отсутствия достоверной информации допустил две требующие уточнения ошибки. Первая связана с правильным и полным наименованием 91-й бригады. Из неоднократно подтвержденных источников (архивов МО РФ) она в момент формирования носила название «91-я Сталинская отдельная стрелковая бригада добровольцев-сибиряков». А вторая ошибка связана с именем командира этой бригады во время боев под деревней Чернушка в момент совершения своего героического подвига Александром Матвеевичем Матросовым. В это историческое время командиром 91 осбр был подполковник Урусов Александр Яковлевич. В остальном и очерк, и данная повесть строго соответствуют изложенным историческим событиям и фактам и могут являться основой для дальнейшего изучения великого подвига советского народа и его ярчайшего представителя простого 19-летнего паренька, детдомовца Александра Матросова.

Каждую строчку в этом повествовании я, как автор, могу подтвердить источниками исследований других авторов и подлинными документами периода Великой Отечественной войны, которые изучил, работая в Архивном фонде России.

Особая благодарность Нине Александровне Дубовик и Евгению Григорьевичу Ходысько, которые помогали в подборе материала, советовали и не давали мне расслабиться все эти месяцы и годы.

Поиски истины продолжаются...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Наградной лист на А.М. Матросова (лицевая сторона)

228
Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Матросов Александр Матвеевич

2. Звание Красноармеец 3. Должность, часть Стрелок-автоматчик 2-й

отд. Районного бат. на Нотд. Восточн. фр. в Вор. обл. Калинин др.

Представляется в прик. вост. звания Героя Советского Союза

4. Год рождения 1924 5. Национальность Русский 6. Партийность Член ВКП(б)

7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Калининский фронт 25 декабря 1941 года

8. Имеет ли ранения и контузы в отечественной войне Не имеет

9. С какого времени в Красной Армии сентябрь 1941 г. 10. Каким РВК призван Кировский

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Не награждался

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи [REDACTED]

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Во время боя 25 декабря 1941 года в районе с. Авино Калининской области, действуя в составе стрелкового подразделения, решительно и смело вступил в бой с противником, проявив героизм и мужество. В ходе боя уничтожил 10 солдат противника, захватил 2 пулемета и 1 пушку. За проявленные отвагу и героизм был удостоен звания Героя Советского Союза.

Героический подвиг красноармейца Матросова достоин высшей награды Советского Союза — звания Героя Советского Союза.

44

Командир Районного бат. на Нотд. Восточн. фр. в Вор. обл. Калинин др.

Военный комиссар [REDACTED]

Место 1943 г. 1. Января

Приложение № 2
Наградной лист на А.М. Матросова (обратная сторона)

382

II. Заключение вышестоящих начальников

Достоин присвоения звания "Героя Советского Союза"

Командир 6-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии
Командир (начальник) (подпись) Военный комиссар (подпись)

1943 г.

III. Заключение Военного Совета Армии

Достоин правительственной награды присвоения звания "Героя Советского Союза"

Командующий 22 Армией
Генерал-лейтенант (подпись) Член Военного Совета
Генерал-майор (подпись)

19-го апреля 1943 г. Начальник штаба (подпись)

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа)

Достоин присвоения звания "Героя Советского Союза"

Командующий 22 Армией
Генерал-лейтенант (подпись) Член Военного Совета
Генерал-лейтенант (подпись)

19-го апреля 1943 г. Начальник штаба (подпись)

V. Заключение наградной комиссии НКО

Присвоено звание
Героя Советского Союза
с вручением ордена Ленина
и медали "Золотая Звезда"

Выдан с 19.06.43г.

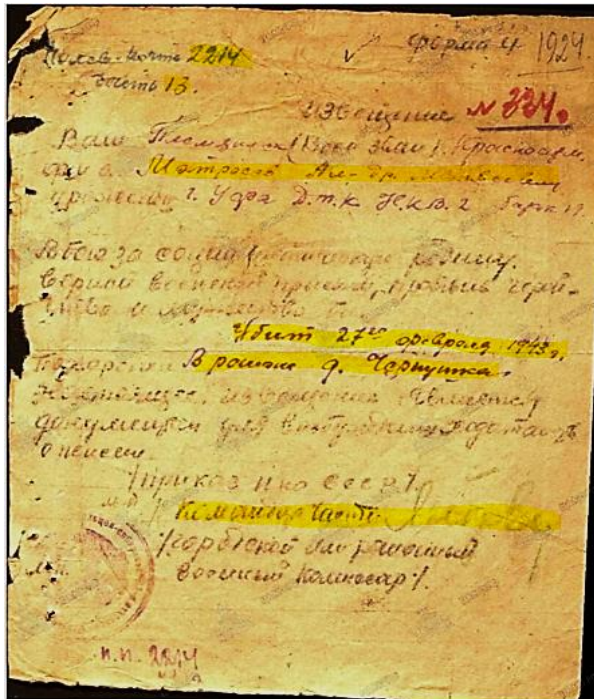
Председатель

1.
2.
3.

1943 г.

VI. Заключение о награждении

Похоронка на А.М. Матросова (1943 г.)

Похоронка на А.М. Матросова (1944 г.)

★
Всероссийский Клановый
Объединенный Совет СССР

УПРАВЛЕНИЕ
ПЕРСОНАЛЬНЫМ УЧЕТ ВНЕШНЕГО
СОВЕТСКОГО И РЕАЛЬНОГО
СОСТАВА Действующего Ар-
мии и Военно-морского флота
Числом их состав

г. Москва

УТВЕРЖДЕНО 1/504036

г. Москва

Харьковский
ВОЕННОМУ КОМИССАРИУ

Адрес: г. Харьков
Судящий домик общества

Известие гр. Харьков "И"
(фамилия, имя и отчество)

проживает по адресу: г. Харьков,
Советская 57, что в городе Харьковском, Совет-
ский район, Давыдовский переулок, 10,
(полнота, военное звание)

(фамилия, имя и отчество)

рождения 1904 года

в бою за Социалистическую Родину

погиб (погиб)

27-е число 1943 года

Полностью д. Чорного, Чорного, Чорного

(место погребения)

за Начальник Управления
Лейтенант И. И. И.

за Начальник 3-го отдела
Полковник И. И. И.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГК	Верховное Главнокомандование
ВКП(б)	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВО	военный округ
врид	Временно исполняющий должность
ВСУ	Вооруженные силы Украины
<i>гkap</i>	гвардейский корпусной артиллерийский полк
<i>гкд</i>	горно-кавалерийская дивизия
ГКО	Государственный Комитет Оборона
ГСМ	горюче-смазочные материалы
ГШ	Генеральный Штаб
ГУ	Главное управление
ДТК	Детская трудовая колония
КП	командный пункт
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
<i>мбр</i>	механизированная бригада
<i>мк</i>	механизированный корпус
НКВД	Народный комиссар(иат) внутренних дел
НКО	Народный комиссар(иат) обороны
НП	наблюдательный пункт
<i>олбр</i>	отдельная лыжная бригада
<i>осапб</i>	отдельный саперный батальон
ПВО	противовоздушная оборона
ПТР	противотанковое ружье
РККА	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
<i>сб (тб)</i>	стрелковый батальон (танковый батальон)
СВО	специальная военная операция
<i>осбр(тбр)</i>	отдельная стрелковая бригада (танковая бригада)
<i>сд (тд)</i>	стрелковая дивизия (танковая дивизия)
<i>ск (тк)</i>	стрелковый корпус (танковый корпус)
<i>сп (тп)</i>	стрелковый полк (танковый полк)
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ТА	танковая армия
УР	укрепленный район
ЦК	Центральный Комитет

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах. – М.: Советская энциклопедия, 1973.
2. Большая российская энциклопедия. В 35 томах. – М.: Российская энциклопедия, 2017.
3. Великая Отечественная война, 1941 – 1945: Словарь-справочник. – М.: Политиздат, 1985. – 527 с.
4. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т.1,2. – М.: Воениздат, 1988.
5. История Второй мировой войны. В 12 томах. Т. 6 – М.: Воениздат, 1976.
6. Багаутдинов А.М., Багаутдинов Р.А. Подвиг Александра Матросова. Анализ советских и немецких документов: Монография. – Уфа: РИЦ БГУ, 2021. – 225 с.
7. Бикчентаев А. Орёл умирает на лету. – Уфа, 1966.
8. Бикчентаев А. Право на бессмертие. – М.: Советский писатель, 1950.– 288 с.
9. Бубеннов М.С. Огневое лихолетье (Военные записки). – М.: Современник, 1982.
10. Григорьева В.А. Белые полубубки. – Старицкий Вестник, 2015. <http://www.st-vestnik.ru>.
11. Дубовик Н.А. Все равно я буду человеком. – Ульяновск: Издатель Качалин А.В., 2016. – 272 с.
12. Дубовик Н.А. Александр Матросов. Снова бой – Воронеж: ИП Копыльцов П.И., 2024. – 228 с.
13. Журба П.Т. Рядовой Александр Матросов: Биографическая повесть. – Л.: Детгиз, 1949.
14. Иогансен Н. Спасти рядового Матросова. – Культура, № 7, 2013.
15. Канавщиков А.Б. Александр Матросов: подвиг и судьба. – М. Буки Веди, 2012.
16. Канавщиков А.Б. Когда подвиг и есть судьба. Александр Матросов. Правда, версии, вымыслы и реконструкции. В 2 томах. – М. Буки Веди, 2024.
17. Костицын А.П., Костицын Е.А. Бой со смертью – Собкор Уфа, 2017. <http://www.sobkor02.ru>.
18. Костицын А.П. Ворованный герой. В Башкирии десятки лет пытаются отнять подвиг у А. Матросова. – Агит Медиа02, 2024. <http://www.aqitmedia02.ru>.
19. Костицын А.П. Саша или Шакирьян? Кто и зачем выдумывает небылицы о герое. – АиФ Уфа, 2022. <http://www.ufa.aif.ru>.
20. Насыров Р.Х. А. Матросов. Поиск истины. – Уфа, 2007.

21. Насыров Р.Х. Откуда ты родом, Матросов? – Уфа, 1994.
22. Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Из истории формирования и деятельности детской воспитательной трудовой колонии им. А.М. Матросова. Статья – Вестник УЮИ МВД России, № 1, 2015.
23. Шкадаревич И.И. Бессмертный подвиг Матросова. – М.: Воениздат, 1967. – 104 с.
24. Шкарлат Н.А. История Воронежа в названиях улиц. Часть II: Монография. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2017. – 148 с.
25. Шкарлат Н.А. Дорога в бессмертие. Александр Матросов. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2021. – 84 с.
26. Экштут С.А. Километры и секунды Александра Матросова. Полная реконструкция подвига, совершенного 75 лет назад. – Журнал «Родина», №218, 2019.
27. Альбом из музея школы № 25 г. Ижевска, 1962 г.
28. Архив новейшей истории Ульяновской обл.
29. Центральный архив МО РФ. Фонд 213. Опись 2002.
30. Российский академический научный журнал «Вопросы истории» №5 от 8 мая 2019 г. Стр.38-62.
31. Сайт МО РФ. Память народа <http://www.pamyat-naroda.ru>.
32. Сайт МО РФ. Подвиг народа <http://www.podvignaroda.ru>.
33. Сайт МО РФ. Мемориал <http://www.memorial.ru>.
34. Сайт. <http://matrosov.mil.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора- - - - -	3
Детские годы - - - - -	8
В Ивановском детском доме - - - - -	17
Уфимская колония- - - - -	34
Новая жизнь. Краснохолмское военное пехотное училище	58
91-я Сталинская отдельная стрелковая бригада доброво-	
льцев-сибиряков- - - - -	72
Битва за город Белый- - - - -	86
Великолуцкая наступательная операция - - - - -	126
Новое пополнение - - - - -	134
На фронт- - - - -	146
Наступление началось - - - - -	176
Прорыв вражеской обороны - - - - -	193
Бросок в бессмертие- - - - -	215
Последние атаки Сталинского корпуса - - - - -	242
Ржевско-Вяземская наступательная операция (1943) -	256
Бои местного значения- - - - -	267
Герой Советского Союза- - - - -	284
Первые статьи и повести - - - - -	304
Великие Луки - - - - -	310
Битва за правду (журналистские мифы и версии) - - -	317
Эпилог - - - - -	354
Приложения- - - - -	364
Список сокращений- - - - -	367
Список использованных источников и литературы- -	368

**Шкарлат
Николай
Александрович** –
военный историк,
краевед

Родился 14 апреля 1953 г. в семье военнослужащего. Полковник в отставке. Его отец и дед воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Дед – Емельян Харитонович был призван в ряды Красной Армии в июле 1941 г. и пропал без вести под г. Воронежем в июле 1942 г. Отца – Александра Емельяновича призвали полевым военкоматом в сентябре 1943 г. С боями он прошел от Днепра до Праги, награжден орденами и медалями. После войны служил в танковых частях и соединениях. Его сыновья продолжили славную традицию семьи, стали офицерами мотострелковых войск и служили в разных уголках нашей необъятной Родины.

После завершения службы Николай Александрович девять лет до 2018 г. работал преподавателем военной истории в Военном авиационном инженерном университете г. Воронежа, переименованном потом в ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж). Сейчас на пенсии.

Автор семи монографий и книг, 34 учебных пособий, а также более 40 научных статей по военной истории Российского государства.

Впервые написать о героях нашей страны задумался еще в 2009 г., когда, к великому своему сожалению, обнаружил огромный пробел в знаниях истории своего Отечества будущих защитников Родины, особенно событий, связанных с периодом Великой Отечественной войны.

Николай Александрович Шкарлат

Красноармеец Александр Матросов
БИТВА ЗА ПРАВДУ

Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор *Е.С. Богданова*

Подписано в печать 20.02.2026.

Формат 60 х 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Печ. л. 23,3. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Юстицинформ»,
119607, г. Москва, ул. Лобачевского, 94, оф.7